

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

LITTERARUM FRUCTUS

Сборник статей
в честь Сергея Ивановича Николаева

Санкт-Петербург
«Альянс-Архео»
2012

LITTERARUM FRUCTUS: Сборник статей к 60-летию С. И. Николаева /
Под редакцией Н. Ю. Алексеевой и Н. Д. Кочетковой. Институт русской лите-
ратуры (Пушкинский Дом) РАН. — СПб.: «Альянс-Архео», 2012. — 344 с.,
пер.

ISBN 978-5-98874-072-3

© Институт русской литературы (Пушкинский
Дом) РАН, 2012

© Коллектив авторов, 2012

© ООО «Альянс-Архео», 2012

ISBN 978-5-98874-072-3

ОТ РЕДАКЦИИ

Сергей Иванович Николаев принадлежит к редким ученым, которые более всего в науке любят ее саму. Не идеи, теории и концепции дороги ему в первую очередь, а академическая наука, ученый традиционализм, научный хороший тон. Для Сергея Ивановича наука — храм. К соблюдению научного устава (в поведении, но прежде всего в трудах) он относится с той же строгостью, что люди пушкинской поры — к соблюдению светского этикета. Следование уставу, иначе говоря, кодексу строгих правил и требований в науке невозможно без долгой выучки, самоограничения, повседневного труда. В филологии — без постоянной специализации в разных областях филологического знания: в архивных разысканиях, библиографической эвристике, составлении библиографических указателей. И Сергей Иванович во всех этих областях неизменно себя являет.¹ Но и научная статья в свободном ли жанре или словарном, в жанре рецензии или внутреннего отзыва требует тщания, для того чтобы стать творением. Таких творений Сергей Иванович создал не мало. Уже к 2004 году только часть их составила сборник «От Кохановского до Мицкевича: Разыскания по истории польско-русских литературных связей XVI — первой трети XIX в.».² Аналогичная книга могла бы быть собрана из его трудов по собственно русской литературе.

¹ См., например: *Николаев С. И.* 1) Ранний Тредиаковский. (Первый перевод «Аргениды» Д. Барклая) // *Русская литература*. 1987. № 2. С. 93–99; 2) Польская книга в России в XVII — начале XVIII в. (К методике разысканий) // *Рукописная и печатная книга в России: Проблемы создания и распространения*. Л., 1988. С. 103–108; 3) Библиографические заметки к истории ранней русской драматургии // *ТОДРЛ*. Л., 1990. Т. 43. С. 359–364; 4) Материалы для библиографии сочинений В. К. Тредиаковского и литературы о нем (1966–2003). (К 300-летию со дня рождения) // *XVIII век*. СПб., 2004. Сб. 23. С. 338–370; 5) Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб., 2008. 248 с. То же: *Polono-Rossica. Polsko-rosyjskie związki literackie w XVI–XVIII wieku. Materiały bibliograficzne*. Kraków: Collegium Columbinum, 2009. 262 s.

² *Николаев С. И.* От Кохановского до Мицкевича: Разыскания по истории польско-русских литературных связей XVI — первой трети XIX в. СПб., 2004. 266 с. То же:

Ученый-традиционалист, Сергей Иванович, дорожит фактом. Отдельный факт может стать для него самодовлеющим предметом созерцания, и он посвящает поговоре,³ словесному обороту,⁴ синтаксису стихотворной строки⁵ специальное исследование. Мастерски выписанный фрагмент всегда делается им с учетом общей картины истории культуры и потому органично в нее вписывается, дополняя, восполняя, в конце концов, воссоздавая ее.

Как всякий традиционалист Сергей Иванович остро чувствует современность. В эпоху, в которую ему выпало жить и трудиться, целенаправленная и бессознательная деструкция в гуманитарной науке затронула все ее уровни, от идеологии до языка. Устоявшиеся представления о прошлом России были отвергнуты, что привело к разрушению общей картины русской истории и культуры. Из этого положения, получившего название «кризиса гуманитарной науки», ученые поколения Сергея Ивановича искали разные выходы. Проторенным оказывался путь заимствования ума у иностранных ученых и более или менее безоглядного приложения их схем и концепций к русской культуре. От этого ложного, как думается, пути Сергея Ивановича уберегает вкус и совесть. Любовь к русской научной традиции вооружила его скепсисом в отношении модных иностранных (да и отечественных) теорий, а глубокое понимание особенностей русской культуры никогда не позволяет ему о них забывать. Минуя Сциллу, Сергей Иванович обходит и Харибду. Бессмысленное накопление фактов и фактиков, которое считается спасительной альтернативой широкомасштабным и всегда рискованным построениям, никогда Сергея Ивановича не привлекало. Выписывая деталь, он всегда мыслит о целом. «Мы не можем описать всего сервиза, мало кто способен описать из него кувшин, но мы должны описать ручку кувшина», — своего рода кредо Сергея Ивановича. Для того чтобы описать ручку, необходимо видеть весь кувшин, еще лучше весь сервиз. И здесь спасительной для Сергея Ивановича, мастера, как уже говорилось, фрагмента, немыслимого и бессмысленного вне общей картины, оказывается научная школа, полученная им у Александра Михайловича Панченко.

Od Kochanowskiego do Mickiewicza. Szkice z historii polsko-rosyjskich związków literackich XVII—XIX wieku / Przełożył J. Głazewski. Warszawa: Neriton, 2007. 319 s. (Nauka o Literaturze Polskiej za Granicą. T. X).

³ Николаев С. И. 1) «Андроны едут». (Историко-этимологический этюд) // *Slavia Orientalis*. 1996. № 4. S. 503—508. (Совм. с Е. К. Николаевой); 2) «Чудище обло...» // *Русская судьба крылатых слов*. СПб., 2010. С. 423—433; 3) «Только у Харьки и собинки». (Поговорки в прозе В. К. Тредиаковского) // *Западный сборник: В честь 80-летия Петра Романовича Заборова*. СПб., 2011. С. 310—319.

⁴ См., например: Николаев С. И. Курочка протопопа Аввакума и выдра Яна Пасека // *Russica Romana*. 2003. Vol. 10. P. 35—43.

⁵ Николаев С. И. Трудный Кантемир. (Стилистическая структура и критика текста) // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 3—14.

История науки немного знает достойных дуэтов учителя и ученика. Ученики либо перерастают своих учителей и покусывают вскормившие их сосцы, либо, не дорастая до них, так и не обретают своего собственного в науке голоса. Сергей Иванович — пример редкого исключения. Ученичество у одного из самых ярких и значительных ученых второй половины XX века — важный и постоянно действующий фактор его сознания и даже самосознания. Насколько можно судить по его работам и разного рода выступлениям,⁶ общественным и частным, он полностью разделяет концепцию русской культуры А. М. Панченко, с недостижимой ранее наглядностью показавшего непрерывность русской культурной традиции в один из самых критических и революционных ее периодов — Петровское время. Как и Александр Михайлович, Сергей Иванович всякое явление культуры видит в его отношении и соотношении со старой традицией, стараясь проследить его укорененность в ней, и наоборот: разглядеть след старины в новой и новейшей культуре. Сергей Иванович, кажется, первый специалист по русской литературе XVIII века, который рассматривает ее явления не только через призму ее будущей блестящей перспективы, но и из ретроспекции XVII века. Двойной угол видения, подобно стереоскопии, возвращает предмету присущий ему объем. Такой фокус научного зрения возможен лишь при глубоком знании литературы окруживших XVIII век столетий. И первая специализация по литературе XVII века, полученная Сергеем Ивановичем под руководством А. М. Панченко, играет при этом решающую роль.

Вторую свою специализацию, уже по литературе XVIII века, Сергей Иванович получил под руководством крупнейшего специалиста в этой области Владимира Петровича Степанова. Став в 1985 году секретарем издания «Словарь русских писателей XVIII века», Сергей Иванович на десять лет превратился в незаменимого помощника, соратника и соавтора его издателя, В. П. Степанова. От Владимира Петровича Сергей Иванович перенял не только знания, и детали, по литературе XVIII века, не только тонкое понимание словарного дела, но и осторожность в научном высказывании и, отчасти как ее следствие, пристрастие к библиографическому труду.

Преимущество Сергея Ивановича рассматривать явления русской литературы в широком временном контексте дополняется его преимуществом видеть их в широком контексте пространства. Закончив кафедру славянской филологии, Сергей

⁶ Николаев С. И. 1) Академик А. М. Панченко. (К 60-летию со дня рождения) // Изв. АН. Сер. лит-ры и яз. 1997. № 2. С. 75–77; 2) Александр Михайлович Панченко, 1937–2002 / Сост. и вступ. статья С. И. Николаева. М., 2007. 92 с. (Материалы к библиографии ученых. Литература и язык. Вып. 32).

Иванович остался верен славистике и после того, как стал специалистом по русской литературе. Русско-польские литературные связи, особенно крепкие на рубеже XVII и XVIII веков, были и остаются предметом его постоянного исследования. Глубокое знание польской литературы не только «от Кохановского до Мицкевича», но и более раннего и более позднего ее периодов сообщает суждениям Сергея Ивановича о русской литературе особенную ценность: он может посмотреть на нее со стороны. Сергей Иванович продолжает лучшие традиции русских славистов и одновременно принадлежит плеяде компаративистов классического образца, созданного когда-то М. П. Алексеевым.

Академизм Сергея Ивановича помимо обширности и глубины его знаний, помимо охранительного отношения к лучшим традициям русской филологии, сказывается и в его особенной академической обязательности. Ему можно задать практически любой вопрос, и если не моментально, то в тот же или на следующий день вы получите на него ответ. О вашем вопросе, интересе к предмету он будет помнить и через месяц, вдруг сообщая новые дополнительные по нему сведения.

Строгий академизм, хотя, как кажется, и точно характеризует Сергея Ивановича, но не полно. Он смягчается и оживляется его артистизмом. Излюбленный жанр Сергея Ивановича сюжетные статьи, подобные небольшим новеллам, героями которых могут выступать или русские рыцари,⁷ или Зоил,⁸ или Моцарт,⁹ они могут строиться и вокруг «имени на дереве».¹⁰ В таких работах барочное остроумие сочетается с барочной же затейливостью. Артистизм Сергея Ивановича проявляется и в том, что он умеет увидеть в привычных и обыденных явлениях историко-культурную подоплеку, о которой никто не задумывался. Так, во всем известных портретах и памятниках Ломоносова он вдруг обнаружил следование старинному принципу изображения одописца.¹¹ Художественное чувство слова определяет стиль работ Сергея Ивановича, он ровен, точен, ясен, при этом небесстрастен, а проникнут мягкой теплотой. Голос Сергея Ивановича деликатен, негромок, обладая своим неповторимым тембром, он звучит в науке как надежда на ее бессмертие.

⁷ Николаев С. И. Рыцарская идея в похоронном обряде Петровской эпохи // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 3. (XVII — начало XVIII в.). С. 584–594.

⁸ Николаев С. И. «Зоил в российских градах». (От Симеона Полоцкого до А. Кантемира) // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С. 17–27.

⁹ Русский писатель XVIII в. — кузнец, портной, столяр, педант, «гуляка праздный» // Praca i odpoczynek w literaturach słowiańskich. Łódź, 2003. S. 121–130.

¹⁰ Николаев С. И. Имя на дереве. (Из истории идилического мотива) // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 46–65.

¹¹ Николаев С. И. Ранняя иконография Ломоносова в свете иконологии // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 27. С. 73–84.

СТАТЬИ

СТАТЬИ

В. А. Ромодановская, Е. К. Ромодановская

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПОРТРЕТА В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

Всем памятна сцена в корчме на литовской границе из «Бориса Годунова» Пушкина, где появляются приставы с указом о поимке «беглого еретика, вора, мошенника» Гришки Отрепьева. Григорий берется читать указ с приметами:

«А лет ему вору Гришке отроду... (смотря на Варлаама) за 50. А росту он среднего, лоб имеет плешивый, бороду седую, брюхо толстое...»

Испуганный и возмущенный Варлаам, вырвав бумагу, читает по слогам:

«А лет е-му от ро-ду... 20. <...> А ростом он мал, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волоса рыжие, на щеке бородавка, на лбу другая».¹

Пушкинский текст точно отражает особенности портретного описания человека, сложившегося в документальных памятниках Древней Руси. Недаром с него начинается и В. А. Кучкин, приступая к характеристике «словесного портрета» XIV века. Попутно исследователь напоминает, что

* Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Литература и документ: две взаимодействующие системы текстов».

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1964. Т. 5. С. 252–253.

описание Отрепьева было заимствовано Пушкиным из «Примечаний» к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.²

Самый ранний текст подобного рода сохранился в комплексе документов, найденных при земляных работах в московском Кремле в 1843 году, и датируется временем не позднее 1375 годом.³ Назначение этого текста не совсем ясно: перечень примет, вписанный в небольшой отрывок пергамента, Я. И. Бередников, первым описавший кремлевскую находку, связывал с розыском беглого или с оформлением кабалы.⁴ В. А. Кучкин предположил, что документ связан с переходом человека в княжескую службу, поскольку указана и его специальность — «швецъ порьтной».⁵ Собственно описание внешности кратко: «плешив, бородат, <...> борода-вица на правом лици, пятно у него в усици».⁶ Оно полностью соответствует принципам описания, принятым в дошедших до нас позднейших текстах.

Стандарт «словесного портрета» складывается окончательно к рубежу XVI—XVII веков. Он характерен для определенного типа документов, прежде всего кабальных книг.

В кабальных книгах с середины XVI века (а может быть, и ранее) тексты кабал, которые выдавали на себя холопы, регистрировались в присутствии должностных лиц Холопьевого приказа, если дело оформлялось в Москве, или местных воевод и губных старост.⁷ Появление этих книг связано как с фискальными задачами — сбором пошлин за запись о кабале, так и главное — с процессом окончательного закрепощения крестьянства, в результате которого кабальные холопы, работавшие за денежный долг господину, были приравнены к крепостным.

² Кучкин В. А. Словесный портрет русского человека XIV века // In memoriam: Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 210—211.

³ Там же. С. 213—214; о комплексе в целом и его происхождении см.: Кучкин В. А. Кремлевская находка 1843 г. // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2010. Т. 7. С. 299—312.

⁴ Бередников Я. И. Записка об открытых в московском Кремле древностях. СПб., 1844. С. 5.

⁵ Кучкин В. А. Словесный портрет... С. 215—216.

⁶ Там же. С. 214.

⁷ Яковлев А. И. Введение // Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов (1591—1596 и 1602—1603 гг.) / Под ред. А. И. Яковлева. М.; Л., 1938. С. III.

Запись в кабальной книге строится по определенному формуляру: «1) доклад площадных подьячих о кабале; 2) подлинный текст кабалы; 3) протокол допроса и портретные данные холопа — холопки; 4) запись об оформлении кабалы и о взятии пошлыны».⁸ У разных дьяков и в разных регионах этот порядок может меняться, но все части его присутствуют. И. И. Полосин отмечал, что описание внешности как обязательный элемент появилось в текстах кабал в начале 1590-х годов, когда по царскому указу нужно было отмечать физические приметы холопов: «Каков хто ростом, и рожем, и очьми»⁹. До этого указа описание внешности было необязательно, и в XV веке оно почти не встречается,¹⁰ зато живет и в XVII веке.¹¹ Теперь же по этой схеме обязательно отмечается рост, возраст, цвет глаз и волос.

Приведем примеры:¹²

Трофимка Данилов «ростом невелик, молод, волосом рус, очи серы» (стб. 327); Михалка Харитонов «ростом человек средней, лет в полтретьятцать, волосом рус, очи серы» (стб. 267); Ромашко Оверкиев сын Новоторжец «ростом человек средней, лет в тритцать, волосом рус, бородка невелика руса, очи серы» (стб. 125); Овдийко Игнатъев сын «ростом средней, волосом рус, очи серы, лицом долголик, лет в осьмнатцать» (с. 122).

Все эти описания довольно стандартны. И. И. Полосин отмечает, что по ним трудно идентифицировать человека, и подьячие стараются отметить «особые приметы», т. е. прежде всего «физические изъяны, ущербы, недостатки».¹³

Овдокимко Левонтеев сын прозвище Третьячко «ростом человек средней, молод, лет в дватцать, волосом рус, очи серы, круглолик, на пра-

⁸ Полосин И. И. Древнерусский литературный портрет // Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. М., 1963. С. 250.

⁹ Там же. С. 249.

¹⁰ Там же; Кучкин В. А. Словесный портрет... С. 215.

¹¹ В. А. Кучкин приводит пример из кабалы 1673 года, см.: Кучкин В. А. Словесный портрет... С. 215.

¹² Все примеры приводятся по изданию: Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов... Ссылки на столбцы и страницы указываются в тексте.

¹³ Полосин И. И. Древнерусский литературный портрет. С. 251, 253.

вой стороне рубец» (стб. 335); Микифорко Иевлев сын Федоров, прозвище Митя «ростом человек средней, волосом сед, во рте на правой стороне щербина, очи серы» (стб. 333); Понарья Иванова дочь «лет в полчетвертатцать, ростом середняя, волосом руса, очи серы, а на правом глазе бельмо» (с. 120); Ульяна Сергеева дочь «ростом велика, волосом избела руса, очи белы, лицом бела, долголика, на руках бородавки, лет в полтретьяцать» (с. 134); Мартемьян Тимофеев сын «лет в тритцать, ростом высок, волосом чермен, очи кари, ухом не дослышит» (с. 176); Филип Олексеев сын прозвище Филимонко «ростом человек велик, стар, лет в шездесят, волосом черн впроседь, очи серы, а в очех белмо, борода черна, продолговата впросеть же» (стб. 391); Иванко, прозвище Первушко «ростом человек невелик, молод, очи красносеры, об одном глазе, волосом рус» (стб. 12); Петрушка Григорьев сын Стрелин «ростом человек средней, смугол, сухощав, волосы на голове русы, пустобород, нос переломлен, у левой руки два перста порчены, лет в сорок, глаза серы» (стб. 114); Кирилка Игнатьев «ростом человек средней, молод, сухощок, волосом рус, очи красносеры, остронос, на левой стороне бывало зашибено, да на левой ж стороне пониж брови противу глаза рубец, да у левого уха пятенцо невелико» (стб. 447).

Именно особые приметы лучше всего помогали в сыске беглых, и потому их и дает Пушкин в своем описании Отрепьева: «одна рука короче другой», «на щеке бородавка, на лбу другая». Стоит отметить, что реже других примет описывается борода или, наоборот, человек «пустобород» (т. е. борода не растет) — видимо, потому, что это «величина переменная».

Цитируемые новгородские кабальные книги содержат обильный материал по описанию внешности человека. Подсчитано, что в них зарегистрировано 1400 кабалы, где дано более 2000 словесных портретов.¹⁴ Такое богатство портретных описаний, не известных по литературным памятникам, значительно пополнило словари древнерусского языка и вызвало ряд

¹⁴ Мирославская А. Н. Словесный портрет в Древней Руси // Рус. речь. 1978. № 5. С. 121. Необходимо отметить, что в публикации 1938 года учтена лишь небольшая часть сохранившихся кабальных книг, а именно книги 100–117 годов. (см.: Шунков В. И. [Рец.] // Историк-марксист. М., 1939. № 2. С. 160). См. также: Новгородские кабальные книги 7108 (1599–1600) года. СПб., 1894 (отд. оттиск из РИБ. Т. XV).

специальных лингвистических работ.¹⁵ О значении подобных «холопских» портретов для истории литературы речи до сих пор не было.

* * *

Портрет как описание внешности героя мало распространен в древнерусской литературе. Поиски исследователей позволяют постепенно расширять диапазон памятников, где встречается подобный элемент, но в целом он достаточно узок. Еще А. Б. Никольская, начинавшая эту тему в современном литературоведении, отмечала «большую скудость — качественную и количественную — исследуемого <...> матерьяла <...> подробные описания внешности встречаются очень редко: гораздо чаще мы имеем краткие описания, дающие характеристику внешности в двух-трех словах, сведенную к общим эпитетам. Древнего автора гораздо больше интересует внутренний облик изображаемого им лица, нежели его внешность».¹⁶ Ее наблюдение ближайшим образом соотносится с позднейшими выводами исследователей русской летописи. Так, И. П. Еремин отмечает: «...портрет, т. е. описание внешнего облика героя, у летописца условен, исчерпывается двумя-тремя стандартными чертами и, как правило, всегда сводится к оценке моральных качеств героя. Оценка эта подчас перерастает под пером летописца <...> в пространную характеристику морального облика героя».¹⁷ Приведем вслед за исследователем примеры из Повести временных лет:

Бе же Мьстислав *дебел теломь, чермен лицем, великыма очима*, храбор на рати, милостив, любяще дружину по велику, именья не щадяше, ни питья, ни еденья браняше (с. 101).¹⁸

¹⁵ См., например: *Мирославская А. Н.* Словесный портрет... С. 120–124; *Зиновьева Е. И.* 1) Описание особых примет человека в кабальных книгах XVI–XVII веков (нос) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1992. Вып. 2. № 9. С. 90–95; 2) Соматизмы в словесном портрете деловых памятников XVI–XVII вв. (наименования частей лица) // Язык и текст: Межвузовский сб. памяти проф. М. А. Соколовой. СПб., 1998. С. 147–157.

¹⁶ *Никольская А. Б.* К вопросу о «словесном портрете» в древнерусской литературе // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 191–192.

¹⁷ *Еремин И. П.* «Повесть временных лет» как памятник литературы // Еремин И. П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). М.; Л., 1966. С. 47.

¹⁸ Здесь и далее ссылки в тексте по изданию: Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1.

Бе же Ростислав муж добль, ратен, *взрастом же леп и красен лицемь*, и милостив убогим (с. 111).

Бе же Изяслав мужь *взором красен и телом велик*, незлобив нравом, криваго ненавиде, любя правду. Не бе бо в немь лсти, но прост мужь умом, не воздая зла за зло (с. 133–134).

Бе же Глеб милостив убогим и страннолюбив, *тщанье имея к церквам*, тепл на веру и кроток, *взором красен* (с. 132).

Эти описания создают «идеальный», этикетный образ князя, поэтому индивидуальных черт его облика они практически не содержат (исключение составляет, возможно, характеристика Мстислава). Обязательное упоминание красоты князя (*взором красен, возрастом леп и красен лицемь*) отражают эпический характер этого портрета — он напоминает описание героя в русских былинах («красив вообще»). М. В. Пименова отмечает, что «идеальные признаки присоединяются механически, нанизываясь друг на друга, поэтому те или иные компоненты портрета могут характеризоваться неоднократно»,¹⁹ и приводит пример из Сказания о Борисе и Глебе: «*Теломь* бяше красен, высок, *лицемь* кругл, плечи велице, тонок в чресла, очима добраама, весел *лицемь*, рода мала и ус млад бо бе еще, светяся цесарьскы, крепок *теломь*, всьащескы украшен акы цвет цветыи в уности своеи, в ратех хробор, в советех мудр и разумен при вьсемь и благодать божия цветяаше на немь».²⁰

Важно, что все приведенные примеры относятся к сообщениям о кончине того или иного князя. Это — своеобразный некролог, посмертная похвала, которая в Повести временных лет еще только формируется; она широко разовьется в позднейшем летописании,²¹ однако портретные описания в них будут по-прежнему незначительны. Недаром Д. С. Лихачев особо выделял подробные характеристики князей — ростовского Василька Константиновича²²

¹⁹ Пименова М. В. Стилистические функции прилагательных со значением «красивый» в древнерусских портретных описаниях // Историческая стилистика русского языка. Пет-розаводск, 1998. С. 86.

²⁰ Памятники литературы Древней Руси: XI — начало XII века. М., 1978. С. 202.

²¹ См.: Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы // Еремин И. П. Литература Древней Руси... С. 114–131.

²² «Бе же Василко *лицем красен, очима светел и грозен*, хробор паче меры на ловех, сердцеьмь легок, до бояр ласков, никто же бо от бояр, кто ему служил и хлеб его ел, и чашю

и волынского Владимира Васильковича;²³ по его мнению, обе они были созданы по желанию и под влиянием княжеских вдов — ростовской княгини Марьи и волынской княгини Ольги: «портрет князя всегда был обращен к зрителю и написан для зрителя, в нем легко проглядывали те черты, которые больше всего были дороги именно для того зрителя, который выступал в роли заказчика произведения».²⁴

Между тем обе эти характеристики, представляющие посмертную похвалу-некролог, построены по-разному. Внешность Василька описана достаточно стандартно — «лицем красен, очима светел и грозен»; это опять же стандарт эпического княжеского портрета.²⁵ В характеристике Владимира Васильковича, напротив, описание внешности явно реально и является большой редкостью на ранних стадиях русской литературы.

Более распространены портретные описания в переводных памятниках, прежде всего в хрониках.²⁶ Однако можно думать, что подобные характеристики сокращались при переводе. Так, сопоставление Девгениева деяния с византийской поэмой «Дигенис Акрит», проведенное М. В. Пименовой, показало, что в древнерусском тексте сохранился лишь один портрет — главного героя, в то время как в оригинале подробно описана внешность и его отца, и его невесты.²⁷

пил, и дары имал, — тот никак же у иного князя можаше быти за любовь его; излише же слугы свои любляше. Мужество же и ум в нем живяше, правда же и истина с ним ходяста. Бе бо всему хытр и гораздо умея, и поседе в доброденствии на отни столе и дедни» (Лаврентьевская летопись под 1237 годом // ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 467).

²³ «Сий же благоверный князь Володимеръ возрастомъ бе высок, плечима великъ, лицемъ красен, волосы имея желты кудрявы, бороду стригый, руки же имея красны и ноги; речъ же бяшетъ в немъ толъста и устна исподняя добела, глаголаше ясно от книг, зане бысть философ велик, и ловечъ хитр, хоробр, кроток, смирен, незлобив, правдив, не мьздоимецъ, не лжив, татьбы ненавидяше, питья же не пи от возраста своего. Любовь же имейше ко всим, паче же и ко братьи своей, во хрестъномъ же челоуаны стояше со всею правдою истинною, неличемерно...» (Ипатьевская летопись под 1289 годом // ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 920–921)

²⁴ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958. С. 76–77.

²⁵ Никольская А. Б. К вопросу о «словесном портрете»... С. 196.

²⁶ Там же. С. 192.

²⁷ Пименова М. В. Стилистические функции прилагательных... С. 87.

* * *

Портретное изображение святых в житиях отличается от эпического портрета князей в летописи. А. Б. Никольская отмечает тесную связь их с иконописными подлинниками: «...изображения, связанные с христианским культом, всецело перешли в руки специалистов-иконописцев, создавших строгий, основанный на шаблоне, иконописный кодекс, нарушение которого не допускалось».²⁸ Связь житийного изображения с иконой прямо отмечена в Житии Варлаама Хутынского: «в руже имуща жезл и облечена, им же образом пишется на святей своей иконе».²⁹ Статьи в иконописных подлинниках, как и в документах, строятся по четкой схеме; как правило, приводится имя святого, форма и цвет бороды, характер и цвета одежды. Приведем примеры:

Исаия, епископ Ростовский. Сед; брада со Власьеву, а с ушей шире; клубук бел, риза празелен бела, исподъ багор бел вельми.³⁰

Сава Сербский. Сед, плешат; борода подоле Власиевы. Риза святительская.³¹

Агапий, папа Римский. Сед, брада Власиева, сак на нем багор, амфор и Евангелие (с. 350).

Феокист исповедник, аки Власий. Сед, риза препод. (с. 350).

Благоверный князь Михаил Тверский. Мало сединка. Брада со Власиеву. Шапка на главе, шюба на нем лазорь; испод багор, отворот куней. В правой крест, в левой меч в ножнах (с. 351).

Стефан Пермский, епископ Вологодцкий. Средний. Брада короче Василия Кесарийского и поуже. Риза святительск. (с. 351).

Иона епископ. Сед, кудряв; брада Дмитрия Прилуцкого. Риза святит. (с. 351).

Димитрей Прилуцкий. Сед; брада Сергиева. Риза препод. (с. 351).

Сергий на Урми. Сед; брада Александра Свирского, редка; власы густы, главные толсты. Риза препод. (с. 352).

²⁸ Никольская А. Б. К вопросу о «словесном портрете»... С. 197.

²⁹ Никольский А. Житие преподобного Варлаама Хутынского Лихудиевской редакции // Вестник археологии и истории. СПб., 1911. Вып. 21. Отд. 2. С. 37.

³⁰ Иконописный подлинник новгородской редакции по Софийскому списку конца XVI в. М., 1873. С. 102.

³¹ Буслаев Ф. И. Литература русских иконописных подлинников // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 350. Далее ссылки в тексте.

Основной особенностью этих описаний является *уподобление* образа святого какому-то предшествовавшему образцу: *брада со Власьеву, борода подоле Власиевы, брада Власиева*. Борода — неперменный элемент иконописных подлинников — в отличие от сыскных документов, где, как уже говорилось, борода упоминается редко. Зато здесь нет упоминаний о глазах, росте человека, цвет же волос упоминается по большей части только в связи с сединой.

Можно уверенно говорить, что принципы описания внешности, задаваемые иконописными подлинниками, в корне отличаются как от документальных текстов, так и от эпических княжеских образов в летописях. Однако именно эти принципы прослеживаются в житийной литературе, временами сохраняя типичные *подобия* героя тому или иному предшественнику. Помимо того, как отмечала А. Б. Никольская, агиографические портреты «приспособлены для надобностей иконописца и передают те черты, которые характерны для изображения того или иного иконописного типа».³²

Приведем примеры:

Образ же блаженнаго и тело удручено бяше, и кости его, и състави яко мощи нещести, и светлость лица его блед имуще от великаго труда въздержания, и бдения, от мног глагол, яко тружашеся, поя и почитая, и молитву принося к Богу... Егда устрояшеся в священщъский сан, *образ же и подобье на Великого Василья*: черну браду таку имея, плешиву разве имея главу (*Житие Авраамия Смоленского*).³³

Бысть же святый средный телом, браду же имея продолгу не велми и не широку, тмяну, вполседу, свилася на четверо (*Житие Нифонта Новгородского*).³⁴

Бысть же видением средный телом и сух излише плотню, главу име круглу, брови окружене, лице долго, благодатию Святаго Духа просвещено, влущене скрании, тихи име очи, браду име продолговату, доле персей, к концу остра, роздвоилася, тмяна, и скраней густа, седины украшена (*Житие Ефросина Псковского*).³⁵

³² Никольская А. Б. К вопросу о «словесном портрете»... С. 198.

³³ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 78.

³⁴ Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Г. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1862. Вып. 4. С. 6.

³⁵ Охотникова В. И. Псковская агиография XIV–XVII вв. СПб., 2007. Т. 2: Жития преподобных Ефросина Псковского, Саввы Крыпецкого, Никандра Псковского (исследование и тексты). С. 200.

Как видим, портреты святых могут быть достаточно разнообразны, но в них непременно присутствует борода — так же, как и в иконописных подлинниках.³⁶ В разных редакциях последних ее описание может варьироваться. Так, Ф. И. Буслаев приводит описание св. Николая по разным рукописям: «...под 6 декабря, о Николае угоднике, по краткому фильмоновскому Подлиннику: „Николае *образом и брадою* всем знаем есть, риза багор, пробел лазорь, испод лазорь с белилами“. По моему краткому: „Образом сед, *браду* имея притугу круглу“, — и только. Но по подробному с Лицевыми святцами изображен уже полный иконописный тип...: „...сед, борода невеличка, курчевата, взлыз, плешат, на плечи мало кудерцев; риза багор, пробелен лазорем, испод набело лазорь; в одной руке Евангелие, другою благословляет“». ³⁷ Именно детальное описание бороды в первую очередь свидетельствует о близости житийных текстов со своеобразным документом — инструкцией для иконописцев.³⁸

Подобный тип портрета встречается и в исторических сочинениях, если речь идет о святых. Так, в Казанской истории при рассказе о чуде св. Сергия он описывается так: «во граде старца видеша в ветхих ризах чернеческих ходяща, браду же велику, густу, седу, не велми же долгу имущи...».³⁹

В XVIII веке по образцу иконописных подлинников создаются портреты деятелей Выговской пустыни — в первую очередь Петра Прокопьева,

³⁶ Этот принцип в новое время был использован Н. С. Лесковым в рассказе «Шерамур» при описании героя: «...перед вами прежде всего два яркие, черные глаза, которые горят диким, как бы голодным огнем, и черная борода замечательной величины и расположения. Она заросла по всему лицу почти под самые глаза и вниз закрывает грудь до пояса. *Такую бороду, по строгановскому лицевому подлиннику, указано писать только преподобному Моисею Муруну...*» (Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1967. Т. 6. С. 245).

³⁷ Буслаев Ф. И. Общие понятия о русской иконописи. II. Русский Иконописный Подлинник // Буслаев Ф. И. О литературе: Исследования. Статьи. М., 1990. С. 404.

³⁸ Вопрос о взаимосвязях житийных памятников и иконописных подлинников еще ждет своего исследования, как и вопрос о редакциях и типах самих подлинников. Пока стоит обратить внимание на то, что списки иконописных подлинников не встречаются ранее XVI в. (см.: Белоброва О. А. Подлинник иконописный // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Л., 1989. Ч. 2. С. 295), но характерное для них описание «по подобию» читается уже в Житии Авраамия Смоленского (XIII век).

³⁹ Казанская история / Подг. текста, вступ. статья и прим. Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1954. С. 143.

Даниила Викулова, братьев Денисовых;⁴⁰ именно их, основателей пустыни, как правило изображали на старообрядческих настенных листах.⁴¹ Особенностью этих текстов «О преставлении...» является соединение традиции иконописного подлинника с наблюдениями о внешности конкретного человека, только что скончавшегося, памятного для всей обители. Андреем Денисовым был провозглашен принцип портретного описания покойного: чтобы вспомнить «пребывание его с нами», его «словом изобразить должно есть». И далее: «Но да мы словом изображена его, яко жива зряша, утешаемся».⁴²

Однако старообрядческие портреты — явления в какой-то степени нового времени. Традиционный агиографический портрет по большей части так же далек от реальности, как эпический портрет в летописи. Недаром В. О. Ключевский писал: «Житие — не биография, а назидательный панегирик в рамках биографии, как и образ святого в житии — не портрет, а икона».⁴³

Таким образом, к XVI веку в русской словесности можно наблюдать три достаточно древних типа описания человеческой внешности: документальный — летописно-эпический — житийно-иконописный.

* * *

В XVI веке ситуация начинает меняться. Во-первых, изменяется характер древнерусской живописи — наряду с иконами появляются парсуны, что свидетельствует о появлении интереса к изображению реальных людей. Во-вторых, на рубеже XV–XVI столетий появляются переводы западноевропейских памятников, обогащающих русскую литературу новыми типами портретных описаний.

⁴⁰ Гурьянова Н. С. «Словесный портрет» на Выгу // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 112–120.

⁴¹ Белоброва О. А. Настенные листы // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 322–330.

⁴² Гурьянова Н. С. «Словесный портрет»... С. 112.

⁴³ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 2 // Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. С. 255.

Первый из них — перевод «Троянской истории» Гвидо де Колумна, изобилующей портретными описаниями главных героев.⁴⁴ О влиянии этого перевода на изображение внешности героев в Летописной книге С. И. Шаховского (И. М. Катырева-Ростовского) писали уже неоднократно.⁴⁵ К этому вопросу мы еще вернемся. Впрочем, портретные описания характерны только для Древнейшей (первоначальной) редакции памятника, сохранившейся всего в четырех списках.⁴⁶ В большинстве же рукописей читается Краткая редакция, в которой «полностью опущены „портреты“ главных персонажей „Истории“».⁴⁷

Второй перевод близок иконописному подлиннику. Имеется в виду Сказание о сивиллах, известное на Руси, как показала Н. А. Казакова, по крайней мере с первой четверти XVI века.⁴⁸ Описание каждой из двенадцати сивилл начинается с ее порядкового номера, затем следует ее имя, происхождение, описание внешности, время пророчества и собственно само пророчество (порядок элементов может меняться, но все они обязательно присутствуют). Пророчества в составе Сказания имеют христианскую направленность: сивиллы предсказывают рождение Христа от непо-

⁴⁴Творогов О. В. Из истории словесного портрета в русской литературе XVI в. // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 123–127.

⁴⁵См.: Орлов А. С. Повесть кн. Катырева-Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумна // Сб. статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. 97–98; Творогов О. В. Из истории словесного портрета... С. 127; Серова И. Ю. «Летописная книга» Катырева-Ростовского и «Троянская история» Гвидо де Колумна // ТОДРА. Л., 1989. Т. 42. С. 111–112; Волкова Т. Ф., Серова И. Ю. Особенности словесного портрета в историческом повествовании XVI–XVII вв. («Казанская история» и повести о смуте) // Портрет в художественной прозе. Сыктывкар, 1987. С. 11–13.

⁴⁶Творогов О. В. Повести о Троянской войне в русской рукописной традиции // Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI–XVII веков / Подг. текста и статьи О. В. Творогова; коммент. М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова. Л., 1972. С. 168.

⁴⁷Там же. С. 174. В Краткой редакции сохранился только «портрет» Елены (Там же. С. 40), что вполне объяснимо самим сюжетом повествования. Если сопоставить эту ситуацию с исключением портретов в Девгениевом деянии (см. выше), то можно уверенно говорить об отсутствии интереса к внешности действующих лиц не только в домонгольский период, но и в XV–XVI веках.

⁴⁸Казакова Н. А. «Пророчества еллинских мудрецов» и их изображения в русской живописи XVI–XVII вв. // ТОДРА. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 360.

рочной девы, явление Богочеловека, его земные страдания, смерть «за грехи мира» и воскресение.

Сходство Сказания с иконописными подлинниками выражается прежде всего в описании самих сивилл, явно предназначенном для живописного воплощения. Как и в подлинниках, здесь прежде всего указывается тип одежды («ризы»), а также не отмечавшиеся до сих пор жесты, действия:

Первая сивилла именем Персика, юже от Перския страны бысть. Ходила во золотых ризах или одеяниях. Зраку была младообразнаго. Красотою зело добра... (с. 154).⁴⁹

Вторая сивилла именем Любика, яже от страны Африкийския от града Любика. Была взору средняго, ходила в зеленом венце, а была радостна и смеялася всегда... (с. 154).

Третья сивилла именем Дельфика была младообразнаго лица, ходила во одеянии черном, имела главу обвязану власы своими, а в руках носила всегда воловой рог... (с. 155).

Пятая сивилла именем Симия ходила в цветном одеянии, а мечь голой под ноги свои метала... (с. 155).

Осмая сивилла именем Фрагията была от града Трои <...> Лицом была старообразна, а нравом гневлива. А ходила просто, власы свои распустя... (с. 156).

Десятая сивилла именем Тибуртына, родом страны Волооськия, ходила в красном одеянии, а на главе своей носила козлову кожу... (с. 156).

Единонадесятая сивилла именем Агрифа возраста была средняго, ходила во одеянии красном и прижав держала на грудех руце свои... (с. 157).

Втораянадесятая сивилла именем Еретрия, или Ерофилина. <...> А ходила в черном одеянии, а в руках носила всегда голой меч и яблоко кругло, аки звездами украшено. Мечем ся подпирала, а яблоко всегда под ноги себе метала... (с. 157).

Переводный характер Сказания о сивиллах был отмечен А. И. Соболевским,⁵⁰ но источник перевода до сих пор не определен. Страсбургское издание 1470 года и западные рукописи конца XV века содержат текст,

⁴⁹Ссылки на сказание о 12 сивиллах здесь и далее приводятся в тексте по изданию: Николай Спафарий. Эстетические трактаты / Подг. текстов и вступ. статья О. А. Белобровой. Л., 1978. Приложения. С. 154–158.

⁵⁰Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. М., 1903. С. 219–222.

отличный от русского, и большое количество иллюстраций, ранние же русские списки миниатюр, как правило, не имеют. Впрочем, этот недостаток скоро был исправлен — как показала О. А. Белоброва, «сказание о сивиллах издавна сопровождалось на Руси традиционными изображениями пророчиц в рост, весьма распространенными».⁵¹ Типологически источник древнерусского Сказания схож с рукописью из собрания Иконографических кодексов Баварской государственной библиотеки № 414 «Sibyllae et prophetae de Christo Salvatore vaticinantes» («Сивиллы и пророки, предрекающие Христа-Спасителя»), однако в этом латинском тексте нет описаний внешности пророчиц.⁵² В отличие от миниатюр латинской рукописи древнерусские сивиллы, как пророчицы, изображались всегда со свитками.

Зачастую двенадцать сивилл встречаются в древнерусских храмах, либо в притворах и на дверях, либо — позднее — на клиросе и в иконостасе, под иконами местного ряда; например, изображения сивилл находятся в Благовещенском соборе Московского Кремля, Вяжицком, Хутынском и Отенском монастырях в Новгороде, Новоспасском монастыре в Москве, в церкви Николы Набережного в Муроме. Надписи на иконах работы А. И. Казанцева (1715) в точности соответствуют тексту древнерусского Сказания.⁵³ «Портрет сивиллы» несомненно может быть отнесен к житийно-иконописному типу портрета.

Таким образом, к XVI веку в описании внешности человека проявились все те черты, которые характеризуют словесный портрет и в новейшем времени. Как пишет исследователь русской литературы 1960–1980-х годов, «...основными компонентами портрета как в живописи, так и в художе-

⁵¹ Николай Спафарий. Эстетические трактаты... С. 139.

⁵² Рукопись на латинском языке, на пергамене, написана в Туре в 1490–1500 годах. Рукопись небольшая, на 23 л. в четвертую долю, содержит 25 красочных высокохудожественных миниатюр. Впервые о сходстве текстов Сказания о двенадцати сивиллах и «Sibyllae et prophetae de Christo Salvatore vaticinantes» было заявлено в докладе В. А. Ромодановской «„Сивиллы пророчества“ в Древней Руси и Западной Европе: К постановке вопроса», состоявшемся в ИРЛИ в сентябре 2009 года.

⁵³ См.: Сухова О. А. «Сивиллы» в Муромском музее. Произведения изографа и картинки примитива // Уваровские чтения — VI: граница и пограничье: материалы научной конференции. Муром. 16–18 мая 2005 г. Муром, 2009.

ственной литературе являются: 1) тело человека и его части; 2) одежда, обувь, головные уборы; 3) мимика, позы, жесты».⁵⁴

Действительно, элементы первого пункта есть во всех отмеченных типах древнерусского портрета. Вторая группа (одежда) характерна для житийно-иконописного типа, так же, как и третья (жесты), захватывая лишь одну его разновидность («портрет сивиллы»).

Фактически этот принцип тройственного описания человека лег в основу той классификации, какую предложила Т. Ф. Волкова, характеризую словесный портрет в Казанской истории.⁵⁵ Исследовательница не сравнивала описываемые ею приемы автора Казанской истории с предшествующей традицией, коротко оговорив, что он «использует все типы описаний внешнего облика персонажа, выработанные предшествующим этапом в развитии древнерусской литературы и сложившиеся в современную ему эпоху»⁵⁶. Ею выделяется несколько групп по пяти различным признакам: «групповые портреты» русских воинов и казанцев, портретные зарисовки (описания внешности, жестов и поз, одежды, внешнего проявления эмоций, фантастических черт во внешнем облике героя, болезней и ран), портреты-сравнения, этикетные описания, включенность портретов в сюжетное повествование.

Некоторые из этих групп вызывают возражения, поскольку, на наш взгляд, мало связаны со словесным портретом. Это в первую очередь «групповые портреты» русских воинов и казанцев. Эти изображения, как правило, очень живописны, но вряд ли указанные автором сцены можно назвать «портретами»; это скорее типичная для жанра воинских повестей картина войска:

...и вси воеводы его, и полконачальницы, и воя вся одеваются в крепкия доспехи, и утверждаются бронеями и шлемами, и наготово приемлют в руже свои копия, и щиты, и мечи, и луки, и стрелы.⁵⁷

⁵⁴Старикова Г. В. Лексика портретных описаний. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1985. С. 4.

⁵⁵Волкова Т. Ф. 1) Словесный портрет в «Казанской истории» // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 42–47; 2) Особенности словесного портрета... С. 6–8.

⁵⁶Волкова Т. Ф. Словесный портрет... С. 47 (совм. с И. Ю. Серовой).

⁵⁷Казанская история. С. 125.

Точно так же нет портрета в описании плача казанских жен, все приемы их поведения относятся именно к жанру плача:

жены убо казанския и красныя девица яко на велик некий праздник свой или на женьственный пир, сведяще конец свой, и на смерть готовяхуся, жадающе лутше умерети, неже долго мучитися и жити зле <...> и облачахуся в трисветлая своя одеяния золотая, красующися и показующися руским воем. <...> И от утра да иже и до вечера, по 3 дни, по стенам града хожашу, плачуще и гласом умильным рыдающе, с родом своим и со знаемыми прощающися... И плакахуся матери сынов своих, и власы простириши, и перси своя открывающе, и нагия сесца показующи, и вопиющи...⁵⁸

Сопоставление с обобщенным портретом рязанских князей⁵⁹ как раз и показывает их принципиальное различие; похвала рязанским князьям — типичная похвала-некролог, больше характерная для летописей (см. выше), и включает как их моральную оценку, так и эпическое описание внешности. Такой коллективный портрет и может быть только эпическим, см.:

Бяше родом христолюбивыи, братолюбивыи, *лицем красны, очима светлы, взором грозны*, паче меры храбры, сердцем легкы, к бояром ласковы, к приездим приветливы, к църквам прилежны, на пирование тщывы, до осподарских потех охочи, ратному делу велими искусны, к братье своей и ко их посолником величавы...⁶⁰

Вместе с тем портретные описания в Казанской истории показывают, что литературная ситуация начинает меняться. В частности, здесь видное место занимают описания женской красоты царицы Сумбеки,⁶¹ и это уже явное веяние нового времени. Возможно, здесь сказалось и отдаленное влияние Троянской истории, которая в Древнейшей (первоначальной) редакции изобилует описаниями женской красоты — не только Елены, но и Андромахи, Поликсены, Гекубы.

⁵⁸ Казанская история. С. 143—144.

⁵⁹ Волкова Т. Ф. Словесный портрет... С. 46.

⁶⁰ Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском (тексты) // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 300.

⁶¹ Волкова Т. Ф. Словесный портрет... С. 48.

* * *

Развитие литературного портрета теснейшим образом связано с осознанием человеческого характера, открытие которого, как писал Д. С. Лихачев, происходит лишь в начале XVII столетия.⁶² Тогда происходит индивидуализация не только авторской позиции, но и действующих лиц, и прямой речи.⁶³ В этот ряд встает и появление индивидуальных портретов. Наиболее ярким примером последних являются описания исторических деятелей, читающиеся в заключительной главе Летописной книги И. М. Катырева-Ростовского (С. И. Шаховского).

Как уже говорилось, исследователи неоднократно отмечали влияние на Летописную книгу Троянской истории Гвидо де Колумна,⁶⁴ при этом отмечалось, что извлечения из Троянской истории в Летописной книге в полном объеме выделяются только по Древнейшей редакции.⁶⁵ В связи этих текстов не приходится сомневаться: влияние Троянской истории сказалось не только на дополнительной главе с портретами, но и на всем тексте Катырева-Ростовского. Раздел же «Надписание вкратце о царех московских и о образех их, и о возрастах, и о нравех» очень близок ей.⁶⁶

Вместе с тем необходимо отметить, что словесные параллели в портретах Троянской истории и Летописной книги не столь уж велики. А. С. Орлов отметил близость описаний Ивана Грозного и Отрепьева с описаниями Полидома, Мемнона и Приама,⁶⁷ царевича Федора Бори-

⁶² Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. С. 7–26.

⁶³ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 144–157.

⁶⁴ См. сноску 45.

⁶⁵ Серова И. Ю. «Летописная книга» Катырева-Ростовского и «Троянская история» Гвидо де Колумна. С. 108.

⁶⁶ Впрочем, опыт создания подобных специальных разделов с портретами можно отметить уже в XII веке, см. Сказание о Борисе и Глебе, где в заключении помещена статья «О Борисе, какъ бе възъръм» (Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. С. 202).

⁶⁷ Орлов А. С. Повесть кн. Катырева-Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумна. С. 97. А. С. Орлов пользовался списком Троянской истории в рукописи (ОДП, № 3160—СХХХII, XVI–XVII вв.), долгое время считавшейся утерянной, см.: Творогов О. В. Повести о Троянской войне в русской рукописной традиции. С. 170–171; в настоящее время она хранится в РГАДА, см.: Серова И. Ю. «Летописная книга» Катырева-Ростовского и «Троянская история» Гвидо де Колумна. С. 108.

совича — с описаниями Мемнона и Гектора,⁶⁸ царевны Ксении — с описаниями Гекубы, Андромахи, Елены, Поликсены.⁶⁹ И. Ю. Серова приводит описание Ксении в сопоставлении с Андроментой, Гекубой, Поликсеной, Обрисией уже по рукописи БАН Тек. пост. 15,⁷⁰ Ивана Грозного в сопоставлении с Ахиллесом, Аяксом, Нестером.⁷¹ Параллелей к описаниям Федора Иоанновича, Бориса Годунова, Василия Шуйского не приводилось, и это позволяет думать, что Троянская история была не единственным образцом, которому следовал автор Летописной книги.

Внимательно присмотримся к портрету Ивана Грозного, на который больше всего обращалось внимание. М. О. Габель считает, что именно с этого типа описания начинается история литературного портрета в русской литературе и определяет его форму как портрет «паспортных примет».⁷² Исследовательница описывает эту форму следующим образом: «Живописный портрет и его ближайшие разновидности строятся главным образом на метафорах и сравнениях. Предположим, что весь этот привходящий живописующий материал был бы отброшен — что осталось бы от портрета? Голый остов: глаза такие-то, такие-то волосы, губы и т. п. Как ни мало такая скелетная форма, казалось бы, дает воображению, она существует в литературе, и ее можно причислять к самым устойчивым, свойственным писателям разного стиля».⁷³ «Форма паспортных примет» — это и есть уже выделенная нами документальная форма, и можно отметить, что и лексикой, и «формуляром» портрет Ивана Грозного

⁶⁸Орлов А. С. Повесть кн. Катырева-Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумна. С. 97.

⁶⁹Там же. С. 98.

⁷⁰Серова И. Ю. 1) «Летописная книга» Катырева-Ростовского и «Троянская история» Гвидо де Колумна. С. 111; 2) Особенности словесного портрета... С. 12 (совм. с. Т. Ф. Володиной).

⁷¹Волкова Т. Ф., Серова И. Ю. Особенности словесного портрета... С. 12. К сожалению, опубликованный О. В. Твороговым текст Троянской истории (Троянские сказания. С. 14–69) представляет Краткую редакцию, где, как уже говорилось, исключены портретные описания героев.

⁷²Белецкий А. И. В мастерской художника слова // Белецкий А. И. Избр. труды по теории литературы. М., 1964. С. 161 (глава «Изображение внешности лиц» написана М. О. Габель).

⁷³Там же. С. 160. Курсив наш. — В. Р., Е. Р. М. О. Габель считает «портрет паспортных примет» характерным, в частности, для И. С. Тургенева.

сходен с портретами холопов, которые читаются в кабальных книгах. Сравним описания:

Летописная книга	Троянская история	Кабальные книги
Царь Иван образом не лепым, очи имея серы, нос протягновен и покляп; возрастом велик бяше, сухо тело имея, плечи имея высоки, груди широки, мышцы толсты ⁷⁴	[Полидом] <i>высок телом;</i> [Мемнон] <i>велик, широк плечима, толст мышцами,</i> грудно жесток; ⁷⁵ [Ахиллес] <i>широки имея груди, плещи и мышцы толсты;</i> [Аякс] <i>широк плечима, толст мышцами;</i> [Нестер] <i>высок бе возрастом, широк удами, мышцами толст</i> ⁷⁶	Гаврилко Филиппов сын «волосом рус с сединою, доголик, нос покляп, на правую сторону покривился, на левой стороне ниже ягодицы к усу близко бородавка, а на ней клочок волосов» (стб. 149—150)

Из сравнения легко видеть, что автор Летописной повести заимствовал из Троянской истории лишь два определения — «высок ростом» и «толст мышцами»,⁷⁷ что не слишком показательно, поскольку это такой же «эпический» портрет сильного воина, как в русских летописях описание красоты каждого князя. Описание Ивана Грозного гораздо конкретнее и живее, чем предполагаемый литературный образец, и ближе по своим «паспортным» принципам и структуре к документальному портрету из кабальной книги. Можно думать, что в его основе лежат конкретные наблюдения, как и в описании, например, Василия Шуйского: «возрастом мал, образом же не лепым, очи имея подслепы»,⁷⁸ в нем «очи подслепы» несомненно играют роль особой приметы.

⁷⁴Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 422.

⁷⁵Орлов А. С. Повесть кн. Катырева-Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумна. С. 97.

⁷⁶Волкова Т. Ф., Серова И. Ю. Особенности словесного портрета... С. 12.

⁷⁷Последняя примета приписана и Ростриге: «грудь имея широки, мышцы имея толсты» (см.: Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII веков. С. 424).

⁷⁸Там же. В статье Т. Ф. Волковой и И. Ю. Серовой портретные описания Летописной книги (в частности, Василия Шуйского) сравниваются также и с сочинением «Тайная тайных» (С. 13); на наш взгляд, такое сопоставление не совсем правомерно, поскольку

Особое место в Летописной книге занимает портрет Ксении Годуновой. Как показал еще А. С. Орлов, весь он скомпонован из отдельных фраз разных описаний.⁷⁹ Его наблюдения подтвердила И. Ю. Серова, дополнив их некоторыми деталями:

Троянская история	Летописная книга
[Андроменга]: <i>зелною бе красотою лепа <...> млечною белостию блистая, очи имея многим блистанием светлы, красна лицем, черлена губами <...> во всех женах благодетнейша, воистинну во всех делах чредима.</i> [Гекуба]: жена чюдного промысла. [Поликсена]: <i>многою бо красотою лепа... име нечто слезы речные от очей ея текущие, блистания очи ея омрачиша; поистинне сиде убо видящися зрящим, да ее текущие слезы по лицу, по подобию ту сущее видящесе имети, аки аще ходитсу свежие слоновые кости во своем млечном свете блистающе...</i>⁸⁰ [Обрисня]: <i>многою бе красотою лепа, ни высока, ни ниска <...> млечною белостию облияна, ягодами румяна, но бровми союзна...</i>⁸¹	Царевна Ксения <...> девица сущи, отроковица, чюдного домышления, <i>зелною красотою лепа велми: ягодами румяна, червлена губами; очи имея черны велики, светлостию блистая; когда ж в жалобе слезы иза очию испущаху, тогда ноипаче светлостию зеленою блистахуся; бровми союзна, телом изобилна, млечною белостию облияна, возрастом ни высока, ни низка, власы имея черны, великия, аки трубы, по плечем лежаху...</i>⁸²

Поиски особых источников для описания Ксении вполне объясним: перед автором едва ли не впервые встала задача передать словами женскую красоту. Такого опыта древнерусская литература еще не знала. Даже в Повести о Петре и Февронии ничего не говорится о внешности героини ни при ее первом появлении, ни потом. Если учесть, что создатель Летописной книги ориентировался на документальный портрет, то там опыта

в последнем речь идет не об описании внешности, а о физиогномике — приметах характера человека.

⁷⁹Орлов А. С. Повесть кн. Катырева-Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумна. С. 99.

⁸⁰Серова И. Ю. «Летописная книга» Катырева-Ростовского и «Троянская история» Гвидо де Колумна. С. 111.

⁸¹Волкова Т. Ф., Серова И. Ю. Особенности словесного портрета... С. 12.

⁸²Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII веков. С. 424.

описания красоты он получить не мог, что отмечал еще И. И. Полосин.⁸³ Прослеживавшая лексику со значением 'красивый', М. В. Пименова замечает: «...в произведениях устного народного творчества красота декларируется формулами отрицания [«ни в сказке сказать, ни пером описать». — В. Р., Е. Р.], в произведениях светской и богослужебной литературы абсолютная красота находит свое воплощение в прилагательных-элативах, а в памятниках деловой письменности эстетическая оценка как таковая отсутствует».⁸⁴ Именно поэтому автор ищет и находит образец в переводном произведении, соединяя его, по-видимому, с реальными чертами царевны (таковы, например, упоминания о ее черных волосах, лежащих на плечах «аки трубы»).

Мотив женской красоты занимает особое место в произведениях второй половины XVII — начала XVIII веков, когда в литературе появляется тема любви. В XVII столетии появятся даже специальные сочинения, защищающие естественную красоту женского лица.⁸⁵ Однако таких детальных портретов, как описание Ксении Годуновой, до нового времени пока неизвестно. Широко распространена общая формула — «красна лицом», «красна взором» — это характерно, например, для Повести о Тверском Отроче монастыре.⁸⁶ В повестях Петровского времени портреты красавиц также даются обобщенно: «виде девицу зело прекрасну в златом одеянии королевском одету, яко той красоты во всем свете сказать невозможно» (Повесть о Василии Кориотцком);⁸⁷ «И узрел Елеонору <...> и стоя не мало удивился красоте лица ея» (Повесть о российском кавалере Александре).⁸⁸

В целом же можно отметить, что к концу древнерусского периода русской литературы сложились все типы портретов, которые получают развитие

⁸³ Полосин И. И. Древнерусский литературный портрет. С. 253.

⁸⁴ Пименова М. В. Стилистические функции прилагательных... С. 88.

⁸⁵ Черная Л. Особенности барокко как мироощущения в России XVII — начала XVIII столетия // Человек в культуре русского барокко. М., 2007. С. 77–79.

⁸⁶ Семячко С. А. Повесть о Тверском Отроче монастыре: Исследование и тексты. СПб., 1994. С. 93, 101, 110.

⁸⁷ Русские повести первой трети XVIII века / Исследование и подг. текстов Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1965. С. 196. Описание напоминает фольклорную формулу «ни пером описать».

⁸⁸ Там же. С. 216.

в дальнейшем. Древнерусское наследие просвечивает в творчестве крупнейших наших писателей — помимо уже упомянутых Лесковского «Шерамура» и пушкинского «Бориса Годунова», можно вспомнить и «Повести Белкина».

Описание внешности Ивана Петровича Белкина — последний фрагмент его биографии:

Иван Петрович был росту среднего, глаза имел серые, волоса русые, нос прямой; лицом был бел и худощав.⁸⁹

Этот текст создан «по паспортной схеме»,⁹⁰ т. е. по схеме документа, но если учесть, что все жизнеописание Ивана Петровича Белкина соответствует жанровой структуре жития,⁹¹ можно думать, что в создании его портрета сказалась и традиция иконописных подлинников, хотя здесь нет отмеченных выше «особых примет» — описания бороды и одежды. Ср.:

Моисей Угрин Печерский: «Подобием бел, лицом чист, власы рус, брада невелика, аки Златоустаго, руса, на главе клобук черный, в руке четки, ризы преподобническа».⁹²

В иконописных подлинниках, как правило, подчеркиваются отличительные признаки святого. В описании внешности Ивана Петровича Белкина «особых примет» нет — и можно осторожно предположить, что таким образом обозначено *отсутствие святости*. Несмотря на житийную схему, в итоге создается облик простого человека.

Именно древнерусская литература заложила основы описания внешности и характера человека, без которого в новый период обойтись невозможно.

⁸⁹Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1964. Т. 6. С. 83.

⁹⁰Гукасова А. Г. Болдинский период в творчестве А. С. Пушкина. М., 1973. С. 204.

⁹¹См.: Ромодановская В. А. Об Иване Петровиче Белкине, его биографии и биограф-е: (Заметки читателя) // Русская литература XIX—XX вв.: Поэтика мотива и аспекты литературного анализа. Новосибирск, 2004. С. 188—198.

⁹²Маркелов Г. В. Святые Древней Руси. Материалы по иконографии (прориси и переводы, иконописные подлинники). Святые Древней Руси в иконописных подлинниках XVII—XIX веков. Свод описаний. СПб., 1998. Т. 2. С. 174.

С. А. Фомичев

«ДА БУДУТ ЧРЕСЛА ВАШИ ПРЕПОЯСАНЫ И СВЕТИЛЬНИКИ ГОРЯЩИ»

(из наблюдений над текстом беседы Аввакума
«Об иноческом чине»)

В 1675 году в пустозерском заточении была закончена «Книга бесед» Аввакума, получившая наибольшее — из всех публицистических произведений протопопа — распространение в старообрядческой среде.¹ «Книгу сию собрал от Святаго писания протопоп Аввакум на крестоборную ересь никонианскую и на прочия их коби».² Обследование списков «Бесед» позволяет прийти к выводу о том, что, только закончив книгу полностью, Аввакум передал ее для копирования (вероятно, на Мезень, где прожи-

¹ См.: Бубнов Н. Ю. «Книга бесед» протопопа Аввакума (К истории создания произведения) // Книга в России. XVI — середина XIX в. Л., 1987. С. 17–31; Сесейкина И. В. К изучению списков и состава «Книги Бесед» протопопа Аввакума // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар, 1989. С. 61–73. Полностью (с включением «беседы седьмой» «О старолюбцах и новолубцах») книга издана дважды: Н. И. Субботиным (Субботин Н. И. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1879. Т. 5. С. 287–310, 337–388) и П. С. Смирновым (Русская историческая библиотека. Л., 1927. Т. 39. Стб. 241–424).

² Памятники литературы Древней Руси. М., 1989. XVII век. Кн. 2. С. 409. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

вала семья протопопы) и последующей рассылки единомышленникам. Книга в то время состояла из введения и девяти бесед:³

- О первых противниках церковных преобразований
- Об образе креста Христова
- Об иноческом чине
- Об иконном писании
- О внешней мудрости
- О днях поста и мясоястии
- Об Аврааме
- Толкование на послание к римлянам апостола Павла и Евангелие от Иоанна
- О наятых деятелях.

В наибольшей степени «беседа третья», при всем разнообразии источников (священные тексты, откровения отцов церкви, исторические свидетельства и апокрифы, жития святых и пр.) несет в себе яркие черты аввакумовского стиля, в котором страстная проповедь сочетается с приметами «религиозного смеха».⁴ То и дело автор напрямую издевательски обращается к Никону и никонианам, что определяет особую экспрессию стиля — например: «Али не правду говорю? Отвещай ми! Что задумался? Безумне, в сию ночь ангел душу твою истяжет от тебе, а еже уготова, кому будет? Разве турскому царю? Ох, ох, затмение ума!» (416).

Беседа открывается цитатой из не найденного пока источника, призванной убедить читателей в том, что все последующее повествование основано на достоверных данных, «иже исперва самовидцы и слуги бывшия словеси, изволися и мне, последовавшу по ряду» (414). Как увидим ниже, Аввакум в агитационных целях использует наряду с историческими и легендарные (вполне фантастические) сведения, допускает нарочитые хронологические смещения, добиваясь наглядного разоблачения реформ, проводимых патриархом Никоном.

³ Беседа седьмая известна лишь в составе двух поздних (XVIII в.) списках и, вероятно, не принадлежит Аввакуму (см.: *Сесекина И. В.* К изучению списков и состава «Книги Бесед» протопопы Аввакума. С. 70).

⁴ См. наблюдения Д. С. Лихачева над смеховой составляющей аввакумовского стиля в кн.: *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 59–71.

С той же целью с самого начала намечается мотив, который красной нитью пронизывает всю «беседу»: «Бысть во дни наша в Руской земли божие попущение, а дьяволе злохитрие: изникоша от бездны мниси, нареченныя монахи, имеюще на себе образ любодейный: камилавки — подклейки женские и клобуки рогатые; получивша себе сию пагубу от костела римского» (414).

На первый взгляд, примета нового одеяния церковных иерархов — не столь уж принципиального свойства. Но это яркая смеховая деталь, под которую подводится неожиданная историческая база:

«Бысть в Риме, прежде собора Флоренского, на престоле в папах баба-еретица, в Римской церкви, по наущению божію. И устроила себе клобук на подклейке, сицевым образом, яко женской, еже носят и ныне прелщени тамо и здесь. Идушу ей, любодейце, за кресты, в ходу родила, на пути идучи, младенца-выблядка. Разумевшее же люди римстии, извергоша ю от сана святительства, яко в Москве врага божия, патриарха Никона: клобук же ея и всяко предание в церкви не изриновенно бысть» (414).

Кратко бытование легенды о папессе раскрыто в богословском словаре:

«Иоанна паписса — древнейшее письменное упоминание о женщине, занимавшей папский престол, сделано доминиканцем из Майями. Но главным виновником распространения сказания о папессе является хроника Мартина из Троппау — излюбленный источник сведений для богословов и кантонистов в конце средних веков. В XIV в. сообщение Мартиновой хроники получает широкое распространение, в XV и XVI вв. папство до такой степени уверовало в паписсу, что ее история была включена в „путеводитель“ по Риму, а ее изображение поставлено было наряду с другими папами в Сиенском соборе. В конце XVI в. некоторые историки выступили против всеобщего заблуждения. Наконец немецкий историк Дёллингер окончательно разоблачил легенду (1863), и с тех пор все ученые признают Иоанну не исторической личностью, а созданием народной фантазии».⁵

Как видим, сообщая известие о папессе, Аввакум следует современной ему исторической версии. Сведения о папессе содержатся и в средневе-

⁵ Полный православный богословский энциклопедический словарь / Изд. П. П. Сойкин. СПб., 1912. Т. 1. С. 1080 (репринтное изд. 1992 г.). Ср.: *D'Onjfrío. La papessa Giovanna*. Roma, 1979.

ковых русских источниках. Согласно древней редакции (не дошедшей до нас) «несторовской» Летописи, в 991 году константинопольский патриарх укорял кн. Владимира за налаживание отношений с Римом и упоминал при этом о папессе, правившей западной церковью под именем Иоанна VIII: «А баба была Анна папою идучи со кресты в крещение родила на улице и умерла <...> И вы того их зловерия не принимайте и учению их не верьте».⁶

Антиримское настроение этой летописи, несомненно, утвердилось лишь в процессе позднейшего (XV век) ее редактирования. Во владимирскую же эпоху Древней Руси общение с Римом было обычным и протеста со стороны Константинополя не вызывало.⁷

Легенда о папессе стала на Руси актуальной во второй половине XV века в контексте споров с латинянами, претендующими на главенство в христианском мире — ср.: «По сих же той беззаконный гугнивец,⁸ пануя Римяном и свою волю имея, сотвори себе девицу архидьяконом, Стефана, его мужеску одеяну, и с нею блудяше. Она же по смерти его бысть папою и по случаю на Божоявление прииде на Тивер реку освятити воду и тамо на обличение свое роди дитя и бысть всем явно поругание...»⁹

Из какого-то подобного сочинения почерпнул сведения о папессе и Аввакум, отнеся это событие ко времени, предшествующему проведению Ферраро-Флорентийского собора (1438—1445), на котором была заключена уния на условиях верховенства папы и принятия католических догма-

⁶ Летопись эта использовалась В. Н. Татищевым (см.: *Татищев В. История российская*. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 64; Т. 3. С. 138), но позже была утрачена.

⁷ Патриаршая летопись под 988 годом сообщает: «На сем мнози послы приходиша от грек от царей с многю честью, и з дары и с любовью. Приходиша послы от Рима от папы и мощи святых принесоша Володимеру». Через три года снова «придоша к Володимеру послы из Рима от папы с любовью и честью». В ответ Владимир посылал свое посольство, ибо под 994 годом в той же Никоновской летописи сказано: «Того же лета послы Володимеровы придоша в Киев, иже ходиша в Рим к папе» (ПСРЛ. СПб., 1862. Т. 9. С. 57, 64, 65).

⁸ Имеется в виду папа Петр Гугнивец. Далее упоминается папа Стефан VII (896—897).

⁹ Слово <...> яко жонка нечистая папою бысть (1580) // *Попов А. Н.* Обличительные списания против жидов и латинян // Чтения Московского Общества Истории и Древностей Российских. 1879. Т. I. С. 235—265.

тов при сохранении лишь православных обрядов. На собор была отправлена многочисленная русская делегация, возглавленная митрополитом Исидором. Несмотря на то, что он поставил свою подпись под унией, она на Руси (как и в Константинополе) не была принята. Лишь с 1596 года на Украине и в Белоруссии стала действовать Брестская уния, аналогичная Флорентийской.

Пересказав по-своему известие о папессе, Аввакум именно ее объявляет виновницей отступления от христианского «простого чина» — в частности, замены простой камилавки священнослужителей «рогатым» (то есть не просто претенциозным, но и бесовским) клобуком. Это конечно, аввакумовский домысел, преследующий агитационные цели, направленные против никоновских реформ, в результате которых появилась «в Москве такая же лукавая сонмища: утвердиша прелесть свою паче и прежнеево» (415). Никоновские установления, таким образом, осмеиваются как отступление от строгости православных обычаев: их смешное украшательство подобно женским затеям.

Вся центральная часть «беседы третьей» посвящена истории Флорентийского собора, которая излагается в основном по «Повести об осьмом Ферраро-Флорентийском соборе» Симеона Суздальского, покинувшего Собор из-за несогласия с митрополитом Исидором. Претерпев затем различные злоключения, он оказывается близким по духу автору «Бесед». «Повесть» эта известна Аввакуму по ее второй редакции, обновленной и дополненной уже в XVII веке.¹⁰ Здесь рассказывалось о смерти патриарха Иосифа,¹¹ о мучениях Марка Эфесского, о гибели императора Иоанна Палеолога (Калуяна), о бегстве Исидора из России.

Все это оценивается Аввакумом символически: после подписания унии «повсюду начаша болезнь болети болезнен, и распространитися гной по вселенной всей. Царь же Иван Колуян приехал домой, умре на пути, его же земля не прия в недра своя. А патриарх Иван Антиохийский живот свой

¹⁰ См.: *Мощинская Н. В.* 1) Литературная история «Повести о осьмом Ферраро-Флорентийском соборе» Симеона Суздальского // *Вопросы русской литературы*. М., 1971. С. 55–60 (Учен. зап. Москов. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. № 455).

¹¹ Об этом упоминал и Симеон Суздалец во второй редакции своей повести, но в новой редакции XVII века рассказ повторен более подробно: смерть патриарха оценена как прямой результат его предательского поведения на соборе.

скончал: егда начат руку прикладывати, в то время аггель господень исторже душу от него. А Царьградский Иосиф, разболевся, приволокся домой. А митрополит наш Московский приехал домой з гордостию, его же князь великий и встретить не велел, понеже гостинцы негладки привез: по правую руку крыж латынский вез, а по левую — крестъ Христов. За сие его князь предал под начал, он же тайно убежав паки в Рим, и тамо скончася зле. А кои правовернии на соборе том бывшее и не хотя рук своих приложити к приговору сонмицы лукавыя тоя; римляне же их овых заточиша, а инии разбегошася».

Наиболее трудной оказалась судьба страстного противника унии, епископа Эфесского: «Не приста к совету их и делу их епископ Марк Ефесский. И осужидиша его в заточение смертное, яко и нас, бедных, здесь» (415). И потому провиденциально пересказывает Аввакум известие, почерпнутое в «Житии Сергия Родонежского»:¹²

«И наш стрец Сергиева монастыря оттоля ушел, и на пути заблудил, ему же явился игумен преподобный Сергей Родонежский, и проведе старца сквозе нужныя места, и путь указал. И спросил преподобный старца, глагола ему: „Видел ли еси третьягонадесять апостола Марка Ефесскаго, видел?“ Старец же поклонився ему и рече „Ей, отче“. И благославления сподобился от руки его. Таже Сергей невидим бысть; старец же приде во свои и поведи всем» (415).

Далее вспоминаются гонения на старообрядцев и предвещается близкое воздаяние нечестивцам: «А все-то блюдолизы римские устроили с Никонем врагом гонения на христиан. Да воздаст господь по делом их!» (416).

Вся же концовка «Беседы третьей» наполнена издевательством Аввакума над женообразным обликом никониан: «А то малое ли дело: богом преданное скидали з голов и волосы расчесали, чтобы бабы-блудницы любили их; выставя рожу всю да подпояшется по титкам, воздевши на себя широкий жупан!» (416).

Перед этим Аввакум воззывал: «Почти себе пророка Сафония, глава 3: он не только возвестит, что случается от бога изменяющим ризы не токмо

¹² Ср.: Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV в.). М., 1875. С. 339–341.

священные, но и простые на себе» (416). Не исключено, что здесь в текст закралась невольная ошибка (описка) — скорее всего, имелась в виду «Книга пророка Захарии» (а не Сафония!):¹³

«И показал он мне Иисуса, великого иерея, стоящего перед Ангелом Господнем, и сатану, стоящего по правую руку его, чтобы противодействовать ему.

И сказал Господь сатане: Господь да запретит тебе, сатана, запретит тебе Господь, избравший Иерусалим! Не головня ли он, исторгнутая из огня?»

Иисус же одет был в запятнанные одежды и стоял перед Ангелом, Который отвечал и сказал стоявшим перед ним так: смотри, Я снял с тебя вину твою, и облакаю тебя в одежды торжественные.

И сказал: возложите на голову его чистый кидар — и возложили чистый кидар на голову его и облекли его в одежду...» (Зах. 3: 1–5).

Эта символическая картина вполне соответствует контексту беседы. «Увы, ослепил сатана» — чуть выше здесь было сказано о никониянах. Сравнение же великого иерея с «головней, исторгнутой из огня» также корреспондирует с упоминанием расправ с праведными: «пожигают Христовых людей»; «Токмо жги, пали, секи, да руби единокровных твоих». Далее Захарий предвещает, что именно очистившимся будет доверено во время Страшного суда судить своих бывших гонителей.

Правоту своих единомышленников Аввакум утверждает заветами Василия Великого и Дионисия Ареопагита, вспоминая, вероятно, его книгу «О божественных именах» с комментариями св. Максима:

«Ничего нет предосудительного в том, чтобы от слабых образов перейти ко всеобщей Причине <...> ибо она — Начало сущего». В комментариях к этому положению отмечено «Почему Бог и есть начало всего. Ведь началом является все предшествующее происходящему».¹⁴ Дальнейшее рассуждение Аввакума о кресте Господнем особо проявляются рисунками Аввакума и Епифания в «Пустозерском сборнике».

¹³ У Сафония в главе 3 речь идет о гневе Господнем на отступивших от заветов Его, но это общее место всех книг пророков.

¹⁴ *Дионисий Ареопагит. О божественных именах. О мистическом богословии.* СПб., 1994. С. 207.

В концовке же «беседы» резонирует тема, намеченная вначале упоминанием о папессе: «Наг ты благодати стал и Христовых страстей отвернулся. На женскую подклейку платишко наложил, да я, де, инок, Христовым страстям сообщник!

Подобает истинному иноку дела Христа подобиться, а не словесы глумными, так творить, яко же святы. Помниш ли? Иоанн Предтеча подпоясывался по чреслам, а не по титкам, поясом усменным, сиречь кожаным: чресла, глаголются, под пупом опоясаясь крепко, да же брюхо не толстеет. А ты, что чреватая женка, — не извредить бы в брюхе ребенка! — подпоясався по титкам! Чему быть! И в твоём брюхе-том не меньше ребенка бабья наложено беды-той, — ягод миндальных, и рейнского, и романей, и водок различных с вином процеженных! Налив, как его подпоясать? Невозможное дело: ядомое извредит в нем! А се и ремень надобе долог!» (417).

Ср.:

«Сам же Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих...» (Мф. 3: 4).

Образ «препоясанных чресл» в Новом завете становится символом постоянной готовности следовать заветам Христовым — ср.:

«Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи» (Лк. 12: 35).

«Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней дьявольских.

Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духа злобы поднебесных.

Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолевши, устоять.

Итак станьте, препоясавши чресла ваши истиною, и облекитесь в броню праведности» (Еф. 6: 11–14).

А. В. Вознесенский

**ОБ ОДНОМ ИЗДАТЕЛЬСКОМ ПРОЕКТЕ
ПАТРИАРХА ИОСИФА:
ПОУЧЕНИЕ СЯТИТЕЛЬСКОЕ
НОВОПОСТАВЛЕННОМУ ИЕРЕЮ 1649 ГОДА**

Время, когда во главе русской церкви стоял патриарх Иосиф, нередко рассматривается как особое в истории московского Печатного двора. С ним связывают заметное возрастание роли печатной книги в жизни московского общества, предполагая в том, если не возникновение вдруг у властей стремления содействовать просвещению народа, то, по крайней мере, появление заботы о таком просвещении. Вместе с тем вопрос о том, какую роль в этом процессе играл непосредственно патриарх, до сих пор остается не до конца проясненным. К примеру, известно, что он курировал подготовку к печати и издание Лествицы Иоанна Синайского.¹ Однако кроме этой книги среди напечатанных в ту пору изданий можно указать только еще два, выпуск которых был напрямую связан с именем перво-святителя. Оба они, несомненно, вышли по инициативе патриарха, о чем свидетельствует, прежде всего, то, что их тиражи были доставлены из типографии прямо к патриарху, и именно он оплатил издержки на их печатание. Более того, в дальнейшем их экземпляры так и не поступили в про-

¹ Николаев Н. И. Об источниках московского издания Лествицы 1647 г. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 283.

дажу. Одним из этих изданий был так называемый «Сборник поучений патриарха Иосифа», напечатанный в 1643 году, другим — «Почтение святительское новопоставленному иерею», изданное в 1649 году. Примечательно, что оба издания не имели выходных сведений, отчего и определить настоящее время их выпуска оказалось впоследствии непросто;² оно было установлено лишь благодаря изучению архивных материалов.³

² Так, В. С. Сопиков не стал датировать «Сборник поучений патриарха Иосифа» вовсе (Сопиков В. С. Опыт российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на славенском и российском языках от начала заведения типографий до 1813 года... СПб., 1813. Ч. 1. № 505). После предположения митр. Евгения, что книга вышла «с самого начала правления» Иосифа ([Евгений (Болховитинов)]. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд., испр. и умнож. СПб., 1827. Т. 1. С. 313), сборник традиционно относили к 1642 г. (Строев П. М. 1) Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке <...> графа Федора Андреевича Толстова. М., 1829. № 99; 2) Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке московского первой гильдии купца и Общества истории и древностей российских благотворителя Ивана Никитича Царского. М., 1836. № 125; Сахаров И. П. Обзорение славяно-русской библиографии. СПб., 1849. Т. 1. Кн. 2: Хронологическая роспись славяно-русской библиографии: Издания, напечатанные кирилловскими и русскими буквами с 1491 до 1731 года. № 412; Каратаев И. П. Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами. 1491—1730. СПб., 1861. № 476; Ундольский В. М. Очерк славяно-русской библиографии / С дополнениями А. Ф. Бычкова и А. Викторова. М., 1871. № 533 (между изданиями 1642 и 1643 гг.); Каратаев И. П. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. СПб., 1883. Т. 1: С 1491 по 1652 г. № 539 (Сб. ОРЯС. Т. 34. № 2)). Важно отметить, что эту традицию не смогла преодолеть и А. С. Зернова (Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках: Сводный каталог. М., 1958. № 165). «Почтение святительское новопоставленному иерею» было отмечено впервые И. П. Сахаровым и помещено им среди изданий 1652 г. на основании того, что «собиратели относят его к последнему году патриаршества Иосифа» (Сахаров И. П. Обзорение славяно-русской библиографии. № 548), и эта дата была подхвачена последующими библиографами (Каратаев И. П. Хронологическая роспись славянских книг... № 626; 2) Описание славяно-русских книг... № 690; Ундольский В. М. Очерк славяно-русской библиографии. № 683. А. С. Зернова, охарактеризовавшая это издание в качестве не указанного в библиографии, датировала его временем около 1650 г., вероятно, по состоянию доски заставки (Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. № 228).

³ Так, «Сборник поучений патриарха Иосифа» датируется по документам 24 августа 1643 г. (см.: Голубцов А. П. Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891. С. 123, сноска 103; Поздеева И. В. Новые мате-

Оба издания довольно рано привлекли внимание исследователей, но при этом тотчас же стали обрастать легендами и домыслами, чему способствовало не только отсутствие выходных сведений, но и недостаточная ясность, какие цели преследовали московские типографы, выпуская их в свет. И если «Сборник поучений патриарха Иосифа», интерес к которому подогревался еще и тем, что его выпуск представлял собою один из первых для Москвы случаев издания сочинения, в заголовке которого стояло имя не отца церкви, но жившего в ту пору автора,⁴ пытались рассматривать либо как святительское обращение к пастве при вступлении на престол,⁵ либо как образчик особого жанра патриаршего поучения на моровое поветрие,⁶ наконец, как сборник публицистического содержания,⁷

риалы для описания изданий Московского Печатного двора: первая половина XVII в. М., 1986. № 117 (В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов: Метод. реком.); Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА: Каталог / Сост. Е. В. Лукьянова. М., 2002. Вып. 2: 1626—1650 гг. № 79), а «Почтение новопоставленному нерею» — 1649 годом, после 25 июля, дня, когда его начали печатать (Николаевский П. Ф. Московский печатный двор при патриархе Никоне // Христианское чтение. (СПб.), 1891. Ч. 1. № 1—2. С. 148 (сноска); Поздеева И. В. Новые материалы... № 178; Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. С. 309. № 34).

⁴ Как раз с этой точки зрения «Сборник поучений патриарха Иосифа» и характеризуется как «вещь дотоле неслыханная» (см.: Киселев Н. П. О московском книгопечатании XVII века // Книга: Исследования и материалы. М., 1960. Сб. 2. С. 147; Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 420).

⁵ См.: Голубцов А. П. Вступление на патриаршество и поучение к пастве Иосифа, патриарха Московского // Прибавления к Творениям святых отцев в русском переводе, издаваемых при Московской Духовной академии. М., 1888. Ч. 42. С. 345, 380 (сноска 1).

⁶ Намеки в тексте на бедствия, постигшие Московское государство в 1643 г., также были обнаружены впервые А. П. Голубцовым (см.: Голубцов А. П. Вступление на патриаршество и поучение к пастве Иосифа... С. 350, сноска 1), однако в последнее время появилось мнение, согласно которому «моровое поветрие» было непосредственной причиной издания сборника (см.: Булычев А. А. Поучение на «моровое поветрие» патриарха Иосифа // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 194—196; Булычев А. А., Поньрко Н. В. Иосиф // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. С. 101).

⁷ Об обличительных мотивах, содержащихся в сборнике, также писал еще А. П. Голубцов, указавший при этом и на наличие в нем отзвуков противодействия патриарха браку Вальдемара и Ирины Михайловны (см.: Голубцов А. П. 1) Вступление на патриаршество

то «Поучение новопоставленному иерею» не находило и таких объяснений, и это не могло не привести к затруднениям, которые в итоге и испытали библиографы при попытках дать книге название. Нельзя не обратить внимания на то, что даже в каталоге А. С. Зерновой разновременные издания книги описаны под разными наименованиями: в одном случае — «О хиротонии» (так названо как раз издание 1649 года), в другом — «Поучение новопоставленному иерею» (под таким названием можно обнаружить несколько позднейших брошюр, выпускавшихся в Москве начиная с 1670 года).

Еще больше о недостаточном понимании того, для чего патриарху Иосифу была нужна эта книга, какие цели преследовались ее изданием, свидетельствует отсутствие единства во мнениях касательно назначения «Поучения»; и если, к примеру, Н. П. Киселев рассматривал его издания как литургические книги,⁸ то Е. В. Лукьянова видела в нем «вариант ставленных документов», использовавшихся в подтверждение правомочий поставляемых священнослужителей,⁹ а полемизирующая с ней И. В. Поздеева предположила, что книга не столько адресовалась новопоставленным иереям, сколько «предназначалась всем священникам, от которых требовалась не просто лояльность, но прямая поддержка реформ»,¹⁰ так

и поучение к пастве Иосифа... С. 353 (сноска 1), 373–380; 2) Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. С. 123, сноска 103), однако порою выход книги напрямую связывают с ее направленностью «против социального угнетения» (*Поздеева И. В.* Историко-культурное значение деятельности Московского печатного двора в первой половине XVII века // Поздеева И. В., Пушкин В. П., Дадыкин А. В. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг.: От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона: Исследования и публикации. М., 2001. С. 26).

⁸ Киселев Н. П. О московском книгопечатании XVII века. С. 136.

⁹ Лукьянова Е. В. Листовые издания Московского Печатного двора во второй половине XVII в. (по документам Приказа книгопечатного дела) // Федоровские чтения 2003. М., 2003. С. 215.

¹⁰ Поздеева И. В. Между Средневековьем и Новым временем: новое в деятельности Московского печатного двора второй половины XVII в. // Поздеева И. В., Дадыкин А. В., Пушкин В. П. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1652–1700 годы: Исследования и публикации: В 3 кн. М., 2007. Кн. 1. С. 98–99. Примечательно, что иосифовское издание «Поучения новопоставленному иерею», по мнению той же И. В. Поздеевой, было «уставного характера» и при этом оказалось посвящено «вопросам,

как она была актуальна «в условиях острейшей борьбы с инакомыслием, борьбы практически по всей территории России, которую должны были постоянно вести иереи».¹¹ На этом фоне неудивительным кажется и то, что порою оправдание выпуска Печатным двором «Поучения новопоставленному иерею» пытались увидеть совсем в ином, в частности Я. Д. Исаевич посчитал возможным назвать «Поучение» в числе изданий, печатание которых в Москве могло бы быть объяснено влиянием югозападнорусской книжности на московскую.¹²

Нужно думать, что основанием для подобного мнения Я. Д. Исаевичу послужили его наблюдения над репертуаром старопечатных украинских книг, при рассмотрении которого он обнаружил, что текст «Поучения» издавался на Украине еще до того, как им заинтересовались в Москве, отчего, казалось бы, и перейти в Москву он мог только оттуда. И действительно, в учетном списке украинских изданий XVI–XVIII веков, составленном А. П. Запаско и Я. Д. Исаевичем, имеются, по крайней мере, три указания на издания, в которых можно было бы предположить источник московского. Естественно, что все они были напечатаны на Украине еще до 1649 года. Правда, два из них упомянуты как выпущенные предположительно, однако существование третьего не вызывает никаких сомнений, поскольку оно сохранилось в нескольких экземплярах.

Первым в этом ряду стоит известное лишь по документальным свидетельствам издание «Хиротонии», которое было напечатано в Стратине в 1602 году по заказу епископа Львовского, Галицкого и Каменец-Подольского Гедона Балабана.¹³ Вторым следует назвать также не дошед-

вокруг которых в то время шла особенно напряженная полемика» (см.: *Поздеева И. В.* Московское книгопечатание первой половины XVII века // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 157).

¹¹ *Поздеева И. В.* Между Средневековьем и Новым временем... С. 97–98.

¹² *Исаевич Я. Д.* 1) Русско-украинские связи в области книгопечатания в конце XVI — первой половине XVII в. // Книга в России до середины XIX века / Под ред. А. А. Сидорова и С. П. Луппова. Л., 1978. С. 166; 2) Преемники первопечатника. М., 1981. С. 151. Примечательно, что Я. Д. Исаевич упоминает два московских издания «Поучения», 1643 и 1649 гг. Вероятно, за первое издание брошюры им был принят выпуск «Сборника поучений патриарха Иосифа».

¹³ Першодрукар Іван Федоров та його послідовники на Україні (XVI — перша половина XVII ст.): Збірник документів / Упоряд.: Я. Д. Ісаєвич та інш. Київ, 1975. С. 128–129; *Запаско Я. П., Ісаєвич Я. Д.* Пам'ятки книжкового мистецтва: Каталог стародруків виданих на Україні. Львів, 1981. Кн. 1: (1574–1700). № 60.

шее до наших дней львовское издание 1638 года, начинавшееся обращением епископа Луцкого и Острожского Афанасия Пузины; впрочем, о существовании его можно судить по тому, что оно имело рукописную копию с перенесенными в нее типографскими выходными сведениями.¹⁴ Наконец, третье издание «Поучения новопоставленному иерею» было напечатано опять во Львове, но уже в 1642 году и оказалось надписано именем епископа Львовского, Галицкого и Каменец-Подольского Арсения Желиборского.¹⁵

Между тем, кроме этих трех изданий книги существовало по крайней мере еще одно. Правда, оно не сразу привлекает к себе внимание, так как с самых первых о нем известий получило в библиографии название «Грамота ставленническая иерейская», и от подобного определения этой книги не решаются отказаться и по сей день.¹⁶ Тем не менее при обращении к тексту упомянутой «грамоты ставленнической» легко понять, что она заключает в себе как раз «Поучение святительское новопоставленному иерею», являясь таким образом наиболее ранним изданием этого текста. Печатание «грамоты ставленнической» было осуществлено между 1587 и 1595 годами для епископа Луцкого и Острожского Кирилла Терлецкого, как полагали прежде, в Остроге,¹⁷ или, согласно последним исследованиям,

¹⁴ Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы / Приведены в порядок и изданы под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1882. С. 29 (Прилож. к т. 41 Записок Имп. Акад. наук. № 2); Запаско Я. П., Исаевич Я. Д. Памятки книжкового мистецтва... Кн. 1. № 263.

¹⁵ И это заставляло порою приписывать «Поучение» авторству Арсения Желиборского (см.: Голубев С. Т. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники: (Опыт церковно-исторического исследования). Киев, 1898. Т. 2. Приложение. С. 228). Следует отметить, что эта книга, представляя собою сборник, иногда рассматривается как конволют из двух отдельных изданий (см.: Запаско Я. П., Исаевич Я. Д. Памятки книжкового мистецтва... Кн. 1. № 300, 297).

¹⁶ Даже в последнем по времени описании издания, в котором оно имеет сразу три названия, на первое место поставлено традиционное, тогда как два других (Хиротония, Херитония) призваны вроде бы его разъяснить (см.: Гусева А. А. Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века: Сводный каталог / Под общ. ред. Л. И. Сазоновой. М., 2003. Кн. 2. № 105).

¹⁷ Бычков А. Ф. Дополнение к очерку библиографии В. Ундольского, составленное по экземплярам церковно-печатных изданий, находящихся в Имп. Публичной библиотеке // Ундольский В. М. Очерк славяно-русской библиографии. № 1; Каратаев И. П. 1) Опи-

в Вильне.¹⁸ Не исключено, что она могла послужить образцом для стряптинского издания «Хиротонии» 1602 года.¹⁹

Все четыре югозападнорусских издания, как об этом можно судить прежде всего по тем из них, экземпляры которых сохранились, наверное, имели одну важную особенность. Все они начинались обращением к получающему сан священнику от имени конкретного иерарха, причем в тексте было обязательно оставлено пустое место, чтобы иметь возможность вписать там имя поставляемого. И хотя в наиболее раннем издании подобный пробел был сделан дважды, тогда как в издании 1642 года — лишь один раз, и в одном, и в другом случаях это превращало брошюры

сание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. 1491—1730. СПб., 1878. Вып. 1: С 1491 по 1600 г. № 121; 2) Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. СПб., 1883. № 135. Острог в качестве места издания книги предполагала и Т. А. Быкова, указывавшая на совпадение «во многом» шрифтов этого издания и острожского Требника 1606 г. (см.: *Быкова Т. А.* Каталог изданий Острожской типографии и трех передвижных типографий / ГПБ. Л., 1972. № 7).

¹⁸ Подобная атрибуция была предложена В. И. Лукьяненко, нашедшей сходство этого издания по начертанию и состоянию шрифта с виленской Псалтирью 1586 г. (см.: *Лукьяненко В. И.* Издания кириллической печати XV—XVI вв. (1491—1600): Каталог книг из собрания ГПБ. СПб., 1993. № 95), и она получила поддержку у некоторых современных библиографов (см.: *Гусева А. А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века. № 105).

¹⁹ Текст издания «Поучения» в 1642 г. заметно отличается от того, который можно найти в «грамоте» Кирилла Терлецкого, что необходимо связать с его намеренным изменением для новой публикации. По крайней мере, несовпадения в тексте изданий зачастую было бы предпочтительнее истолковывать стремлением сделать «Поучение» более понятным, причем это могло производиться, в том числе, посредством прямых разъяснений; ср. в издании 1587—1595 гг.: Бѣди стражѣ днь и ноцѣ, с покаяніемъ съ причастіемъ, и твори достоинное правило съ лювокію, тихо не ворѣдася (л. 7); и то же место «Поучения» в издании 1642 г.: Бѣди прочее готовѣ въиѣ днь и ноцѣ, съ крщеніемъ, съ покаяніемъ, (сирѣчь, исповѣдати болящихъ, и всѣхъ кающихся са) и съ причастіемъ. твори же достоинное правило, со лювокію, тиха а не ворѣдася (л. Б₁—Б₁ об.). Подверглись проверке и некоторые требования, предъявлявшиеся в «Поучении» к священнику, и далеко не все из них показались в середине XVII века достаточно правомерными. Например, в тексте издания 1642 года уже нельзя найти указания приносить на собор лист ставленный и текст этого «Поучения». Получили уточнения и другие предписания; к примеру, текст а в чѣжын предѣ пришедши не слѣжи, не вземъ грамоты и блѣвнѣа оу тамошнѣ епѣпа или оу его наместника (л. 7 об.) стал читаться теперь несколько иначе, а именно: в чѣждемъ же предѣлаѣ не слѣжи, не вземъ ѿ епѣпа грамоты (Б₁ об.).

в такие, которые должны были находиться в сугубо личном пользовании, причем строго определенного, поименованного в них человека.

Нетрудно заметить, что, если первые издания «Поучения новопоставленному иерею» заключали в себе текст собственно «Поучения», то последующие, или, по крайней мере, последнее из них представляло собою сборник, в состав которого была включена также «Дидакалия», катехизическое сочинение Сильвестра Коссова.²⁰ Не менее важным следует считать и то, что в львовском издании 1642 года основной текст «Поучения» сопровождался специальным «Пристежением», предписывавшим иерею необходимость использовать «Поучение» каждую неделю для рассмотрения своей совести и «Изъяснением темнейших словес, в Поучении сем обретающихся», небольшим словариком, в котором были даны перевод нескольких церковнославянских слов на «простую мову» и истолкование некоторых понятий, встречающихся в тексте.²¹ Примечательно, что заканчивалось это «Изъяснение» словами: Прочаа потщиса самгъ изъвѣрѣсти, и изъучити, въ Лѣгиконѣ.

Московское издание 1649 года заметно отличалось от югозападнорусских, причем практически всем. В его составе был также не только текст «Поучения», оно включало в себя и дополнительные статьи, одна из которых — «Благословение отпустное от святителя ко иерею и наказание» — примыкала к тексту «Поучения», составляя с ним единое целое, тогда как другая — «Како подобает иерею к божественей службе предуготовлятися» — скорее всего была добавлена из соображений полезности, имея с «Поучением» связь тематическую. Однако еще больше отличий обнаруживается в тексте изданий. В московском — он был обезличен; в нем не упоминалось имя действующего архиерея, в нем не было пробелов для

²⁰ См. об этом сочинении и его изданиях: Голубев С. Т. Киевский митрополит Петр Могила... Т. 2. Приложение. С. 228–229.

²¹ Отдельные истолкования были довольно оригинальны. К примеру, слово Шахматъ определялось в «Изъяснении темнейших словес» следующим образом: Маминіе, Шамѣкрство, Чарованіе. ѿ слова крѣцкѣго, Фаммата. Яко тежѣ ѿ слова, фармакевома: падоуѣ напѣшаю, Трѣстижно заражаю, Трѣю Чарѣю, Заклинаю: ѿколь тежѣ фармакеа: Заклинаніе, Чарованіе. Яже Шахматъ, а не Фамматъ, аѣш, фармаки, тѣтѣ сѣ вѣ Славенскомѣ знандѣтѣ, вошло то снѣтъ за шмѣлкою старѣхъ Писарѣвъ, которѣи того немало по собѣ zostавили (л. Б₄–Б₄ об.).

внесения имени поставляемого²². При этом он, несомненно, был архаичнее встречаемого в югозападнорусских изданиях, о чем можно судить по его большей близости к тому, который читается в списке Кормчей конца XIII века.²³

Вместе с тем «Поучение» в московском издании не только не представляло собою перепечатку из югозападнорусского сборника, но также и не было дословным воспроизведением какой-либо рукописи, текст его специально готовился для публикации. Об этом можно судить по одной вставке, значительно распространившей первоначальный текст. Благодаря ей простое указание «*Въ църкви не даи повѣстити*», имевшееся в Кормчей конца XIII века,²⁴ превратилось в московском издании в развернутое обоснование этой нормы поведения внутри церкви, подкрепленное отсылкой к святоотческому авторитетному мнению: *в' църкви не дакаи повѣствовати соудитныхъ, и тшесланыхъ бесѣдъ, по златовстѣ юваннѣ, такоже на дѣнїа в' бесѣдахъ, кѣ, глаголетъ, безчинниющеихъ въ църкви такъ гвбители и злодѣевъ, и тмани исполненїи слыхъ, изъ църкве изгонати подобаше. встави мѣтвъ, и ономѣ запрети; такъ возможемъ ползовати* (л. 5 об.—6) Несомненно, речь здесь идет о киевском издании «Бесед на Деяния апостолов» Иоанна Златоуста 1624 года, получившем весьма хороший прием в московских пределах.

Рассмотрение иосифовского издания «Поучения новопоставленному иерею», кажется, дает возможность предположить, для чего оно было предпринято. Его выпуск оказывался небесполезным уже потому, что, хотя текст «Поучения» и не относился к разряду исполняемых на соборном богослужении, его чтение составляло часть чина рукоположения во священника, которое как раз и заканчивалось вручением поставляемому «свитка»

²²Такая обезличенность «Поучения» в издании 1649 года, вероятно, была необходима, чтобы его экземпляры могли использовать и другие иерархи. В рукописной традиции «Поучение» могло начинаться указанием имени вручавшего его архиерея, известны рукописи «Хиротонии», надписанные как именем патриарха Иосифа, так и именем его предшественника, патриарха Иоасафа (см.: *Голубцов А. П.* Вступление на патриаршество и поучение к пастве Иосифа... С. 366—367, сноска 3).

²³*Павлов А. С.* Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1908. Ч. 1 (памятники XI—XV вв.). 2-е изд. Стб. 101—110 (РИБ. 2-е изд. Т. 6).

²⁴Там же. Стб. 107.

с текстом «Поучения».²⁵ Московское издание 1649 года является единственным, содержащим в себе краткие указания на форму совершения этого обряда; они следуют сразу за заголовком и предлагают следующий порядок получения поставляемым святительского «Поучения»: *Егда ѿстоитѣ новосѣщенныи попѣ ѿрокѣ свои оу соборныѣ цѣркве, тогда наказа его сѣть, и прочѣ емоу свитѣ сѣи, положи во олтарѣ, на прѣтолѣ, и велитѣ емоу вѣзати ѿ прѣтла вѣдѣніѣ сего памѣ, сѣннаго рѣкоположеніѣ и наказаніѣ (л. 1).* Официальный характер «Поучения», позволяющий говорить о том, что традиция его вручения при поставлении иереев была живой в Москве того времени, подчеркивается также уже упоминавшимся прибавлением к нему в издании 1649 года «Благословения отпустного от святителя ко иерею и наказания».

Нужно думать, в югозападнорусской традиции все было несколько иначе. Судить об этом можно даже на основании изучения львовского издания 1642 года, дающего в целом возможность составить представление о месте «Поучения новопоставленному иерею» в украинской книжности. Нет сомнений, что, с одной стороны, в середине XVII века оно еще сохраняло официальный характер, в связи с чем типографы не решались сделать его перевод на более понятный им в ту пору язык, «простую мову»: им было проще снабдить текст специальным словариком; с другой — в один ряд с «Поучением» в издании 1642 года было поставлено сочинение, еще более далекое от богослужебной практики, но полезное с точки зрения катехизации прихожан, если и не самих пастырей.

Кроме того, при рассмотрении югозападнорусских изданий «Поучения новопоставленному иерею» нельзя не обратить внимания, что два из них вышли по инициативе епископов Луцких и Острожских, а два других печатались для епископов Львовских, Галицких и Каменец-Подольских. И выпуск подобных пособий только в двух областях киевской митрополии при отсутствии интереса к ним у других ее иерархов позволяет предположить, что применение их при рукоположении священников могло быть особенностью церковной жизни лишь этих епархий, тогда как в других —

²⁵ Это именование рукописи «Поучения» «свитком», сохранявшееся в XVII веке в его изданиях вне зависимости от того, в пределах какой из печатных традиций они были выпущены, дает намек на многовековую историю указанного обряда.

обычай, связанный с выдачей святителем поставляемому во священника особого «Поучения», мог восприниматься уже как пережиток, тем более что и чтение его текста доставляло на Украине в эту пору определенные затруднения.

Косвенные подтверждения тому, что отношение к «Поучению новопоставленному иерею» в Москве и на Украине не было одинаковым, видятся в последующей истории издания этого текста. После того как «Поучение» было выпущено в конце правления патриарха Иосифа, его напечатали вновь в 1670 году, причем текст его получил ряд изменений и уточнений.²⁶ Затем «Поучение» издавалось до конца века еще шесть раз. В XVIII веке оно также печаталось в Москве неоднократно и, более того, к концу столетия стало дополняться другими полезными сочинениями, например, «Наставлением от архипастыря священнику» Иннокентия (Нечаева).²⁷ Обряд вручения рукополагаемому во иерея «Поучения» был жив еще в начале XX века, о чем писал составитель священнической энциклопедии Т. С. Тихомиров, указавший при этом, что оно, тем не менее, «не имеет значения церковно-юридического».²⁸

На Украине до конца XVII века «Поучение» было издано лишь еще один раз — в Новгороде Северском в 1676 году, по инициативе местного архиепископа Лазаря Барановича. Издание это весьма примечательно, поскольку, хотя оно и повторяло составом сборник, напечатанный во Львове в 1642 году, заключая в себе и «Поучение новопоставленному иерею», и «Дидакалию» Сильвестра Коссова,²⁹ текст его составных частей был взят не из львовского сборника; он был заимствован из совсем других книг, причем при печатании текста «Поучения» типографы обратились

²⁶Между тем, источником для московских изданий «Поучения» второй половины XVII века, несомненно, стало то, которое было выпущено при патриархе Иосифе, о чем свидетельствует, к примеру, сохранение глоссы лихвы к слову наклада (л. 3), а также уже упоминавшейся вставки в тексте с отсылкой к «Беседам на послания апостола Павла» Иоанна Златоуста (л. 5 об.).

²⁷См. петербургское издание «Поучения», выпущенное в 1800 г.

²⁸Тихомиров Т. С. На приходе: Священническая энциклопедия по всем сторонам пастырской деятельности с вводными статьями теоретического характера. М., 1915. Т. 1. С. 54.

²⁹Следует заметить, что «Поучение» в новгород-северском издании было напечатано как своего рода предисловие к сочинению Сильвестра Коссова.

к его московскому изданию. При этом было перепечатано не ближайшее к нему по времени издание 1670 года, но прежнее, иосифовское, и поэтому, в том числе, заключавшее его «Благословение отпустное от святителя к иерею и наказание». Следует отметить, что главным изменением, которое новгород-северские печатники внесли в текст, стало дополнение того глоссами с указанием на книги Священного писания в тех случаях, когда цитаты из них обнаруживались в «Поучении».

Украинские издания «Поучения новопоставленному иерею» в XVIII веке были немногочисленны; все они находились в зависимости от московской традиции выпуска этого сочинения.³⁰ Вместе с тем, не подлежит сомнению, что когда-то вручение «свитка» с «Поучением новопоставленному иерею» имело на Украине то же значение, что и в Москве. Свидетельство тому можно найти в одном замечании, которое обнаруживается в издании епископа Кирилла Терлецкого конца XVI века, но и только в нем. Текст этот замечателен еще и тем, что в нем подчеркивается существование различий между «Поучением» и ставленнической грамотой, показывается, что «Поучение» выдавалось иерею при поставлении не вместо, а наряду со ставленнической грамотой, а также делается намек на возможное употребление «Поучения», хотя, быть может, в нем отражена лишь местная традиция такого употребления: *Я на соборъ идѣчи принеси зъ собою къ ѿтлю листъ свои ставленѣи. І сѣю херитонѣхъ даннѣю тобѣ исповѣжь емѣ по числѣ* (л. 8). Таким образом, есть все основания утверждать, что, если грамота ставленническая служила подтверждением полномочий священника, то «Поучение» лишь регламентировало его бытовое поведение и, более того, помогало держать отчет в этом перед имеющим над ним власть святителем, хотя назвать «Поучение» своеобразной разновидностью священнического исповедного чина было бы несомненным преувеличением.

³⁰ В учетном списке украинских книг упомянуты 4 издания «Поучения», вышедшие в XVIII веке. Два из них были выпущены в Чернигове в 1714 и 1750 годах (*Запаско Я. П., Ісаевич Я. Д.* Пам'ятки книжкового мистецтва. Кн. 2. Ч. 1. № 895, 1705), два других — в Киеве в 1795 и 1797 годах (Там же. Кн. 2. Ч. 2. № 3808, 3929). Внимания заслуживают примечания составителей каталога при описании этих книг. Представляя черниговское 1714 года и киевское 1795 года издания, они посчитали необходимым заметить, что это «передрук з московського видання 1696 р.», а в черниговском издании 1750 года увидели «передрук з московського видання 1745 р.».

Предпочтительнее было бы рассматривать его как текст, служивший для приготовления священников к исповеди и покаянию, подобно тому, как большая подборка поучительных слов, вошедшая в «Сборник поучений патриарха Иосифа» 1643 года, вероятно, могла использоваться для такого же приготовления владетельных и знатных особ мирского чина.³¹ Об этом свидетельствует то, что все поучительные слова, начиная с «Почтения епископа всем христоролюбивым князем и всем правоверным христианом» и заканчивая «Словом св. Василия о судиях и о властелех», попадали не только в состав рукописных Кормчих, как это неоднократно отмечалось исследователями,³² также они были включены и в состав святительского Требника, напечатанного в Москве в 1624 году. И в нем все эти поучения получили место как раз перед исповедным чином,³³ характерной чертой которого в этом издании необходимо признать наличие в его тексте, в том числе специальных вопросов святейшим патриархам Московским, а также велишжѧ, княземъ и бояромъ, и всѣмъ сѣдѧмъ земскѧмъ и приказнѧмъ людѧмъ,³⁴ отсутствовавших в обычных Требниках.

Не исключено, что, составляя «Сборник поучений», патриарх Иосиф или те его сотрудники, которым такая работа была поручена, использовали именно Требник 1624 года. Об этом говорит, к примеру, то, что и в Требнике «Слово св. Василия о судиях и властелех» имеет в конце дополнение, которое отличает его от рукописного варианта текста и которое при рассмотрении «Сборника поучений патриарха Иосифа», казалось бы, можно было приписать перу самого патриарха.³⁵ Также можно предположить,

³¹ С этой точки зрения замечательна характеристика «Сборника поучений патриарха Иосифа», данная ему А. С. Родосским, писавшим, что «вся книжка собственно состоит из наставлений, заповедей и научения священников, которые изложены в поучениях к ним и которые касаются таинства причащения и исповеди» (см.: *Родосский А. С.* Описание старопечатных и церковно-славянских книг, хранящихся в библиотеке С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1891. Вып. 1: (1491–1700 г. включ.). С. 201. № 179).

³² Голубцов А. П. Вступление на патриаршество и поучение к пастве Иосифа... С. 351, сноска 1, 353–354, сноска 2, 354–355, 368; Булычев А. А. Поучение на «моровое поветрие» патриарха Иосифа. С. 188–189, 192.

³³ См.: Требник. М., 1624. Л. 142–152 об. (2-го счета).

³⁴ Там же. Л. 173–174 об., 205 об.–207 (2-го счета).

³⁵ В Требнике 1624 года это дополнение выделено наличием концевой полосы перед ним и ломбардом в его начале; см.: л. 152–152 об. (2-го счета).

что и решение дать «Сборнику поучений» свое имя пришло к Иосифу при учете одной важной новации, обнаруживаемой в тексте святительского Требника, а именно того, что в него было включено «Почтение на поставление архимандритом и игуменом», надписанное именем правившего тогда патриарха Филарета.

В любом случае рассмотрение издательских проектов патриарха Иосифа, как представляется, показывает, что, став первосвятителем русской церкви, он в значительно большей степени, чем тогда, когда был игуменом подмосковного Симонова монастыря, ощутил свойственный тогдашнему московскому обществу упадок нравов. Заботясь об их исправлении, он и решился сначала на публикацию своего рода окружного послания, распределявшегося затем по церквям. Естественно, что оно было обращено в первую очередь к духовенству. При этом священникам предлагались не только рекомендации поведения в быту, они наделялись орудием, которое следовало использовать в применении к сильным мира сего: в качестве этого орудия выступали поучения, применявшиеся для приготовления к исповеди и покаянию «христолюбивых князей и судий». Издание патриархом в 1649 году «Почтения новопоставленному иерею» показывает, что и позже проблема исправления нравов занимала Иосифа.³⁶ Таким образом, оценивая предпочтения патриарха Иосифа, проявившиеся в его издательской деятельности, нетрудно заметить, что он был далек от идеи просвещения народа, заботясь более о его благочестии, пути достижения которого он видел в нравственном совершенствовании тех, кому надлежало проявлять заботу о народе, и, прежде всего, лиц духовного звания.

³⁶С этой точки зрения показательны экземпляры «Сборника поучений патриарха Иосифа» и «Почтения новопоставленному иерею» из собрания РНБ (III.5.2^a и III.6.21^a), которые в XVII веке были соединены в конволют. Тематическая близость двух книг была настолько очевидна их владельцу, что все их составные части получили от него единую нумерацию. Всего он насчитал 13 слов, из которых три (11–13) были отмечены в составе «Почтения».

А. А. Савельев, Н. В. Савельева

«АЗБУКА УЧЕБНАЯ» КАРИОНА ИСТОМИНА

Истории печатной книги присуща одна парадоксальная, на первый взгляд, особенность, которая, по словам А. Х. Горфункеля, заключается в том, что «самыми редкими оказываются, как правило, не малотиражные, а массовые, рассчитанные на самый широкий круг потребителей, издания <...> их плохая сохранность есть именно результат их массового успеха, массового предназначения».¹ Одним из характерных примеров того, как книга становится редкой в результате интенсивного употребления, без сомнения, служит история бытования книг, предназначенных для первоначального обучения чтению — азбук и букварей.

В России в XVII—XVIII веках наиболее широко была распространена так называемая «Азбука учебная», или «Азбука на листу», выходившая на московском Печатном дворе. Она представляла собой издание небольшого объема, насчитывающее 8 л. (один печатный лист, сложенный в тетрадь формата в 8°), включала в себя ряд небольших разделов: алфавит, двух- и трехбуквенные слоги, названия букв кирилловского алфавита, «Слози имен по азбуце под титлами» (перечень слов, пишущихся под титлами), «Число церковное» (обозначение цифр буквами кириллического алфавита) и, наконец, «Имена просодиям» (перечисление диакритических

¹ Горфункель А. Х. Что такое редкая книга? // Редкие книги и рукописи: изучение и описание / Под ред. Н. И. Николаева. Л., 1991. С. 12.

и пунктуационных знаков, используемых при письме). Издания такой книги, вышедшие до конца XVII века, имели два заглавия: «Азбука учебная» (на л. 1) и «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг Божественнаго Писания» (на л. 1 об.), собственно текст азбуки занимал л. 2—8, на л. 8 внизу, после текста помещались выходные сведения (только дата — год и месяц издания), оборот л. 8 оставался пустым.

В документах архива московского Печатного двора впервые такая азбука упоминается под 1634 годом, когда «... всяким людям продано в научение детям <...> 400 азбук в четверть».² Сохранились также сведения о продаже больших тиражей этих азбук в 1647 и 1649 годах (соответственно, 2400 и 6000 экз.),³ а первое издание азбуки с точным выходом зафиксировано здесь под 19 июня 1651 года.⁴ Всего же во второй половине XVII века на московском Печатном дворе, по подсчетам И. В. Поздеевой, основанным на материалах архива московского Приказа книгопечатного дела, вышло 51 издание «Азбуки учебной» суммарным тиражом 258 тысяч экземпляров.⁵ Из всего этого числа до недавнего времени было известно только о нескольких сохранившихся экземплярах азбук в зарубежных книжных собраниях. По сведениям, изложенным в обобщающей статье Р. Клеминсона, наиболее ранний из них относится к 1669 году, известны также издания 1687 и 1698 годов.⁶ В России первый и единственный в настоящее время экземпляр такого издания был обнаружен в начале 2000-х годов. Азбука, датированная сентябрем 1686 года, хранится в Ярославском музее-заповеднике, где она была найдена в резуль-

² Новые материалы для описания изданий московского Печатного двора: Первая половина XVII в. / Сост. И. В. Поздеева. М., 1986. С. 36 (№ 68); Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА: Каталог / Сост. Е. В. Лукьянова. М., 2002. Вып. 2. С. 299 (№ 6).

³ Новые материалы. С. 52 (№ 148), 56 (№ 174); Московские кирилловские издания. С. 306 (№ 23), 308 (№ 32).

⁴ Новые материалы. С. 63 (№ 192).

⁵ Поздеева И. В. Между Средневековьем и Новым временем: Новое в деятельности Московского печатного двора второй половины XVII в. // Дадыкин А. В., Поздеева И. В., Пушкин В. П. Московский Печатный двор — факт и фактор русской культуры: 1652—1700 годы. М., 2007. Кн. 1. С. 63 (Табл. 1).

⁶ Cleminson R. East Slavonic primers to 1700 // Australian Slavonic and East European Studies. 1988. Vol. 2. № 1. P. 16, 24.

тате реализации программы исследования кириллических изданий Ростово-Ярославского региона.⁷ Руководитель этого проекта — И. В. Поздеева, сообщая об этом, пишет, что новонайденная «Азбука» стала «самой замечательной» и «много лет разыскиваемой» находкой данного проекта.⁸

Аналогичная картина наблюдается и для изданий «Азбуки на листу» в XVIII веке. По сведениям Т. А. Афанасьевой, собранным на основании данных известных каталогов кириллических книг XVIII века и обнаруженного ею «Реестра» изданий Московской Синодальной типографии, всего в XVIII веке вышло не менее семи-восьми десятков изданий «Азбуки учебной»: «Азбуки, издаваемые в XVIII веке кириллическим шрифтом, от первой половины столетия не сохранились, хотя печатались практически ежегодно, есть известия о печатании их как в Москве, так и в Петербурге», — заключает исследовательница, подчеркивая, что за данный период «не сохранилось ни одного издания Учебной азбуки».⁹

В начале 2000-х годов в одном из рукописных сборников-конволютов Пинежского собрания Древлехранилища (Пин. № 109) нами был обнаружен фрагмент неизвестного кириллического издания XVIII века, который оказался частью «Азбуки учебной», изданной Синодальной типографией в Москве в апреле 1739 года.¹⁰ Фрагмент, сохранившийся в сборнике ИРЛИ, является единственным известным к настоящему времени экземпляром «Азбуки учебной», изданной Синодальной типографией в XVIII веке. Этот экземпляр азбуки учтен А. А. Гусевой в вышедшем в 2010 году «Своде русских книг кирилловской печати XVIII века...».¹¹

⁷ Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли: 1652–1700 годы: Каталог / Под ред. И. В. Поздеевой. Ярославль; Ростов, 2009. С. 451 (№ 586).

⁸ Поздеева И. В. Книга в культуре российских регионов. Описания кириллических изданий XVI и XVII в. в Тверской, Пермской и Ярославской областях // Федоровские чтения. 2003. М., 2003. С. 114–115.

⁹ Афанасьева Т. А. Издание азбук и букварей кириллической печати в XVIII веке // Из истории рукописных и старопечатных собраний. Л., 1979. С. 38.

¹⁰ Савельев А. А., Савельева Н. В. Описание старопечатных изданий XV — нач. XX вв. Указатели. СПб., 2005. С. 59–60, № 93 (Пинежская книжно-рукописная традиция XVI — начала XX вв. Опыт исследования. Источники. Т. 2).

¹¹ Гусева А. А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М., 2010. С. 23 (№ 7).

Фрагмент включает только три заключительных листа «Азбуки» (с 6-го по 8-й), однако даже в таком неполном виде представляет материал, показывающий изменения данного типа книги в XVIII веке. На последних двух листах издания читаются «Стихи учительны» — силлабические вирши, являющиеся отличительной чертой «Азбук учебных» XVIII века.¹² Согласно наблюдениям Р. Клеминсона,¹³ эти вирши были включены в состав «Азбуки учебной» в 90-е годы XVII века, первое сохранившееся до наших дней издание «Азбуки» с этими стихами относится к 1698 году (оно известно по единственному экземпляру Королевской библиотеки в Копенгагене).¹⁴

При включении «Стихов учительных» в состав азбуки был изменен традиционный вид книги: чтобы освободить в восьмистишной тетради два листа, необходимые для публикации стихов, типографам пришлось отказаться от заголовка на первом листе издания и увеличить число строк в полосе набора (с 13 до 14). Таким образом, текст «Азбуки учебной» помещен в издании 1698 года на л. 1–6 об. и завершен выходными сведениями на л. 6 об., обозначающими границу канонического состава азбуки. «Стихи учительные» занимают л. 7–8 об. и являются своего рода приложением к изданию, текстом, предложенным учащимся для первого опыта чтения.

Именно в таком виде, уже без особых изменений, «Азбука учебная» издавалась в XVIII веке.¹⁵ Наиболее позднее синодальное издание (из известных в настоящее время), в котором перепечатываются «Стихи учительные», относится к 1769 году. Стихи помещены в составе азбуки, откры-

¹² Савельев А. А. «Стихи учительные»: к вопросу о составе старопечатных кириллических изданий «Азбуки учебной» в конце XVII–XVIII веке // Детский сборник: Статьи по детской литературе и антропологии детства. М., 2003. С. 139–146.

¹³ Cleminson R. East Slavonic primers to 1700. P. 16, 24.

¹⁴ Благодарим Л. В. Мошкову, любезно предоставившую нам возможность ознакомиться с копией данного издания.

¹⁵ Л. 1–6 представляют собой также одну из вводных частей «Первого учения отроком» Феофана Прокоповича, учебника, вышедшего первым изданием в Санкт-Петербурге в 1720 году, а затем неоднократно переиздававшегося. Единственный известный в настоящее время экземпляр первого издания книги хранится в библиотеке «*Franckeschen Stiftungen*» в Халле (Германия), см. его описание в кн.: *Fundaminski M. Die Russica-Sammlung der Franckeschen Stiftungen zu Halle: aus der Geschichte der deutsch-russischen kulturellen Beziehungen im 18. Jahrhundert: Katalog.* Halle, 1998. S. 77–79 (№ 27.1).

вающей первое из дошедших до нас изданий книги Платона (Левшина) «Начальное учение человеком» (М., 1769. Л. 7–8 об.), так называемой «Азбуки с катехизисом», заменившей в середине 1760-х годов. в репертуаре московской Синодальной типографии «Азбуку учебную». В последующих изданиях книги Платона (Левшина) — 1771, 1772 и т. д. — два листа со «Стихами учительными» заменены тремя листами (л. 7–9 об.) с текстом «Краткого нравоучения», набранного уже гражданским шрифтом. Вероятно, именно в это время, в начале 1770-х годов, «Стихи учительные» исключаются из круга текстов, публикуемых Синодальной типографией. Таким образом, мы можем обозначить хронологические границы тиражирования «Стихов учительных»: они печатались в составе «Азбуки учебной» на протяжении более 70-ти лет, с конца 1690-х по начало 1770-х годов, выдержав за этот период не один десяток изданий.

Стихи, напечатанные в 8-листовой «Азбуке учебной», представляют собой три молитвы (к Богу, Богородице и ангелу-хранителю) и собственно «Стихи учительные» — 19 сентенций, написанных распространенным в поэзии конце XVII века силлабическим одиннадцатисложником с обычной цезурой после пятого слога (всего 21 стихотворение, 19 из них — двустишия и два — первая молитва и стих «О лже» — четверостишия).

Особенность «Стихов учительных» состоит в том, что наряду с традиционными для средневековой Руси молитвами и увещаниями о добродетелях, нравственных устоях, грехе, благодарении Бога сентенции подчеркивают превосходство разума перед богатством и красотой тела, предостерегают читателей от празднословия и праздности, прельщения личной красотой, личной «нечистоты» (нечистоплотности духовной и телесной). Преимущественно светская тематика стихов позволяет отнести их создание к ранней Петровской эпохе. При первоначальной характеристике азбуки такого состава нами вполне закономерно было высказано предположение, что стихи эти написаны незадолго до 1698 года (дата первого сохранившегося издания азбуки со стихами) и что их автором мог быть Карион Истомин, служивший справщиком, а в 1698–1701 годы начальником московского Печатного двора.¹⁶ Эта атрибуция подтверждается ру-

¹⁶ См.: Савельев А. А. «Стихи учительные». С. 141. Обзор творчества Кариона Истомина и основную библиографию работ о нем см.: Сазонова Л. И. Карион Истомин //

кописным списком «Стихов учительных», недавно обнаруженным в сборнике РНБ, собр. П. Н. Тиханова, № 227. Сборник написан в начале XVIII века (не ранее 1705 года) и содержит в себе тексты новой традиции, позволяющие соотнести его состав с московскими кругами, близкими Печатному двору и дворцовым приказам, о чем прежде всего свидетельствуют переписанные в нем жития, переведенные Арсением Греком для издания «Анфологиона» (М., 1. X. 1660), документальные материалы Посольского приказа, а также два литературных памятника, созданных в кругах, близких Посольскому приказу.¹⁷

Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3. Ч. 2. С. 140–152; СПб., 2004. Вып. 3. Ч. 4. С. 729–731 (библиографические дополнения); см. также: Сазонова Л. И. Литературная культура России. Раннее новое время. М., 2006. С. 73–84.

¹⁷ РНБ, собр. П. Н. Тиханова, № 227. Сборник, XVIII век (начало, не ранее 1705 года), 4°, скоропись, 267 л. Водяные знаки: Герб Амстердама нескольких разновидностей, в том числе близкие по типу: *Heaewood E. Watermarks mainly of the XVII-th and XVIII-th centuries*. Hilversum, 1950, № 386–387 (1689 год) (*Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia*. Vol. 1); Водяные знаки рукописей России XVII в.: По материалам рукописей ГИМ / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. М., 1980. № 172. 1692–1693 гг. Переплет поздний: фанера, обложенная зеленой выцветшей тканью, подклеенная бумагой с золотым тиснением; бумага форзацев без водяных знаков. На подклейке верхней крышки находится штамп библиотеки П. Н. Тиханова. Рукопись написана скорописью одной руки, в оформлении текста использована яркая киноварь (заглавия и буквы). В верхнем правом углу листов проставлена в конце XVIII века фолиация (только до л. 141, далее фолиации нет, перед л. 142, 254 вырвано по листу; утрачено 6 листов в начале блока). Форзацы, л. 141 об., 202 об., 253 об. без текста. Запись: «Никифора / Федорова сына / Про / то / по / по / ва»; (Л. 2–91, скрепа по нижнему полю листов, та же скоропись, которой проставлена фолиация). Содержание: Летописные выписки (Л. 1, без начала, начало с сообщения о Димитрии Угличском и царе Феодоре Иоанновиче; о смерти Феодора Иоанновича и воцарении Бориса Годунова, описание царствования Алексея Михайловича); «Описание печати Российского Государства» (Л. 11); Перечень вселенских патриархов (Л. 11 об.); Уложенная грамота даря Феодора Иоанновича с перечислением подписей вселенских патриархов (Л. 14); Список вселенских патриархов, приезжавших за милостыней к царю Алексею Михайловичу (Л. 18); «Описание римских пап благочестивых, кто имена были от рожества Христова и которые несогласны были» (Л. 19); Материалы по внешним сношениям с королями испанскими, французскими, английскими, датскими, шведскими, польскими, родословие турецких султанов, китайских ханов и др. (Л. 28); Повесть о двух посольствах (Л. 132 об.); Легендарная переписка турецкого султана с чигиринскими казаками (Л. 140 об.); «Стихи учительные» (Л. 142); Служба Варлааму Хутынскому (Л. 143 об.); Житие и чудеса Варлаама Хутынского (Л. 154); Похвальное слово Пахомия

«Стихи учительные» представляют собой в сборнике отдельный (вне азбуки) список, в котором двустушия, в соответствии с традицией, записаны в строку. В отличие от текста, помещенного в сохранившихся изданиях, стихи в рукописи подписаны. Так, в окончании печатного текста читается:

Увещание всякому лицу¹⁸

Юни и стари, сему вси внимлите,
в Божию любовь ум, сердце прострите (л. 8 об.).

В списке П. Н. Тиханова на месте этого «Увещания» читается другой текст:

Желание

Юным меншой монах Карион се носит,
всякого добра у Бога всем просит (л. 143).

Подобные уничижительные скрепы Кариона Истомина завершают разные его тексты и подношения: «менший богомолец и нижайший слуга <...> иеромонах Карион Истомин», «хуждший иеромонах», «менший грешный И. К. челом бияй, творит прошение», «худший твой рабищич»; «худший богомолец иеромонах Карион Истомин типографии справщик»

Логофета Варлааму Хутынскому (Л. 195 об.; текст жития с Похвальным словом относится к IV распространенной редакции, см.: *Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний.* Л., 1973. С. 277); 15 августа. Слово на успение Богородицы из Миней четых Димитрия Ростовского (Л. 203, см.: *Туптало Дмитрий [Ростовский]. Книга житий святых... июнь, июль, август...* Киев: Лавра, 14. IX. 1705. Л. 678 об.–691 об.); «О летех Пречистыя Девы Богородицы, колико на земли пожиле...» (Л. 225, см.: Там же. Л. 691 об.–692); Житие Феодора Стратилата в переводе Арсения Грека (Л. 227; см.: *Анфологион. М., 1. X. 1660. С. 54–94*); Мучение св. Екатерины в переводе Арсения Грека (Л. 239; Там же. С. 1–57); «Роспись полевой мере как мерить по указу великих государей...» (Л. 254); «О земном верстаньи, как земля верстати...» (Л. 267).

¹⁸ Здесь и далее текст, кроме специально оговоренных случаев, цитируется по первому сохранившемуся изданию: М., IX. 1698, листы указываются в скобках. Текст передается в упрощенной орфографии, буквы древнерусского алфавита передаются современными, знаки препинания проставлены по современным правилам.

и т. д.¹⁹ Отметим также, что сходное по форме «желание» Кариона Истомина находится в Печатном букваре 1696 года в Посвящении («Приветство ино с *желанием*») царю Петру Алексеевичу:

Се же и мы тебе, царю, носим,
о милость Христа подати вам просим (л. 71).

Сопоставление рукописного списка «Стихов учительных» с их печатным вариантом свидетельствует о большей близости к авторскому именно рукописного текста. Помимо нескольких закономерных разночтений (типа «похощет-восхощет», «студа-стыда» и т. д., см.: Приложение), следует отметить чтение, появившееся, вероятно, из-за ошибки в наборе, которое присутствует уже в первом сохранившемся издании и повторяется во всех последующих переизданиях текста: сентенция «О нечистоте», которая в рукописи звучит следующим образом:

Злая нечистость — *вражда* человека,
отъемлет силу и лет его века (л. 143),

в издании получила следующий вид:

Злая нечистость *кажда* человека,
отъемлет силу и лет его века (л. 8 об.).

Кроме того, в самом начале рукописного списка есть два стиха, своего рода эпиграф к тексту, отсутствующие в издании:

О всем хвалити Бога подобает
Деву Марию всяк да убажает (л. 142).

Таким образом, 8-листовая «Азбука учебная» с нравоучительными стихами — еще одно издание, предназначенное для начального обучения, подготовленное Карионом Истоминым, одним из просвещеннейших людей своего времени, придворным поэтом и воспитателем царских детей, который прежде всего известен как составитель двух букварей — печатного

¹⁹ См.: Браиловский С. Н. Один из «пестрых» XVII столетия: Историко-литературное исследование в двух частях с приложениями. СПб., 1902. С. 133, 135, 177, 201, 203 (Записки имп. Акад. наук. Т. 5).

1696 года, и знаменитого лицевого, созданного в 1692 году, и в 1694 году гравированного Леонтием Буниным.²⁰

В отличие от нравоучительных стихов, помещенных в начальном (Предисловие) и заключительном (Увещение) разделах печатного букваря 1696 года, которые, как известно, заимствованы Карионом Истоминным из букваря Симеона Полоцкого, изданного Верхней типографией в 1679 году, стихи в «Азбуке учебной» самостоятельны и независимы от этого текста. Конечно, они перекликаются с отдельными мотивами и даже словесными оборотами стихов в букваре Симеона Полоцкого, но в очень незначительной степени и на уровне общих мест, например:

**Букварь Симеона Полоцкого
М., 1679.**

Предисловие

Отроче юный, от детства учися
Писмена знати и разум потщися (л. 2 нenum.)

Иже в юности труды полагает,
Во дни старости в покои бывает (л. 2 нenum.)

**Стихи учительные
(РНБ, собр. Тиханова, № 227)**

О молитве

Отроча благо, измлада учися,
во всяком деле Господу молися (л. 142).

О делании присном

Годствует юным всегда в деле быти,
на старость имут в покои ти жити
(л. 142 об.).

В то же время, сентенции «Азбуки учебной» закономерно имеют параллели в общих местах и с сочинениями самого Кариона Истомина и особенно близки к ряду чтений его «Домостроя», например:

Домострой²¹

От сна скоро встав, яко сотворенный
Бога помяни, яко в то вчиненный.

Стихи учительные

Скоро кто, от сна восстав, Бога славит,
душу и тело той в жизни сей здравит
(л. 142).²²

²⁰О значении Букварей Кариона Истомина, их роли в образовании царских детей и в становлении педагогической мысли в России см.: Богданов А. П. Учеба царских детей и издания государевых типографий // Федоровские чтения 2003 г. М., 2003. С. 224–256.

²¹Текст цитируется по изданию: Карион Истомин. Домострой / Подг. текста и комм. С. И. Николаева и А. М. Панченко // Памятники литературы Древней Руси. М., 1994. XVII в. Кн. 3. С. 241.

²²Ср. сходство рифмы в собственных стихах Кариона Истомина в Букваре 1696 года: В Троице Бога и мы ныне славим / Да ум и сердце известно уздравим (Стихи на Успение Девиды Богородицы Марии; стих 2, л. 62 об.).

Существенное отличие «Азбуки учебной» Кариона Истомина от созданных им букварей состояло в ее предназначении. Она была адресована самому широкому кругу читателей и, как уже отмечалось, издавалась большими тиражами вплоть до начала 70-х годов XVIII века. О востребованности этого типа азбуки и популярности помещенных в ней «Стихов учительных» свидетельствуют еще два издания XVIII века.

Первое — контрафактное старообрядческое издание «Азбуки учебной», датированное апрелем 1778 года. Это издание, привлекавшее постоянное внимание исследователей кириллической книжности XVIII века, имеет длинную библиографическую «легенду».²³ Старообрядческое издание, появившееся, когда «Азбука» уже перестала тиражироваться в Синодальной типографии, является по возможности точным воспроизведением данного типа синодальных азбук, повторяя все их отличительные признаки — заглавие, содержание, форму выходных сведений (на последнем листе в конце текста, только год и месяц издания, без указания места и типографии), на двух же последних листах старообрядческого издания читается текст «Стихов учительных» Кариона Истомина. В то же время в тексте старообрядческой азбуки имеются два характерных отличия от текста подлинной синодальной: одно I в имени Иисус в статье о словах

²³ См.: Савельев А. А. «Стихи учительные». С. 145 (сноска 10). Я. Запаско и Я. Исаевич называют местом издания этой азбуки Почаев (*Запаско Я., Исаевич Я.* Пам'ятки книжкового мистецтва: Каталог стародруків виданих на Україні. Львів, 1984. Кн. 2. Ч. 2. № 2913), А. В. Вознесенский — Вильно (*Вознесенский А. В.* 1) Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII — начала XIX века: Каталог. Л., 1991. № 222; 2) Предварительный список старообрядческих кириллических изданий XVIII в. СПб., 1994. № 24). К сожалению, еще более запутывает решение данного вопроса вновь вышедший фундаментальный каталог изданий XVIII века А. А. Гусевой. Здесь указан еще один, ранее не известный, экземпляр данной азбуки (ГИМ, собр. Цапова, № 679, см.: Гусева А. А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века. № 1015), однако само издание описано в каталоге дважды — как старообрядческое, без указания места печати (под № 1015, причем, вслед за Я. Запаско и Я. Исаевичем в качестве его автора ошибочно указан Платон (Левшин)), и как синодальное (под № 33, вероятно, эта атрибуция сделана по дефектому экземпляру ГИМ, в котором нет первого листа с характерными заставками; вместе с тем, опубликованные А. А. Гусевой по этому экземпляру стихи (С. 24–25) абсолютно точно совпадают со стихами полного экземпляра старообрядческой азбуки (РНБ, V. 6. 53а) и имеют с ним общую ошибку в тексте (см. Приложение), то есть, без сомнения, являются двумя экземплярами одного издания).

под титлами и опечатка в стихе «О делании присном», где наборщик, не поняв устаревшего уже глагола «годствует», передал его как «г(о)с(по)д-ствует», с выносной «с».

Кроме того, стихи Карiona Истомина известны также в лубочном варианте, во второй половине XVIII века они были выпущены на двухлистовой гравированной картинке с заглавием «Молитвы ко Богу изображены, стихи учительны положены».²⁴ Текст расположен в 23-х медальонах с жанровыми сценками, соответствующими сюжету каждой сентенции. Судя по особенностям текста и ошибкам в наборе, гравированная картинка восходит к одному из синодальных изданий азбуки, причем, к изданию, в наборе которого использовалась литера «н» с дефектом (см.: Приложение): сентенция «о нраве» в лубочном издании названа «о праве».

О популярности «Стихов учительных» Карiona Истомина, явившейся, несомненно, следствием столь длительной их печатной истории, свидетельствуют и факты иного бытования этого текста. Краткие сентенции, написанные удобным для запоминания размером, были вполне пригодны для обращения их как в письменной, так и в устной традиции. С одной стороны, стихи, отдельно от самой азбуки, распространялись в рукописных списках.²⁵ Списки стихов отражают особенности печатного текста и

²⁴ Описание издания и публикацию текста см.: Русские народные картинки / Собрал и описал Д. Ровинский. СПб., 1881. Кн. 3: Притчи и листы духовные. С. 142–144 (№ 764).

²⁵ См.: 1) БАН, собр. Текущих пост., № 18. Сборник, XVIII в. (20–30-е годы), 8°, Л. 1–1 об.; помимо стихов из азбуки содержит выписки из изданий московского Печатного двора 30–40-х годов XVII века, кутейнского издания Диоптры (1654 год), из книги «Жезл правления» Симеона Полоцкого (М., 1666) и др. (описание рукописи см.: Описание рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР / Сост. А. П. Конусов, В. Ф. Покровская. М.; Л., 1951. Т. 4. Вып. 2: Повести, романы, сказания, сказки, рассказы. С. 269–271); 2) РГБ, собр. Д. В. Разумовского, № 8-2. Сборник, XVIII век (сер.), 8°, 8 л.; содержит: уставные выписки, список с печатной Азбуки начального учения нотного пения и «Стихи учительные» (описание рукописи см.: Собрания Д. В. Разумовского и В. Ф. Одоевского. Архив Д. В. Разумовского. Описания / Под ред. И. М. Кудрявцева. М., 1960. С. 48); 3) РГАДА. Библ. Синода, № 1369. Сборник, XVIII век (кон.), 8°, Л. 265–267; помимо стихов содержит каноны и кондаки, в том числе Макарию Желтоводскому и Сергию Радонежскому, выписки из лубочных изданий о Страстях Христовых, выписки из Зерцала Великого и Цветника священноинока Дорофея и др. (описание рукописи см.: Никольский А. И. Описание рукописей, хранящихся в Архиве святейшего правительствующего Синода. СПб., 1906. Т. 2. Вып. 1. С. 77; 4) ИРЛИ, Древлехрани-

сами по себе являются еще одним свидетельством бытования в народной среде не дошедших до нас изданий «Азбуки учебной».

С другой стороны, «Стихи учительные» Кариона Истомина, что называется, «разошлись на цитаты». Наиболее полюбоившиеся читателям сентенции из этих стихов встречаются в качестве маргиналий в рукописных сборниках. Чаще всего в сборниках находятся записи сентенций «О разуме» (Кто самага ся восхощет познати / той да потщится разума искати) и «О мудрости» (Сыну глупому не помощь богатства / аще не купит мудрости изрядства).²⁶ Любопытен пример редко употребляемой в таком качестве сентенции «О нечистоте» (Злая нечистость кажда человека / отъемлет силу и лет его века). Она помещена на полях бытовавшего в Вологодских пределах экземпляра издания книги средневекового философа Луиджи Корнаро (1475–1566), создателя и проповедника системы лечебного голодания и здорового питания: Корнаро, Л. Лудовика Корнелия венецианина. Опыт о пользе трезвья жизни / Переведен и нужнейшими примечаниями изъяснен доктором Петром Погоретским, Сибирскаго корпуса медиком. М., печ. при Имп. Моск. ун-те, 1768.²⁷ Сентенция, таким образом, связана владельцем, ее записавшим, с содержанием отмеченного издания.

Впрочем, отдельные сентенции из стихов Кариона Истомина можно найти не только в рукописных сборниках из крестьянской и мещанской среды, но и в текстах русских духовных и гражданских писателей XVIII–XIX веков.

лище, Усть-Цилемское собр., № 114, XIX века (сер.), содержит молитвы Николаю Мирликийскому и отдельные сентенции из «Стихов учительных» (описание рукописи см.: *Малышев В. И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960. С. 145). См. также: ЦНБ Харьковского Гос. ун-та, № 2. Отдельный список азбуки со стихами 1771 года (см.: *Жинкин Н. П.* Краткие сведения о рукописях Центральной научной библиотеки Харьковского Государственного университета им. А. М. Горького // ТОДРА. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 468).

²⁶ См., например, запись XVIII века на Требнике (М., 29. VIII. 1636, Л. 490 об.) из Владимирского музея-заповедника (В 5637/26, см. описание: Каталог фонда редкой книги Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника / Сост. М. Ю. Глазков. Владимир, 2000. Ч. 3. Вып. 4. С. 37 (№ 34)).

²⁷ См.: Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель / Под общ. ред. П. А. Колесникова. Вологда, 1984. Ч. 3. Вып. 1.

Стих «О питии» («Много питие умы помрачает / и человеки в ничто обращает») цитирует в одной из своих проповедей конца 1720-х годов. св. Иннокентий (в миру Иоанн Кульчицкий, 1680/1682–1731), первый епископ Иркутский, миссионер и проповедник:²⁸ «И не упивайся без памяти, и сам не упой без памяти никого, аще и друг ти будет. Многое бо питие умы помрачает / и человеки ни во что обращает...» (Поучение в неделю 17-ю по Всех святых).²⁹

В конце 1760-х годов «Молитва к Богу», открывающая «Стихи учительные», цитируется в близком к фольклору сатирическом стихотворении неизвестного автора — так называемом «Плаче холопов» («О, горе нам, холопам, за господами жить!»):

Хотя бы выпил с горя чарку винца,
Да взять негде и кислого пивца.
Господи наш Боже!
Даждь в небесном твоем поле ложе!
Ты бо нам творец:
Сделай бедным один конец!³⁰

Сентенция «Годствует юным всегда в деле быти» встречается в одном из сочинений Петра Ивановича Челищева. Челищев — автор «Путешествия по Северу России в 1791 году» (опубликовано в 1886 году), близкий друг А. Н. Радищева, послуживший прототипом одного из персонажей «Путешествия из Петербурга в Москву», и, вместе с тем, известный и своей набожностью. В записке, представленной им в Российскую академию 14 мая 1793 года, он, настаивая, в частности, на употреблении слова «годство», цитирует данную сентенцию, ссылаясь на «почерпнутое правило в священном писании и в катехизисе помещенное». ³¹ Из этого можно

²⁸См.: Крючкова Т. А. Иннокентий (Кульчицкий Иоанн) // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 22. С. 716–725.

²⁹См.: Модест (Стрельбицкий Д. К.) О проповедничестве св. Иннокентия, первого Иркутского епископа и чудотворца... с присовокуплением поучений и слов, известных с именем св. Иннокентия. Иркутск, 1873. С. 208.

³⁰Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков. / Вступ. статья, сост., вступ. заметки, подг. текста и прим. С. А. Рейсера. Л., 1988. С. 72 (Б-ка поэта; Большая сер.).

³¹«Почерпнутое правило в священном писании и в катехизисе помещенное: *годствует юным всегда в деле быти*, служит подкреплением моим доказательствам...». См.: Чели-

предположить, что стихи Кариона Истомина были известны ему по одному из первых изданий «Азбуки с катехизисом» Платона (Левшина).

Имеет свою историю и стих о праздности («Праздность и старых людей повреждает; / Младым же паче на вред та бывает»). Его цитирует Н. Г. Курганов в «Российской универсальной грамматике» (1769 год, первое издание знаменитого впоследствии Письмовника), в посвященном риторике разделе «О сочинении слов и речей», как один из примеров двучленного периода;³² сентенция Кариона Истомина соседствует здесь со стихами Ломоносова и Сумарокова. В конце XVIII века стих «в прозаическом изложении» использован в дидактическом сборнике «Книга на четырех языках» уже в разделе «Российские пословицы»: «Праздность и старым вредна, и молодым опасна».³³ В XIX веке стих выписывает из Письмовника Курганов И. М. Снегирев и в несколько измененном виде — «Праздность и старых повреждает, а молодым не малый вред бывает» — вносит в свой свод русских пословиц — вышедшие в свет в 1848 году «Русские пословицы и притчи».³⁴ Из сборника Снегирева пословица попадает в ряд современных антологий второй половины XX века, а еще в 80-е годы XIX века ее оттуда же выписывает А. П. Чехов для своей диссертации «Врачебное дело в России». Сентенция Кариона Истомина, ставшая пословицей, опубликована среди других выписок А. П. Чехова из книги П. М. Снегирева в 16-м томе полного собрания сочинений.³⁵

Имела широкое хождение и впоследствии стала пословицей и еще одна сентенция из «Стихов учительных» — «О мудрости» («Сыну глупому не помощь богатства, / аще не купит мудрости изрядства»).

щев П. И. Послание в Российскую академию (1793) // Путешествие по Северу России в 1791 году: Дневник П. И. Челищева / Издан под наблюдением Л. Н. Майкова. СПб., 1886. С. 282.

³² Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения рускому языку: С семью присовокуплениями разных учебных и полезнотраважных вещей. СПб., 1769. С. 87. Здесь же читается и сентенция «Годствует юным всегда в деле быти...» (С. 104).

³³ Книга на четырех языках. СПб., 1796. С. 250.

³⁴ Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи. М., 1848. С. 338.

³⁵ Чехов А. П. Врачебное дело в России // Чехов А. П. Полн. собр. сочинений и писем: В 30 т. М., 1979. Т. 16. С. 286.

В 1719 году в Москве издается перевод немецкого учебника географии И. Гюбнера (1668—1731) «Земноводного круга краткое описание». Каждый из четырех разделов книги открывается гравированным фронтисписом, один из которых — «Америки описание», с изображением сидящего индейца, у ног которого слитки золота и т. п. — сопровождается подписью, являющейся, без сомнения, своеобразной реминисценцией сентенции из азбуки: «Что пользы сим множество богатства, / егда не имут мудрости изрядства».

В 1774 году сентенция процитирована в одном из «Разговоров разного содержания прозою и стихами, в пользу учащагося юношества: Сочиненных в Тверской семинарии» — «Разговоре между умным и хвастливым»: «В. Читывал ли ты, что в азбуке русской написано: сыну глупому не в помощь богатство... А. Я хоть азбуки-то и не знаю, да богат, а ты умион, да скудион».³⁶ Знаменательна здесь ссылка на азбуку, свидетельствующая, что сентенция еще не стала общеизвестной. В 1780 году «учительный стих» о мудрости используется в антистарообрядческом памфлете С. П. Колосова «Жизнь некоторого мужа...» при создании речевого портрета персонажа — начетчика, повторяющего прописные истины: «Душа: Сыну глупому не помощь богатство, аще не купит мудрости изрядства; у меня на буяне сгорела книжка, да и не одна; пожалуйте, государь мой, прошу выслушать, изволили вы читать, что, как Псаломник глаголет, все суета суть...».³⁷

И наконец, первый стих двустипхи о мудрости произносит в комедии Дениса Ивановича Фонвизина «Недоросль» (1782) Стародум: «Детям? Оставлять богатство детям? В голове нет. Умны будут — без него обойдутся; а глупому сыну не в помощь богатство. Видал я молодцов в золотых кафтанах, да с свинцовой головою. Нет, мой друг! Наличные деньги — не наличные достоинства. Золотой болван — все болван».³⁸

³⁶Разговоры разного содержания прозою и стихами, в пользу учащагося юношества: Сочиненные в Тверской семинарии. СПб., 1774. С. 20.

³⁷Колосов С. П. Жизнь некоторого мужа и перевоз курioзной души его через Стикс-реку. СПб., 1780. Цит. по кн.: Светлов Л. Б. Русский антиклерикальный памфлет XVIII в. // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1963. Сб. 2. С. 391.

³⁸Фонвизин Д. И. Недоросль // Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 133.

С этого времени, вероятно, фраза входит в речевой оборот, становясь пословицей. Так, она попадает в сатирический памфлет на московскую аристократию «Послание к автору стихов на Бульвар», ходивший в рукописных списках в начале XIX века:

...Сыну глупому богатства
Не помога, слышал я,
Коли мудрости изрядства
Не купил он для себя.

Граф, тому в пример, Кирила,
Хоть богат и знатен так,
Но куда не сунет рыла
Тот час виден, что дурак...

Здесь сентенция Кариона Истомина, уже через устное обращение, употребляется для сатирического изображения графа Кирилла Григорьевича Разумовского (1728–1803), государственного деятеля, с 1746 года президента Петербургской академии наук, последнего гетмана Украины.³⁹

Точно так же один из персонажей ранней трагедии М. Ю. Лермонтова «Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти)» (1830), Иван, говорит: «...есть пословица на Руси: глупому сыну не в помощь богатство».⁴⁰ Бытование этой пословицы в XIX веке также зафиксировано В. И. Далем и в словаре (на слово Богатство), и в «Пословицах русского народа».

О том же, что сочинение Кариона Истомина в своем цельном виде через длительную печатную и письменную традицию обрело бытование в традиции устной и совсем уже далекой от первоначального назначения, ярко свидетельствует его использование в полном (от начала до конца) объеме в обрядовой практике религиозной общины духоборов. «Стихи учительные» Кариона Истомина составляют один из псалмов, читающихся духоборами в похоронном обряде. Текст был записан В. Д. Бонч-Бруе-

³⁹ Морозов П. Московская сатира сто лет тому назад // Русская старина. 1909. Т. 139. С. 557–558, 568–569.

⁴⁰ Лермонтов М. Ю. «Menschen und Leidenschaften» // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. М., 1976. Т. 3. С. 234.

вичем в начале XX века в Канаде от закавказских духоборов-постников, выходцев, в основном, из Тифлисской губернии.⁴¹ В примечании к изданию публикатор отмечает обрядовую функцию текста у духоборов: «Этот псалом духоборцы поют на похоронах у могилы. Под пение этого псалма гроб заколачивают крышкой, опускают в могилу и засыпают землей».⁴² В отличие от множества псалмов, восходящих к молитвам, духовным стихам, эратопокритическим циклам, широко бытовавшим в поздней рукописной традиции, старообрядческой и нестарообрядческой, этот текст относится к редким псалмам, имеющим литературное, авторское происхождение. Источник, к которому восходит псалом в традиции духоборов, с точностью указать невозможно. В то же время, есть основания предполагать, что этим источником послужило, скорее всего, лубочное издание стихов. Аналогию такого заимствования из лубка можно указать, например, в том же похоронном цикле — псалом № 157 («Да кто себе на земле поимет двенадцать друзей...»), несомненно, восходит к лубочной картинке. Лубочное «Сказание о 12 друзьях человека» выходило несколько раз и получило вследствие этого широкое распространение в поздней крестьянской рукописной традиции.⁴³ В публикации В. Д. Бонч-Бруевича стихи записаны единым текстом, без разделения на сентенции и, соответственно, без заглавий. Стихи Кариона Истомина выглядят настолько отдаленными от оригинала, что порой вообще утрачивают всякий смысл. Вот, например, как искажена в воспроизведении духоборов сентенция «О делании присном»:

РНБ, Тихан. 227

Псалом 159

Годствует юным всегда в деле быти, на старость имут в покои ти жити (л. 142 об.).	Господь стоит в юных, завсегда в деле быша, старые имают покой себе жизни (с. 161).
--	--

По-видимому, столь значительное отступление от оригинала стало следствием длительного бытования именно в устной традиции, обладающей при этом спецификой закрытого произнесения текстов у духоборов.

⁴¹ Бонч-Бруевич В. Д. Животная книга духоборцев. Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола / Под ред. В. Бонч-Бруевича. СПб., 1909. Вып. 2. С. 161. Псалом № 159, последовательность текстов задана публикатором.

⁴² Там же, сноска 340.

⁴³ Русские народные картинки. Кн. 3. С. 138—140.

Но в приведенном примере следует обратить внимание на одно слово, имеющее своего рода «традицию» искажения первоначального звучания. Слово «годствует», за употребление которого так вступался П. И. Челищев, вышло из употребления и было уже непонятно в конце XVIII века, что привело, как было ранее отмечено, к передаче его в форме «господствует» в контрафактном издании «Азбуки учебной», к аналогичной форме оно восходит и в псалме духоборов.

Приведенные здесь примеры, конечно, не исчерпывают всех случаев использования стихов Кариона Истомина. «Азбука учебная» в том составе, в котором была издана еще в конце XVII века, обращалась в самых разных кругах русского общества на протяжении почти целого столетия. «Стихи учительные», написанные для этого издания Карионом Истиным, предлагают нам, по-видимому, самый ранний пример столь длительного и функционально разнородного бытования стихотворного авторского текста, созданного в период до формирования литературной традиции и культуры нового времени.

В приложении публикуются стихи Кариона Истомина по рукописному списку с разночтениями по всем известным на сегодняшний день изданиям.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Стихи учительные» Кариона Истомина по рукописному списку и сохранившимся изданиям¹

Основной текст:

РНБ. Собр. Тиханова. № 227. Л. 142–143.

Разночтения:

Азбука. М., ПД. 1698 *A*

Азбука. Син. IV. 1739 *A1*

¹ Киноварные самозаглавия и буквицы рукописного списка выделены.

Азбука. контр. IV. 1778 А2

Платон (Левшин). Начальное учение человеком. М., IX. 1769 П

Азбука гравированная (лубок) Л

О всем хвалити Бога подобает
Деву Марию всяк да у(б)лажает.²

Молитва ко Господу³

Молю тя, Царю Господи мой Боже,
даждь ми в небесномъ твоёмъ поли ложе.
Ты бо Творецъ мой, к тебе прибегаю,
во твои руце мене предаваю.

Ко Богородице

Дево Марие, мене во благодати,
прошу тя присно изволъ сохраняти.

Ангелу

Ангеле святыи, присно си⁴ мой хранитель,
к любви Божией буди ми учитель.

Стихи учительны

О разуме

Кто самого ся похощет⁵ познати,
той да потщится разуму искати.

² Во всех изданиях двестишесте отсутствует. В рукописи после двестишести сделан отступ в 5—6 строк; в Л перед молитвой заглавие: Молитвы ко Богу изображены, стихи учительны положены.

³ Ко Богу А, А1, А2, П, Л.

⁴ Так в рукописи; присный А, А1, А2, П, Л.

⁵ восхощет А, А1, А2, П, Л.

О благодарении

Скоро кто, от сна встав, Бога славит,
душу и тело той в жизни сей здравит.

О молитве

Отроча благо, измлада учися
во всяком деле Господу молися.

/Л. 142 об./ **О делании присном**

Годствует⁶ юным всегда в деле быти,
на старость имут в покои ти⁷ жити.

О праздности⁸

Праздность и старых людей повреждает,
младым же паче на вред та бывает.

О ясти⁹

В питии, юный, отнюд не мужайся,
но и ястия в меру приобщайся.

О питии

Многое¹⁰ питье умы помрачает,
и человеки в ничто обращает.

О праве¹¹

Чадо, избытка во всем ты стерегися,¹²
благодравия и правды держися.

⁶ Господствует *A2*.

⁷ те *A1, A2, П*.

⁸ праздности *A2*.

⁹ Так в рукописи; ястии *A, A1, A2, П, Л*.

¹⁰ Так в рукописи; много *A, A1, A2, П, Л*.

¹¹ В изданиях *A1, П* первая литера имеет дефект и читается скорее как «п»; О прав-
ве *Л*.

¹² стрегися *A, A1, A2, П, Л*.

О мудрости

Сыну глупому не помошь богатство,¹³
аще не купит мудрости изрядства.

О празднословии

Из многих словес грех не убежиши
и в посмех себе всякому явиши.

О срамословии

Безчестно слово срам всем сотворяет,
того стрещися юным подобает.

О гресе

Всяк не держися греховныя вети
всюду будиши¹⁴ без студа¹⁵ сидети.¹⁶

О лже¹⁷

И в смех не лгите, о юныя дети,
не будете в том в старость бед имети.
В юности лгати зело непотребно,
и в старости бо то каждому вредно.

О прелести

Дети, в личных красотах себе не прелщанте,
но смерть, суд, муку, царство присно помышляйте.
/Л. 143/

О нечистоте

Злая нечистость — вражда¹⁸ человека,
отъемлет силу и лет его века.

¹³ богатства А, А1, А2, П, Л.

¹⁴ будеши А, А1, А2, П, Л.

¹⁵ стыда А1, А2, П, Л.

¹⁶ сидети А1, А2, П, Л.

¹⁷ В П текст разделен отбивкой на два двустипия. В Л стих разделен на два, каждый в отдельном медальоне, перед вторым заглавие «О увещании».

¹⁸ каждая А, А1, А2, П, Л.

О добродетели

Аще кто славы драгой не утратит,
всюду ему та честию заплатит.

О радости

Юноше, любовь твою имей к Богу
возмеши радость zde и в небе многу.

О красоте тела

Аще ли кому не даст лепоты природа,
той да исполнит смыслом, где в той несвобода.

Желание¹⁹

Юным меншой монах Карион се носит,
всякого добра у Бога всем просит.

¹⁹ Двустиишие только в рукописи; в А, А1, А2, П, Л.

Увещание всякому лицу

Юни и стари, сему вси внемлите,
в Божию любовь ум, сердце прострите.

Мария Кристина Брагоне

К ИСТОРИИ РУССКОГО ЭЗОПА НА РУБЕЖЕ XVII И XVIII ВЕКОВ

Первый русский печатный перевод басен Эзопа «Притчи Эссоповы» принадлежит Илье Копиевскому, типографу и переводчику, деятелю Петровской эпохи.¹ Этот перевод — результат его работы в Амстердаме, где он в сотрудничестве с голландским купцом Яном Тессингом занимался печатанием и распространением в России книг технического содержания, которые должны были удовлетворять потребностям, возникшим в русском обществе в результате Петровских реформ.²

¹ Биографию и обзор его деятельности см.: *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. I. С. 13–25; *Быкова Т. А.* Книгоиздательская деятельность Ильи Копиевского и Яна Тесинга // Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий напечатанных кириллицей 1689 — январь 1725 гг. М.; Л., 1958. С. 318–341 (Приложение IV); *Nowak Z.* Eliaz Kopijewicz, polski autor, tłumacz, wydawca i drukarz świeckich książek dla Rosji w epoce wczesnego Oświecenia // *Libri Gedanenses. Rocznik Biblioteki Gdańskiej Polskiej Akademii Nauk za lata 1968–1969.* Gdańsk, 1970. S. 35–86; *Безуглов Ю. К.* Копиевский (Копиевич) Илья (Элиаш) Федорович // *Словарь русских писателей XVIII века.* СПб., 1999. Вып. 2. (К–П). С. 122–123.

² 17 мая 1698 года, когда Петр I находился в Амстердаме, Ян Тессинг получил привилегию печатать в Амстердаме книги на русском и голландском языках с монополией на их распространение в России через Архангельск (*Быкова Т. А.* Книгоиздательская деятельность Ильи Копиевского и Яна Тессинга. С. 321–322).

Деятельность Копиевского, направленную на создание научно-технической литературы на русском языке, несмотря на все ее недостатки,³ а также препоны, вставшие на его пути во время работы в Амстердаме⁴ (например, его распри с Тессингом после недолгого периода сотрудничества), тем не менее можно считать новаторской.

Кроме первого печатного перевода басен Эзопа, мы обязаны ему также первыми печатными пособиями по общей истории и по арифметике, а именно: «Введением кратким во всякую историю» и «Кратким и полезным руководством во арифметику», — опубликованными в Амстердаме в типографии Тесинга в 1699 году.⁵ Обе книги представляют особый интерес с разных точек зрения.

³ Например, в предисловии к «Введению краткому во всякую историю» Копиевский объясняет: «и тако, благочестивый читателю, с великим попечением, потрудихомся сокровенная в сей книзе открыти и совершенно явити, но понеже и литеры еще не исправные, суть и печатники в деле, яко не умеющии языка славяноросииского, молимся православнии читателю егда вникнув в сию книгу, имея, дар по благодати духа святого, обрящеши явственное поползновение, во именех или речениях, да никакоже усумнишися о сем мя яко не изрядно презрена сия книга и издана есть» (*Копиевский И.* Введение краткое во всякую историю. Амстердам, 1699. С. 6).

⁴ «Краткое собрание Лва Миротворца», перевод сочинения «Тактика» Льва VI Мудрого, вышедшее в 1700 года в Амстердаме, вызвал неодобрение боярина Федора Головина. Сам Копиевский рассказывает об этом в обращении к Петру I, стараясь одновременно найти для себя оправдание: «По указу твоего пресветлейшаго царскаго величества, написал я воинских дел промыслы некотория и статьи к ним, но не мошно было совершеннаго толкования в статьях скорым делом написать, потому-что француз, который имался делать приправы воинския, отъехал был в Бруксель. Обаче же подражая древних монархов и храбрых воинов ромыслы, вся совокупил во едино и, запечатавав, вручил я великому боярину Федору Алексеевичу. А мне подьячий Михайла Ларивонов отпечатованныя — на укоризну приведши мя в поварню — пред всеми отдал мне, аки безделицу какую, поругаяся ми, сказал: у нас-де промышленных людей на Москве стегают! Мошно дело, аще тех, котории хотят точно жалованье взять твоего пресветлейшаго царскаго величества денежное. Не таково же было и есть мое намерение, а умножения и расширения ради великия славы твоего пресветлейшаго царскаго величества потрудился, и до ныне еще труждаюся. Не имел вины подьячий поругаться мне» (*Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. С. 521–522).

⁵ Описание этих изданий см.: *Быкова Т. А., Гуревич М. М.* Описание изданий напечатанных кириллицей. С. 278–281 (Приложение I); см. также: *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. II. С. 12–13, *Nowak Z.* *Eliasz Kopijewicz, polski autor, tłumacz...* S. 57, 60.

«Введение краткое во всякую историю» сообщает начальные знания по общей истории (ее периодизации, типам исторических книг, правителям разных времен и народов и т. д.), расположенные большею частью в списках и таблицах; они дополнены общими сведениями по географии (страны, континенты, моря, реки, горы и т. д.), изложенными также в списках, и по геометрии, к которым добавлены таблицы мер времени и длины.

В «Кратком и полезном руковедении во арифметику», напротив, общие сведения по арифметике (числа в кириллических, арабских и римских цифрах, четыре арифметических действия с примерами) дополняются сентенциями из разных источников на латинском и церковнославянском языках, состоящих из правил поведения в жизни и в обществе.⁶ К ним приложено 17 басен Эзопа на церковнославянском языке с толкованием. Они и являются первым печатным русским переводом Эзопа, поскольку «Притчи Эссоповы» были опубликованы только через год, в 1700 году.⁷

Оба издания Копиевского представляют собой не столько учебники по истории и по арифметике, сколько пособия смешанного содержания, первое из которых предлагает сведения по разным дисциплинам, в том числе по истории, а второе — ряд практических сведений и нравоучительных правил для применения их в повседневной жизни.

Такой состав и такой подбор материала соответствуют определенному плану составителя, по мнению которого данные книги призваны были служить не только учебниками по общей истории или арифметике, но и пособиями более широкого профиля и применения. Сам Копиевский говорит об этом в предисловиях к ним:

«Первая книга содержит в себе начало учения истории в четырех главах <...> вторая книга помощь показывает желающим полезно уметь и вести совершенно

⁶ Например: «Deum timeate, / Regem honorate, / Бога боитесь / царя чтите» (1 Пет. 2, 17), «Cum bonis ambula (из *Disticha Catonis*), / Malos declina. / С добрыми людьми дружися / лукавых всегда блюди» (Копиевский И. Краткое и полезное руковедение во арифметику. Амстердам, 1699. С. 17).

⁷ Источник басен в «Кратком и полезном руковедении во арифметику» пока не установлен. Пять из этих басен помещены также в «Притчах Эссоповых», но только одна из них совпадает с текстом «Краткого и полезного руковедения во арифметику» (Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий напечатанных кириллицей. С. 280 (Приложение I)).

историю <...> в первой сама синопсис историчная <...> вторая заключает летописание <...> третья описание вся вселенныя...

По указу пресветлейшаго и великаго государя нашего царя <...> начиная печатовать книги, якоже в указной грамоте великаго государя, писано есть, математические, еометричные, архитектонские, и ратные земные и морские книги, и прочия всякия художные. И тако избрахом <...> сицевую книгу, имущую имя въведения, неточию бо въведет во всякую историю, но и во всякую выжае имеваную книгу, и по подобию ключа всякую от тех отворит...».⁸

«Читателю благочестивому <...> сию полезную юношам книгу <...> написанную по указу пресветлейшаго и великаго государя нашего <...> в нейже съписано есть пять частей правилных арифметыцких, или счетных <...> ктому при, писаном, сентенции или притчи ко благочестию и благим обычаем, служащия отроком на латинском и русском языке, восприми же православный читателю благодарно...».⁹

Таким образом, уроки географии и геометрии, наряду со сведениями о мерах времени и длины, служили дополнительным материалом, призванным предоставить основные знания, необходимые для лучшего усвоения не только истории, но и других дисциплин. Равным образом, моралистические сентенции и басни Эзопа, сопровождавшие уроки арифметики, должны были снабдить учеников нравоучениями, необходимым элементом их воспитания.

По сравнению с предыдущей учебной традицией пособия Копиевского, несомненно, представляют собой нечто новое. Прежде всего это связано с более светским их назначением, они заметно отличаются от букварей, общей целью которых, кроме обучения грамоте, было дать основы религиозного образования.

Для того чтобы получить более точное представление о пособиях Копиевского и об их новаторском характере, необходимо рассмотреть их содержание в контексте старой традиции, учебной и литературной. Это касается в первую очередь «Краткого и полезного руковедения во арифметику», в которое включены 17 басен Эзопа.

Изложенный в «Кратком и полезном руковедении во арифметику» материал по арифметике, состоящий из самых элементарных сведений,

⁸ Копиевский И. Введение краткое во всякую историю. С. 3, 5.

⁹ Копиевский И. Краткое и полезное руковедение во арифметику. С. 2.

в своих общих чертах не представлял собой новинки: в большей или меньшей степени он уже был в обороте во второй половине XVII века, как свидетельствует, например, краткая статья «Основание числительного художества», включенная в некоторые списки рукописного букваря «Алфавитар ради учения малых детей», в которую помещены среди прочего числа в кириллических и арабских цифрах, арифметические действия.¹⁰ Да и наличие сентенций в учебнике Копиевского указывает на типологическое сходство его с букварями, в состав которых входили главы с цитатами из Библии, наставлявшими, как себя вести в разных обстоятельствах жизни. Например, в азбуке Василия Бурцова, изданной в Москве в 1637 году, подобные уроки даются в главах «Притчи Соломони» и «Исус Сирахов»; в «Алфавитар ради учения малых детей» включены главы «О делании христианского человека» и «Обучение к детям» с цитатами из Библии; в «Букваре трезязычном» Федора Поликарпова, изданном в Москве в 1701 году, в главе «О делех православного христианина» приводятся фрагменты из Библии на церковнославянском, греческом и латинском языках.

Включение в пособие басен Эзопа тоже само по себе не ново. Отдельные басни Эзопа или эзоповские мотивы встречаются, например, в «Вертограде многоцветном» (1678) Симеона Полоцкого,¹¹ а в «Алфавитаре ради учения малых детей» помещена басня «Приглашение о сыне и матери», иллюстрирующая рассуждение букваря о необходимости телесных наказаний. Эта басня используется также как учебный текст, пригодный для упражнения в лингвистическом анализе и в грамматике.¹²

Басни Эзопа в «Кратком и полезном руковедении во арифметыку» и в «Притчах Эссоповых» хотя и первый печатный перевод Эзопа, появив-

¹⁰ Этот букварь был составлен, по всей вероятности, книжником грекофилом Евфимием Чудовским или лицами из его московского окружения между декабрем 1684 и январем 1685 года. Список букваря, содержащий самый богатый из известных вариант статьи «Основание числительного художества» восходит к концу XVII — началу XVIII веков. Об этом букваре см.: *Bragone M. C. Alfavitar radi učenija malych detej. Un abbecedario nella Russia del Seicento. Firenze, 2008.*

¹¹ *Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р. Эзоп на Руси. Век XVII. Исследования. Тексты. Комментарии. СПб., 2005. С. 23–25.*

¹² Такой лингвистический анализ не был распространен в букварях. Подобный анализ некоторых молитв находится в московском издании грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 года.

шийся в России, далеко не первый перевод Эзопа в русской литературе: кроме отдельных басен и мотивов, использовавшихся в разных произведениях, известны три рукописных сборника переводов басен Эзопа и басен эзоповской традиции, восходящие к XVII веку.¹³

Первый сборник «Притчи, или баснословие, Езопа Фриги» состоит из 144 басен и принадлежит переводчику Посольского приказа Федору Гозвинскому (вторая половина XVI — начало XVII веков). Перевод был сделан им с греческого языка в 1607 году по редакции, изданной в Милане в 1479 году гуманистом Боном Аккурсием. Судя по дошедшим до нас 27 его спискам, он пользовался большим успехом.¹⁴ В виршах, открывающих сборник, Гозвинский подчеркивает иносказательную функцию басен и особенно их значение не столько как приятного чтения, сколько как полезного нравоучения:

Пиша притчами сими зверския нравы
и в них изоображает человеческия sprawy...
Глумление сея притчи не в глумех,
но утешительное прочитание в разумех;
нравоучительная к нам сей беседует
и в притчах полезная к житию дарует...¹⁵

Второй сборник «Зрелище жития человеческого», состоящий из 134 басен, принадлежит Андрею Винуису (1641–1717), переводчику Посольского приказа и видному сподвижнику Петра I. Перевод был сделан в 1674 году с немецкого языка по одному из переизданий сборника басен Эзопа и басен эзоповской традиции «Theatrum Morum. Artliche Gespräch der Thier mit wahren Historien den Menschen zur Lehr» (издан в 1608 году в Праге), в котором стихотворные переводы басен сопровождаются гравюрами извест-

¹³ Здесь не рассматривается русский перевод арабской версии Эзопа «Премудрого Лохмона издивительные склады и примеры», включенный в состав «Путешествия в Московию и Персию» Адама Олеария и восходящий к последней трети XVII века (Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р. Эзоп на Руси. Век XVII. С. 14–16).

¹⁴ О Гозвинском и его переводе см.: 1) Тарковский Р. Б. Гозвинский Федор Касьянович // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 204–207; 2) Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р. Эзоп на Руси. Век XVII. С. 16–17, 51–143.

¹⁵ Там же. С. 211.

ного гравера Э. Саделера. После каждой басни в сборнике Виниуса приводится историческое нравоучение, излагающее эпизоды из Ветхого Завета и из древних, византийских и средневековых авторов. Такие приложения позволяли русскому читателю расширять свои исторические знания. Сборник Виниуса имел значительное распространение: известны 60 его списков, восходящих к XVII и XVIII векам.¹⁶ В начале книги помещено предисловие, в котором Виниус рассуждает о своей работе, объясняя одновременно значение басен:

«Потреба же книги сея всякаго чина и сана людем (наипаче же младым) велика, зане о всяких делех всем человеком притчи оныя учение подают, како мудро и опасно жити <...> Еще же от сих научиться можем, яко, зрящим на безсловесная, достоин нам житие свое и нравы злобныя исправляти <...> Сего ради во общую пользу, наипаче же младым отроком, иже во дверь сего многотажного вступают жития, — сия притчи в научение и в употребление ко всяким случаям составих <...> внемли изряднейшая и яко пчела избирай, да в сердце твоём мед премудрости собереш, имже вся находящая горести жития твоего растворити можеш...».¹⁷

Как видим, Виниус еще больше, чем Гозвинский, подчеркивает назидательную функцию басен, которые должны давать наставления и указывать, как правильно вести себя в разных случаях жизни и как исправлять ошибки и пороки в своем поведении.

Третий сборник басен Эзопа и басен эзоповской традиции, составленный в 1675 году в Симбирске и состоящий из 260 басен, распределенных в трех книгах («Книга, глаголемая Притча Езопа Францакаго»; «Вторых книг вторыя притчи Гаврила Грека»; «Третьих книг третия притча Лаврентья Римлянина»), принадлежит Петру Кашинскому (вторая половина XVII века), польскому офицеру, перешедшему на службу царя, а значит, по сравнению с двумя первыми переводчиками, переводчику непрофессиональному. Перевод был сделан им с польского языка по польскому изданию

¹⁶ О Виниусе и его переводе см.: *Тарковский Р. Б.* 1) Виниус Андрей Андреевич // *Словарь книжников и книжности Древней Руси* / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 175–181; 2) *Эзоп на Руси. Век XVII*. С. 16–17, 144–164 (Совм. с Л. Р. Тарковской).

¹⁷ Там же. С. 301, 302.

(без указания места и года) Себастьяна Стернацкого, вышедшему в анти-тринитарной типографии в Кракове в начале XVII века, до 1607 года, или в городке Ракове примерно в 1618 году, во всяком случае, до 1635 года.¹⁸ Сборник Кашинского, из которого известны только два списка, не содержит никаких указаний переводчика о его назначении.¹⁹ На основании известных данных можно предположить, что Петр Кашинский принадлежал к антитринитарам или был связан с ними и что он выехал в Россию после изгнания из Польши антитринитаров в 1658 году, взяв с собой книгу басен Эзопа, которую потом и перевел. Тут следует напомнить о значении, которое протестанты придавали басням, что явствует, например, из сочинения Ф. Меланхтона «De utilitate fabularum» (1526) или перевода на немецкий язык басен Эзопа и басен эзоповской традиции, выполненного Мартином Лютером в 1530 году («Etliche Fabeln aus Esopo von D.M.L. verdeudscht».)²⁰

Как видно из приведенного материала, не только включение 17 басен Эзопа в «Краткое и полезное руковедение во арифметику», но и их использование в качестве наставления («сентенции или притчи ко благочестию и благим обычаем»)²¹ было не ново. Учебник Копиевского в этом случае отразил уже установившуюся традицию понимания басни как, прежде всего, поучения. Однако само включение 17 басен в печатное пособие с практическими целями, каким является «Краткое и полезное руковедение во ариф-

¹⁸ Там же. С. 165, 172; *Kawecka-Gryczowa A.* Ariańskie oficyny wydawnicze Rodeckiego i Sternackiego. Dzieje i bibliografia. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1974. S. 195, 345; *Николаев С. И.* Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб., 2008. С. 195–196. См. также: *Bragone M. C.* Esopo in Russia tra '600 e '700 // *Testi classici nelle lingue moderne. Primo colloquio «Roberto Sanesi» sulla traduzione letteraria*, a cura di R. Cremante, F. M. Falchi, L. Guerra. Atti del Convegno internazionale di studi promosso dal Centro di ricerca interdepartimentale sulla tradizione manoscritta di autori moderni e contemporanei dell'Università di Pavia. Pavia, Collegio Ghislieri, 5–6 marzo 2009. Il confronto letterario. 2010. N 52. Supplemento: Testi classici nelle lingue moderne. P. 130–131.

¹⁹ О Кашинском и его переводе см.: 1) *Тарковский Р. Б.* Кашинский Петр // *Словарь книжников и книжности Древней Руси* / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. С. 153–154; 2) *Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р.* Эзоп на Руси. Век XVII. С. 165–203.

²⁰ *Doderer K.* Fabeln. Formen Figuren Lehren. Zürich, 1970. S. 197.

²¹ *Копиевский И.* Краткое и полезное руковедение во арифметику. С. 2.

метыку», предопределило их характер. Роль развлекательного и приятного чтения, которую басни могли играть, особенно в случае переводных сборников Гозвинского и Виниуса, возникших в среде Посольского приказа и обращенных, вероятно, к культурному кругу читателей, в пособии Копиевского не первостепенна, хотя и не исключена вовсе.

Итак, «Краткое и полезное руководство во арифметыку» предстает пособием нового типа, содержащим практические сведения по арифметике и поведенческие наставления, своим содержанием оно заметно отличается от традиционных русских учебников, т. е. букварей, целью которых было обучение грамоте и основам веры. Тем не менее, если взять отдельно составные его части (сведения по арифметике, сентенции и 17 басен Эзопа), и рассмотреть ту роль, которую они играют по отдельности, можно обнаружить связь каждой из них с традицией букварей и рукописных сборников переводов Эзопа.

Если «Краткое и полезное руководство во арифметыку» и, следовательно, 17 басен Эзопа занимают все же промежуточное положение в процессе формирования в Петровское время практической, технической и дидактической литературы, издание «Притчей Эсоповых» было подлинным новаторством не только в учебной, но и в художественной литературе, а также в истории русских переводов древних авторов. Это издание, вышедшее в типографии Тессинга в 1700 году,²² содержит 40 басен с толкованием, а также «Батрахомиомахию», приписывавшуюся по традиции Гомеру. Текст басен на латинском и церковнославянском языках помещен параллельно на разворотах листов. Каждая басня иллюстрирована гравюрой. Текст «Батрахомиомахии», к которому приложены шесть гравюр, дается только на церковнославянском языке. Басни Авиана, хотя и упоминаются в заглавии, в книге отсутствуют. Открывает издание отрывок «С Филостратовых персон или лиц. Притчи» в сопровождении гравированного портрета Эзопа.²³ П. П. Пекарский установил, что Копиевский

²²Притчи Эсоповы на латинском и русском языке ихже Авиении стихами изобрази совокупно же брань жаб и мышей Гомером древле описана со изрядными в обоих книгах лицами, и с толкованием. Амстердам, 1700.

²³Филострату из Лемноса приписывается сочинение 'Εἰκο'νες, содержащее описание 64 картин из одной неаполитанской коллекции, изображающих в том числе мифологические сюжеты.

при издании «Притчей Эссоповых» подражал голландскому сборнику переводов басен Эзопа, предназначенному для школьного употребления и составленному по указанию правительства.²⁴ Это издание содержит отрывок *'Εκ τῶν Φιλοστράτου Ἑικοῶν, Μυθολ.* «Ex Philostrati Imaginibus, Fabulae» и гравированный портрет Эзопа. Затем следуют 40 басен в прозе с толкованием, текст на греческом и латинском языках помещен на страницах параллельно в столбцах. Каждая басня сопровождается гравюрой. После басен Эзопа помещены 42 басни Авиана в стихах на латинском языке без гравюр и «Батрахомиомахия» с шестью гравюрами, текст которой на греческом и латинском языках дается параллельно на разворотах листов. Гравюры издания принадлежат известному граверу Христофору ван Сихему II. Это издание было подготовлено Даниэлем Гейнсиусом (1580–1655), известным гуманистом, филологом, поэтом, профессором и библиотекарем Лейденского университета.

Кроме своих стихов на греческом языке в начале и в конце книги,²⁵ Гейнсиус поместил в издание замечания о значении публикуемых им текстов и роли их в обучении. В обращении к читателю и в кратком примечании к басням Авиана Гейнсиус указывает на их пользу:

«Ut utraque eloquentia juvenus juxta, et quam commodissime, exerceatur, curae iis vel imprimis esse oportet, quibus ea est commissa. Socratis exemplo. Qui, ut in Phaedone extat, ne sine exercitio poetices vita excederet a Deo monitus; et monenti paruit, et, cum Fabulas contexere non didicisset, ex Aesopo eas mutuavit. Ad quod exercitium ut Avienus praeceat, fabellas, quas (ut erat saeculum) non infeliciter interdum

²⁴ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. II. С. 28–30; Nowak Z. Eliaz Korjiewicz, polski autor, tłumacz... S. 61–62. Первое издание этого сборника вышло в Лейдене в 1626 году. При работе над статьей я пользовалась экземпляром, хранящимся в Лейденской библиотеке: *Fabulae Aesopi graece et latine, nunc denuo selectae: eae item, quas Avienus carmine expressit. Accedit Ranarum et Murium Pugna Homero olim asscripta: Cum elegantissimis in utroque libello figuris, et utriusque interpretatione, plurimis in locis emendata. Ex decreto DD. Hollandiae Ordinum in usum scholarum. Ultrajecti, 1685.* Пекарский же указывает на амстердамское издание 1672 года. Перечень и краткое описание голландских изданий переводов, предназначенных для школьного употребления в 1626–1727 годах см.: Landwehr J. *Fable-books printed in the Low Countries. A Concise Bibliography until 1800.* Introduction by Prof. Mr. H. De La Fontaine Verwey, with 12 plates, Nieuwkoop, 1963. С. 7–8.

²⁵ В использованном мной экземпляре отсутствует последняя страница со стихами.

expressit, superioribus adjecimus. Ut juvenus, postquam prima dulcis et in affectatae sapientiae ac Linguae Graecae tirocinia, Aesopo debere didicit, Carminis scribendi argumentum ex eodem petat; ex Avieno, sed cum cautione, modum <...>

Haec emendata locis aliquot adjecimus, non ut memoriae a juventute mandentur, cui tantum optima committi debent: sed ut Aesopi fabellas, quas Aphtonius et alii, exercendae facundiae causa, inter prima eloquentiae rudimenta proponunt, Carmine expressa habeant potius, quam discant...».²⁶

(«То, чтобы юношество в одинаковой степени и как можно более удобным образом упражнялось в обоих [греческом и латинском] красноречиях, в первую очередь должно быть предметом заботы для тех, кому оно поручено. По примеру Сократа. Он, как известно из „Федона“, убежденный Богом в том, чтобы не умирать без упражнения в поэтике, подчинился Указывающему и, поскольку не учился сочинять басни, заимствовал их у Эзопа. Для этого упражнения, чтобы Авиеи шел первым, мы добавили к предыдущим [басням] басни, которые он [Авиен] — как это было свойственно его времени — порой сочинял вполне удачно. Чтобы юношество, после того как оно научится по Эзопу первым основам сладостной и простой мудрости, искало у него же [Эзопа] материю для написания стихотворений, а у Авиена, хотя и с осторожностью, — способ <...>

Мы добавили это в исправленном в некоторых местах виде не для того, чтобы юношество учило это наизусть, поскольку наизусть следует учить только лучшее, но для того, чтобы басни Эзопа, которые Афтоний и другие ради упражнения в красноречии предлагают среди первых оснований красноречия, оно [юношество] скорее имело в стихотворном виде, чем учило...»).

Басни Эзопа оказываются материалом для изучения греческого и латинского языков. Они, как и басни Авиана, предлагают также сюжеты для упражнений в красноречии и в декламации. Итак, в издании Гейнсиуса, являющемся официальным учебником, предназначенным для школ, басни Эзопа и другие тексты включены в учебный план, далекий от религиозных и нравоучительных целей, впрочем, полностью отрицать их все же нельзя. Гейнсиус создал образец учебника, пользовавшийся большим успехом, о чем свидетельствуют его многочисленные переиздания.

В целом подражая Гейнсиусу, Копиевский внес в свое издание несколько изменений: во-первых, в нем отсутствуют басни Авиана, хотя в заглавии они и упоминаются. Во-вторых, в раздел, содержащий басни

²⁶Fabulae Aesopi graece et latine. Ultrajecti, 1685. S. 67, 94.

Эзопа, на месте греческого языка латинский язык, а на месте латинского — церковнославянский, текст же «Батрахомиомахии» дается только на церковнославянском языке.²⁷ Кроме того, Копиевский не использовал размышления Гейнсиуса о значении и пользе басен в обучении. Причина, по которой Копиевский сократил содержание учебника Гейнсиуса, связана, по-видимому, с желанием упростить его и тем приспособить к скромному уровню учеников и читателей в России. Замена греческого языка латинским вызвана намерением составить пособие по изучению латинского языка по образцу и структуре учебника Гейнсиуса, концентрируя внимание только на латыни, для распространения знания которой Копиевский прилагал много усилий. Об этом свидетельствует, например, его латинская грамматика «*Latina grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis slavonica-rosseanae adornata*» (Amsterdam, 1700).

На основе изложенного материала можно сделать некоторые выводы. Три рассмотренных нами издания «Введение краткое во всякую историю», «Краткое и полезное руковедение во арифметику» и «Притчи Эссоповы» в целом представляют собой новый тип учебника светского характера.

«Краткое и полезное руковедение во арифметику» выделяется на фоне учебной традиции и по своему назначению, предлагаемому в нем материалу и по своей общей структуре. Но отдельные его части: сведения по арифметике и сентенции из разных источников — связаны и с предшествовавшими и с современными ему учебниками, например, с букварями.

Хотя нельзя полностью исключить использования басен Эзопа в качестве приятного чтения, включением их в «Краткое и полезное руковедение во арифметику» Копиевский преследовал прежде всего цель снабдить пособие назидательным и поучительным материалом. Такое двойное назначение басен Эзопа объединяет пособие Копиевского в первую очередь с букварем «Алфавитар ради учения малых детей», но также с рукописными переводами Гозвинского, Виниуса и Кашинского.

Роль басен Эзопа меняется с появлением «Притч Эссоповых», хотя, конечно, их назидательная функция полностью не утрачивается. «Притчи

²⁷ В списках жаб, лягушек и мышей, помещенных в начале «Батрахомиомахии», греческие и русские имена расположены в параллельных столбцах, но греческие имена транслитерированы кириллическими буквами.

Эссоповы» воспроизводят с изменениями признанный голландский учебник на латинском и греческом языках, составленный филологом и гуманистом Даниэлем Гейнсиусом и предназначенный для школьного употребления, в котором басни Эзопа используются для изучения античных языков и для упражнения по красноречию. Копиевский частично модифицирует содержание этого пособия, исключая, например, греческий язык. Тем не менее, несмотря на это, «Притчи Эссоповы» свидетельствуют о новом использовании басен Эзопа, уже не только как нравочений, но в качестве материала для изучения латинского языка.²⁸ Степень распространенности «Притчей Эссоповых» пока не изучена. Можно надеяться, что исследование этой проблемы позволит в будущем составить более подробное представление о роли басен Эзопа в обучении в XVIII веке, особенно в обучении латинскому языку.

²⁸Об использовании басен Эзопа в качестве учебника для школ см.: *Fisher B. F. A History of the Use of Aesop's Fables as a School Text from the Classical Era through the Nineteenth-Century. Ann Arbor, 1987.*

Элиза Малэк

**ДРЕВНЕРУССКИЙ ПЕРЕВОД КАЛЕНДАРЯ
СТАНИСЛАВА СЛОВАКОВИЦА
НА 1689 ГОД — НОВЫЙ ИСТОЧНИК
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА
ПОЛЬСКОГО КАЛЕНДАРЩИКА**

С. И. Николаев в своих работах по польско-русским литературным связям подчеркивал, что некоторые из произведений древнепольской литературы (например, политические памфлеты, сатиры, сонники) «сохранились только в русских переводах XVI—XVIII веков»,¹ почему изучение этих переводов имеет огромное значение не только для русистики, но и для полонистики.

К числу памятников древнепольской литературы, которые по разным причинам не дошли до нашего времени, принадлежат также некоторые издания астрологических календарей Станислава Словаковица. Малгожата Кшиштофик, автор обширной монографии об этом типе окказиональной литературы,² характеризуя структуру и содержание работ краковского календарщика, вынуждена была признать, что ни в польских, ни в зарубежных библиотеках ей не удалось найти его календарей на 1689, 1692 и 1696 годы. Зато

¹ Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI—XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб., 2008. С. 8.

² Ср.: Krzysztofik M. Studium z dziejów krakowskich kalendarzy astrologicznych XVII wieku. Almanachy Stanisława Słowakowica jako podstawa uogólnień. Kraków, 2010.

в русских библиотеках сохранились их переводы,³ позволяющие хотя бы частично это отсутствующее звено реконструировать.

В настоящей заметке мы попытаемся восполнить этот пробел на основании копии перевода «Нового и старого календаря течений небесных на лето 1689» («Nowy i stary kalendarz świąt rocznych i biegów niebieskich na rok 1689») Семена Лаврецкого, сохранившейся в Отделе рукописей БАН, собр. Архангельской Духовной семинарии, № 228 (860). Список календаря с рукописи, принадлежавшей дипломату Петровского времени А. А. Матвееву, был сделан в мае 1689 года для Афанасия Холмогорского (1641—1702) — первого архиепископа Холмогорского и Важеского, который, как известно, проявлял большой интерес к науке, в том числе к астрономии, медицине и географии (вверху титульного листа Календаря содержится приписка: «От библиотеки архиепископа Холмогорскаго, № 178).

Важной составной частью календарей Словаковица были умело подобранные и отредактированные статьи на самые различные (хозяйственные, медицинские, исторические, географические, астрологические и т. п.) темы. М. Кшиштофик заметила, что краковский автор имел обыкновение писать на одну и ту же тему в двух, а то и трех календарях подряд. Так, например, в календарях на 1684 и 1685 годы ведущее место занимала турецкая тематика (интерес к ней подсказала и усилила победа польских войск под предводительством короля Яна Собеского над Турцией в 1683 году под Веной),⁴ в календарях на 1671, 1672 и 1673 годы. Словаковиц писал о популярном в тогдашней Польше кожном заболевании, называемом колтун (Plisa polonica),⁵ излагая свое понимание его природы и причин появления.

Информационно-просветительские цели имели также статьи о жизни людей в других странах. Большой интерес в этом плане представляет календарь на 1688 год, в котором Словаковиц поместил обширную статью «О обычаях людей, на островах живущих» («O obyczajach ludzi na wyspach mieszkających»), в которой, опираясь на популярную работу итальянского иезуита Джованни Ботеро (ок. 1544—1617) «Сообщения о разных

³ Перечень списков русских переводов и литературы о них см. в: Николаев С. И. Польско-русские... С. 93—94.

⁴ См.: Krzysztofik M. Studium... S. 234—237, 462.

⁵ Там же. S. 382—390.

странах и государях»,⁶ знакомил своих читателей с жителями Новой Гвинеи, Японии, Моллукских островов, Суматры и многих других более или менее экзотических стран.⁷ На основании заметки в календаре на 1690 год М. Кшиштофик установила, что в календаре на 1689 год автор описал «holenderskie kraje». В самом деле, в «Новом и старом календаре на лето Господне 1690» читаем: «Roku przeszłego 1689, cokolwiek wiadomości godnego holenderskie pokazały mi kraje, tego mojemu komunikowałem czytelnikowi. Tu zaś, holenderskie opuściwszy prowincyje, cokolwiek osobliwego w dalszych mogłem notować krajach, nie leniłem się pod tytułami różnych wiadomości moję conntinuare pracą».⁸ Но что именно содержится в этом описании, исследовательница сказать не смогла ввиду утери экземпляров оригинала этого издания.

Изучение списка русского перевода показывает, что в календаре на 1689 год действительно описывались Нидерланды, но не только. Интересующий нас раздел открывается обращением «К читателю» (подобные обращения помещались и в других календарях этого автора), в котором Словаковиц предлагает потенциальному адресату совершить мысленное путешествие по Нижней немецкой земле и признается, что сам «**посетил** <...> **чтением**⁹ Нидерлянд <...> и что годнее ко уведению моим могла приметить оком, <...> милостивому сего странничества читателю» (л. 40). Затем следует 16 Ведомостей, из которых только двенадцать первых посвящены разным регионам Нидерландов. После них читаются еще Ведомости «О лутчих городех венгерских» (Ведомость 13), «О семиградской земле» (Ведомость 14), «О мурляках» (Ведомость 15), и Ведомость 16 (без заглавия), в которой дается короткая справка о Босне и ее столице, завоеванной турками.

⁶ Стоит отметить, что в допетровской России тоже знали книгу Ботеро. По мнению С. И. Николаева она переводилась «не с итальянского оригинала «Delle Relazioni universali» (1592), а с польского перевода; русский перевод выполнен до 1681 г.». См.: Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI—XVIII вв. С. 162. Там же перечень списков 1-го и 2-го (выборочного) перевода.

⁷ См. там же. С. 313—326.

⁸ Ср.: Słowakowicz S. Nowy i stary kalendarz świąt rocznych i biegów niebieskich <...> na Rok Pański MDCXC <...> w Krakowie w Drukarni Mikołaja Alexandra Schedla, J. K. M. typogr. S. A₃.

⁹ Здесь и далее выделение жирным шрифтом мое. — Э. М.

Ведомости «нидерландского цикла» особых заглавий не имеют. В первой из них Словаковиц пишет, что «Нидерлянд <...>, а прежде сего Галлия Белгика,¹⁰ есть страна известна», и объясняет (указывая на «подобие во языке, в уставах, во нравах с немцами»), почему ныне ее именуют «Алемания Нижняя, или Нижние Немцы». Здесь же отмечается, что «Обретается в ней государств (т. е. провинций. — Э. М.) 17, городов каменных 280, иных мало что худших 150, сел болших 6300», и определяется климат («воздух») Нидерландов: «В Нидерлянде воздух мокр и плоден, потому что там овцы и козы родят вдруг трое и четверо ягнят, а коровы по двое телят многожды, молока безмерно много доят» (л. 40 об.—41).

Последующие ведомости посвящены характеристике отдельных регионов (в переводе — «стран» или «графств»), входивших в состав Нидерландов. Рассказывается, с кем граничит данная страна, каковы ее площадь и достопримечательности (важнейшие города, промыслы, обычаи и т. п.). Итак, читатель знакомится с Фрисландией и Голландией, с графством Геннегау, или Эно, со «страной» Льеж, которая «смежная [с] странами Намур (т. е. Намюр. — Э. М.), Лимбург, Люцembург, Брабант», с графством Фляндрии, Брабантом и т. д. Из крупных городов называются Брабант, Льеж, Эно, Люксембург, Лимбург, Намюр, Брюгге, Гарлем, Ипр, Лёвен, Брюссель, Антверпен и Делфт.

Одним из источников географических и исторических сведений Словаковица были, как установила Кшиштофик, «Сообщения о разных странах и государствах» Ботеро. По всей вероятности, основная информация о Нидерландах почерпнута им из того же источника. Но в Календаре на 1689 год Словаковиц ссылается также на Людовика Гвиччардини (1521–1589), автора известного и популярного в тогдашней Европе «Описания Нидерландов». Опираясь на данные этого предтечи экономической и социальной географии («Как свидетельствует Людвик Гви Скардын (так в рукописи!), который писа о тех странах»), говорит между прочим, что Флизия (т. е. Фрисландия) и Голландия получали «Доход болшой от рыб <...> треска, которую солят, творит доход на 8 000 шнutow в год, лососи —

¹⁰ Gallia Belgica — латинское название южной части Нидерландов, оккупированной римлянами.

20 000 шнутов, сельди принесут доходу на год миллион один четыреста и 70 000 шнутов, а шкут (так в рукописи!) один стоит монеты полской доброй четыре золотых, а золотой толико манеты доброй по 2 гривны, и будет шкут по 8 гривен» (л. 41—41 об.). В другом месте, характеризуя животноводство и рыболовство Голландии, напишет, что «Коровы стокло молока дают, и будто молоко, масло и сыры болши миллиона творит доходу, имеет особую прибыль от товаров, а имянно из рыб, как выше сего писано» (л. 46—46 об.).

Высоко оценивает Словаковиц качество ковров, тканей и разных художеств. «Люди тамошние, — пишет он, — имеют велику похвалу в рукоделничестве: выходят от них добрые ковры большие, сукна, полотна, образы, на меди резанные, и товары розные. Они перво нашли краски под маслом <...> и многие иные вещи узорочные» (л. 42).

Календарщик не забыл отметить и такую деталь, что жители Нидерландов «наложили прозванием (так в рукописи!) ветром» (л. 42).

Как вещь достойную внимания Словаковиц описывает залежи торфа во Фризии и каменного угля недалеко от города Намюра, добывание которого в Польше еще не было налажено. Сравни:

«Есть же во Фризии известен вид земли, зовут тидбе или дарий. И та земля высушена на солнцу угодна есть зело к держанию огня и жжению. Делают из них полукирпичье и те на ветре и на солнцы сушат. И как придут в свое бытие, тотчас могут загорется и без труда горят сами собою до конца. Тепло из них великое и уголь крепчае, нежели из дров» (л. 48 об.).

«Родят же ся там каменя чорные, которые горят будто дрова. Таковы каменя обретаются в горах над городом, нарицаемом Намур, на реке Моле, которая пловет чрез галанскую землю» (л. 43).

Словаковиц явно восхищен высокой культурой Нидерландов. Его внимание привлекает каменное градостроительство, мастерство архитекторов, строивших прекрасные костелы, башни с «дивными» часами, «которые кроме часов показывает течение луны и первых планет, также луны и часы годовые» (л. 43).

Краковский автор упомянет также о «некоторой дороге, которой как и ныне еще остались остатки, были (так в рукописи!) вся каменем мощена, ис сторон обведена, а идет к Парижу на 40 миль наших» (речь, разумеется, идет об остатках старой римской дороги. — Э. М.). И добавит,

что «Чернь, дивуясь той дороге, говорят будто бес зделал ту дорогу в три дни и в три нощи» (л. 44).

Хотя в начале рассказа о Нидерландах календарщик сообщает, что: «Вера тамошних людей безделна, потому что многими ересми осквернена», однако довольно часто обращает внимание на места, связанные с культом, отмечая наличие в них реликвий, в том числе таких, как «бесценный дар крови Иисусовой, которую собрал был Иосиф от Аримофея, а туды ее принес Феодорит Елсацкий (т. е. Дитрих Эльзасский. — Э. М.) в град Фляндрию, возвращаясь с войны из Святой земли в лето 1148», который хранится в Брюгге «в костеле святого Василия». Информация о чудесных опресноках из костела святой Годули в Брюсселе сопровождается довольно пространством рассказом о чуде, имевшем место в 1389 году. Приведем его полностью.

«В городе Брукселе в костеле святых Годули блюдут в потире золотом три опреснока освященные пресвятых тайны зело чудесны, а то чудо случилось в лето 1389 по такову случаю: Ионафан жид купил нечестивым промыслом потир один с опресноками освещенными у Яна, попа святые Екатерины. И то досталось по убиении того жида в руки сына его Авраама, и тот з другими жидами вынял ис потира в великую пятницу, поколол многократно ножом. И как чудесно из него вышла кровь, мати Авраамова тот час покаялась и сказала все подробну Петру иерею и святой Гудуле. Того выслав князь брабанский и Иоанна, жена его, учинив перво розыск в том, приговорили Авраама зжечь и его товарищей. И с ходом богомолным положили пресвятую жертву кровоточну в пределе изрядном помянутого костела» (л. 45—45 об.).

Внимание краковского автора привлекает также женский монастырь с необычным уставом.

«Посреде иных вещей в городе Монс реченном есть закон каноничок достоин великого разсуждения, — пишет Словаковиц, — Те законнички одеваются с утра как и законнички, а после обеда будто мирянки, и могут по своему хотению итти замуж. Имеют власть некую игумену, ктиторовании суть некоею княгининою лотаринскою, живут недалеко костела, в котором монастырь творят. А в тот закон не приемлются толко дщери велмож и господ лутчих» (л. 42 об.—43).

Профессора Краковской академии интересуют также вопросы образования. Поэтому он отмечает наличие школ академического типа, указывая, что «В Ловании есть академия, строена в лето 1426 году Яном 4, князем

брабанским, обоготчена доходами и укреплена Филипом, королем гишпанским» (л. 45),¹¹ подчеркивает высокий уровень образования женщин. «Жены у них, — отмечает календарщик, — горазди торговать и для того умеют все честь, писать и языки розные» (л. 42).

Словаковиц заметил, как мы упоминали выше, конфессиональные отличия между Польшей и Нидерландами, но «еретики» из Нидерландов ему не так ненавистны, как турки, татары или евреи, о которых он упоминает кстати и некстати. Выше мы уже приводили фрагмент, рассказывающий о надругательстве евреев над святыми дарами, в другом месте евреи характеризуются с помощью паремии «Жидовские торги с ложью и обманом действоватись будут» (л. 27 об.). Турки, как завоеватели христианских стран, характеризуются при помощи набора отрицательных эпитетов, среди которых найдется и пренебрежительное сравнение с собакой. Сравни:

«Понеже турчин собачьим обычаем одержал государства, лежащие под Бараном и Быком, а иные под Раком, а некоторые под Девою, под Скорпиною, под Стрелцом, под Козорежцем, под Водолеем, нетрудно догatatца, какое сей год ожидает его смятение особым обычаем: небо грозит ему голодом, войною и поветрием» (л. 23 об.).

Красной нитью проходит в Календаре на 1689 год тема борьбы с Турцией во имя сохранения христианства. Неоднократно подчеркивается положительная роль Польши в этой борьбе, прославляется воинская доблесть короля Яна Собеского и, как и в более ранних работах краковского календарщика,¹² обличаются несогласие в антитурецкой коалиции и нежелание христианских государей и вельмож делиться своей казной ради общего блага. Упомянув победу над турками под Веной, Словаковиц пишет:

«Паче же бы той же неволи турской <...> не ложно дождалась бы и Вена, естли б наяснейший Ян Третий, король полской с охочими войсками своими, дивною скоростью собранными, в помочь Вене уж в лето 1683 умирающе не прилежал. И для того меж всеми победами, которые

¹¹ Имеется в виду Лувенский католический университет, основанный по инициативе папы Мартина V, поддержанной брабантским герцогом Жаном IV.

¹² См.: *Krzysztofik M. Studium...* S. 234–237.

Господь Бог дал цесарскому величеству, та победа венска имеется вышше, понеже в ней состоит целость всего христианства, которой как храбро на-яснейший Ян Третий, король полской, выставкою грудей королевских удостоивался не умирающий чудесною и не прославиюмою королевскаго величества храбростию, никогда того не забудет круг христианский» (49 об.—50).

В некоторых из своих календарей Словаковиц помещал разные врачебные рекомендации. В Календаре на 1689 год такие медицинские «вкрапления» тоже появляются. Так, к примеру, рядом с прогнозом погоды на май читатель находит простейшие медицинские и астрологические советы: «Иже во здравии слабом, пособы ищите, // ныне время и небо по тому имате» (л. 29 об.), а чуть дальше предостережение: «В 15 день и в 16 день не пущай крови из жилы головной» (л. 30). «Первая часть предугадания», описывающая «Поведение годовое», содержит информацию для беременных женщин. Автор пытается ответить на вопрос «Чего чаять госпожам беременным», и, изучив положение планет, приходит к печальному выводу, «что правительница женская с обеих сторон утеснена четвероуголником злотворных, а владетель детородиц неприятен». Поскольку однако беременным «отложить те труды до иного времени трудно», то считает Словаковиц, что «у Господа Бога единого помощи просити подобает, поступая осторожно в движении, в ядении и в питии» (л. 19—19 об.).

Ведомости «нидерландского цикла» завершаются сведениями о необычных явлениях и курьезах, как то: о морских людях (Ведомость 9), об аистах, которые, рискуя жизнью, спасали из пожара своих птенцов (Ведомость 10). Ведомость 11 посвящена описанию случаев множественных родов, которые, как известно, в то время вызывали много недоразумений и толков. И так, Словаковиц сообщает, что:

«Галия есть одно село в Голяндии, во Европе всех болши, потому что имеет болши 2000 домов. Недалече того села есть гроб некоей графовой жены в кляшторе законничок святого Берната, которая в лето 1276 родила 364 робенка, а те все были крещены во имя Иоанна и Елисаветы, как то явно есть с написания на гробу. И то дивное чудо от сего учинилося, как приходила к той графовой жене некая нищая жена з двоими робятами двойники, прося милостыни, она вместо милостыни обесчестила ее, говоря, что не могут зачатися от одного мужа двое детей, буде не от двух отцов. И тем возярена та нищая помолися Богу, да очищения ради ея Богу до-

пустить, чтобы графова жена столько детей родила, сколько в году дней» (л. 47—48).

Вслед за этим рассказом помещает Словаковиц со ссылкой на Мартина Кромера подобную историю, случившуюся в Польше:

«В лето 1269 иная женщина, имянем Маргарита, жена некоего шляхтича Вербослава, родила 36 сынов в Кракове по свидетельству Мартина Кромера в его Кронике» (л. 48).

Небезынтересно отметить, что последний пример был известен уже Длугошу, а польский переводчик «Истории о грабине Альтдорфской», которая «единым чревоношением» родила 12 сыновей, тоже присоединил его к этому произведению, чтобы читатель мог поверить в правдивость рассказанной истории.

«Abowiem roku pańskiego 1269, dnia 20 stycznia, — писал издатель, — zacna pani Małgorzeta, żona Pana Wierzbosławskiego, groffa abo grabie polskiego, jednym rodzeniem żywych dzieci trzdzieści i szescioro porodziła. To sie na ten czas w Krakowskim powiecie stało. O czym nasze kroniki pewnie świadczą, a stąd łatwiej możemy cudzym a postronnym powieściom wierzyć, gdy sie tez u nas nieco takiego przygadzało».¹³

В списке русского перевода «Истории о грабине Альтдорфской» от 1693 года (РНБ. Погодинское собр. № 1771) установка на достоверность сообщения о Малгожате Вербославской усиливается и переносится в заглавие: «Повесть **зело правдивая** же и прилична ко преждеявственной о княгине Аньдорвской, иже единым чревоношением двунадесять сынов породила».

Если учесть, что М. Кшиштофик знает только два календаря Словаковица, в которых появляются описания диковинок и курioзов, а именно «Новый и старый календарь на лето 1691» и «Новый и старый календарь на лето 1695»,¹⁴ то приведенный выше материал показывает, что тенденция снабжать описания разных стран рассказами о земных и морских курioзах проявилась у краковского автора и раньше. Важно при этом отметить, что, описывая необычные явления и предметы, Словаковиц старается убедить своих читателей, что данная диковинка на самом деле существует, что «та вещь дивна и истинна».

¹³ Historia o cesarzu Otonie 1569. Wydał J. Krzyżanowski. Kraków, 1928. S. 186.

¹⁴ Krzysztofik M. Studium z dziejów... S. 446.

Ведомость 13, как упоминалось выше, содержит информацию о лучших венгерских городах. На первом месте Словаковиц поставил Эстрегом (Стрегом), который из-под ддящегося больше 140 лет турецкого ига освободил в 1683 году король Ян III Собеский. На втором месте город — Будин и Пест, возвышающийся «на верху некакова холма, на котором верхней город имеет зело изрядный вид. Оттуду Пест, великий город и поля широкие оком неистечимые» (л. 49—49 об.). Кроме того упоминается еще Белгород на Дунае.

Ведомость 14 повествует о семиградской земле. Словаковиц, врач по образованию, обращая внимание на неблагоприятные для здоровья тамошних жителей нагромождение залежей руд и ртути, пишет: «Воды там нездоровы, потому что много у них квасцов, также и ртути, для того часто там нудит людей колотье. Да и виноград родится там таков, что от него бывает камень и камчюг» (л. 51 об.—52).

Второй отличительной чертой календарей Словаковица, на которую обратила внимание М. Кшиштофик, является наличие в них малых жанровых форм типа эпиграммы или паремии. В календаре на 1689 год тоже найдем некоторое число таких сочинений. Рядом с предугаданиями (*prognostrykami*) календарщик помещает небольшие эпиграммы собственного сочинения, пословицы и поговорки. Часть из них как-то перекликалась с календарными информациями, часть, видимо, просто заполняла пробел в таблице (которая, кстати, в переводе не воспроизводится).

Так, например, в разделе предсказаний годового цикла на февраль читаются следующие стишки о мясопусте:

Мясопустие грядет, млади, уступайте,
А у себя перины мягки розстилайте (л. 26).

<...>

Для того ныне люди много мяса ядят,
Что скоро мясопустят, гораздо то видят (л. 26)

<...>

Неделя мясопустна для того зовется,
Что с службою всяк мясу в три дни откажется (л. 26).

После этой своеобразной аполгии масленицы автор нашего календаря счел нужным напомнить читателю, что время веселия кончается, и обратился к нему с призывом: «Отпразновав маслену, начни исправление жития, аще хочеш улучшить спасение» (л. 26 об.).

В мартовской части календаря читается стихотворение, связанное, как представляется, с обычаем свататься и справлять свадьбы в зимнее время.

Приехав в сию страны (так в рукописи!) жены промышляти,
А хто родом и нравом, не даш себе знати.
Однак дева поклонов тех не презирает,
Зело бо в таком деле дерзостна бывает (л. 25).

Там же помещается нравоучительных стишок:

Хто чюжее взять себе напрасно желает,
Отдадут займы тогда, где не угадает (л. 27).

а рядом с ним увещевание:

Четыредятницу (!) всяк святую помни,
На ближняго недружбы никакой не возмни (л. 27 об.).

Из пословиц, которые появляются на страницах календаря, процитируем лишь некоторые: «Не одного ратного ненастье (!) на подушку бросит». (л. 38 об.), «Лучше сосед вблизи, нежели приятель вдали» (л. 39 об.) и «Храбрости воинския цена высока» (л. 39).

Заканчивая наш беглый и выборочный обзор содержания «Нового и старого календаря течений небесных на лето 1689» С. Словаковица, хотелось бы еще раз подчеркнуть целесообразность изучения древнерусских переводов в качестве дополнительного материала по изучению литературного наследия польского автора. Изучение переводов его календарей на 1692 и 1692 годы, несомненно, позволит еще полнее очертить творческую биографию краковского календарщика.

Ведомости о Нидерландах из «Нового календаря» Словаковица могли представлять определенный интерес и для русского читателя. Весьма заманчиво предположение, что познакомился с Календарем молодой царь Петр Алексеевич. Ведь вскоре после появления перевода будущий император посетил инкогнито Голландию и тоже восхитился ее архитектурой, торговлей, добычей каменного угля, куриозами, а А. А. Матвеева — владельца рукописи, с которой сделана исследуемая копия перевода, отправил в 1699 году послом России в Голландию.

Так или иначе, к числу читателей календаря Словаковица на 1689 год, изученных М. Кшиштофик, можем добавить (кроме переводчика) владельцев рукописей — А. А. Матвеева и Афанасия Холмогорского, а круг его распространения расширить далеко за пределы Речи Посполитой.

М. А. Федотова

ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К ТЕКСТУ ПИСЬМА А. П. СУМАРОВА ГРАФУ Н. И. ПАНИНУ

15 апреля 1770 года Александр Петрович Сумароков писал графу Никите Ивановичу Панину:

«Сиятельнейший граф, милостивый государь!

Без нужды я к вашему сиятельству не пишу, а что я в некоторой нужде дерзаю ваше сиятельство утруждать, в этом всепокорнейше прошу прощения.

Ныне есть еще нуждица, но для того человека, кому добро сделать хочу, не нуждица, но самая большая нуждица, хотя между Ц и ЦЦ разность и мала. Молодой и здоровый, а притом добрый и проворный мужик у меня сошел с ума. С Брылкиным я знакомства не имею, ибо я хотя на той улице живу, где церковь Симеона Столпника, в оную церковь не езжу по недостатку времени. А в оной церкви чудотворный образ Дмитрия Ростовского, который зачал делати чудеса в доме его превосходительства тайного действительного советника И<вана> Анофр<невича>. Следовательно, ни молитва моя, ни прошение ни у святителя, ни у действительного и проч. приняты не будут. Я же и имя Дмитрия несколько раздражил, ибо я сочинил ныне трагедию «Дмитрия Самозванца». Так я вместо молебна с<вятителю> Димитрию и вместо прошения Брылкину прошу его императорское высочество и ваше сиятельство: покажите милость и прикажите сего моего человека в госпиталь принять. Ежели б сей человек был не бешен, но только без ума, так бы и лечить его было не надобно. Ибо на что такому человеку ум, когда и многие судьи, не имея ума, дело свое

порядочно исправляют, да еще и наживаются. А я, кажется, с ума еще и не сошел, однако от положенных на меня дел кроме бедности ничего не нажил.

Вашего высокографского сиятельства, милостивого государя, всепокорнейший слуга Александр Сумароков.

15 апреля 1770, Москва.

Человек от горячки повредился; так он до Дольгауза¹ не надлежит. А в деревнях лекарей нет, да и в городах мало. Это страшно».²

Сумароков, действительно, жил тогда в Москве недалеко от церкви Симеона Столпника на Поварской улице, в доме, по свидетельству современников, с большим садом в «5-й части за Земляным городом в приходе церкви Девяти мучеников что в Кудрине», т. е. на Новинском бульваре, д. 27/29 (в недавнем прошлом ул. Чайковского), двор занимал территорию между Большим Конюшенным переулком и Новинским бульваром,³ бульвар пересекался с Поварской улицей.

Фрагмент, интересующий нас для комментария, касается Ивана Анофриевича Брылкина, который имел чудотворный образ Дмитрия Ростовского, что «зачал делати чудеса в доме его», образ был поставлен им в церковь Симеона Столпника на Поварской улице.

Богатая иконография Дмитрия Ростовского, получившая распространение в разных видах искусства, отчасти была основана и на прижизненных портретах святителя. Так, прижизненный портрет митрополита, выполненный масляными красками и имеющий надпись «Персона преосвя-

¹ Дольгауз (нем. Tollhaus), дом сумасшедших — прим. В. П. Степанова при издании письма.

² Письмо было единственный раз опубликовано в изд.: Письма русских писателей XVIII века / Отв. ред. Г. П. Макогоненко. Л., 1980. С. 141. В примечаниях к письму В. П. Степанов пишет: «Сохранилось письмо Панина к Брылкину от 4 мая с предложением принять в госпиталь человека Сумарокова, а также отпуск его письма к Сумарокову от того же числа: «Государь мой, Александр Петрович! Препровождая сим письмо к Ивану Анофриевичу под открытой печатью, имею честь ваше превосходительство уверить, что больной ваш человек, конечно, в госпитале принят будет, если только болезнь его излечима, ибо по установлению больницы не принимаются в оную те, которые подвержены неизлечимым болезням. Сохраняя навсегда взаимную нашу древнюю дружбу, пребываю с отличным почтением». (Там же. С. 213).

³ Там же. С. 221–222. См. также: Русские писатели в Москве. М., 1973. С. 49–57.

щенного Димитрия, митрополита ростовского и ярославского», хранился в свое время в Ростовском музее церковных древностей (в Белой палате), ныне находится в Государственном музее палехского искусства, инв. № 1887.⁴

В письменных источниках есть свидетельства и о других, несохранившихся прижизненных портретах Димитрия Ростовского.

Так, в Новгороде в приходской церкви Николая Кочанова хранилась икона-портрет святителя Димитрия. Портрет был написан при жизни Димитрия, подарен им ростовскому чиновнику Петру Ивановичу Никитину, затем достался по наследству Федору Ивановичу Никитину, остававшемуся долгое время бездетным. И, наконец, когда у него 21 сентября, в день памяти Димитрия Ростовского, родился сын, названный Димитрием, он передал портрет Димитрия, почитавшийся как икона, в Новгородскую Николо-Кочановскую церковь.⁵ Изображение этой иконы-портрета удалось обнаружить.⁶ Есть сведения о прижизненном портрете Димитрия Ростовского, который был передан из Новгорода-Северского духовнику императрицы Елизаветы Петровны Федору Дубянскому и с которого была сделана позднее копия. Дубянский вел переписку о передаче этой копии с Арсением Мацеевичем.⁷ Существовал портрет, подаренный самим Ди-

⁴ Братчикова Е. К. Парсуна «Димитрий, митрополит Ростовский и Ярославский» // ТОДРА. СПб., 1993. Т. 46. С. 436—440. Его черно-белый снимок также см.: Летописец о ростовских архиереях. С примечаниями члена-корреспондента А. А. Титова. СПб., 1890; Цветное изображение см.: Федотова М. А. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского: исследование и тексты. М., 2005. Фронтиспис.

⁵ См.: Северная пчела. 1852. № 277, 11 декабря. С. 1111. Ср.: в рукописи (РНБ, собр. Титова, № 2647. XIX в. 2°. 258 л. Слова и речи Димитрия Ростовского) на л. 172—172 об. есть запись со ссылкой на эту статью.

⁶ См. издание: Олейников Т. М. Святитель Димитрий, митрополит ростовский. Новгород, 1910. Снимок с иконы помещен на шмуцтитule издания.

⁷ РГАДА. Ф. 18 (Духовное ведомство). Оп. 1. № 116, 175. См. также: Янковска Л. А. Великоорусское и малороссийское «общее жительство» в Спасо-Яковлевском монастыре Ростова Великого. Вновь найденные материалы // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1998. Вып. 9. С. 248.

Документы свидетельствуют, что портрет был передан не из Киева, как считают многие исследователи, а архиепископом Арсением (Могиланским) из Спасо-Преображенского Новгород-Северского монастыря. Эта путаница могла произойти из-за того, что портрет был передан в августе (26 августа?) 1757 года, а 22 октября 1757 года Арсений был

митрием тамбовскому помещику К. Ф. Ушакову, «обращен в образ и поставлен в церкви села Нестерова Елатомского уезда», копия с него хранилась в собрании М. П. Погодина в Москве.⁸ Одно из изображений на холсте было создано переписчиком трудов Дмитрия Ростовского «бельцом» Саввой Яковлевым (в 1886 году хранилось в Ростовском музее церковных древностей).⁹

Прижизненный портрет Дмитрия Ростовского (его дар «некому Брылкину»), как отмечает Д. А. Ровинский, хранился и в приделе во имя святого Дмитрия церкви преподобного Симеона Столпника на Поварской улице в Москве.¹⁰

Единственный Брылкин, которого нам удалось обнаружить и годы жизни которого совпадали бы с годами жизни святителя Дмитрия, это Ануфрий (Онуфрий) Никитич Брылкин. Известно о нем лишь то, что в последние годы царствования Петра I А. Н. Брылкин занимал должность обер-кригскомиссара.¹¹

назначен Киевским митрополитом. Возможно, сам портрет, или его копия, был возвращен в Киев, когда Арсений уже занимал Киевскую митрополию. Заметим, что Арсений одно время служил придворным проповедником и заслужил внимание и уважение императрицы Елизаветы; кроме того, Арсению (Могилянскому) приписывают и одну из служб с акафистом Дмитрию Ростовскому (см.: *Филарет, архиеп.* Обзор русской духовной литературы. 1720—1858. Чернигов, 1863. Кн. 2. С. 82; *Словарь русских писателей XVIII века.* СПб., 1999. Вып. 2. (К—П). С. 295).

⁸ Ровинский Д. А. Словарь гравированных портретов. Т. 4. СПб., 1889. Стб. 239.

⁹ См. подробнее о прижизненных портретах: Дмитрий, св. // *Православная энциклопедия.* Т. 15. М., 2007. С. 23 (Статья в Православной энциклопедии об иконографии святого Дмитрия Ростовского написана Я. Э. Зелениной); см. также: *Зеленина Я. Э.* Иконография святителя Дмитрия Ростовского: взаимовлияние живописи, иконописи и графики // *Святитель Дмитрий, митрополит Ростовский: исследования и материалы.* Ростов, 2008. С. 401—402. Отметим, что одним из прижизненных изображений Дмитрия Ростовского можно считать и его аллегорический портрет на конклаузии, подаренной митрополиту Стефаном Прибыловичем, учителем Московской славяно-греко-латинской академии: митрополит Дмитрий изображен сидящим с открытой книгой в архиерейском облачении на земном полушарии. См.: *Федотова М. А.* О конклаузии святому Дмитрию Ростовскому (и еще раз о дате крещения святого) // *ТОДРА.* СПб., 2010. Т. 61. С. 311—328.

¹⁰ Ровинский Д. А. Словарь гравированных портретов. СПб., 1886. Т. 1. Стб. 696.

¹¹ Должность обер-кригскомиссара была введена лишь в 1711 году, обер-кригскомиссар ведал обеспечением войск и военных управлений деньгами, обмундированием, снаряжением, ручным оружием, обозным и лагерным снаряжением, военными госпиталями, должность

Если об Ануфрии Никитиче Брылкине известно очень мало, то биография его сына Ивана Ануфриевича Брылкина довольно подробно описана в справочной и исторической литературе. Так, Иван Ануфриевич Брылкин был действительным тайным советником, камергером и обер-прокурором Сената; родился он в 1709 году (как раз в год смерти Димитрия Ростовского), умер в 1788 году. Свою службу Брылкин начал камер-пажем у герцогини курляндской Анны Иоанновны и в 1728 году был уже гоф-юнкером. При Анне Иоанновне Брылкин был произведен в камер-юнкеры; в июле 1732 года ему пожаловано было сто крестьянских дворов в Гдовском уезде. Однако в это же царствование Брылкин был сослан в Казанскую губернию, но по вступлении на престол императрицы Елизаветы Петровны снова возвращен ко двору: были распространены слухи о широком доверии императрицы Елизаветы Петровны к Брылкину, который содействовал ее возвышению и упрочению ее власти. Указом императрицы от 12 декабря 1741 года Брылкин был утвержден в должности обер-прокурора Сената. В 1745 году состоялось назначение Брылкина на должность астраханского губернатора. Впоследствии Брылкин снова вернулся в Петербург, где заседал в Сенате. Некоторое время Брылкин состоял директором Павловской больницы в Москве (построенной в память избавления великого князя Павла Петровича от смертельной болезни в 1763 году).¹² К этому времени, времени директорства Ивана Ануфриевича Брылкина в Павловской больнице, бывшей под покровительством великого князя Павла Петровича, воспитателем которого был граф Никита Иванович Панин, и относится письмо А. П. Сумарокова графу Панину от 15 апреля 1770 года.

Логично предположить, что чудотворный образ, о котором идет речь в письме, — это именно тот портрет Димитрия Ростовского, «дар некоему Брылкину». Вероятно, портрет достался И. А. Брылкину по наследству от отца А. Н. Брылкина.

соответствовала, согласно Табелю о рангах, чину коллежского советника. А. Н. Брылкин числился также домоправителем Я. В. Брюса (см.: *Хмыров М. Д.* Главные начальники русской артиллерии. Второй генерал-фельдцейхмейстер граф Я. В. Брюс // Артиллерийский журнал. 1866. № 2. С. 126, 153, 281, 113).

¹² См.: Русский биографический словарь. СПб., 1908. Т. 3: Бетанкур—Бякстер. С. 391—392. Здесь же библиография.

Образ святителя Димитрия Ростовского чудотворил не только в доме Брылкина, но и в церкви Симеона Столпника, где был поставлен. Примеры передачи портретов святителя Димитрия в церковь, где они почитались как иконы, существуют — это и портрет, переданный в церковь Николы Кочанова Ф. И. Никитиным, и портрет, отданный К. Ф. Ушаковым в церковь села Нестерова (см. выше). Среди чудес, происходящих от мощей Димитрия в Спасо-Яковлевском монастыре (а их более 300), записываемых в отдельные тетради и посылаемых митрополитом Арсением Мацеевичем, согласно указу, в Святейший Правительствующий Синод,¹³ есть три чуда, описание которых связано с образом Димитрия из церкви Симеона Столпника на Поварской улице, — это чудо, записанное 23 марта 1758 года, произошедшее с Михаилом Волинским, отроком «11 лет от роду», и два чуда, записанные 31 июля 1762 года, произошедшие с Марфой Ивановой, женой купца Ивана Короткова, и с купцом Василием Петровым.¹⁴ Вот эти чудеса:

1. (На поле — от горячки) 1758 году марта 23 дня имѣвшаяся в Ростовском Яковлевском монастырѣ из Москвы Василия Ивановича Волинскаго супруга Агрипина Ивановна с сыном Михаилом, которому отъ роду

¹³ См. подробнее: Федотова М. А. О прижизненных чудесах святого Димитрия Ростовского // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск, 2008. С. 283–293.

¹⁴ В двух последних чудесах не обозначено, что церковь Симеона Столпника находится на Поварской улице. В связи с этим следует отметить, что в Москве есть еще одна церковь Симеона Столпника за Яузой на Никольямской улице, в ней также имеется придел святителя Димитрия Ростовского. Однако новоустроенный придел Димитрия Ростовского в новой трапезной церкви Симеона Столпника за Яузой был освящен лишь в 1763–1768 годы (см.: Найденов Н. А. Москва. Соборы, монастыри и церкви. М., 1882. Ч. III. Отд. 1: Часть Земляного города по левую сторону реки Москвы. № 65), а записанные чудеса относятся к 1762 году, поэтому надо полагать, что речь в цитируемых чудесах все-таки идет о церкви Симеона Столпника на Поварской улице. В настоящее время в церкви также имеется одна из достаточно ранних икон Димитрия Ростовского, которая после закрытия храма в советское время была передана в церковь Покрова на Лыщиковой горе. В 1990-е годы после открытия и передачи храма в введение церкви она была вновь возвращена в церковь Симеона Столпника, где и хранится сейчас. Отметим, что эта икона не значится ни в одном каталоге и не известна в научной литературе. Здесь же в церкви висит еще одна икона, тип которой никогда не отмечался в иконографии Димитрия Ростовского, на ней изображены в рост великомученица Варвара и святитель Димитрий Ростовский.

11 лѣт, по сущей правдѣ и христіанской совѣсти объявила, что нынѣшняго 758 году генваря 2 числа оной сын ее, Михайло, заболѣл горячкою простудною, и того ж генваря 5 числа был при самой // смерти, язык здѣлался туп и невозможно было у него выслушать, что говорит, и ногами обѣими не владѣл. Будучи же в той болѣзни своей, поминал он, Михайло, Дмитрія весма тупо, что и разлышать у него едва было можно, но оное ж воспоминание Дмитрія услышавши, послала она по образ святителя Дмитрія Ростовскаго чудотворца, которой имѣется в Москвѣ в церкви святаго Симеона Столпника, что на Поварской. И как скоро тот образ привезли на двор к ним, то между собою бывшие у него Михаила в спальнѣ промолвили, // что привезли образ, то он, Михайло, сѣвши сам на постели, стал просить тулуп, сколь же скоро образ внесли к нему в спальню, он встал сам о себѣ и подошел к образу, прикладывался и слушал отпѣваемой в той спальнѣ святому чудотворцу Дмитрію молебен, и воды освящение в настоящей памяти, и с того времени не имѣл никакова припадку. Приведены были таким образом сродники их во удивление, к которым тогда посылали они, что сын, Михайло кончается, а как на такую повѣстку съѣхавшись, увидѣли, что вмѣсто кончины // явился он, Михайло, здоров. И будучи она Агрипина в то время в превеликом ужасѣ, положила обѣщание ѣхать в Ростов поклонится мощам угодника Божия. И в такомъ намѣреніи приѣхав, во оном Яковлевском монастырѣ ко извѣстию в показанном над сыном ея от святаго Дмитрія Ростовскаго чудотворении оставила за рукою своею записку.¹⁵

2. 1762 года июля 31 дня царствующаго града Москвы первой гильдии купца Ивана Наумова сына Короткова жена Марфа Иванова дочь объявила, что она в нынѣшнем 762-м году с генваря мѣсяца крайне одержима быть стала животною болѣзнию и разслабою, в коей будучи // ни руками, ни ногами владѣния не имѣла, тако ж и дыхание у нее всякой час захватывалось. Чего ради обѣщание положила ѣхать в Ростов и просить святителя Дмитрія, дабы его святыми молитвами могла от тѣх болѣзней получить свободу. Между коим временем бывшей ей еще в домѣ своем принесен был образ святителя Дмитрія из приходской их церкви Семиона Столпника. И по наряду еѣ отправляемо было великому святителю Ди-

¹⁵ РГИА. Ф. 796 (Канцелярія Синода). Оп. 33. № 222. Л. 407 об.—409.

митрию молебствие, то того ж часу здѣлалось ей гораздо легче, и той образ, как обратно понесен из их дому, то она, вставши с постели, мало проводила. Послѣ чего на другой день призван был лекарь, которой пользовал аптекарскими медекаментами с генваря мѣсяца майя по 10 число, однак от тѣх медекаментов ей никакой пользы не было, но паче в слабѣйшее приходила здравия своего изнеможение и в крайнюю разслабу со отчаянием живота своего. И видя она тое над собою, крайнѣ положила намѣрение, чтоб неотменно ѣхать в Ростов и молиться при гробѣ святителя Дмитрия. В коей крайней своей слабости июня 7 дня домашние ее, выневши, в коляску положили и повезли в Ростов. И провожая ее, приятели, в безнадежи оставаясь, говорили между собою, что не можно в такой ее болѣзни и чрез десять верст живую провести. И она, тое слышав, по слабости // своей чрез силу могла проговорить: «Хотя на дорогѣ умру, точию повезите мене в Ростов к святителю Дмитрию». И так она мужем своим привезена бывши в Ростов, чрез трои сутки носима была на стулѣ в церковь ко гробу святителя Дмитрия крайне разслабленная. И оной муж еѣ, весьма сожалѣя об ней, просил того монастыря братию, дабы о получении ею здравия вѣщшее употребили богомольствие. По прошествии же троих суток стало быть ей легчае: стала уже она быть водима, а не носима. И послѣ того, в лучшее час от часу приходя здравие, получила как руками, так и ногами совершенное владѣние, и стала ходить сама о себѣ в церковь каждому церковному пѣнию. И болѣе двух недѣль молилась святителю Дмитрию у гроба, и, благодаря Бога о исцѣлении своем, отѣхала совершенно здрава в дом свой, оставя за рукою мужа своего Ивана Наумова записку.¹⁶

3. 1762 году июля 31 дня царствующаго града Москвы купец Василий Петров объявил, что он находился в болѣзни сего 1762 году чрез десять недѣль, был в крайнем безумии, всегда убѣгал из дому своего и никого не знал. Но как мая послѣдних чисел по прозвѣбъ // домашних ево принесен был образ святителя Дмитрия из церкви Семиона Столпника, и отправляемо было об нем священником тоя церкви молебствие, то послѣ того стало быть ему легчае. Между же сим, как от домашних ево, так и от самого ево было и такое обѣщание, чтоб неотмѣнно ѣхать в Ростов, идѣже

¹⁶ РГИА. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 33. № 222. Л. 532 об.—533 об.

святителя Дмитрия и самая опочивают мощи, и тамо учинить молебствие. Однако за некоторыми случаями то в скорости исполнить отменилось до другого времени. Чрез то большее на ево пришло безумствие. В каковом безумствии и привезен он был сего вышеозначеннаго июля 27 женою своею в Ростов в Яковлевской монастырь. И отправивши всенощное и молебен святителю Дмитрию, получа немногую от тоя болѣзни отраду, отѣхал в Москву. А как отѣхали от Ростова верст тритцать семь, то паки оная возобновилась ему болѣзнь и умножилась, не как была первѣе, но так чрезвычайно, что не точию людей знать не стал, но и великия на него наступать начали страхования. И в том случаѣ едва могли ево три человекъ связать и привезти паки в Ростов в Яковлевской монастырь, гдѣ паки чрез сутки пришел в прежнее разума своего состояние. Он же, Василий, объявил, что как прежде выѣхал было из Ростова за тритцать семь верст и там квартировал, то на той квартирѣ в нощи // ему было таковое видѣние. Якобы пришли к нему два нѣкие человекъ, видом стары, и говорили ему: «Чего для ты угодников Божиих не почтил». И о сем вышепомянутом при отѣздѣ в Москву в дом свой объявив, в совершенном разума состоянии за рукою своею ко извѣстию оставил записку.¹⁷

И. А. Брылкин передал портрет-икону Дмитрия Ростовского в церковь Симеона Столпника, а не в церковь святителя Тихона Амафунтского на Арбатской площади, прихожанином которой он был.¹⁸ Церковь Симеона Столпника, строительство которой началось в 1676 году и связывается с именем Бориса Годунова, венчавшегося в праздник этого святого, имела два придела, каждый придел с отдельной апсидой и главкой. Главный престол храма посвящен Введению во храм Пресвятой Богородицы, а приделы — во имя Симеона Столпника и Николая Чудотворца.¹⁹ Веро-

¹⁷ Там же. Л. 533 об.—534 об.

¹⁸ Согласно исповедным ведомостям, дом И. А. Брылкина (исповедные ведомости 50-х годов XVIII века церквей московских сороков) числился при церкви святителя Тихона Амафунтского на Арбатской площади. (См.: Центральный исторический архив Москвы. Ф. 203. Оп. 747. Д. 208. Л. 172; материалы опубликованы на сайте: <http://d.in-stock.ru/sherbach/genialog/default.htm>). Церковь была разрушена в 1933 году, см.: *Найден Н. А.* Москва. Соборы, монастыри и церкви. М., 1882. Ч. II: Белый город. № 29.

¹⁹ Храм, однако, именовался не по основному своему престолу, а как храм Симеона Столпника на Дехтяреве огороде, на Арбате, у Арбатских ворот или на Поварской.

ятно, передача портрета-иконы и происходившие от него чудеса (при этом образ святителя Димитрия находился в церкви уже в 1758 году, так как этим годом датируется чудо, произошедшее с Михаилом Волинским, отроком «11 лет от роду») способствовали тому, что придел Николая Чудотворца в 1759 году был переосвящен во имя Димитрия Ростовского. Это был один из первых приделов, освященных в Москве во имя святителя Димитрия Ростовского после его канонизации в 1757 году.²⁰

Кроме того, церковь Симеона Столпника была известна своими венчаниями. Так, в 1816 году в ней обвенчались писатель С. Т. Аксаков и О. С. Заплата, в 1866 году венчались К. П. Победоносцев (в будущем сенатор и обер-прокурор Синода)²¹ и Е. А. Энгельгардт.²² Но самое знаменитое венчание произошло в 1801 году — бракосочетание графа Н. П. Шереметева и актрисы П. И. Жемчуговой-Ковалевой. По воспоминаниям Т. В. Шлыковой, также крепостной актрисы, подруги П. Жемчуговой и воспитательницы ее сына Дмитрия Шереметева, «избрана была церковь Симеона Столпника на Поварской, самая уютная, между переулками с двух сторон, так что посетители, кроме особо знавших, не могли набежать со стороны. Здесь-то, 6 ноября, в среду, в день св. Павла, 1801 года в семь

²⁰См.: *Найденов Н. А.* Москва. Соборы, монастыри и церкви. Ч. III. Отд. 1. № 31; Сорок сороков: Альбом-указатель всех московских церквей в четырех томах / Составил Семен Звонарев. YMCA-PRESS, 1988. Т. II: Центр Москвы. С. 291–293; Памятники архитектуры Москвы: Земляной город. М., 1989. С. 135. Справедливости ради следует отметить, что уже к 1735 году в приделе Николая Чудотворца «как престол, так и прочее церковное строение обветшало» и требовало ремонта, однако стараниями князя И. А. Голицина в память умерших родителей придел был восстановлен и заново освящен (Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей, собранные из книг и дел прежде бывших патриарших приказов В. И. и Г. И. Холмогоровыми при руководстве И. Е. Забелина. М., 1884. Стб. 608–611).

²¹Вероятно, церковь описана К. П. Победоносцевым в главе «Двадцать пятое декабря» (*Победоносцев К. П.* Праздники Господни. СПб., 1893. С. 32–36). Описание праздника — дня памяти Симеона Столпника — в церкви на Поварской улице мы находим и в другой статье: 1-е сентября 1871 года. Праздник в церкви св. Симеона Столпника на Поварской // Московские епархиальные ведомости. 1871. № 37. С. 355.

²²Эта церковь была знаменита своими прихожанами, среди которых числился Н. В. Гоголь. О ней в «Евгении Онегине» упоминает А. С. Пушкин, отвечая на вопрос о Грандисоне: «В Москве живет у Симеона; / Меня в сочельник навестил; Недавно сына он женил» (Гл. XLI).

часов вечера совершился брак. Свидетелями были самые близкие люди: родственник кн. Андрей Николаевич Щербатов, известный археолог, начальник Московского архива иностранных дел А. Ф. Малиновский, синодальный канцелярист Николай Никитич Бем (проживавший в Кускове на графском содержании) и знакомая нам, друг невесты, Т. В. Шлыкова, живо помнившая все подробности.²³ О почитании в роду Шереметевых святителя Димитрия хорошо известно.²⁴ У П. И. Жемчуговой имелся образ Димитрия Ростовского, который она хранила в своих комнатах, затем он находился в Кускове, в ее бумагах была собственною рукою переписанная молитва Димитрия Ростовского «о повседневном исповедании грехов»;²⁵ единственный сын, которого Жемчугова родила 3 февраля 1803 года, был назван Димитрием в честь Димитрия Ростовского. Еще при жизни П. Жемчуговой в 1795—1801 году в Спасо-Яковлевском монастыре была построена церковь во имя ростовского святителя Димитрия — знамени-

²³ Безсонов П. Прасковья Ивановна графиня Шереметева. Ея народная песня и родное ей Кусково / Биографический очерк, с портретом. М., 1872. С. 80—81.

²⁴ Истоки этого почитания еще требуют своего изучения. Боярин Петр Васильевич (Большой) Шереметев, будучи киевским воеводой, должен был лично знать будущего ростовского митрополита, когда тот еще жил на Украине: П. В. Шереметев был хорошо знаком с такими южнорусскими священнослужителями, как Иннокентий Гизель и Лазарь Баранович, покровительствующими Димитрию Ростовскому. П. В. Шереметев присутствовал на панихиде Иннокентию Гизелю, во время которой Димитрий Ростовский произнес свое знаменитое надгробное слово «Пирамис албо столп» (см.: Шляпкин И. А. Св. Димитрий и его время (1651—1709). СПб., 1891. С. 43). Сын П. В. Шереметева, Борис Петрович Шереметев, будущий фельдмаршал и сподвижник Петра I, возможно, обучался в Киево-Могилянской академии в то же самое время, что и Димитрий Ростовский, последний был старше Б. П. Шереметева всего на четыре месяца (см.: Барсуков А. П. Род Шереметевых. СПб., 1892. Кн. 6. С. 415—416). Земли к северу от Борисоглеба в Ростовском уезде, вместе с самым крупным поселением этих мест — селом Вошажниковым, в 1706 году (как раз в то время, когда Димитрий занимал Ростовскую митрополию кафедру) были подарены Петром I именно Б. П. Шереметеву (см.: Титов А. А. Село Вошажниково и вошажниковская вотчина в старинном Запурском стане Ростовского уезда. Ярославль, 1903). Мать Н. П. Шереметева, Варвара Алексеевна Шереметева, происходила из рода Черкасских, с Михаилом Алегуковичем Черкасским ростовский митрополит также был знаком и находился в переписке (см.: Федотова М. А. Эпистолярное наследие Димитрия Ростовского: исследование и тексты. М., 2005. С. 178, 286, 337).

²⁵ Безсонов П. Прасковья Ивановна графиня Шереметева. С. 84. См. также: Шереметев С. Татьяна Васильевна Шлыкова. 1773—1863 // Русский архив. М., 1889. Кн. 1. Вып. 3. С. 518—519.

тый Дмитриевский (Шереметевский) собор, в основном, на средства графа Н. П. Шереметева, граф всегда оставался самым крупным благотворителем Спасо-Яковлевского монастыря, также чтли обитель и его потомки Д. Н. Шереметев и С. Д. Шереметев. В построенном Н. П. Шереметевым после смерти Жемчуговой Странноприимном доме (1810 год) в центре был храм, в левом крыле — богадельня, в правом — больница, главный престол храма был освящен Живоначалъной Троице, правый придел — святителю Николаю Чудотворцу (в честь небесного покровителя учредителя), левый — святителю Дмитрию Ростовскому (во имя небесного покровителя его сына).

В связи с этим, так ли уж случайно произошло это венчание не в приходской церкви графов Шереметевых, церкви Николая Чудотворца у Старого Конюшенного моста,²⁶ а в церкви, где был придел Дмитрия Ростовского и где происходили чудеса от его портрета-иконы. Через несколько дней после венчания, 10 ноября 1801 года, граф Николай Петрович предписал, чтобы его московский распорядитель Петр Петров выдал «...покупной <...> и отданный мной вкладу в церковь Симеона Столпника, что на Поварской, один сосуд, потир, дискос, звезду, лжицу и 2 тарелки серебряные вызолоченные, с разными камнями 650 рублей, записав в расход за счет собственной моей суммы».²⁷

Где сейчас находится и сохранился ли портрет-икона Дмитрия Ростовского, о котором писал А. П. Сумароков графу Н. И. Панину, нам не известно; совершенно определенно, что он сохранился после пожара 1812 года, во время которого церковь Симеона Столпника сильно пострадала,²⁸ так

²⁶ Следует, однако, заметить, что Н. П. Шереметев и П. И. Жемчугова жили тогда в большом каменном доме на Воздвиженке, купленном у графа Алексея Разумовского, недалеко от Поварской улицы.

²⁷ Краско А. Три века городской усадьбы графов Шереметевых. Люди и события. М., 2009. С. 96.

²⁸ См.: Церкви, погоревшие в Москве во время нашествия неприятелей в 1812 году // Московские епархиальные ведомости. 1872. № 13. С. 71. Как сообщает «Московская хроника», придел повторно освятили лишь в 1892 году: «1 ноября, в храме св. Симеона Столпника, что на Поварской, совершено было освящение придела во имя св. Дмитрия Ростовского, возобновленного усердием ктитора и прихожан. Богослужение совершал местный благочинный о. Д. П. Некрасов соборне; настоятелем церкви при окончании литургии была произнесена проповедь. Богомольцев было множество» (Московские церковные ведомости. 1892. № 45. С. 676.)

как о портрете еще в 1886 году свидетельствовал Д. А. Ровинский.²⁹ В Церковно-археологическом кабинете при Московской духовной академии (далее — ЦАК МДА) имеется живописный портрет Дмитрия Ростовского, который по преданию, сообщенному дарителем С. П. Фортинским, хранился в свое время в семье Шереметевых, потом в церкви Симеона Столпника на Поварской улице.³⁰ По мнению специалистов, этот портрет-икона, хотя и датируется последней третью XVIII века (в начале XIX века был поновлен), имеет «удивительное сходство, вплоть до морщинок на щеках, в изображении лика святителя»³¹ с прижизненным портретом-«персоной», который хранится в Государственном музее палехского искусства и о котором говорилось выше. Возможно, это сходство свидетельствует о том, что портрет, хранящийся в ЦАК МДА, принадлежащий, по легенде, Шереметевым и хранящийся в церкви Симеона Столпника на Поварской улице, является копией с прижизненного портрета Дмитрия Ростовского, подаренного А. Н. Брылкину и созданного одновременно с портретом-«персоной» из Государственного музея палехского искусства.

²⁹ Ровинский Д. А. Словарь гравированных портретов. Стб. 696.

³⁰ Духовные светочи России: Портреты, иконы, автографы выдающихся деятелей Русской Церкви конца XVII — начала XVIII веков. М., 1999. С. 31–32. Кат. 1.

³¹ Зеленина Я. Э. Иконография святителя Дмитрия Ростовского: взаимовлияние живописи, иконописи и графики. С. 410. См. также: Дмитрий, св. // Православная энциклопедия. С. 23.

Н. Ю. Алексеева

ИНЦИПИТЫ ПСАЛМОВ В РУССКИХ ПЕРЕЛОЖЕНИЯХ XVIII ВЕКА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Первые слова псалма, открывающие его переложение, в русской поэзии, в сравнении с западноевропейской, встречаются редко. Отчасти, вероятно, поэтому их значение и назначение остаются в русской культуре малопонятными. Расположение их в поздних русских изданиях, подобно эпиграфу, справа над текстом¹ закрепляет на уровне визуального восприятия впечатление, что они, если и не эпиграф, то родственны ему. Однако сходство первых слов псалма с эпиграфом даже на внешнем уровне обманчиво, в отличие от него, они в старину помещались по центру страницы, как заглавие.

Первые слова псалма — это инципит перелагаемого псалма. Сам термин *инципит* (от лат. *incipio* — начинаю), не употребляемый в русском литературоведении (в отличие, например, от немецкого) обозначает начало произведения, в случае стихотворения обычно — его первую строку.²

¹ См., например: *Тредиаковский В. К.* Избр. произведения / Вступ. статья и подг. текста Л. И. Тимофеева, прим. Я. М. Строчкова. М.; Л., 1963. С. 184, 185 (Б-ка поэта; Большая сер.).

² См. о ранней истории инципитов: *Milde W.* Incipit // *Lexikon der gesamten Buchwissenschaft*. Stuttgart, 1991; *Sharpe R.* Titulus. Identifying Medieval Latin Texts. An Evidence-Based Approach. Brepols, Turnhout, 2003.

Восходя к римской литературной культуре, инципиты были распространены в средневековой латинской письменности, заменяя собой названия произведений, в большинстве своем безымянных. О сходстве инципитов с заглавием свидетельствует и их место на средневековых страницах, по центру, как и у названий, в отношении основного текста. Средневековые инципиты, как правило, не были частью авторского текста, а предпосылались ему переписчиком или хранителем рукописей, тем самым они в определенном смысле находятся за рамками основного текста произведения. Со временем установился ряд типичных инципитов, помогавших идентифицировать данный текст аналогичным текстам и тем облегчавших его восприятие, а одновременно — систематизацию рукописей. Последнее значение инципитов сохраняется и до сего дня при описании средневековых рукописей и инкунабул. В XX веке этот термин стал использоваться отечественными архивистами и составителями рукописных и книжных каталогов. Из систематики вокальных пьес известен он и русским музыковедам. Хотя русские литературоведы сам термин и не употребляют, инципиты, т. е. первые строки стихотворений, ими широко используются при обозначении стихотворных текстов, не имеющих названия (например, «Я помню чудное мгновение...» А. С. Пушкина), а также при составлении оглавлений и алфавитных указателей в первую очередь к стихотворным сборникам и собраниям сочинений. В этих случаях термин инципит не обязателен, его безболезненно заменяют обозначения «первая строка», «начало». Введение термина инципит кажется оправданным при описании, осмыслении и изучении стихотворных переложений, открывающихся первой строкой (инципитом) оригинала. В отличие от эпитафы, значение которого для основного текста ограничено процитированным местом другого текста, инципит отсылает ко всему цитируемому тексту. Начальные слова старого известного текста призваны восстановить его в памяти целиком, и он проступает сквозь новый текст, который воспринимается на его фоне. Таким образом, новый текст не отменяет старый, а находится в зависимости от него, вместе они образуют двухголосие, возможное в поэзии только при переложении и подражании. К формальному отличию инципита от эпитафы принадлежит, помимо размещения его на странице, отсутствие указания как правило источника или его автора, тогда как эпитафа дается обычно с указанием.³

³ История эпитафий освещена в книге: *Antonsen J. E. Text-Inseln: Studien zum Motto in deutschen Literatur vom 17. bis 20. Jahrhundert.* Würzburg, 1998.

В эпоху Возрождения, когда перевод и переложение стали неотъемлемой частью литературного творчества, инципиты оригинала помещались над новым текстом, графически, как и в средние века, по центру, как название. Были они главным образом латинские и служили в помощь узнаванию классического стихотворения, лежащего в основе переложения или подражания на национальном языке. В русской поэзии из латинских инципитов широко известны, пожалуй, лишь два: «*Exegi monumentum...*» и «*Beatus ille...*».⁴ У комментаторов стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836) не вызывает сомнения, что полустигхотворения из оды Горация, предпосланное Пушкиным своему тексту, эпиграф.⁵ Однако, как уже говорилось, процитированное начало чужого текста над его переложением или подражанием не есть эпиграф, а инципит оригинала, его отношения с основным текстом иные, чем у эпиграфа. Вероятно, не случайно, это стихотворение Пушкина не имеет названия (в отличие от своего державинского предтечи — «Памятника», 1796), его заменяет инципит. В средневековой культуре строка Горация стала бы инципитом стихотворения Пушкина, и оно бы описывалось как «*Exegi monumentum*» Пушкина. Примечательно, что так называл его П. А. Вяземский: «...в превосходном своем *Exegi monumentum* разве не сказал он: „Я памятник себе воздвиг нерукотворный“...».⁶ Эпиграфом стихотворение не обозначают.

Ренессансная поэтическая культура отношения между текстами на новых языках и римскими оригиналами повлияла на переложения псалмов с латинского языка. Произошло это не сразу. Первые переложения Псалтири на национальные языки, служа целям Реформации, делались для вокального исполнения псалмов с французского перевода Клемента Маро и

⁴ «*Exegi monumentum aere perennius...*» («Я воздвиг памятник крепче меди...») — первая строка 30 оды III книги Горация; «*Beatus ille, qui procul negotiis...*» («Блажен, кто вдали от дел...») — первая строка II эпода Горация.

⁵ Томашевский Б. В. Примечания // Пушкин А. С. Стихотворения: В 3 т. / Подг. текста и прим. Б. В. Томашевского. Л., 1955. Т. 3. С. 875. Ср., например, начальные слова из оды Горация, предпосланные Пушкиным, с эпиграфом к стихотворению «Памятник» (1912), взятым из той же оды В. Я. Брюсовым: «*Sume superbiam* (Преисполнись гордости... — Гораций (лат.))».

⁶ Вяземский П. А. Старая записная книжка // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. VIII. С. 333.

Теодора Безе (Женевская псалтирь) и выходили в сопровождении нот без инципитов. Но когда вскоре наступило освоение жанра поэтами-католиками без оглядки на церковную службу и вокальное исполнение псалмов, их переложения стали явлением поэзии по преимуществу. Делались они уже с латинского оригинала, и их издания сопровождались латинскими инципитами. Инципиты стали обязательной принадлежностью парафрастической поэзии на французском, немецком, английском, итальянском, голландском, шведском, польском языках. Так, переложения псалмов в первых изданиях «*Psalterz Dawidów*» (1578) Яна Кохановского открывают инципиты псалмов по латыни.⁷ Они помещены по центру страницы и набраны более крупным шрифтом, чем основной текст, как название. Издания Кохановского для русской парафрастической поэзии имеют особенное значение, поскольку они стали проводником переложений псалмов в России. На Кохановского ориентировался не только Симеон Полоцкий при создании своей «Псалтири рифмотворной» (1680), но и авторы анонимных парафразисов, известных большей частью по рукописным источникам.⁸

Подражая Кохановскому в форме псалмов, Симеон, однако, не поместил в своем издании 1680 года инципиты, а дал указание на псалмы только их номерами. Поскольку и в дальнейшей отечественной традиции переложения псалмов инципиты оригинала будут редкостью, вопрос о причине отсутствия инципитов псалмов у Симеона приобретает особенное значение. Один из возможных на него ответов заключается в существенном отличии переложений Симеона от польского образца. Если Ян Кохановский не просто перекладывал, но и переводил псалмы с латинского языка на польский, то Симеон Полоцкий писал в общем на том же языке, что и служившая ему оригиналом славянская Псалтирь. Помещать инципиты на том же языке, что и переложения, когда начала их нередко совпадают с первыми словами псалмов славянской Псалтири, было излишне.

⁷ См, например: *Psalterz Dawidów przekładania Jana Kochanowskiego*. Kraków, 1579; 2-ed.: Kraków, 1583.

⁸ В России было известно издание «Псалтири» Кохановского 1641 года, один из его экземпляров принадлежал Феофилакту Лопатинскому (*Николаев С. И.* Польская поэзия в русских переводах (XVII–XVIII вв.). Л., 1989. С. 17). Возможно, им же пользовался Симеон. Как и первые издания, оно сопровождается инципитами псалмов.

В отличие от Симеона Полоцкого, Феофан Прокопович перекладывал в «Metaphrasis Ps. 36» и «Metaphrasis Ps. 72» не славянский текст псалмов, а латинский. Долгое время его переложения приписывались Антиоху Кантемиру и издавались в составе его сочинений без инципитов. Авторство Феофана Прокоповича установила Т. Е. Автухович по рукописным спискам, хранящимся в БАН и РГБ. В них тексту переложений предшествуют латинские инципиты из 37 и 73 псалмов латинской Псалтири.⁹

Если Симеон Полоцкий переложил славянский текст псалмов и потому не включил инципиты оригинала, а Феофан — латинский, М. В. Ломоносов в работе над переложениями псалмов использовал тексты Псалтири на всех доступных ему языках: латинском, греческом, немецком, славянском.¹⁰ Неопределенность оригинала его переложений может объяснять отсутствие над ними инципитов псалмов. Ни в «Краткое руководство к риторике» (1747), в корпусе которого Ломоносов впервые напечатал три переложения псалмов (14, 116, 145), ни в первое издание своих сочинений 1751 года,¹¹ куда вошли четыре новых переложения псалмов (1, 26, 34, 70), ни во второе их издание 1757 года¹² он инципиты не включил.

Устанавливающееся в русских изданиях переложений псалмов обыкновение не давать инципитов псалмов над их переложениями нарушил В. К. Тредиаковский. Уже в издании «Сочинений и переводов как стихами, так и прозою» 1752 года 20 помещенных здесь переложений псалмов и библейских песен открываются церковнославянскими инципитами соответствующих псалмов и песен, расположенных над текстами по центру. Это было первое, во всяком случае в печати, появление в России инципитов. В следующем году подготавливая свою полную Псалтирь к изданию, Тредиаковский снабдил инципитами на славянском языке уже все

⁹ Автухович Т. Е. Об авторстве «Metaphrasis Ps. 36» и «Metaphrasis Ps. 72» // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15. С. 155, 157.

¹⁰ Keipert H. Курица не птица, а кит не змий. Zu M. V. Lomonosovs «Preloženie psalma 103» // Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia, Ucraina e Russia. XVI–XVIII secolo / A cura di G. Brogi Bercoff, M. Di Salvo [u. a.]. Alessandria, 1999. S. 349–374.

¹¹ Ломоносов М. Собрание разных сочинений в стихах и прозе. СПб., 1751. С. 3–29.

¹² Ломоносов М. Собрание разных сочинений в стихах и прозе. СПб., 1757. Кн. 1. С. 3–26.

переложения псалмов. Давал он их сокращенно. Например, начало первого псалма «Блажен муж, иже не иде в совет нечестивых» в издании 1752 года сокращено им до «Блажен муж», а в рукописи 1753 года — до «Блажен муж, иже не иде». Усечение первого полустишия псалма восходит, по-видимому, к обиходному его названию и возможно лишь в том случае, если читатель по первым словам перелагаемого псалма способен восстановить его в памяти целиком. Обусловленность определенной культурой сокращения до нескольких слов начала псалма особенно проявляется в инципитах, в которых оно ведет к нарушению грамматической законченности фразы и утрате смысла. Например: «Господи, да не яростию Твоею» вместо: «Господи, да не яростию Твоею обличиши мене» (пс. 6).

Можно, вероятно, считать, что, вводя в издание псалмов (а вместе с тем и в русскую поэзию) инципиты, Тредиаковский проявил обычный для него педантизм в стремлении привить русской культуре западноевропейскую ученость. Известные особенности Тредиаковского-филолога не отменяют другого объяснения, которое выскажу здесь как предположение.

Спустя 13 лет после работы над переложениями псалмов, в 1766 году, Тредиаковский в статье «Предызъяснение об ироической пииме», открывавшей издание его «Тилемахиды», писал: «...рифмический [ритмический, т. е. стихотворный. — Н. А.] перевод больше необходимо есть парафрасис (произложение), отнюдь же не метафрасис (преложение). Следовательно, парафрастический перевод с „Тилемаха“, не знаю, коль попремному удалится от точного содержания „Тилемахова“». ¹³ Это замечание отсылает нас к традиции различения парафразиса и метафразиса, имеющей для русских переложений псалмов существенное значение. Парафразис, свободный перевод, или переложение, более удален от подлинника, чем метафразис, перевод буквальный. Сам Тредиаковский над своими первыми псалмами 1752 года сначала поставил в рукописи термин «претолкование», заменив его там же на «парафразис», ¹⁴ с каким обозначением они и вышли. «Претолкование», по-видимому, то же, что «произложение» и, по мысли Тредиаковского, существенно отличается от «преложения».

¹³ [Тредиаковский В. К.] Предызъяснение об ироической пииме // Фенелон Фр. Тилемахида, или Странствование Тилемаха сына Одиссея... СПб., 1766. Т. 1. С. XXXII.

¹⁴ Варианты и редакции // Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / Изд. подг. Н. Ю. Алексеева. СПб., 2009. С. 365–370.

Размышления Тредиаковского о характере его переложений псалмов проходили вскоре после того, как были изданы псалмы Ломоносова, обозначенные им как «преложения», или, в терминологии Тредиаковского, «метафразис». Называя свои псалмы «парафразисами», «претолкованиями», Тредиаковский, по-видимому, вступал в полемику с Ломоносовым, который, скорее всего, понимал термины так же, как Тредиаковский. Обозначая свои псалмы «преложениями», Ломоносов давал русское имя тому, что Феофан Прокопович называл «metaphrasis». Хотя переложения Феофана по своей свободе в отношении текстов псалмов скорее парафразисы, чем метафразисы, он использовал последний термин, следуя, вероятно, традиции, восходящей к раннехристианским метафразисам библейских текстов, прежде всего «Metaphrasis Psalmorum» Аполлинария Лаодикийского. Феофан Прокопович, Тредиаковский и Ломоносов владели, по-видимому, одними и теми же понятиями и терминами в различении метафразиса от парафразиса. Однако Тредиаковский был, очевидно, более строг в разграничении этих двух видов переложений, чем Феофан и Ломоносов. Из процитированного места статьи 1766 года понятно, что для него всякое стихотворное переложение псалма, независимо от близости его к оригиналу, есть парафразис, поскольку представляет собой «рифмический перевод» (в строгом смысле метафразис стихотворения, действительно, дословный перевод его в прозе). Такой взгляд на природу переложений псалмов сложился у него уже к 1734 году, когда он увидел в оде Феофана Петру II «парафразис самого [100. — Н. А.] Псалма».¹⁵ Можно не сомневаться, что заглавие вышедшей спустя десять лет брошюры «Три оды парафрастические» принадлежит Тредиаковскому.¹⁶ Хорошо зная по опыту соревнования 1743 года взгляды Тредиаковского на природу переложений псалмов, Ломоносов, очевидно, не разделял их, хотя первоначально на них, вероятно, основывался. Так, в рукописи издания 1751 года он сначала обозначал свои переложения «парафразисами», но

¹⁵ Тредиаковский В. Рассуждение о оде вообще // Тредиаковский В. Ода на зданье города Гданска. СПб., 1734. С. 24 нум.

¹⁶ Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные чрез трех стихотворцев, из которых каждый одну сложил особливо. СПб., 1744. В издании не помещено инципитов, оно открывается славянским текстом переложенного псалма.

затем, зачеркнув эти названия, вписал «переложение».¹⁷ Обозначив свои переложения как «переложения», он указал на их близость к тексту псалмов. «Переложение» (метафразис), возможно, не требовало помещения над текстом инципита, потому что претендовало на точность следования оригиналу, то есть почти на перевод. Известно, как Ломоносов стремился к точности смысла в своих переложениях псалмов и, «не смея дать в переложении другого разума, нежели какой псаломские стихи в переводе имеют»,¹⁸ оставил работу над псалмами. «Претолкование» псалмов для него было немыслимо. Но и Тредиаковский, назвав первоначально в рукописи 1752 года свои псалмы «претолкованиями», в предисловии к Псалтири писал, что трудность в переложении псалмов «весьма способно могла отвратить от труда, невзирая на то, что не надлежало мне *толковать* Псалмы (да не предприятия моего, ни сил), но токмо разум грамматический постигать в каждом...».¹⁹ В том же предисловии он называет свою работу «переложением» псалмов, а сами переложения обозначены им псалмами (впрочем, так было принято и во французской поэзии), а не парафразисами. Отказ от термина «парафразис» мог быть вызван неизвестной нам критикой уже вышедших его переложений. Прочитированное место о невозможности толкования псалмов звучит как оправдание. Независимо от терминологии сам принцип свободного переложения псалмов сохранился в новых переложениях Тредиаковского. Они такие же парафразисы, что и переложения 1752 года.

Возможно, что инципиты над парафразисами Тредиаковского не только дань западноевропейским установлениям, но и знак другого понимания переложения псалмов, чем у Ломоносова. Если это предположение справедливо, то и отсутствие инципитов у Симеона объясняется не только общим языком его переложений и славянской Псалтири, но и близостью

¹⁷ [Подстрочные текстологические примечания] // Ломоносов М. В. Полн. собр. сочинений: В 11 т. М.; Л., 1959. Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. С. 157, 185, 369.

¹⁸ Ломоносов М. В. Письмо В. Н. Татищеву от 27 января 1749 г. // Ломоносов М. В. Полн. собр. сочинений: В 11 т. М.; Л., 1950–1983. Т. 10. Служебные документы. Письма. М.; Л., 1957. С. 461.

¹⁹ Тредиаковский В. К. Предупреждение // Trediakovskij Vasilij Kirillovic. Psalter 1753 / Besorgt und kommentiert von A. Levitsky. Hrsg. von R. Olesch und H. Rothe. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1989. С. 6 (курсив мой. — *Н. А.*).

их к оригиналу. Они метафразисы, «преложения» и инципитов не требуют. «Metaphrasis`ы» же Феофана по сути своей парафразисы, инципиты над ними помогают узнать оригинал и соотнести их с ним. Выстраивается определенная зависимость присутствия инципита от вида переложения. Он уместен и желателен в парафразисах и излишен в метафразисах.

Хотя Тредиаковский и говорит в предисловии к Псалтири, что «восприял в помощь» греческие, еврейские, латинские и французские тексты псалмов, давая этим понять, что стремился в работе к точности своих переложений, в самом принципе свободного переложения он следовал, по-видимому, образцам французской поэзии. Во Франции же в 1710—1720-е годы шла полемика о характере переложения псалмов, что они, подражание или перевод.²⁰ Тредиаковский, вероятно, был знаком с нею и воспринимал ее в соотнесенности со знакомой ему оппозицией парафразис — метафразис. По всей видимости, Тредиаковскому был ближе взгляд тех французских авторов, которые видели в переложении подражание. Самым известным из них был Ж.-Б. Руссо. Однако Руссо, в отличие от А. Удара де ла Мотта и других младших своих современников, инципиты над своими переложениями не ставил, пойдя в свободе поэтического истолкования псалмов далее, чем его предшественники и современники. А значит, Тредиаковский, помещая инципиты, как впрочем, по-видимому, и в самих своих переложениях подражал не Руссо.

Тонкости различия парафразиса и метафразиса в русской поэтической культуре ушли вместе с Тредиаковским и Ломоносовым. Их наследники свободно перелагали псалмы, не задумываясь, по-видимому, над филологическими и религиозными проблемами, волновавшими их отцов при обращении к священным текстам. Инципитов над их скорее даже подражаниями, чем переложениями мы не встретим. На фоне господствующей в 1760—1770-е годы свободной медитации на темы псалмов резко выделяется отношение к переложениям псалмов позднего А. П. Сумарокова.²¹

²⁰См. об этом: Léger B. Traduire ou imiter les Psaumes : la version de Desfontaines (1717) // TTR: traduction, terminologie, rédaction. 2001. Vol. 14. № 1. P. 65—94.

²¹Позицию Сумарокова по отношению к переложениям псалмов в начале 1770-х годов, а также датировку поздних переложений и указание их источника см.: Алексеева Н. Ю. Поздний Сумароков как переводчик псалмов // Russian Literature. 2012 (в печати).

В 1774 году в сборнике «Стихотворения духовные»²² он издал переложения всех псалмов, которые создавались им на протяжении тридцати лет. Размещенные в трех разделах книги не в порядке следования псалмов в Псалтири, они затем вошли в издание его полной Псалтири, осуществленное уже после смерти поэта Н. И. Новиковым.²³ Напечатанная Новиковым Псалтирь Сумарокова отличается в сравнении с первым ее изданием 1774 года последовательным размещением псалмов в порядке их следования в Псалтири, распределением их по кафизмам и начальными инципитами из славянской Псалтири. Приведение в порядок стихийно публиковавшейся в 1774 году Псалтири было выполнено, по всей видимости, самим Сумароковым, не успевшим ее в таком виде издать. При подготовке утраченной (как и весь его архив) рукописи он следовал, по-видимому, неопубликованной Псалтири Тредиаковского. Именно из нее он мог заимствовать распределение псалмов по кафизмам, которое было, правда, и у Симеона Полоцкого. Но Сумароков использовал это деление не как Симеон, который повторил деление церковной Псалтири, а как Тредиаковский, подчеркивавший, что «слово *кафисма* положено» у него «не в церковном знаменовании, не для знания, сколько надобно-когда кафисм прочесть», а что «положил» он «всем ведомое звание сие точно вместо глав разделам».²⁴ Разделение Псалтири Сумарокова на кафизмы позволяет считать, что он не только был знаком с рукописью Тредиаковского, но и ориентировался на нее при подготовке своей рукописи. Оглядываясь на Тредиаковского, Сумароков предположил своим переложениям и инципиты, но уже, как старательный ученик, в виде полного первого полустишия. Помещены они в издании, как вероятно было и в рукописи, над переложениями по центру страницы. Зависимость в оформлении переложения полной Псалтири от Тредиаковского выявляет желание Сумарокова следовать положенной старшим поэтом традиции, воспринятой, как кажется на первый взгляд, внешне. Ведь очевидно, что для Сумаро-

²²Сумароков А. Стихотворения духовные. СПб., 1774. «Дополнения к духовным стихотворениям» входят в это издание с отдельной пагинацией.

²³Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе покойного <...> Александра Петровича Сумарокова / Собраны и изданы Николаем Новиковым: В 10 т. 1-е изд.: М., 1781–1782; 2-е изд.: М., 1787. Т. 1.

²⁴Тредиаковский В. К. Предупреждение. С. 7.

кова инципиты псалмов, в прижизненных публикациях им никогда не использовавшиеся, не были знаком отношения переложений к оригиналу. Амплитуда точности его переложений чрезвычайно высока, от вольных подражаний до дословных переводов. Переводы по времени создания были последними, делались они с немецкого языка. Славянские инципиты, поставленные к ним, можно было бы считать формальностью, если бы не стремление Сумарокова одновременно с точностью передать в последних переводах церковнославянский колорит Псалтири. Новому для Сумарокова тяготению к церковнославянскому языку вполне отвечают славянские инципиты псалмов. Включение их при подготовке рукописи Псалтири, если и делалось Сумароковым из подражания Тредиаковскому, в контексте его поэзии и поэзии его времени приобретало новый смысл. Они уже были не знаком зависимости переложения от оригинала псалма, а знаком отношения автора к церковнославянскому языку. В таком новом для них значении следует, по-видимому, рассматривать редкие инципиты псалмов в поэзии следующих десятилетий. Только уже в 1820 годы Ф. Н. Глинка вернулся к различению свободных переложений (парафразисов) псалмов от точных переложений (метафразисов). Первые, имеющие собственные названия, сопровождаемы им инципитами псалмов, вторые, обозначенные просто «псалмами» под соответствующим числом, даются без них. Вероятно, не ведая того, Глинка использовал инципиты псалмов в старом забытом русле отечественной традиции. Его опыт косвенно подтверждает намеченную в этой статье закономерность включения инципитов в русские переложения псалмов.

Лаура Росси

**«ИОСИФ». ФОНВИЗИНСКИЙ ПЕРЕВОД
ПОЭМЫ П.-Ж. БИТОБЕ:
ПРОБЛЕМЫ ЖАНРА И РЕЦЕПЦИИ**

4 сентября 1778 года восемнадцатилетняя Федосья Никитична Муравьева писала отцу из Петербурга, где она гостила у брата Михаила: «Я читаю теперь поэму Иосифа (так. — Л. Р.) на русском языке».¹ Речь идет о переводе очень известной в Европе поэмы в прозе «Joseph» (1767)² Поль-Жереми Битобе, опубликованном (без подписи) Д. И. Фонвизиным в 1769 году³ и затем регулярно переиздававшимся в течение пятидесяти лет (в 1780, 1787, 1790, 1802 и 1819 годы).⁴ Книга посвящена одному

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 445. № 51. Л. 22.

² Joseph, en neuf chants, par M. Bitaubé de l'Académie Royale des Sciences et Belles-Lettres de Prusse, a Paris, 1767. В том же году, кажется, книга вышла и в Берлине. В Российской Национальной библиотеке хранится издание: Joseph, en neuf chants, par M. Bitaubé, de l'Académie Royale des Sciences et Belles-Lettres de Prusse. Partie I—II. Paris, chez Prault, Imprimeur, Quai de Gêvres, 1768, на которое даются ссылки в тексте.

³ Иосиф, в девяти песнях сочинения г. Битобе. Печатан при императорском Московском университете, 1769. Т. 1—2. Ср.: *Фонвизин Д. И.* Собр. соч.: В 2 т. / Ред. Г. П. Макогоненко. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 443—608. Далее ссылки на эти издания даны в тексте. В случае первого издания использован экземпляр Библиотеки РАН, за разрешение цифрового воспроизведения которого искренне благодарю директора и сотрудников.

⁴ Ср.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. М., 1963. Т. 1. С. 104—105; Сводный каталог русской книги 1801—1825. М., 2000. Т. 1. С. 138.

из наиболее занимательных и «продуктивных» эпизодов Ветхого Завета (Быт. 37—50). Бывшая в большой моде в XVIII веке, как и многие другие истории, извлеченные из Священного писания, она была популярна и в масонской среде,⁵ но вызывала подозрение церкви и двора, и в 1787 году ряд ее экземпляров был конфискован, а в 1794 году она попала в реестр вредных изданий.⁶ Тем не менее, по свидетельству П. А. Вяземского, в 1830 году она находилась в продаже⁷ и еще в конце сороковых годов была чтением маленького поповича В. О. Ключевского на его родине в «деревенской глуши».⁸

Такой продолжительный успех заслуживает внимания и заставляет задуматься о его причинах. Было бы интересно ознакомиться с оценкой произведения молодой Муравьевой в свете особой роли женщины-читательницы в развитии русской культуры 1770—1790-х годов,⁹ но ее лаконические слова не позволяют ее угадать. Мы, правда, располагаем другими свидетельствами восприятия поэмы современниками. В незавершенном «Чистосердечном признании в делах моих и помышлениях» (около 1790—1792 годов), где библейская история Иосифа Прекрасного и перевод поэмы о нем играют важную структурную роль, связывая детские впечатления и взрослую, писательскую, идентичность автора,¹⁰ сам Фонвизин упоминает «людей чувствительных», которые «читая „Иосифа“, [им] переведенного,

⁵ Пыпин А. Н. Русское масонство: XVIII и первая четверть XIX века. Пг., 1916. С. 235.

⁶ Кочеткова Н. Д. Фонвизин Денис Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3. (Р—Я). С. 310.

⁷ Вяземский П. А. Фон-Визин (1848) // П. А. Вяземский. Полн. собр. соч. СПб., 1880. Т. 5. С. 35.

⁸ Ключевский В. О. Воспоминание о Н. И. Новикове и его времени // Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 51.

⁹ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства XVIII — начало XIX века. СПб., 1994. С. 54.

¹⁰ Cooper N. L. A Chapter in the History of Russian Autobiography: Childhood, Youth, and Maturity in Fonvizin's «Chistoserdechnoe priznanie v delach moikh i pomyslenijakh» (A Sincere Avowal of my Deeds and Thoughts) // The Slavic and East European Journal. 1996. Vol. 40. № 4. Winter. P. 617. Ср.: Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма. СПб., 1994. С. 243—244.

проливали слезы».¹¹ О подобной реакции рассказывает А. Т. Болотов в своих поздних воспоминаниях о начале 1770-х годов (1807–1809).¹²

Отметим, однако, запоздалый и, в первом случае, опосредованный характер приведенных свидетельств. В более близких печатных отзывах о фонвизинском переводе акценты расставлены иначе, и на первый план выдвигаются не «трогательные сцены»,¹³ а стилистические и языковые особенности текста. В «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) Н. И. Новиков особенно выделял «Иосифа» среди других переводов автора, ставя его почти на уровне оригинального «Бригадира»: «Поэму „Иосиф“ перевел прозою на российский язык с совершенным искусством. В переводе сем держался он важности славенского и чистоты российского языка. Его проза чиста, приятна и текуща, так, как и его стихи».¹⁴ Вместе с тем, в ретроспективных размышлениях 1820–1830-х годов двух представителей последующих литературных школ, позднего сентиментализма и романтизма, перспектива кардинально менялась. Для И. И. Дмитриева язык «Иосифа» стал образцом того излишне архаизированного прозаического стиля, который вызвал языковую реформу Н. М. Карамзина,¹⁵ а П. А. Вяземский, уделяя особое внимание «переводу „Иосифа“, повести сочинения Битобе», не только опровергал мнение Новикова о чистоте его языка, но ставил под сомнение и подлинность славянизмов, использо-

¹¹ Фонвизин Д. И. Собр. соч. Т. 2. С. 86, 97.

¹² В 1773 году купленная в Москве «новая книга, славная поэма господина Битобе „Иосиф“, доставляла ему большое душевное удовольствие во время поездки в Бобрики, принуждая его часто «утирать <...> текущие из глаз <...> слезы» (Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: В 3 т. М., 1993. Т. 3. С. 100–101; письмо 159).

¹³ Там же. С. 100.

¹⁴ Опыт исторического словаря о российских писателях из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков. СПб., 1772. С. 231. Выделено мной. — Л. Р.

¹⁵ «В последствии времени захотели сами быть начальниками школы Елагин и Фонвизин. Первый обратился к славянчизне <...> другой <...> полагал, будто в высоком слоге надлежит мешать русские слова с славянскими и для благозвучия наблюдать некоторый размер, называемый у французов *кадансированною прозою*; по этой методе переложил он „Иосифа“, прозаическую поэму г. Битобе» (Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь: В 3 ч. / Изд. М. А. Дмитриева. М., 1866. С. 85).

ванных автором.¹⁶ Примечательно, приведенные отзывы так или иначе повторяют постановку вопроса, изложенную Фонвизиним в программном обращении к читателю «от Переводчика», которое заменяет «Предварительную речь» оригинала. Представив поэму как удачное подражание древним знаменитого автора переложений Гомера, он сразу переходит к сложной проблеме выбора слога, подходящего для перевода «таких книг, каков „Телемак“, „Аргенида“, „Иосиф“ и прочие сего рода». Утверждение, что в подобных случаях «потребно держаться токмо важности славенского языка», пополнялось условием «притом наблюдать и ясность нашего» и таким образом оборачивалось почти противоположностью, «следовательно, слог должен быть такой, какового мы еще не имеем». И Фонвизин объяснял, что он создал свой слог, прибегая к обоим языкам, славянскому и русскому, но отказываясь от всех тех слов, которые не соответствовали критериям с одной стороны — ясности и нежности слуха, с другой — важности «авторской мысли» (1–2; 443).

Последующие литературоведческие исследования шли путем, намеченным автором и первыми критиками. Если не все монографии, посвященные Фонвизину, рассматривают этот перевод,¹⁷ то стилистические воззрения и решения автора занимают значительное место в историях литературного языка и художественного перевода, как знаки важного — порой обособленного как «славенороссийского»¹⁸ — этапа их развития в XVIII веке.¹⁹

¹⁶ Вяземский П. А. Фон-Визин. С. 35. Выделено мной. — Л. Р.; С. 36, 38.

¹⁷ Д. Д. Благой говорит об успехе «перевода повести Битобэ „Иосиф“» (Благой Д. Д. Фонвизин. М., 1945. С. 20. Выделено мной. — Л. Р.). Перевод упоминается в книге: Кулакова Л. И. Денис Иванович Фонвизин. Биография писателя. М.; Л., 1966. С. 36. Довольно пренебрежительным отношением к фонвизинскому труду отличается и книга 1980 года: Рассадин Ст. Умри Денис, или неугодный собеседник императрицы [Сатиры смелый властелин. Книга о Д. И. Фонвизине]. М., 2008. 2-е изд. С. 99.

¹⁸ Левин В. Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в. Лексика. М., 1964. С. 17–28, 55–59, 73; Живов В. М. Язык и культура в России века. М., 1996. С. 431.

¹⁹ Ср. Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М., 1954. С. 67–68; Винокур Г. О. Русский язык. Исторический очерк // Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 82–83; Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин. Творческий путь. М.; Л., 1961. С. 82; Серман И. З. Русская литература XVIII века и перевод // Мастерство перевода. Сб. 1962. М., 1963. С. 344–345; Левин Ю. Д. Просветительство // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995. Т. I. Проза. С. 208.

Вопросов языка и стиля касается и единственная нам известная научная статья, посвященная исключительно данному произведению,²⁰ а наиболее многосторонние трактовки перевода принадлежат Г. А. Гуковскому (1947) и французскому исследователю А. Стричку (1976). Советский ученый первым дал характеристику оригинала, «лирического повествования <...> чрезвычайно трогательного», сопоставив его с творчеством Руссо и С. Геснера;²¹ а Стричек в своей монографии о Фонвизине сделал акцент на идеологическом аспекте произведения и добавил некоторые черты к портрету его почти забытого автора, родившегося «в Кенигсберге в семье французских протестантов-эмигрантов, приближенного Фридриха II и завсегдатая Фернея».²² Если подвести итоги рассмотренных исследований, то легко заметить, что, во-первых, еще нет, кажется, досконального, всестороннего сопоставления оригинала и перевода, а во-вторых, что «Иосиф» входит как полноправный элемент в историю русского литературного языка, но не в историю русской литературы как таковой или отдельных ее аспектов.²³ Это вполне закономерно, так как в переводах оригинальными являются только язык и стиль,²⁴ а сюжет и жанр принадлежат иностранной

²⁰*Fleckenstein Ch.* Fonvizins Übersetzung von Paul-Jérémie Bitaubés Poem «Joseph» // *Literaturbeziehungen im 18. Jahrhundert. Studien und Quellen zur deutsch-russischen und russischwesteuropäischen Kommunikation* / Hrsg. H. Graßhoff. Berlin, 1986. S. 285–295.

²¹Гуковский Г. А. Фонвизин // *История русской литературы*: В 10 т. М.; Л., 1947. Т. IV. С. 155.

²²Стричек А. Денис Фонвизин. Россия эпохи Просвещения. Пер. с французского. М., 1994. С. 111. (Оригинал: *Strycek Al.* La Russie des Lumières. Denis Fonvizin. Paris, 1976).

²³Ср. Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. СПб., 1910. Т. I. Вып. первый (XVIII век); *Brang P.* Studien zu Theorie und Praxis der Russischen Erzählung. 1770–1811. Wiesbaden, 1960. С. 31–36 (автором приводятся противоположные мнения Тредиаковского, Сумарокова и Хераскова о возможности поэзии в прозе); *Серман И. З.* Зарождение романа в русской литературе XVIII века // *История русского романа*: В 2 т. / Ред. Г. М. Фридендер. М.; Л., 1962. Т. 1. § 2–6. С. 55–57 (упоминаются перевод «Сифа, царя египетского» и повесть «Каллисфен»); *Neuhäuser R.* Towards the Romantic Age. Essays on Sentimental and Preromantic Literature in Russia. The Hague, 1974; *Смирнов А. А.* Борьба за признание прозы в западноевропейской литературной теории XVII–XVIII вв. // *Русский и западноевропейский классицизм*. Проза. М., 1982. С. 32–57 (детально иллюстрируется проблема поэтической прозы во Франции).

²⁴Гуковский отметил влияние стиля «Иосифа» «на сентиментально-патетический язык поздних романов Хераскова, например, „Кадма и Гармония“» (Гуковский Г. А. Фонвизин).

культуре. Однако если учесть не только интенцию автора, но и восприятие читателей, нельзя игнорировать роль до тех пор неизвестной литературной формы в приобщении к новому литературному веянию. Вследствие этого актуальным становится уточнение жанра, или, лучше, жанровой традиции, к которой примыкают «Joseph» и «Иосиф», и ее возможной связи с успехом произведения.

Первая задача — систематическое сопоставление двух текстов — выходит за рамки и нашей работы, и мы ограничимся лишь несколькими замечаниями, чтобы подробнее остановиться на второй. Более поздние исследователи²⁵ сходятся в высокой оценке стиля перевода, «небывалого по своей свежести и выразительной силе»,²⁶ но разделяют и мнение И. З. Сермана, что вследствие преобладания славянизмов «поэма Битобе в [фонвизинском] переводе зазвучала как своеобразная вариация библейского стиля и утратила простоту оригинала».²⁷ Вместе с тем, уже П. А. Вяземский указал на галлицизмы в ряду высоких слов текста,²⁸ что подтверждается и современными исследованиями.²⁹

Открытым остается вопрос о степени «вольности» перевода. С легкой руки Вяземского³⁰ В. Д. Левин утверждал, что русский писатель добавил к тексту декларацию «от себя»,³¹ но А. Стричек доказал несостоятельность такой гипотезы.³² Впрочем, французский исследователь утверждал,

²⁵ Уничтожающая характеристика «странного, искусственного языка», использованного Фонвизинным при переводе «поэмы Битобе» находилась, например, у Н. С. Тихонравова, не принимавшего весь «ложный род эпопеи» XVIII века (Тихонравов Н. С. Материалы для полного собрания сочинений Дениса Ивановича Фонвизина. СПб., 1894. С. XXIII–XXIV. Выделено мной. — Л. Р.).

²⁶ Стричек А. Денис Фонвизин. С. 114.

²⁷ Серман И. З. Русская литература XVIII века и перевод. С. 345.

²⁸ «Язык Фон-Визина <...> часто сбивается на галлицизмы» (Вяземский П. А. Фон-Визин. С. 36).

²⁹ О галлицизмах у Фонвизина, в том числе и в «Иосифе», см. недавнюю работу: Smith M. The Influence of French on Eighteenth-Century Literary Russian. Semantic and Phraseological Calques. Bern, 2006.

³⁰ Вяземский П. А. Фон-Визин. С. 38.

³¹ Левин В. Д. Очерк стилистики... С. 40.

³² Речь идет о фразе «свободное слово мое возвышенным стихотворства языком вещати будет!» в начале поэмы. По справедливому замечанию исследователя, так как «выражение „свободное слово“ в русском языке XVIII в. означало прозу», она соответствует

что, оставаясь верным оригиналу, Фонвизин избегал слова и выражения, носящие тираноборческую или социальную окраску (*тиран, крестьянин, пастушка*).³³

Можно, однако, выдвинуть иную точку зрения на отношение фонвизинского перевода к оригиналу. По нашему мнению, перед нами тонкое и умелое, если не «склонение на русские нравы», то приспособление к русскому менталитету. Например, в начале, когда пленный Иосиф вспоминает более счастливое время и момент возвращения домой, где его ждали отец Иаков и (вымышленная Битобе) приемная сестра-невеста Селима, Фонвизин переводит французскую фразу «*Jacob lui ouvroit les bras & la sensible Sélima partageoit ces caresses*» (р. 6) русским «Иаков отверзал ему свои объятия, и страстная Селима восхищалась сим зрелищем» (7; 447). Переводчик устраняет «неприличное» участие девушки в объятиях и ласках, но компенсирует потерю, сделав ее не просто «чувствительной»,³⁴ а «страстной». Поэтому, когда в седьмой песни фраза «*pous n'avons pas craint d'implorer le protecteur du Villageois & du malheureux*» (р. 195) превращается в «мы не уstraшаемса призвати на помощь нашу защитника нещастных» (244; 555), теряя, как замечает Стричек, слово «крестьянин», это — устранение скорее неуместной западной «феодальной» формулы, чем «намек на крестьянскую проблему», если не просто — дань эвфонии предложения. Можно было бы привести и примеры упрощения или недопонимания оригинала,³⁵ но в целом перевод отличается точностью и изяществом.

Любопытно, однако, что исследователи до сих пор не отметили самую значительную точку расхождения фонвизинского текста с оригиналом Битобе. Как известно, внутри истории Иосифа выделяется эпизод попытки его обольщения женой Потифара (в поэме по-церковнославянски — Пентефрия). В Библии она безымянна, но в народных и художественных обработках как восточных, так и западных, она получала разные имена, чаще всего варианты персидского «Зулика» («*Zulica*») или «Зулейка»

фразе «*Je ferai parler à la prose le langage élevé de la poésie*» в оригинале (Стричек А. Денис Фонвизин. С. 115).

³³ Там же. С. 115–116.

³⁴ Отметим, что вообще это слово в тексте перевода встречается очень часто.

³⁵ См. прим. 62.

(ср. и приписанную Фирдоуси поэму «Юсуф и Зулейка»). У Битобе этот эпизод играет центральную роль, и героиня названа «Zaluca». А у Фонвизина она носит имя «Далука». Разница не большая, всего одна буква. Но дело в том, что это имя русский автор не придумал сам, а нашел в другой книге, переведенной им с немецкого языка в 1762–1768 годы, «Sethos, histoire, ou Vie tirée des monumens, anecdotes de l'ancienne Égypte, traduite d'un manuscrit grec» (1731) Жана Террасона.³⁶ Здесь «Daluca»³⁷ — честолюбивая дама, добивавшаяся доверия и руки царя — отца Сетоса. Наверное, Фонвизину, который в предисловии к переводу романа похвалил автора за полезные сведения о Египте,³⁸ это имя представлялось более аутентичным, египетским, чем Залука. К тому же таким образом он, казалось бы, устанавливал связь между переведенными им поэмой в прозе Битобе и политическим романом аббата Террасона. Вместе с тем, в науке было отмечено, что в жанровом отношении автор четко различал два произведения, а стилистические искания считал возможными только в переводе поэмы.³⁹ Перед нами любопытный парадокс: как и Битобе, Фонвизин в подзаголовке не называет жанра произведения, а только намекает на него, указав на число *песен*, характерного деления для эпоса;⁴⁰ но, в отличие от французского поэта, в своем оригинальном предисловии он старательно избегает слово «поэма» и вообще не касается проблемы поэзии в прозе. Читатели, напротив, как мы видели, охотно пользуются этим

³⁶ Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя египетского, из таинственных свидетельств древнего Египта, взятая / Перевел Денис Фон Визин. Печатана при императорском Московском университете. 1762. Ч. I.

³⁷ В переводе Фонвизина — Далука. Не исключено, что и Битобе в выборе имени героини (Залука вместо обычного Зулика) учел египетский роман Террасона. Было бы интересно уточнить, мог ли французский эрудит знать о легендарной египетской царице Далуке, о которой, кажется, говорит арабский историк IX–X вв. Аль-Масуди в своей энциклопедии «Золотые луга» (ср.: Wallis Budge E. A. Egyptian Magic. London, 1986. P. 21–23); хотя полный французский ее перевод был сделан только в XIX в., отдельные отрывки были известны и цитировались и раньше.

³⁸ Фонвизин Д. Предисловие // Геройская добродетель... С. 3; Ср.: С. 222.

³⁹ Левин Ю. Д. Просветительство. С. 208. См. ниже прим. 42.

⁴⁰ Только в поздних изданиях автор прибегнул к термину «книга», казалось бы, более нейтральному, но роднящему произведение с «Энеидой» Вергилия (Leroy Ch. La poésie en prose française du XVIIe à nos jours. Histoire d'un genre. Paris, 2001. P. 64).

термином в частной переписке, когда речь идет о «романическом» содержании произведения, а Новиков даже полагает, что Фонвизин будто бы перевел прозой *стихотворный* оригинал. Другое дело последующие критики: П. А. Вяземский говорит об «Иосифе» как о *повести*, то же самое делает в XX веке Д. Д. Благой. Для В. Д. Левина важно подчеркнуть, что в 1760–80-е годы архаизированный славяно-русский язык уже сочелся не только с «высокими» жанрами, поэтому у него произведение Битобе становилось *романом*, в котором «библейский — а потому „важный“ — сюжет облечен в форму чувствительного повествования».⁴¹ Изменения наблюдаются только в недавних работах. В академической «Истории русской переводной художественной литературы», хотя о фонвизинском переводе говорится и в томе, посвященном прозе, и в томе, отведенном поэзии, в первом — стилистические решения и сама стилистическая озабоченность автора объясняются тем, что данное «переводимое прозаическое произведение приравнивалось к поэтическому»,⁴² а во втором — «Иосиф» сближается с переводами стихотворных поэм, выполненных, по французскому обычаю, прозой.⁴³ В другой статье, учитывая дидактизм и чувствительность содержания, «Иосиф» ставится в ряд переводов героических поэм нового типа, таких как «Потерянный рай» Мильтона, но его хронологическое первенство в этом ряду почему-то умалчивается.⁴⁴ Вместе с тем, восприятие и функция жанра определенного произведения во многом зависят от культурной обстановки, в какой оно появилось. Поэтому следует вернуться к «Joseph`у» и сопоставить литературную среду, куда он вошел в 1767 году, и совсем иную культурную панораму, куда попал «Иосиф» в России всего через два года, в 1769 году, а затем окружавшую его в течение 1770-х годов.

Уже место издания (Париж) и адресат посвящения (Фридрих II) поэмы «Joseph» намекают на двойственность, характеризующую П.-Ж. Битобе (1732–1808), француза по происхождению и языку, но прусского

⁴¹ Левин В. Д. Очерк стилистики... С. 25. Выделено мной. — Л. Р.

⁴² Левин Ю. Д. Просветительство С. 208.

⁴³ Данилевский Р. Ю., Кочеткова Н. Д., Левин Ю. Д. Поэзия. Гл. IV // История русской переводной художественной литературы / Под ред. Ю. Д. Левина. СПб., 1995. Т. II. Драматургия. Поэзия. С. 142.

⁴⁴ Коренева М. Ю. Поэзия. Гл. III // Там же. С. 138–139.

подданного до конца 1780-х годов, человека, воспитанного в немецкоязычной среде, готовившегося во Франкфурте-на-Одере к карьере протестантского пастора,⁴⁵ а ставшего автором первых читаемых французских переводов Гомера⁴⁶ и приятелем просветителей д'Аламбера⁴⁷ и Вольтера. «Предварительная речь», где Битобе объясняет свои наиболее спорные выражения, разделена на три части. В первых изданиях автор сначала оправдывает выбор библейской тематики, затем иллюстрирует преимущества прозы для эпического сочинения, и, наконец, останавливается на некоторых местах поэмы, которые вызывали критику.⁴⁸

Интересно, как Битобе старается превратить свою географическую, религиозную и культурную маргинальность в свое преимущество, выступая здесь как критик бытующих во Франции предрассудков и представитель более широкой европейской традиции. Чтобы подкрепить свой тезис о допустимости «чуждого», основанного на народной религии, он ссылается на Псалтырь, Гомера, Тассо, Мильтона, а также на таких современных немецких (или швейцарских) литераторов, как Ф.-Г. Клопшток, автор «Мессиады» («Der Messias», 1748), И.-И. Бодмер, теоретик предромантизма, а как поэт — подражатель предыдущему («Noah», 1750),⁴⁹ и С. Геснер, автор прозаической «Авелевой смерти» («Der Tod Abels», 1758). Вместе с тем, предметом полемики или иронии становятся французские авторы преимущественно предыдущего века, М.-А. Дж. де Сент-Амант («*Moïse sauvé*», 1653), Ж. Шаплен («*La Pucelle ou la France délivrée, poème héroïque*», 1656), Буало, Расин-сын («*La Religion*», 1742) (р. V, XI, X). Таким образом, предпочтение, оказанное прозе во второй части, находится в тесной связи с определенной тематикой и с определенной линией европейской культуры: «возвышенная простота» (р. XX)

⁴⁵ Prevost M. Bitaubé (Paul-Jérémie) // Dictionnaire de biographie française. Paris, 1954. Т. 6. Col. 533–534.

⁴⁶ Logé T. Le «Joseph» de Bitaubé // Le lettres romanes. 1977. Т. XXXI. № 4. Novembre. P. 313–314.

⁴⁷ Du Loiret L. F. Notice Historique sur la vie et les ouvrages de Bitaubé // Joseph, par Bitaubé... Nouvelle edition. Paris, 1826. P. XI.

⁴⁸ В более поздних изданиях порядок изложения меняется.

⁴⁹ В конце предисловия Битобе добавляет, что, уже дописав свою работу, он ознакомился с его двумя поэмами, посвященными Иосифу и Иакову (Р. XXII).

античности, возрождаемая в идиллиях нового времени, христианство — протестантское — как восстановление «великих черт естественной религии» (р. X—XI).⁵⁰

Битобе вначале как будто и не претендует на звание Поэта, но в конце приводит пример Геснера, кому Германия не отказала в таком звании, хотя он писал и не в стихах, и даже оспаривает право на него Фенелона, утверждая, что «стихотворство не составляет суть поэзии» и «если „Телемак“ не является поэмой, это не потому что он написан прозой, а потому что в нем часто не хватает приподнятости и теплоты эпопей».⁵¹ Далее Битобе указывает на другую слабость французской поэзии XVII века: неразумный «запрет» на белые стихи, обогащающие стихотворство других народов. Их и призвана заменять «возвышенная и гармоничная проза; она имитирует каданс стихов, и если она не так гармонична, то она более разнообразна».⁵² Подобно автору статьи о «поэме в прозе» в недавней «Энциклопедии» (1765), Битобе замечает, что нередко «отличные мысли становились жертвой рифмы, в то время как другие добавлялись только ради нее».⁵³

Интересно, что если для де Жокура примером жанра служил только «Телемак» Фенелона (1699),⁵⁴ то Битобе ссылается уже на новую тради-

⁵⁰ Logé T. Le «Joseph» de Bitaubé. P. 332.

⁵¹ «...comme il est des personnes qui pensent qu'un Poëme doit être écrit en vers, je ne tends point passer à leur jeux pour Poëte. Quelque titre qu'elles donnent à mon Ouvrage, si je réussis à leur plaire je serai satisfait. Cependant d'autres pensent que la versification ne fait pas l'essence de la Poésie, [...]; elles disent que si Télémaque n'est pas un Poëme, ce n'est point parce qu'il est écrit en prose, mais parce qu'il manque souvent d'élévation & de la chaleur de l'Epopée. L'Allemagne n'a pas dispute à M. Gesner le titre de Poëte, quoique ses Ouvrages ne soient point écrits en vers» (P. XV).

⁵² «...si nous n'osons faire des vers blancs, une prose soutenue & harmonieuse peut, jusqu'à un certain point, les remplacer; elle imite la cadence des vers; & si elle a moins d'harmonie, d'une autre part elle offre plus de variété» (P. XIX).

⁵³ «On ne sait pas toujours quelles excellentes idées les Poètes ont été obligés de sacrifier à la rime & l'on s'apperçoit plus d'une fois des idées qu'elle seule amene» (P. XIX).

⁵⁴ «Мы обязаны поэзии в прозе некоторыми произведениями, полными приключений и вероятных и чудесных, а также мудрых, но выполнимых поучений, которые никогда бы не увидели свет, если бы их авторы подчиняли свой талант рифме и метру. Уважаемый автор „Телемака“ никогда не подарил бы нам этого чудесного произведения, если бы он должен был написать его в стихах» («Nous avons obligation à la poésie en prose de quelques ouvrages

цию, и прежде всего на Геснера. Не случайно он добавляет, что «проза является более естественной особенно в случае простых сюжетов, как в пастушеской (*champêtre*) поэзии», так как «душа, не стесненная никаким игом, легче предается чувству».⁵⁵ В самом деле, огромная популярность Геснера и его школы во Франции была только еще в самом начале,⁵⁶ и успех поэмы Битобе скорее способствовал, чем следовал ей. В историях французской поэзии в прозе мы находим автора «Joseph`а» в начале нового периода, продолжившегося до первых десятилетий нового века.⁵⁷ Что касается причины успеха Геснера (а значит, и его последователей), то решающую роль здесь могла играть «поэтическая», ритмическая проза — новость для Франции после запретов классицизма — которая заинтересует впоследствии таких авторов как Шатобриан и Мюссе.⁵⁸ Однако, по мнению современной исследовательницы, для читателей, особенно тех, кто знакомился с переводами, новость состояла также — если не преимущественно — в перенесении в прозу любимого античного жанра идиллии, который до того времени был исключительно стихотворным, в присвоении прозой поэтических кодов, типичных для идиллии.⁵⁹ А в случае «Joseph`а» такое наблюдение можно, пожалуй, расширить и применить к жанру эпопеи. Не случайно в начале первой песни цитируются и Мильтон, и Геснер

remplis d'aventures vraisemblables, & merveilleuses à la fois, comme de préceptes sages & praticables en même tems, qui n'auroient peut-être jamais vû le jour, s'il eût fallu que les auteurs eussent assujetti leur génie à la rime & à la mesure. L'estimable auteur de Télémaque ne nous auroit jamais donné cet ouvrage enchanteur, s'il avoit dû l'écrire en vers», *Jaucourt L.* Poème en prose / *Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*, par une Société de Gens de lettres. Paris, 1765. Vol. 12. P. 836–837).

⁵⁵ «Sur-tout dans des sujets simples, tels que ceux qui tiennent à la Poésie Champêtre, la prose a peut-être plus de naturels» (P. XIX).

⁵⁶ *Moore F.* *Prose Poems of the French Enlightenment. Delimiting Genre.* Farnham, Surrey, 2009. P. 137–138.

⁵⁷ Ср. *Leroy Ch.* *La poésie en prose française ...* P. 63–71.

⁵⁸ См. Классическое исследование: *Van Tieghem P.* *Les idylles de Gessner et le rêve pastoral // Le Prérromantisme. Etudes d'histoire littéraire européenne.* Paris, 1930. P. 222; *Monglond A.* *Le rôle littéraire d'un réfugié: Jérémie Bitaubé et la «prose poétique» // Revue de Littérature Comparée.* 1923. № 3. P. 264–275. Примечательно, что Фонвизин, в отличие от многих переводчиков, сохраняет и даже усиливает это качество оригинала (*Стричек А. Денис Фонвизин.* С. 113).

⁵⁹ *Moore F.* *Prose Poems of the French Enlightenment...* P. 138.

как вдохновенные певцы (р. 2; 2–3; 445).⁶⁰ Чтение поэмы как в оригинале, так и в переводе усиливает впечатление двойственности если не тройственности. После короткого вступления,⁶¹ где Битобе напоминает о своих предыдущих трудах как переводчика Гомера, следует традиционный зачин в духе «Одиссеи» «Je célèbre cet homme vertueux» («Слаблю мужа непорочного»); но затем автор дублирует его новым обращением, на этот раз по примеру «Илиады», не к Музе, а к Моисею, не названному, а представленному как автор «Бытия», освободителю израильтян из Египта.⁶² Мало того, между этими зачинами Битобе вставляет обращение к читателям, более соответствующее назидательной повести (р. 1–3; 1–3; 445).

Следуя примеру «Одиссеи» и «Энеиды», поэт начинает действие с середины, когда красивый юноша, любимый сын Иакова, проданный своими братьями, уже стал одним из рабов Пентефрия и пасет его стада; начало своей истории он рассказывает его жене во второй песни, вызывая ее сочувствие и любовь, ту же историю со своей точки зрения расскажет ему меньший брат Вениамин в восьмой песни. К эпической традиции восходят и развернутые сравнения, обильно разбросанные по всей поэме, и чудесное, используемое для оправдания сюжетных узлов и психологических моментов, совершенно неизвестных библейскому тексту. Например, читатель узнает не только о том, что Залука/Далука несчастлива в браке, но и о том, что ее любовь к Иосифу была предопределена еще до ее начала хитростью Купидона во время ее молитвы Венере. Однако затем ее страсть, мучения, ненависть и смерть оттенены психологически, как драма Вирги-

⁶⁰ Там же. Р. 170.

⁶¹ Примечательно, что Фонвизин обособляет его, цитируя и французский текст (Л. 2 об.; ср. С. 443), на отдельной странице, напечатанной меньшим шрифтом (во всех изданиях), после своего предисловия, но до начала поэмы, которое таким образом принимает более эпическое звучание.

⁶² Длинный перифрастический ряд, основанный на образах сотворения мира в оригинале, и одна ошибка переводчика могут оставить впечатление, что поэт обращается к Богу (ср. Коренева М. Ю. Поэзия. Гл. III. С. 138). В конце зачина Битобе выражает надежду, чтобы огонь божественного вдохновения, который *воспламенял* священного песнопевца, вошел и в его разум и сердце. Но Фонвизин, очевидно, принял слово «embrasa», от «embraser», за форму глагола «embrasser» и переводил: «огнь, тебя *объемлющий*», выражением, подходящим только для божества (р. 2; 3; 445).

лиевой Дидоны и трагедия Расиновой Феды,⁶³ с обилием «сладострастных» деталей.

Рядом с языческими божествами вроде Венеры и Купидона⁶⁴ в поэме действуют Ангелы, тень Авраама, Превечный, монстр Суеверие и, главное, Итуриил (Ithuriel). Это имя Битобе заимствовал из «Потерянного рая» Мильтона (IV, 788), где его носит один из двух «сильных духов», помощников Гавриила, и использовал для обозначения некоторого гения (Génie; духа и чаще ангела в переводе Фонвизина), ходатайствующего за Египет. По поручению Превечного он подсказывает Иосифу значение снов узников и Фараона, а затем помогает ему в его деятельности правителя страны. Таким образом, эпическим чудесным парадоксально облакаются даже сугубо «просветительские» эпизоды, как например, работы по осушению дельты Нила (песнь VI), «открытие» его пресловутых источников в Абиссинии и дальше во внутренности земли и, наконец, полет до пределов небес и земли, где гений объясняет движение светил с учетом теории всемирного тяготения Ньютона (песнь IX).⁶⁵ Традиционному для эпопеи сошествию во ад соответствует скорее посещение внутренности пирамиды и встреча с погребенным там заживо старцем во время его познавательного путешествия по Египту (песнь V).⁶⁶

Другие мотивы поэмы отсылают к другой литературной традиции. Первые песни, рисующие среду пастухов-рабов, сначала жестоких, а затем «зараженных» примером Иосифа и постигающих музыку, пение, возвышенную любовь и даже единого Бога, напоминали читателям египетские эпизоды второй книги «Телемака», где герой подобным образом укрощает нравы пастухов;⁶⁷ а идеальная дружба героя с отважным бывшим воином

⁶³ Logé T. Le «Joseph» de Bitaubé. P. 319.

⁶⁴ В отдельном примечании Битобе оправдывает этот факт, ссылаясь на утверждение Геродота, будто «Первые Египтяне нашли имена двенадцати богов, и Греки оные имеют от Египтян» (С. 114; 497; «Les Egyptiens ont trouvé les premiers les noms de Douze Dieux & les Grecs le tiennent des Egyptiens». P. 91).

⁶⁵ Logé T. Le «Joseph» de Bitaubé. P. 339.

⁶⁶ О путешествии по Египту библейского Иосифа говорится в Священном писании (Быт. 41, 45–46). Битобе уделяет большое внимание географическим и ботаническим деталям, извлеченным из книг путешественников (Р. XXII).

⁶⁷ Du Loiret L. F. Notice Historique sur la vie et les ouvrages de Bitaubé // Joseph, par Bitaubé... Nouvelle edition. Paris, 1826. P. XIV. Ср. Logé T. Le «Joseph» de Bitaubé. P. 327.

Итобалом, образы патриарха Иакова и пастушки-сиротки Селимы, мгновенная взаимная (непоколебимая) любовь двух молодых людей — идиллии, и особенно «Авелеву смерть» Геснера. И трактовка характера главного предателя Симеона, скорее несчастливой по недостатку чувствительности, чем злодея,⁶⁸ восходит к изображению Каина в той же поэме.

Не следует забывать об идейной стороне поэмы, очень характерной для эпохи, которую трудно свести к единому знаменателю. Конечно, противопоставление роскошных городов и сельской простоты, а также эпизод, когда Итобал, казалось бы, постигает «Бога как солнца вселенной», созерцая с горы восхождение солнца (песнь I), заставляли говорить о влиянии Руссо и его «Исповедания веры Савойского викария». Но легко убедиться, что идеалом Битобе служат не «первобытные пастухи» вообще,⁶⁹ а только пастухи, смягченные верой в единого Бога, и что для Его постижения недостаточно созерцания природы, а необходимы пример и поучение.⁷⁰ В поэме сурово осуждается бессмысленное идолопоклонство с пагубным культом смерти египтян, которому противопоставляется вера в «Бога Природы» избранного народа.⁷¹ Но Битобе говорит, что в Египте Иосиф построил Ему храм (песнь VII), где немногие посвященные будут воспитывать «Царей, Мудрецов, Законодателей»,⁷² а для обыкновенного народа покроют «культ <...> тенью таинства».⁷³ Однако — что восхи-

⁶⁸См. например: «Que je plains surtout Siméon! Quelques affreuses que soient mes infortunes, elles n'égaleront pas encore les siennes <...> jamais ses yeux ne versèrent de ces larmes délicieuses que le cœur préfère aux ris» (P. 39–40); «О, коль много жалею я Симеона! Сколь ни люты мне мои несчастья, но с его страданием равняться не могут <...> никогда очи его не проливали тех радостных слез, кои сердце предпочитает смехам» (49–50; 466–467).

⁶⁹Гуковский Г. А. Фонвизин.

⁷⁰Битобе об этом писал в опровержении текста Руссо («Examen de la confession de foi du vicaire savoyard contenue dans 'Emile'», 1763). См.: *Logé T. Le «Joseph» de Bitaubé*. P. 331–334.

⁷¹Примечательно, что Фонвизин заменяет слова «Le Dieu de la Nature» (P. 190) выражением «Господь Миру» (237; 552), хотя слово «природа» часто встречается в его переводе.

⁷²«Forme des Rois, des Sages, des Législateurs» (P. 193); «соделовай Царей, мудрых законодателей» (242; 554).

⁷³«...que ce culte soit enveloppé (так. — Л. П.) de quelques ombres mystérieuses» (P. 192); «да будет служение сие покровенно неким таинством» (240; 553).

щает поэта — оттуда прямым или косвенным путем «почерпнут добродетель» (р. 194; 243; 555) такие мудрецы, как Орфей, Пифагор и даже Сократ. В этом усматривали призыв к веротерпимости, заключающийся в распространенной идее, что и языческая античность предугадала некоторые элементы христианства,⁷⁴ или же явный намек на масонство.⁷⁵

Для более полной характеристики поэмы не менее важны проповедь смирения перед божьей волей и героический отказ от любой формы сопротивления злу насилем: Иосиф не желает мстить братьям, красноречиво отвергает планы Итобала, когда он призывает рабов к восстанию (песнь I) и когда предлагает ему побег из темницы (песнь IV). Ставший правителем, герой уклоняется от войны и занимается только мирными делами. По этому поводу следует сказать, что «экономическая политика» библейского Иосифа, обогащавшего своего государя за счет голодающего народа, в те годы во Франции стала предметом полемики: Мирабо ее оправдывал, а Вольтер сурово критиковал. Сам автор намекает на это в предисловии, а в поэме заставляет своего героя вернуть прежним владельцам их земли и богатства (конец песни VI; песнь IX).⁷⁶

Однако для обыкновенного читателя и особенно для читательниц больший интерес представляли характер кроткого, меланхолического, но твердого героя, трогательный сюжет, патетические сцены и речи, и реки (буквально — *guisseau, torrent*) слез, проливаемые всеми героями. В поэме они являются знаком не столько печали, сколько добродетели, и чувствительного, сострадающего сердца, ключом к сердцам других и высшим наслаждением.⁷⁷

Если Битобе руководился мнением Вольтера, считавшего историю Иосифа особенно подходящей для эпической поэмы (р. XX),⁷⁸ сцена, когда переодетый Итобал навещает Иосифа в темнице, а также эпизод старца, погребенного в пирамиде (песнь V), могли бы послужить доказательством известной в науке связи эпопеи и авантюрно-исторического романа XIX века под знаком занимательности и развлечения. Вместе с тем,

⁷⁴Logé T. Le «Joseph» de Bitaubé. P. 333–334.

⁷⁵Стричек А. Денис Фонвизин. С. 111.

⁷⁶Ср.: Logé T. Le «Joseph» de Bitaubé. P. 328–330.

⁷⁷Там же. P. 321–324. Ср. выше прим. 68.

⁷⁸Речь идет о статье «Иосиф» в «Философском словаре» (Там же. P. 319–320).

в определенном смысле уже библейский, и тем более литературный Иосиф воплощает то, что Л. В. Пумпянский назвал основной темой сентиментального, а значит, и новоевропейского романа, «борьбу героев (чаще всего героини) за верность до конца своему идеалу нравственности, борьбу, которую им приходится вести против целого сонма могущественных и хитрых врагов».⁷⁹

К такому жанровому и культурному гибриду, кажется, подходит замечание М. М. Бахтина о том, что «за порогом канонизованной литературы с ее жанровой системой всегда <...> существует масса, так сказать, неприкаянных жанров (в большинстве своем мелких, но не только мелких). Это — либо обломки, либо зачатки. Взаимоотношения между ними своеобразны».⁸⁰ Можно добавить, что в переходных эпохах или переходя в новую культурную обстановку один и тот же жанр может быть и обломком и зачатком или менять свою функцию.

Стремительность процесса приобщения русской культуры к наследию прошлого и к современным достижениям европейских литератур, когда переводы составляли только одну, и не всегда самую значительную, часть литературы, усложняет наблюдение таких феноменов. Напомним только, что если «Иосиф» был опубликован через два года после оригинала, что делает честь чутью молодого Фонвизина, всего три года отделяли его от выхода «Тилемахиды» Тредиаковского (1766). А переводы произведений, на которые намекает Битобе в начале первой песни, «Потерянного рая» Мильтона и «Авелевой смерти» Геснера, вышли из печати значительно позже, в 1777–1780 годах.⁸¹ Не случайно Фонвизин счел нужным добавить пояснительные примечания о них (2–3; 445). Совершенно естественно поэтому, что в заметке «От переводчика», так же как и в выборе стиля, он ссылался на самую авторитетную в то время в России традицию. Однако он, очевидно, затруднялся в определении ее жанровых особенно-

⁷⁹ Пумпянский Л. В. Сентиментализм // История русской литературы: В 10 т. М.: Л., 1947. Т. IV. С. 439.

⁸⁰ Бахтин М. М. Дополнения и изменения к «Рабле» // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. М., 2008. Т. 4. С. 705–706.

⁸¹ Коренева М. Ю. Поэзия. Гл. III. С. 137–138. «Аргенида» («Argenis»), другое произведение Тредиаковского, на которое ссылается сам Фонвизин в обращении к читателю, вышла в 1751 году.

стей (тем более, что Тредиаковский превратил прозаического «Телемака» в стихотворную эпопею) и не считал целесообразным поднимать проблему поэзии в прозе как таковую.

Но ситуация уже менялась. Сам фонвизинский перевод становится лишь одним из участников высоко экспериментального сезона между 1766 и 1770 годами,⁸² после которого временно наступило затишье, ни один прозаический жанр не брал верх над другими, а интерес читателей привлекали скорее периодические издания, драматические произведения, а также иностранные сочинения в оригинале. Поэтому в течение 1770-х годов поэма в прозе как произведение благородное, но и занимательное могла представляться вполне достойным и актуальным чтением для тех, кого не удовлетворяли ни строго философские, ни низкие авантюрные и/или нравоописательные романы.

Показательно, что за год до письма, с которого мы начали статью, в 1777 году, Муравьевы, брат и сестра, живо интересовались недавним романом (а по мнению некоторых исследователей — поэмой в прозе)⁸³ Мармонтеля «Инки» («*Les Incas*», 1777). О нем говорили уже в Твери, затем в Петербурге в доме М. М. Хераскова, интересовались его формой и содержанием, а также тем, кто его переводит на русский.⁸⁴ Примечательны термины, использованные для обозначения жанра: хотя в те же дни Михаил Муравьев мог легко выражать по-французски свое восхищение то к «*„Temple de Gnide“ petit poème en prose, joli au possible*» Монтескье,⁸⁵ то, еще не читавши «Инков», писать сестре со слов Хераскова об этом сочинении Мармонтеля: «Оно в прозе, *хотя и стихотворче-*

⁸² Назовем только «Письма Эрнеста и Доравры» Ф. Эмина и «Пересмешник» М. Чулкова (1766), роман «Нума, или Процветающий Рим» М. Хераскова и перевод «*Belisaïge*» Мармонтеля (который причисляют к роду прозаической поэмы) (1768), роман «Пригожая повариха» Чулкова (1770). Ср.: *Серман И. Э.* Зарождение романа... С. 52.

⁸³ *Leroy Ch.* La poésie en prose française ... Р. 64.

⁸⁴ *Муравьев М. Н.* Письма отцу и сестре 1777–1778 годов // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 271, 276–277, 282, 331, 333, 340. За переводом брались и Н. А. Львов и М. В. Сушкова, которая и опубликовала его в 1778 году. (Ср.: Сводный каталог русской книги гражданской печати. 1725–1800. М., 1964. Т. 2. С. 219).

⁸⁵ *Муравьев М. Н.* Письма отцу и сестре... С. 282.

ское».⁸⁶ Но в обоих случаях ясно, что речь идет о самостоятельном, ценимом как таковом, жанре.

Можно сказать, что во время указанного «промежутка» и такие произведения, немедленно переведенные, способствовали открытию того места в русской литературе, которое впоследствии займет оригинальная сентиментальная повесть, и временно занимали его. А в начале 1790-х годов Фонвизин в «Чистосердечном признании» уже смотрит на свое юношеское сочинение через призму уже торжествующего и в России сентиментализма. И поливает свои страницы слезами, почерпнутыми отсюда.

⁸⁶ Там же. С. 271. Выделено мной. — Л. Р. Впрочем, такой же термин находим в «Предуведомлении» Тредиаковского к «Аргениде» (*Brang P. Studien zu Theorie und Praxis der Russischen Erzählung*. С. 31–32).

Маркус Левитт

«МЕТАМОРФОЗЫ» ОВИДИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА — PRO ET CONTRA

По словам С. И. Николаева, Овидий — «самый известный и часто упоминающийся в русской литературе античный автор», хотя подлинное знакомство с его произведениями и с его творческой личностью состоялось уже после Петровской эпохи, а в допетровскую — складывалась лишь его «репутация в писательском и читательском сознании».¹ Таким образом, период до XVIII века должен рассматриваться как предыстория знакомства с Овидием в России, само же XVIII столетие — как время, когда переводы и подражания Овидию становятся частью литературного процесса. «Метаморфозы» служили в России (как, впрочем, и в Западной Европе) «в полном смысле слова введением в античность и в то же время введением в мифологию, без знаний которой невозможно было в те годы быть не только поэтом, но даже рядовым читателем».² Однако место «Метаморфоз» в становлении русской литературы XVIII века до сих пор не определено.³ В данной работе речь пойдет о некоторых аспектах ре-

¹ Николаев С. И. Овидий в русской литературе XVII века // Русская литература. 1985. № 1. С. 206.

² Берков П. Н. Овидий в русской литературе XVII—XVIII вв. // Вестник Ленинградского университета. 1973. История, язык, литература. Вып. 3. № 14. С. 88.

³ Показательно, что в авторитетной библиографии переводов античной литературы среди других произведений Овидия отсутствуют указания на «Метаморфозы». См.: Антич-

цепции «Метаморфоз», внимание в ней будет сосредоточено на противоречивости их восприятия. Противоречивое или даже конфликтное их восприятие в России отчасти связано с тем, что «Метаморфозы» всегда вызвали дискуссии, в то же время оно во многом определено литературным процессом русского XVIII века.

Незнание произведений Овидия в допетровской Руси не распространяется ни на литературу барокко, которая стала развиваться в России в последней трети XVII века, ни на сопутствующую ей традицию школьного образования. В числе произведений других классиков Древности «Метаморфозы» Овидия были обязательной частью учебной программы, восходящей к латинским иезуитским школам и традиции латинского гуманизма.⁴ По замечанию Л. А. Софроновой, сочетание античных и христианских образов было «одной из важнейших черт поэтики барокко»⁵ и отчетливо отразилось в литературной культуре Киевской духовной академии, где учились Симеон Полоцкий, Дмитрий Ростовский, Феофан Прокопович и другие, а значит, изучали и переводили Овидия.⁶

Барочная традиция усвоения мифологии, в том числе и Овидиевых «Метаморфоз», подготовила почву для эпохи Петра I, когда античная мифология стала широко использоваться в государственной культурной политике и, как показали Б. А. Успенский и В. М. Живов, сыграла заметную роль в борьбе с православным традиционализмом, считавшим мифологию языческой ересью.⁷ Она продолжала оказывать влияние на весь

ная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв.: Библиогр. указатель / Сост. Е. В. Свиясов. Под ред. Г. В. Бахаревой. СПб., 1998. О проблеме влияния Овидия см.: Берков П. Н. Овидий в русской литературе XVII–XVIII вв.; Любжин А. И. Римская литература в России в XVIII — начале XX века. М., 2007. В этих работах не рассматривается вопрос о влиянии Овидия на театр.

⁴ Софронова Л. А. Поэтика славянского театра XVII — первой половины начала XVIII века (Польша, Украина, Россия). М., 1981. О использовании мифологии см. особенно 2 главу.

⁵ Там же. С. 228. О смешении христианских и языческих образов в русской барочной культуре см. также работы В. М. Живова и Б. А. Успенского, указанные в ссылке 7.

⁶ Берков П. Н. Овидий в русской литературе XVII–XVIII вв. С. 90. Как правило, учебная программа по латыни предполагала умение переводить из античных авторов.

⁷ Живов В. М. и Успенский Б. А. 1) Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б. А. Избр. труды. М., 1994. С. 174; 2) Живов В. М.

XVIII век, что отразилось и в духовной литературе, прежде всего в проповедях. На школьную драматургию, использовавшую мифологические сюжеты из «Метаморфоз», ориентировался ранний придворный театр, например, в таких своих спектаклях, как «Дафнис, гонимый любовным Аполлоном в древо лавровое [лавровое] превращенная»,⁸ «Нарцисс преображенный» и балет «Орфей».⁹

Овидий вошел в русскую словесность в контексте знакомства русской культуры с античной мифологией и воспринимался как элемент новой европейской культуры. Произведения Овидия часто служили «образцом возвышенной литературы», «наиболее „классическим“, торжественным и книжным оставался переводной Овидий».¹⁰ Это сказалось не только в подражании ему в отдельных жанрах (элегиях, ироидах и т. п.), но и в восприятии «Метаморфоз». Например, М. В. Ломоносов приводит в «Риторике» (1748) примеры из «Метаморфоз» чаще, чем из других произведений Древних. А А. П. Сумароков, открыв первый номер своего журнала «Трудолюбивая пчела» (1759) статьей Г. В. Козицкого «О пользе мифологии», печатал в нем переводы отрывков из «Метаморфоз», сделанные в прозе с латинского языка Козицким и В. И. Крамаренковым.¹¹ По мне-

и Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII века // Живов В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002. С. 461–531.

⁸ Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах: Вторая половина XVII — первая треть XVIII в. Л., 1989. С. 149–175; это перевод «Dafnis drzewem bobkowym» (1638) С. Твардовского.

⁹ Софронова Л. А. Поэтика славянского театра... С. 235. Текст балета «Орфей» (1673) не сохранился; его источником, видимо, служил немецкий перевод с итальянского текста 1638 года; композитор — Heinrich Shütz. См.: Ранняя русская драматургия: XVII — первая половина XVIII в. М., 1972. Т. 2: Русская драматургия последней четверти XVII и нач. XVIII в. С. 311–312.

¹⁰ Мильтон Дж. «Погубленный рай», книги I, IX / Перевод А. Г. Строганова. (Публ. А. О. Львовского, вступ. статья Ю. Д. Левина) // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век / Под ред. Ю. Д. Левина. СПб., 1996. Т. 2: Драматургия. Поэзия. С. 180.

¹¹ Крамаренков Вас. Баснь о фаетоне. Из Овидиевых превращений // Трудолюбивая пчела. 1759. Март. С. 134–154; К[озицкий] Г[ригорий]. 1) Баснь о Пираме и Физбе // Там же. Апрель. 1759. С. 212–218; 2) Фив и Дафне // Там же. Сентябрь. С. 524–531; 3) Скилла или безбожное предательство // Там же. Ноябрь. С. 650–658. Полный перевод «Метаморфоз» Козицкого вышел в двух томах в Санкт-Петербурге в 1772–1774 годах.

нию В. Г. Рубана, «лучшими из сочинений его (Овидия. — М. Л.) по достоинству почитают превращения (Metamorphoses) как чистотою слога, высокостию мыслей, так и соблюдением порядка, от начал мира, даже до его времени, им наблюдаемого».¹²

Материя и стиль «Метаморфоз» могли оцениваться и как «высокие» и как «низкие», и в этом заключается особенность этого произведения, сказавшаяся на его восприятии в России.

Примером «высокого» восприятия «Метаморфоз» служит стихотворный перевод В. И. Майкова первых восьми книг «Метаморфоз»,¹³ ставший вехой и в творческой жизни поэта, и в русской рецепции Овидия. Он особенно важен тем, что здесь явно проступает образ Овидия, что отличает его от общей тенденции в России XVIII века видеть в «Метаморфозах» лишь собрание сюжетов.¹⁴

Широко пользовался сюжетами и мотивами из «Метаморфоз» М. М. Херасков. На них основаны, в первую очередь, его «масонские» романы: «Кадм и Гармония, древнее повествование» (1789) и «Полидор, сын Кадма и Гармонии» (1794), — а также его дидактическая поэма в легком стиле «Пилигримы, или Искатели счастья» (1795), содержащая множество ссылок на «Метаморфозы»; особенно интересны примечания

¹² Рубан В. Г. Две Ироиды, или два письма Древних Ироинь, сочиненные Публием Овидием Насоном. СПб., 1774. Цит. по: Любжин А. И. Римская литература в России. С. 128–129.

¹³ Публия Овидия Насона Превращения. [Кн. 1–4] // Свободные часы. 1763. Апрель–Ноябрь. С. 221–227, 271–275, 328–332. Новая редакция: Публия Овидия Насона Превращения. [Кн. 1–4]. СПб., 1775. Книга снабжена гравюрами из издания 1721 г. «Овидиевы фигуры. В 226 изображениях» и восходит к изд.: Metamorphoses d'Ovide en rondeaux imprimez et enrichis de figures. Nürnberg, 1689. См.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 532–533. № 486. Публия Овидия Насона Превращения. [Кн. 5–8] // Модное ежемесячное издание. 1778. Июль–Ноябрь. С. 2–46, 99–140, 179–231, 3–18, 85–105. См.: Черняев П. Н. Следы знакомства русского общества древнеклассической литературой в век Екатерины II (Майков В. И. 1728–1778) // Филолог. записки. 1904. Вып. V–VI. С. 118–120.

¹⁴ Специального исследования о нем нет. О работе Майкова над переводом см.: Ефремов П. А. Комментарии // Фонвизин Д. И. Соч., письма и избранные переводы / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1866. С. 663; а также: Майков Л. Н. О жизни и сочинениях В. И. Майкова // Майков В. И. Сочинения и переводы. СПб., 1867. С. XXII–XXIII.

Хераскова к цитируемым произведениям.¹⁵ «Метаморфозы» цитируются Херасковым и в эпической поэме «Россияда» (1779), в которой, как отметила Н. Д. Кочеткова, «в жанровом и стилистическом отношении Херасков ориентировался на античную и новую европейскую традицию (Гомер, Вергилий, Лукан, Тассо, Вольтер и др.)»;¹⁶ сюда же может быть отнесен и Овидий. По мнению А. И. Любжина, в 1760-х годах Херасков и И. Ф. Богданович писали в новом для русской литературы жанре «превращений».¹⁷

Заложенная в «Метаморфозах» возможность их «низкого» восприятия позволила проникнуть им и в «демократическую» литературу. Особое место здесь занимает «Пересмешник, или Славенские сказки» М. Д. Чулкова (1766–1768, 1789) — произведение, которое задумывалось, а порой и критиковалось¹⁸ как русская «Тысяча и одна ночь». В «Сказке о рождении тафтяной мушки» («Пересмешник», III, гл. 16–25; IV, гл. 16–25; V, гл. 16–17) неоднократно даются отсылки на «Овидиевы превращения». Рима Гарн, впервые обратившая внимание на использование «Метаморфоз» в «Пересмешнике», выдвинула гипотезу о том, что книга Овидия «может быть, внушила автору основополагающую идею „Сказки“ и всего „Пересмешника“, что перемены — вечны, и всё — к лучшему».¹⁹ Более конкретно влияние «Метаморфоз» сказалось на характере героя «Сказки о рождении тафтяной мушки» Неоха, в то же время использование «Ме-

¹⁵ См.: Творения М. Хераскова. М., [1779]. Ч. 3. С. 167, 177, 182, 183, 211, 219, 277, 278, 279, 313; Любжин А. И. Римская литература в России в XVIII — начале XX века. С. 129–130.

¹⁶ Кочеткова Н. Д. Херасков М. М. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3. (Р–Я). С. 351.

¹⁷ Там же. С. 128.

¹⁸ См., например, отрицательный отзыв о Чулкове в анонимном «Известии о некоторых русских писателях», изданном в Лейпциге (Ефремов П. Е. Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867. С. 143–144).

¹⁹ Garn R. At the Cradle of the Modern Russian Novel: The Case of M. D. Chulkov. Diss., The University of North Carolina at Chapel Hill, 2004. P. 143. Гарн цитирует речь Пифагора в «Метаморфозах» (кн. 15), иллюстрирующую эту идею. Мы полагаем, что вопрос заключается в типологическом сходстве собраний, а не в прямом влиянии. Чулков мог познакомиться с «Метаморфозами» по переводам Майкова и Козицкого, однако этот вопрос требует специального исследования.

таморфоз» Чулковым указывают на «металитературную» игру автора.²⁰ Например, вот описание, как герой влюбляется:

«Неох как скоро увидел на ней [Навере] черное платье и маску, то подумал, что делается с ним Овидиево превращение, а в доказательство того ожидал, как она заговорит, стихами или прозою; и ежели бы она хоть одну рифму сказала, то бы он, конечно, подумал, что стариинная неодоушленная мифология хочет воскреснуть теперь перед его глазами».²¹

Здесь важно не только само «превращение» героя, но и само описание этого превращения, которое дается в подражание книги Овидия («стихами или прозою <...> хоть одну рифму»). Неох видит себя и желанную женщину как бы с авторской позиции, «по литературному», и получается, что античный мифологический мир, описанный Овидием, «воскресает» и становится актуальным в России. Точно так же он воскресает при создании «славянской мифологии» по модели античной.²² Таким образом «Метаморфозы» играют определенную роль и в становлении образа русского прошлого (мифология как «useable past»), и в развитии художественной прозы.

При своем мнимом сходстве (оба писали ирои-комические поэмы, впоследствии их авторство даже путали) Чулков и Майков были литератур-

²⁰ Шкловский назвал Чулкова «одним из первых русских мифологистов» и перечислил его работы в этой области: «Мифологические примечания к „Пересмешнику“» (1766–1768); «Краткий мифологический лексикон» (1767); «Весьма краткое известие о мифологии» («И то и сию», 1769); «Словарь русских суеверий» (1782); «Абевега русских суеверий» (1786) (Шкловский В. Чулков и Левшин. Л., 1933. С. 94–95). О сопоставлении Чулковым античной и славянской мифологий см.: Степанов В. П. Чулков и «фольклорное» направление в литературе // Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л., 1970. С. 226–247, особенно 227–232. О составлении «русской мифологии» на основании античной как этапе в развитии русской прозы, особенно исторической беллетристики, см.: Курышева Л. А. Повести о богатырях в «Русских сказках» В. А. Левшина: Сказочно-историческая модель повествования. Новосибирск, 2009. С. 20–40.

²¹ Чулков М. Д. Пересмешник или Славенские сказки. М., 1798. С. 175–176.

²² По словам А. В. Западова, «Чулков считал необходимым создать собственную „национальную“ мифологию. Дворянству, осваивающему высоты греко-римской мифологии и не заинтересованному в особых „национальных“ богатствах, Чулков противопоставляет упорное стремление создать именно «славенскую» мифологическую иерархию» (Западов А. Журнал М. Д. Чулкова «И то и сию» и его литературное окружение // XVIII век. М.; Л., 1940. Сб. 2. С. 135.

ными противниками. По мнению А. В. Западова, их вражда имела социальную подоплеку, как столкновение представителей дворянской и демократической (высокой и низкой) литератур.²³ Одним из пунктов расхождения писателей оказались «Метаморфозы». Характеризуя Майкова в «Стихах на качели», Чулков писал:

Овидия себе в наставники избрал,
Который никогда, как думаю, не врал,
Писал он хорошо, остро, замысловато,
А я переводил гораздо плоховато <...>
Латинский мне язык и русский неизвестен,
Других не знаю я, а прочих не учил;
Однако лишь перо в чернило обмочил,
То вздумал о себе, что есть во мне примета,
Такая, что мне быть учителем полсвета...²⁴

Чулков не только критикует Майкова как переводчика, но и, — что замечательно, — не принимает его рецепции Овидия. Им порицается и то, что Майков якобы избрал Овидия «себе в наставники», и его мнение, что Овидий чрезмерно вымышлял. Оба обвинения отражают важный момент восприятия «Метаморфоз» в русской литературе, связанный с проблемой выбора образца. По Чулкову, вопрос стоит так: «врал» ли Овидий? Как представитель «демократического» лагеря Чулков мог заявить, что Овидий «никогда, как думаю, не врал», и в то же время отказать ему в роли литературного авторитета, возможно, потому, что вообще отвергал назидательную функцию литературы.

Сомнения, соответствуют ли «Метаморфозы» требованиям правдоподобия, нравственности и вообще высоким целям литературы (в том числе литературы классицизма), возникали давно. В русской литературе впервые об этом заговорил, кажется, Антиох Кантемир. В примечании к стихотворению «Речь к благочестивейшей государыне Анне Иоанновне, импе-

²³ Западов А. В. Журнал М. Д. Чулкова «И то и сию». С. 104–111.

²⁴ Чулков М. Д. Стихи на качели // Иронико-комическая поэма / Вступ. статья В. А. Десницкого, подг. текста и прим. Б. В. Томашевского. Л., 1933. С. 197 (Б-ка поэта; Большая сер.); Западов А. В. Журнал М. Д. Чулкова «И то и сию». С. 109.

ратрице и самодержице всероссийской», написанном в 1731 году,²⁵ он прокомментировал строки 55—56: «Да искусство требует наше стихотворно, / Чтоб меж правдою было нечто и притворно» следующим образом: «*Нечто и притворно*. В стихотворном стиле фикции гораздо нужны; инако он слаб и скуден, что гораздо знали Омир и Вергилий, а Овидий чрезмеру в него влюбился, так что во всей его „Метаморфозисе“ трудно распознать правду». Кантемир находит в «Метаморфозах» недостаток правды и чрезмерность фикции (вымысла), а именно это в них представляло наибольший интерес для «демократической» литературы.²⁶

В то же время Кантемир противопоставляет Овидия Гомеру и Вергилию. Это противопоставление восходит к самим «Метаморфозам», в которых Овидий, в прошлом поэт любви, сознательно вторгся на территорию своего старшего современника Вергилия, автора «Энеиды», считавшейся законным продолжением гомеровского эпоса. Следы противопоставления Овидия и Вергилия можно найти, например, в сумароковской «Эпистоле о стихотворстве», где говорится, что «Вергилий брани пел, Овидий воздыхал».²⁷ В русских условиях такое противопоставление можно увидеть и в соперничестве между Майковым, переводчиком «Метаморфоз», и В. П. Петровым, переводчиком «Энеиды». Оба автора стремились угодить своему главному меценату — Екатерине-Августу.²⁸ В их столкнове-

²⁵ Кантемир А. Д. Собр. стихотворений / Вступ. статья Ф. Я. Приймы, подг. текста и прим. З. И. Гершковича. Л., 1956. С. 266—269 (Б-ка поэта; Большая сер.).

²⁶ О развитии прозы в XVII веке как процесса оправдания функции вымысла см.: Ромодановской Е. К. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. С. 8—9.

²⁷ Сумароков А. П. Избр. произведения / Вступ. статья, подг. текста и прим. П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 125. (Б-ка поэта; Большая сер.). Он также называет Овидия «сладостным» (Там же. С. 117).

²⁸ То, что своей «Энеидой» Петров хотел занять место Вергилия в отношении к Екатерине-Августу, всем было ясно. Можно предположить, что Майков, который посвятил свой перевод «Превращений» Екатерине, вполне сознавал характер литературного соперничества с Петровым. Можно думать, что как для Августа, так и для Екатерины «Энеида» в гораздо большей степени, чем «Метаморфозы», соответствовала интересам империи. Об отношении Петрова к власти см.: Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла: литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2004 (по указателю). О вражде между Майковым и Петровым, см.: Майков Л. Н.

нии отразились литературные споры: о жанрах — любовная лирика против эпоса (что восходит к самим «Метаморфозам» как парадоксальной эпической поэме о любви);²⁹ о типах поэтов — не только «сладостный» или «бранный» характер поэзии, но и, возможно, степень зависимости поэтов от власти;³⁰ о допустимых границах поэтического вымысла.

Вопрос о вымысле «Метаморфоз» в легкой, шутливой форме затрагивается в поэме Богдановича «Душенька» (1778):

Овидий, лживых лет потомственный писатель,
Который истину нередко обнажал,
Овидий, в самой лжи правдивых муз приятель,
Подробно описал,
У греков как дотоль бывали казни часты.³¹

Здесь Богданович подходит, кажется, к новому пониманию характера и функции «фикции». Вымысел предстает не только необходимым средством против скуки, но и «священной игрой» (sacred play). Он оказывается источником высшей правды, а Овидий — «в самой лжи правдивых муз приятелем», что может быть сказано и о Пушкине как стороннике «искусства для искусства». ³² Это новое понимание вымысла может рассматриваться как момент становления нового литературного сознания, приведшего к расцвету русской беллетристики XIX века. Здесь намечается радикальное изменение во взглядах и на литературу в целом, и на Овидия,

О жизни и сочинениях В. И. Майкова. С. XXXIII и сл.; *Гуковский Г. А.* Из истории оды XVIII века (Опыт истолкования пародии) // *Поэтика*. Л., 1927. Т. III. С. 143–147.

²⁹ Вопрос о «Метаморфозах» как об эпосе и, в особенности, об его отношении к «Энеиде» Вергилия — центральный в научной литературе. См., например: *Otis B.* Ovid as an Epic Poet. Cambridge, 1966; и обзор литературы: *Barnes W. R.* Virgil: The Literary Impact / Ed. N. Horsfall // *A Companion to the Study of Virgil*. 2nd rev. ed. Leiden, 2000. P. 257–268.

³⁰ Протекция Петрова со стороны трона вызвала недовольство его соперников: Новикова, Хераскова, Майкова. Напомним, что Вергилий пользовался расположением Августа, тогда как Овидий был сослан из Рима вскоре после того, как окончил «Метаморфозы» (в которых, между прочим, можно усмотреть попытки Овидия одновременно угодить императору и настоять на своей независимости как поэта).

³¹ *Богданович И. Ф.* Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, подг. текста и прим. И. З. Сермана. Л., 1957. С. 49–50 (Б-ка поэта; Большая сер.).

³² *Erlach V.* Sacred Play: Alexander Pushkin // *The Double Image: Concepts of the Poet in Slavic Literatures*. Baltimore, 1964. Chap. 2.

чьи произведения, как показал С. И. Николаев, в начале XVIII века использовались преимущественно для чисто утилитарных целей, например, как источник готовых описаний боевых действий.³³

«Фактографический», утилитарный подход к «Метаморфозам» отражился в мифологических словарях, которые брали сюжеты и действующих лиц из «Метаморфоз». Традиция составления таких энциклопедий для студентов и писателей давно практиковалась в западной Европе и пришла в Россию вместе со школьным образованием.³⁴ Ее воспринял ректор Троицкой семинарии Аполлос (Байбаков), включивший «Превращения Овидианския, из всех его писаний в кратце выбранныя, которые поставлены под бук[ву]» в свой учебник «Правила пиитическия о стихотворении российском и латинском». Этот учебник пользовался большим спросом и многократно переиздавался (1774, 1781, 1801, 1807, 1812, 1817). Аполлос предложил надежный механизм усвоения мифологии в духовной среде: аллегорическое толкование «смысла нравственного или натурального, который подразумевали пииты в баснословии» (слова из полного заглавия). «Краткая мифология с Овидиевыми Превращениями» (1776) Семена Башилова, будучи переводом с французского издания Лепренс де Бомона (J. M. Leprince de Beaumont) «Современного наставника» (Le Mentor modern, 1773),³⁵ также восходила к «Метаморфозам».

Парадоксально, что отношение к «Метаморфозам» как к своду данных об античном мире подчас соседствовало с упреками в их чрезмерной причудливости и неправдоподобии. Такая критика иногда звучала по отношению к драматическим произведениям, в особенности к операм, основан-

³³ Николаев С. И. 1) Овидий в русской литературе XVII века; 2) Польская поэзия в русских переводах.

³⁴ Об их функционировании в школьной среде см.: Софронова Л. А. Поэтика славянского театра. С. XXXX. Справочные издания об античной литературе пользовались спросом и среди русских писателей. Мы знаем, например, что Сумароков брал свод античных сюжетов Р. Гаутруша (Pierre Gautruche), «Поэтические истории» (L'histoire poetique) (Париж, 1671 и много других изданий) из Библиотеки Академии Наук в 1755 году. См.: Левитт М. Сумароков — читатель Петербургской Библиотеки Академии Наук // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 19. С. 51–52, 56.

³⁵ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1964. Т. 2. № 3225; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Дополнения, разыскиваемые издания, уточнения. М., 1975. С. 111.

ным на сюжетах из «Метаморфоз». Эти сюжеты как нельзя лучше соответствовали требованиям оперы с ее сложными сценическими эффектами — пожарами, землетрясениями, кораблекрушениями, внезапными появлениями богов, моментальными переменами погоды, места действия.³⁶ Сюжеты из «Метаморфоз» встречались и в драматических жанрах, например, на них основаны: опера Сумарокова «Цефал и Прокрис» (1755, музыка Франческо Арайя) и его комедия «Нарцисс» (1769), мелодрама Я. Б. Княжнина «Орфей» (1763)³⁷, драма с музыкою Майкова «Пигмалион, или Сила любви», трагедия И. А. Крылова «Филомела» (1783),³⁸ героическое игрище Н. А. Львова «Парисов суд» (1796), трагедия В. А. Озерова «Поликсена» (1809).³⁹ Однако в отличие от западной Европы, где существовала давняя традиция пьес на мифологические сюжеты, в России такие пьесы были сравнительно редки, и они оставались в большей или меньшей степени на периферии театральной жизни, по крайней мере до появления Озерова.

³⁶ См.: Корндорф А. С. Дворцы химеры. Иллюзорная архитектура и политические аллюзии придворной сцены. М., 2011. Автор описывает XVIII столетие как «непревзойденную вершину синтеза художественно-постановочных и технических принципов сцены» (С. 540).

³⁷ Первоначальное название: «Орфей и Эвридика» с музыкой Торелли и балетом, поставленным балетмейстером Гильфердингом; позже мелодрама была переименована в «Орфей во аде»; в 1792 году была сочинена новая музыка Е. И. Фомина. См.: Княжнин Я. Б. Избр. произведения / Вступит. статья, подг. текста и прим. Л. И. Кулаковой, при участии В. А. Западова. Л., 1961. С. 744 (Б-ка поэта; Большая сер.).

³⁸ При написании этого раннего произведения Крылов пользовался майковским переводом шестой книги «Метаморфоз». См.: Крылов И. А. Полн. собр. драматических соч. / Под ред. Л. Н. Киселева. СПб., 2001. С. XXXX.

³⁹ Эти произведения не являются переводами и, разумеется, могли иметь другие (или дополнительные) литературные модели и источники. Другими источниками мифологических сюжетов для русской трагедии служили Овидиевы «Героиды» («Демофонт» Ломоносова, 1751); Аполодор («Деидамия» Тредиаковского, изд. в 1775); «Энеида» («Дидона» Княжнина, 1769, изд. в 1787); и Ксенофонт («Пантея» Ф. Козельского, изд. в 1769). Список может быть дополнен пьесами на русском и иностранных языках, включая балеты, интермедии и др., которые шли на придворных театрах. Например, балет-мелодрама «Орфей и Эвридика» (1757) и балет с тем же названием (1763) придворного композитора Франческо Арайя; либретто П. Метастазियो были переведены на русский язык Ф. Г. Волковым. См.: Княжнин Я. Б. Избр. произведения. С. 744. Из комментариев Л. И. Кулаковой не вполне ясно, имели ли эти произведения прямое влияние на мелодраму Княжнина.

Появлению мифологических тем на сцене (в том числе и сюжетов из «Метаморфоз») препятствовало и отклонение таких пьес от духа и норм классицизма. Так, В. Я. Стоюнин перечислил главные отступления сумароковской «серьезной» оперы (*opera-seria*) «Цефал и Прокрис» от трагедийного кодекса: «Тут допускался мифологический вымысел с участием богов; тут, между прочим, был сильный расчет на внешние эффекты, для чего и не соблюдались трагические правила: не считалось недостатком нарушить единство места или времени, переменить декорации, представить действие фантастическое...».⁴⁰ Такие элементы могли показаться барочными излишествами или причудливыми полетами фантазии, нарушающими литературную благопристойность и правила классицизма — в особенности, правила трагедии.

Восприятие Овидия в России — еще один пример того, как новая русская литература, особенно во второй половине XVIII века, может оказываться сложной амальгамой разных литературных и культурных течений. Это, в частности, обуславливало непростую рецепцию «Метаморфоз» — произведения, которое дало богатый повод к совершенно разным, порой противоположным, его толкованиям.

⁴⁰Стоюнин В. Я. А. П. Сумароков // Музыкальный и театральный вестник. 1856. № 40. С. 712. Цит. по: Ливанова Т. Н. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом: исследования и материалы. М., 1952–1953. Т. 1. С. 73. Видимо, вслед за Вольтером, который также сочинял либретто для опер, Сумароков отверг бы утверждение А. Удара де ла Мотта о доказанности примером оперы не-обязательности правила о трех единствах в трагедии (см. предисловие Вольтера ко второму изданию «Эдипа» 1730 года).

Н. Д. Кочеткова

«БЛАГОСКЛОННЫЙ ЧИТАТЕЛЬ» ПРОТИВ ЗОИЛА

С. И. Николаев показал, какую важную роль стал играть образ Зоила, появившийся в русской литературе, прежде всего в поэзии на рубеже 1670—1680-х годов.¹ Обличая злобного и завистливого Зоила, «гаждателя» и «хухнателя», от которого следует ожидать нападок, авторы начинали уже заранее отражать эти нападки. Вслед за писателями конца XVII века, бороться с зоилами продолжали А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, а за ними и другие литераторы XVIII века. Противопоставление Зоилу «доброго читателя», «благосклонного читателя», к которому с издавна апеллировали и древние и новые европейские авторы («benevole Lector»), оказывается устойчивым приемом для русских литераторов в течение всего XVIII столетия.

Самый образ Зоила постепенно начинает исчезать, хотя эпизодически еще и появляется в текстах русских авторов и переводчиков, предворяющих их труды. Так, И. А. Дмитриевский предпослал одному из своих переводов посвящение некоей «госпоже N***», в котором рассуждал «о буйном глумлении в мраке безумия погруженных зоилов»: «Рассеваемые ими плевелы, хотя и сего имени им не приносят, но они, по уверению многих им удивляющихся невежд, сами себя так нарицают <...> если бы об них

¹ См.: Николаев С. И. «Зоил в российских градах» (От Симеона Полоцкого до А. Кантемира // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С. 17—27.

никто не сделал никогда справедливого отзыва, то бы могли они служить нам стыдом у потомства, а что и еще того несноснее, так, может быть, и общественным заключением о худом нашего века вкусе. Вот что я об них во все время неистового их противу многих людей ругательства сказал и чего более вечно не промолвлю».²

Но если зоилов постепенно переставали упоминать, то сохранялась вполне естественная заинтересованность автора или переводчика в том, чтобы его труд встретил благожелательный прием. В связи с этим по-прежнему имели большое значение предисловия, обращенные к читателю. Если в средневековых книгах было наиболее частым обращение к «читателю благочестивому», то в изданиях XVIII века эпитеты становились разнообразнее: «читатель трудолюбивый», «благоразумный», «просвещенный» и т. п.³ Однако одним из наиболее распространенных (если не самым распространенным) было обращение к «благосклонному читателю», или выражение надежды на «благосклонное принятие» книги.

Стремясь обезопасить себя от возможной критики и вызвать сочувственное отношение читателя, литераторы по традиции использовали *topos modestiae* и сами смиренно говорили о несовершенстве своего труда. При этом часто упоминалось, что это их самый первый опыт. Так, в «Предисловии» к своей пьесе «Наказанная вертопрашка» (1767) Б. Е. Ельчанинов писал: «Читатель ясно может видеть все слабости сочинителя <...> Но я надеюсь, что судии мои будут снисходительны и меня строго судить не будут, потому что сей есть первый опыт склонности моей к словесным наукам».⁴ Подобно провинившемуся ребенку, драматург уверял читателя: «...я признаваться стану в погрешностях своих и покажу тем, что я еще исправиться могу».⁵ Между тем, ко времени постановки и публикации ко-

² [Фенцё де Фальбер Ш.-Ж.] Честный преступник, или Детская к родителям любовь. Комедия в пяти действиях, сочиненная г. Фалбером Фалбриджем / Пер. с фр. [И. А. Дмитриевским]. СПб., 1772. С. 4–5 нenum.

³ Черная Л. А. Русские книжные предисловия конца XVII — начала XVIII в. (защита «мирских» книг и «гражданских» наук) // Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981 (Русская старопечатная литература (XVI — первая четверть XVIII в.)).

⁴ Ельчанинов Б. Е. Наказанная вертопрашка, комедия в одном действии. [СПб., 1767]. С. 4 нenum.

⁵ Там же. С. 5 нenum.

медии Ельчанинов был уже хорошо известен своими переводами и вольными переложениями иностранных пьес.⁶ Интерпретируя заявление драматурга, П. Н. Берков заметил: «...слова Ельчанинова следует, очевидно, понимать либо как проявление авторской скромности и желания заручиться снисхождением читателя к начинающему писателю, либо в том смысле, что данная комедия — первое оригинальное произведение Ельчанинова».⁷ По-видимому, для драматурга было важно и то, и другое, причем первое связывало его с литературным этикетом своего времени.

Следуя сложившейся традиции, Иван Кудрявцев предпослал своему переводу повести Э. Ленобля (автором повести он считал А.-Р. Лесажа) «Зулима, или Непорочная любовь» (1768) предисловие, в котором писал: «Благосклонный читатель! Я не смею вас просить книгу сию моего перевода принять благосклонно: ибо, может быть, штиль оной наполнен погрешностями, в чем я и признаюсь; но думаю, что вы оные великодушно мне простите, если я вам объявлю, что еще в первый раз перевод мой свету предлагаю, коего принятие меня и к дальным трудам поострить может...».⁸

В. Г. Вороблевский, крепостной Шереметевых, ставший литератором и режиссером,⁹ свой первый переводной труд — книгу П. О. Аллеца «Сокращенное описание жизни Петра Великого, императора всея России» (1771) предварил не только посвящением П. Б. Шереметеву, но и «Предупреждением. Благосклонному читателю». Вороблевский не упоминал о своем зависимом социальном положении, но, как и другие начинающие литераторы, просил читателя о снисхождении: «Переводивши, старался я всеми силами, чтобы на российском языке не сделать сие сочинение противным в чтении любопытным читателям, а если что найдется в моем переводе неисправного, то прошу, благосклонный читатель, мне

⁶ См.: Кукушкина Е. Д. Ельчанинов Б. Е. // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. (А—И). С. 310.

⁷ Берков П. Н. История русской комедии XVIII в. Л., 1977. С. 109.

⁸ [Ленобль Э.] Зулима, или Непорочная любовь. Историческая новость. Сочинения г. Ле Сажа / Пер. с фр. И. К. СПб., 1768. Ч. 1. С. 3 нenum. Предисловие подписано: Иван Кудрявцов.

⁹ См.: Кузьмин А. И. Вороблевский В. Г. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 175–176.

упустить, потому что я еще в первый раз осмеливаюсь мой перевод выпустить в общество».¹⁰

Подобные примеры можно умножить. Однако ссылки на неопытность, уместные в первом труде, были уже невозможны в последующих публикациях, и литераторы стремились найти также и другие причины, которые могли бы помочь «благодарному читателю» снисходительно отнестись к их промахам и ошибкам.

Важным аргументом оказывалась ссылка на добрые намерения автора или переводчика. Анонимный автор пьесы «Добродетель, приобретенная в училище» (1775) уверял «благодарного читателя», что он «не ради тщеславия именем сочинителя, но побуждаем <...> добрым желанием, принялся первый раз за перо».¹¹

Для переводчиков представлялась еще одна удобная возможность вызывать понимание и сочувствие читателя: они могли обращать его внимание на пользу и достоинства переведенной книги. Я. П. Козельский, публикуя свой прозаический перевод трагедии Отвея «Возмущение против Венеции» (1764), предварил его «Речью к читателю», в которой отвечал на возможные упреки: «...думаю, благодарный читатель, что вы порицать меня станете за то, что я, не ведая пристойного трагедиям рода писания, то есть стихотворства, принялся за сей перевод как не за свое дело: правда, что принадлежит до стихотворства, то я признаю в том пред светом мое незнание, что же касается до содержания книги, то оно мне весьма понравилось <...> я не думаю, чтоб сыскался какой человек, который бы мог читать ее без особенного удовольствия».¹² Матвей Соколов, переводчик книги И. Гюбнера «Сто четыре Священные истории Ветхого и Нового завета» (1770), выражал надежду, что его труд «единственно для своего содержания благодарно принят будет».¹³ М. И. Попов, надеясь на

¹⁰ [Аллеу П. О.] Сокращенное описание жизни Петра Великого, императора всея России / Пер. с фр. [В. Г. Вороблевским]. СПб., 1771. С. 9–10 нenum.

¹¹ Добродетель, приобретенная в училище, представление в одном действии. СПб., 1775. С. 3 нenum.

¹² [Отвей Т. J.] Возмущение против Венеции. Трагедия, сочиненная г. Отвеа, а с немецкого на российский переведена <...> Яковом Козельским. СПб., 1764. С. 3–4 нenum.

¹³ Гюбнер И. Сто четыре Священные истории Ветхого и Нового завета... Переведенные с латинского на российский язык студентом Матвеем Соколовым. М., 1770. С. 4 нenum.

«благодарное принятие» его перевода поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» (1772; 2-е изд. 1787; с тем же предисловием), напоминал читателю: «Важность сего труда известна любителям словесных наук, чего ради и прилагал я все мои силы, упражняясь в переводе оных, оправдать пред обществом хотя несколько отважность моего предприятия и удостоиться от читателей хотя малого благоволения».¹⁴

«Смягчающим обстоятельством» оказывалась «ревность», с которой трудился литератор для «благодарного читателя». Такой «ревностью» хотел искупить недостатки своего перевода некий «А. Н.», опубликовавший книгу «Разумная беседа, или Собрание важных, острых и замысловатых изречений» (1788).

Известный афоризм «человеку свойственно ошибаться», восходящий к античности («errare humanum est»), оказался весьма востребованным при обращениях к «благодарному читателю». Тредиаковский, беспокоясь о допущенных им погрешностях при переводе «Древней истории» Ш. Роллена, объяснял их и «общей человеческой слабостью», и своими «особливыми недостатками». Исправление «премногих несовершенств» в своем переводе он оставлял «благодарному и справедливому каждого читателя рассуждению».¹⁵

Преподаватель разночинной гимназии при Московском университете И. Ф. Яковлев, переводчик книги И. Г. Гейнекциуса «Основания умственной и нравоучительной философии» (1766), писал: «...прими, читатель, сей мой малый перевод с обыкновенным твоим великодушием и благодарностию, и ежели где тобою усмотрены будут какие погрешности, которые удобно найтись могут по причине того, что я, как и прочие, человек и потому подвержен слабости, то прошу оные наградить своим знанием».¹⁶ Сходным образом завершал «Предисловие» к своим «Элегиям»

¹⁴ Освобожденный Иерусалим, ироническая поэма итальянского стихотворца Тассо / Пер. с фр. Михайлом Поповым. СПб., 1772. Ч. 1. С. 2 нум.

¹⁵ Предупреждение от трудившегося в переводе // [Роллен Ш.] Древняя история об египтянах, о карфагенянах, об ассирианах, о вавилонянах, о мидянах, персах, о македонянах и о греках <...> с французского переведенная чрез Василья Тредиаковского... СПб., 1749. Т. 1. С. 5–6 нум.

¹⁶ [Гейнекциус И. Г.] Основания умственной и нравоучительной философии обще с сокращенною историею философическою, сочиненные Иоанном Готтлобом Гейнекцием <...> и с латинского языка на российский переведенные. М., 1766. С. 6 нум.

(1769) Ф. Я. Козельский: «Я знаю, что в сем моем сочинении, благосклонный читатель, не сыщешь золота; однако уповаю, что и своего в нем не потеряешь. Если же в нем так, как в начатках моих упражнений, погрешности сыщешь, то вспомнив, что я человек, разумом и великодушием исправишь».¹⁷ Анонимный переводчик книги И. Гергарда «Мысленный вертоград, или Христианское упражнение» (1783), признавался «благосклонному читателю», что перевод «не во всем совершен», но «трудившийся» «может извиниться общим человеческим недостатком и особенно незрелостию разума своего».¹⁸

Как видим, древний афоризм варьировался на все лады в течение нескольких десятилетий. Упомянутая выше книга Гейнекциуса, переведенная И. Ф. Яковлевым, через четверть века попала в руки литератору Ивану Михайлову издававшему популярные переделки-переложения произведений древнерусской литературы.¹⁹ Ему, очевидно, так понравилось предисловие Яковлева, что он почти дословно воспроизвел его в своем собственном предисловии, предпосланном книге Гвидо делье Колонне «История о разорении Трои...» (1791): «...прими, благосклонный читатель! Сей первый опыт моих трудов с обыкновенным твоим великодушием; и ежели где тобою усмотрены будут какие погрешности, которые удобно найтись могут по причине того, что я, как и прочие, человек и потому подвержен слабости, то прошу оные наградить твоим знанием».²⁰ Как видим, замены были произведены минимальные, в частности, вместо слов «сей мой малый перевод» — «сей первый опыт моих трудов». Это предисловие-плагиат было повторено Михайловым и в следующем издании «Истории о разорении Трои...» в 1799 году, когда предприимчивый литератор выпустил уже и другие книги.

¹⁷ Элегии и письмо, сочиненные капитаном Федором Козельским. СПб., 1769. С. 3 нум. Также: Сочинения Федора Козельского. СПб., 1778. Ч. 2. С. 6 нум.

¹⁸ [Гергард И.] Мысленный вертоград, или Христианское упражнение... / Пер. с латинского языка. М., 1783. С. 7–8 нум.

¹⁹ О нем см.: Творогов О. В. Михайлов И. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. (К–П). С. 293–294.

²⁰ [Гвидо деле Колонне]. История о разорении Трои, столичного города Фригийского царства / Переведенная с греческого на славенский язык, а ныне с оного вновь переложенная для удобнейшего понятия на чистый российский с[тудентом] ф[илософии] Иваном Михайловым. М., 1791. Ч. 1. С. 14.

Чтобы снискать благосклонность читателя, авторы стремились всячески подчеркнуть свое уважение к нему, представить его человеком рассудительным и стремящимся к добродетели. В предисловии к книге Э. Тезауро «Философия нравоучительная...» (1764) говорилось: «...вероятно книга сия к пользованию его всякому благосклонному читателю, желающему быть совершенно добродетельну, да и такому, какового в старину искал Диоген с фонарем».²¹ Некоторые обращения к читателю завершались по давней традиции добрым пожеланием: «Здравствуй». Так заканчивал свое «Предисловие к читателю» протоиерей Иоанн Иоаннов, сопровождавшее его перевод сочинения «Христианин пришлец земный» (1771). Читатель представал как друг переводчика и его защитник от «ядовитой критики». «...без сомнения, найдешь, чего ищешь, — уверял его Иоаннов, — а мое все в том и намерение состоит, Бог да просветит твой разум к понятию, а сердце и волю к исполнению всего в ней написанного».²² А. Т. Болотов, издавая свою книгу «Чувствования христианина» (1781), тоже выражал надежду увидеть в «благосклонном читателе» своего единомышленника и почтительно обращался к нему: «...ежели Вы так же не поставяете себе в стыд называться христианином; имеете не совсем еще испорченное сердце и не живете в явной вражде с своим Богом и искупителем, то не сомневаюсь я, что, может быть, не одна, а многие из находящихся в ней [книге. — Н. К.] мыслей удостоятся Вашего благоволения и Вы найдете в ней что-нибудь для Вас удобное и не бесполезное».²³ В «Предупреждении» к своей книге «Пространное поле <...>, или Всеобщий исторический оригинальный словарь» (1793) священник Иоанн Алексеев признавался в том, что сердце автора «христианскою любовью преисполнено» к «благосклонному читателю», и в то же время предупреждал его: «...Не презри гласа желаний, происходящих от такового серд-

²¹ Тезауро Э. Философия нравоучительная <...> переведенная с италианского языка <...> Стефаном Писаревым и <...> Георгием Дандолом. СПб., 1764. Ч 1. С. 8 нenum.

²² Христианин пришлец земный, или Душеспасительные размышления о познании Бога и наставления самого себя <...> Перевел с иностранного языка Никитския церкви, что в Басманной, протоиерей Иоанн Иоаннов. М., 1771. С. 8–9 нenum. Это же «Предисловие к читателю» было помещено в последующих изданиях: М., 1779; М., 1786.

²³ [Болотов А. Т.] Чувствования христианина. При начале и конце каждого дня в неделе, относящиеся к самому себе и к Богу. Сочинение одного россиянина. М., 1781. С. 3–4 нenum.

ца».²⁴ Тем не менее, это обращение не повлияло на весьма строгую оценку труда при его обсуждении в Российской академии в 1803 году.²⁵

В то же время некоторые литераторы полагали, что при защите от зоилов следует надеяться не столько на «благодарного читателя», сколько на самого себя. Автор «Пересмешника, или Славенских сказок» (1766) М. Д. Чулков начинал свое «Предуведомление» словами: «Господин читатель! Кто ты таков ни есть, для меня все равно, лишь только будь человек добродетельный, это больше всего...».²⁶ Призывая своих «знакомцев» открывать ему «приятельски» погрешности и продолжая непринужденную беседу с читателем, Чулков упоминает и про «насмешников, которые из зависти стараются испортить человека, нежели исправить». О самом себе он при этом говорит как о человеке, «который в случае нужды также отшучиваться умеет».²⁷

«Предуведомление» Чулкова послужило своего рода образцом для литератора, опубликовавшего книгу «Зубоскал, или Новый Пересмешник, египетские сказки. Сочинение российское» (1791). Используя традиционные для предисловия формулы, автор одновременно и полемизирует с ними. Вопреки обыкновению обращать внимание читателя на пользу и «важность» труда, он сразу же заявляет: «Благодарный читатель! Сим предуведомляю тебя, что сия книжка написана мною и выпущена, или издана в свет, не для поправления умов и нравов человеческих, потому что нравов учения в ней совсем не имеется; а только для того, если кто возьмет труд ее прочесть, то она может служить забавою или, по крайней мере, веселым препровождением времени. Если заметишь в ней какие-нибудь погрешности, ибо *грех да беда на кого ни живет*, то, пожалуй, не сказывай никому, а шепни мне тихонько на ухо, чем много меня одолжишь. Это я сказал тебе для того, что сие собрание слов еще впервые мною написано, и боюсь, чтоб кто за оное не посмеялся мне. Да пускай, кто подтрунивает, если кому угодно, а я, право, и сам отшучиваться умею, ибо и меня

²⁴[Алексеев И. П.] Пространное поле <...> или Всеобщий исторический оригинальный словарь <...> сочиненный <...> Иоанном Алексеевым. М., 1793. Т. 1. С. XV.

²⁵См.: Сочинения и переводы, издаваемые Российскою Академиею. СПб., 1813. Ч. 6. С. 11–35.

²⁶[Чулков М. Д.] Пересмешник, или Славенские сказки. СПб., 1766. Ч. 1. С. 5 нел. Это же «Предуведомление» помещено и во 2-м изд.: СПб., 1770.

²⁷Там же. С. 2 нел.

таким же человеком называют, как и прочих <...> Итак, благосклонный читатель! Если и найдешь в сем сочинении что неисправное, помолчи, а когда вздумаешь осуждать человеческие пороки, то вспомни о том, что ты сам человек...».²⁸ Автор «Зубоскала» использует привычные аргументы при обращении к читателю, но не проявляет при этом традиционного смирения и, вслед за Чулковым, предупреждает: «...и сам отшучиваться умею». Если Чулков подписал свое «Предупреждение» «Нижайший и учтивый слуга общества и читателя Россиянин», то подпись его последователя однотипна, но более лаконична: «Доброжелательный слуга Российский человек». В отличие от Ивана Михайлова, дословно повторившего часть чужого предисловия, автор «Зубоскала» переиначивает на свой лад текст Чулкова, не скрывая, что служит для него источником, легко узнаваемым по заглавию: «Зубоскал, или *Новый Пересмешник*, египетские сказки» (курсив мой. — Н. К.).

Новый, более непринужденный тон беседы с читателем продолжает появляться в предисловиях к сочинениям развлекательного характера. Анонимный переводчик книги К.-С.-Ж. де Буфлера «Королева Гольгондии» (1792) заодно начинает свое предисловие: «Читатель! Я не называю тебя по обыкновению нашей братии бумагомарателей благосклонным, потому что мне до твоей благосклонности, так же, как и до твоего звания и преимуществ никакого дела нет. Меня нет в превеличайшей куче тех писателей, которые, разинув рот, слушают приговоры о своих сочинениях и по тому располагают свою печаль и радость».²⁹ Далее предприимчивый переводчик вставляет фразу, взятую им из переведенного сочинения Буфлера с соответствующим изменением: «Я перевел сию книгу для собственного своего удовольствия, а не с тем, чтобы угодить тебе».³⁰ Французский писатель в начале своего повествования (предисловия как такового в книге нет) заявлял: «Pour vous, mes lecteurs, je vous avertis d'avance que c'est pour mon plaisir, et non pour vôtre que j'écris»³¹ («Вас, мои читатели, я заранее предупреждаю, что я пишу для своего удовольствия, а не для

²⁸ Зубоскал, или Новый Пересмешник, египетские сказки. Сочинение российское. СПб., 1791. Ч. 1. С. 5–6 нenum.

²⁹ [Буфлер К.-С.-Ж. де] Королева Гольгондии. Если не был, то сказка / Пер. с фр. М., 1792. С. 3–4 нenum.

³⁰ Там же.

³¹ Oeuvres du Chevalier du Boufflers. Londres, 1781. P. 7–8.

вашего»). Русский переводчик, позволив себе, вслед за Буфлером, достаточно вольное обращение к читателю, смягчил все же свою дерзость, закончив предисловие такими словами: «...если ты найдешь какие недостатки в сем первом труде моем, то я с тобою не только не заспору, но еще рад буду: если твои замечания будут справедливы, то я в другой раз остерегусь их; если ж тебе вздумается похвалить перевод сей, то как похвала приятна всякому человеку и более всего издателю, то и у меня к тебе спасибо за то готово».³²

Набор традиционных формул в обращении к читателю, как видим, варьировался в течение всего столетия, но постепенно менялась тональность предисловий. Это было связано с рядом причин: многое зависело от жанра сочинения; новые формы общения с читателем, появлявшиеся в европейской литературе, находили живой отклик у русских литераторов, наконец, (и это было особенно важно) развивалось более уважительное отношение к писательскому труду. Многие издатели, авторы и переводчики стремились не только получить одобрение читателя, снискать его благосклонность, но и пробудить его любознательность, воспитать его.³³ Писатель стал обретать большую независимость и сознание значимости своего дела. Карамзин неоднократно в ходе своего повествования вступал в беседу с читателем, ожидая от него не столько «благосклонности», сколько понимания: ему нужен был читатель, «вкус имеющий».³⁴ Исследуя представления русских литераторов о творчестве, С. И. Николаев отметил, что к концу XVIII века появляется «оппозиция „труженик“ — „гений“».³⁵ Отношение каждого из них к читателю было разным: «труженик» смиренно говорил о своих «погрешностях» и выражал надежду на «благосклонность» читателя; «гений» не нуждался в «благосклонности», хотя и дорожил мнением истинного ценителя прекрасного.

³² [Буфлер К.-С.-Ж. де] Королева Гольгондии. С. 4 нунум.

³³ См.: Невская Д. Р. Воспитание читателя как «культурно значимой категории» в предисловиях к историческим сочинениям XVIII века // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвузовский сб. научных трудов. СПб.; Самара, 2007. Вып. 13. С. 44–61.

³⁴ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 19.

³⁵ Николаев С. И. Образ писателя и эстетика творчества в представлениях русских писателей XVIII века // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 94–95.

В. Д. Рак

ОБ ОДНОМ ИСТОЧНИКЕ ПЕРЕВОДОВ В ЖУРНАЛЕ «ПРИЯТНОЕ И ПОЛЕЗНОЕ ПРЕПРОВОЖДЕНИЕ ВРЕМЕНИ»

Источником нескольких переводных материалов, появившихся в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» в 1797—1798 годах и объединяемых темой путешествия, служило многотомное собрание разножанровых сочинений этого рода, изданное под длинным заглавием, подробно характеризующим его содержание и состав: «Recueil amusant de voyages, en vers et en prose; faits par différens auteurs, auquel on a joint un choix des épîtres, contes & fables morales qui ont rapport aux voyages». В предпосланном посвящении «Моей сестре» составитель и издатель этого собрания «королевский типограф» из Орлеана Луи-Пьер Куре де Вильнёв (Courret de Villeneuve, 1749—1806), трудившийся над ним при участии хорошо известного в конце XVIII в. во Франции писателя Лорана-Пьера Беранже (Berenger, 1749—1822),¹ четко обозначил его назначение в качестве своеобразного путеводителя, содержащего подборки образцов того, что и — главное — как людям, принадлежащим к свет-

¹ В России была переведена его хрестоматия нравоучительных рассказов «La morale en action...» (Лион, 1787; мн. переизд.): «Нравоучение представленное на самом деле...» (М., 1790. Ч. 1—2; см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати. 1725—1800. М., 1964. Т. 2. № 8809), однако ни подлинник, ни соответственно перевод его имени не несли.

скому кругу, следует наблюдать во время своих поездок по новым для них местам и как потом, в отличие от путешествующих с научными целями, рассказывать об увиденном. «Этот сборник, — писал он, — содержит самые приятные цветы нашего Парнаса вместе с плодами самой изящной (le plus douce) философии. Эта острая смесь мыслей, картин, размышлений и шуток, это изумительное разнообразие языка, формы и плана мне представляются способными одновременно учить и забавлять и должны понравиться всем остроумцам (esprits). <...> Если я не ошибаюсь, эта книга единственная будет отныне удовлетворять интересы любознательных путешественников, которых желание видеть манит вглубь наших провинций и к нашим южным берегам. В собранных мною поэтических пейзажах они увидят столь же великое разнообразие, как и быстро проносящееся перед их взором; они сравнят Природу с ее изображением, и это доставит им удовольствие. Молодые люди научатся описывать виденное изящно, естественно и легко, как и авторы, которых я дал им в приятные спутники путешествия».² В 1783 году были изданы четыре тома. Последний из них, кажется, несколько задержался выходом в свет, так как на его последних страницах, имеющих отдельную пагинацию, помещена рекламная статья Куре де Вильнева, напечатанная в «Journal d'Orléans» в январе 1784 года и начинавшаяся еще более определенным указанием намерений, которыми были движимы составители, начиная это издательское предприятие. «Будучи любителями легкой литературы и изящной шутливости, которые часто приносят их авторам большую известность, чем толстые книги (хвалимые, но не читаемые, издаваемые, но не покупаемые), мы сочли своим долгом собрать и должным образом напечатать в удобном формате эти путешествия, рассыпанные в разных журналах и хранящиеся среди бумаг. Этот век, который можно назвать веком *милых пустяков*, подобен хорошему и плодоносному фруктовому саду, чей владелец вырубил его большую часть и посадил розы, гвоздики и всякого рода декоративные кустарники. Если мы не собираем больше фруктов, будем рвать цветы и делать из них букеты <...> С этими небольшими путешествиями посту-

² Recueil amusant de voyages... Paris, 1783. Т. 1. Р. [5–6]. На обороте титула (только в т. 1) место печатания указано: Orléans. Далее ссылки на первое (если не оговорено иначе) издание собрания приводятся в тексте.

пили так же, как можно поступить с песнями, экспромтами, стихотворными письмами или с нашими милыми мадригалами. Доколе в подобных сборниках выдерживается строгий вкус, в них допускаются только благопристойно написанное и изящные мысли, а главным правилом соблюдается разнообразие, они должны иметь успех и в свете, и в литературе. <...> Этот сборник должен стоять на камине в каждом замке, находиться в карете каждого любителя путешествий и лежать в кармане каждого вышедшего на прогулку» (*Recueil amusant de voyages*. 1783. Т. 4. Р. i—iii, xiii).

Издание вызвало интерес и быстро расхodziлось. Журнал «L'Année littéraire» отозвался на него благожелательной рецензией, которая была перепечатана в «L'Esprit des journaux, françois et étrangers» (1784. Février. Т. 2. Р. 79—86). На волне успеха, читательского и коммерческого, выпускаются в 1784 году еще два тома. Они не вмещают всего имеющегося в редакционном портфеле, и обещается новое издание этой, как теперь называют свое детище составители, «энциклопедии прогулок и путешествий»³ (*Recueil amusant de voyages*. 1784. Т. 5. Р. [5]; Т. 6. Р. 380). В 1786 году все шесть томов переиздаются с некоторыми дополнениями и основательным изменением распределения материалов по томам и внутри томов. В 1787 году появляется новое издание, в семи томах, обозначенное вторым. За счет изъятия пространного описания путешествия самого Беранже по Провансу и отдельного его издания шесть бывших томов уместились в четыре и были дополнены тремя (т. 5—7), содержащими новые материалы. Эти же три тома были напечатаны и как тома 7—9 первого издания и его повторения (*Recueil amusant de voyages*. 2e éd. 1787. Т. 1. Р. iii—iv). В дальнейшем отдельные тома, кажется, допечатывались (так, в сборном комплекте, хранящемся в Российской Национальной библиотеке, есть тома, в выходных данных которых указаны 1789 и 1801 годы).

В России «*Recueil amusant de voyages*» большого внимания, судя по всему, не привлек, никаких отзывов не вызвал и в переводной литературе конца XVIII века оставил не очень значительный след. Первый перевод из него появился лишь в январе 1797 года в журнале «Приятное и полезное препровождение времени»; за ним в том же и следующем годах по-

³ Вариант: «маленькая энциклопедия занимательных, а местами и очень познавательных путешествий» (*Recueil amusant de voyages*. 2e éd. 1787. Т. 1. Р. iii).

следовали вразброс, временами с очень большими интервалами, еще восемь; а в 1799 году, когда этот журнал прекратился, один перевод проскользнул в первой части пришедшего ему на смену печатного органа московских сентименталистов. В итоге, общее число выявленных переводов составляет десять публикаций, причем некоторые из них возводятся к «*Recueil amusant de voyages*» предположительно, с определенной мерой условности.

Французское собрание не названо в качестве прямого источника ни при одном из относимых к нему переводов и вообще ни разу не упоминается. Тем не менее ряд переводов обладают неоспоримыми признаками, доказывающими их происхождение именно из этого издания, как-то: воспроизведение особенностей, отличающих текст, напечатанный в «*Recueil amusant de voyages*», от его других публикаций (специфические ошибки; совпадение заглавия перевода с измененным в «*Recueil amusant de voyages*» заглавием подлинника; выполненная составителями собрания компиляция и др.) и принадлежность одному лицу нескольких переводов, из которых хотя бы один имел бесспорным источником «энциклопедию» Куре де Вильнёва и Беранже. Однако единого для всех переводов признака, указывающего на происхождение каждого из них по отдельности и всей их совокупности из общего источника, не обнаруживается, и в этих условиях правомерно довериться индуктивной атрибуции (не оставляя, разумеется, дальнейших поисков).

Далее приводятся сведения о выявленных бесспорных и предположительных переводах из «*Recueil amusant de voyages*» (каким изданием пользовался в каждом случае сотрудник или корреспондент «Приятного и полезного препровождения времени», установлению не поддается).

Часть 13

№ 3. С. 39–46: Путешествия. — Masson de Pezay, Alexandre-Frédéric-Jacque (1741–1777). *Observations générales sur les voyages* // [Masson de Pezay A.-F.-J.]. *Les soirées helvétiques, alsasiennes et fran-comtoises*. Amsterdam; Paris, 1771. P. 3–18. Перепечатано: *Recueil amusant de voyages*. 1783. Т. 4. P. 5–18 (в конце текста подпись: Par le Marquis de P***; в оглавлении фамилия автора приведена полностью); 1786. Т. 1. P. 7–21; 2e éd. 1787. Т. 1. P. 7–21 (в конце текста подпись: Par M. le Marquis de Pezai). В переводе опущены два пространных фрагмента, касающихся существующей практики отправления в путешествие молодых французов и

предложений автора о ее организации в интересах отличившихся университетских питомцев («*Tel Ecolier part en poste de Paris ~ ou de Sainte-Sophie de Constantinople*» — Р. 7; «*J'ai dit plus haut que je trouvais ridicule de faire voyager les très-jeunes gens ~ qui a besoin d'en emprunter pour cheminer et se soutenir*» — Р. 10–15). Др. пер.: Общие примечания о путешествиях // Покоящийся трудолюбец. 1784. Ч. 2. С. 125–134 (переведено из «*Les soirées helvétiques...*»); приписывалось А. Н. Радищеву как его оригинальное сочинение (см.: *Шторм Г. П.* «Нам вольность первым прорицал...» // Лит. газета. 1973. 22 авг. № 34), опровержение: *Рак В. Д.* Об одной ошибочной атрибуции // XVIII век. Л., 1977. Сб. 12. А. Н. Радищев и литература его времени. С. 251–253.

№ 8–9. С. 113–141. Остров Дженнингс. — Mallet du Pan, Jacques (1749–1800). *Le Tombeau de l'Isle Jennings* // *Mercure de France*. 1785. № 43. 22 octobre. Р. 148–164. Перепечатано: *Recueil amusant de voyages*. 1787. Т. 9. Р. 245–275; 2e éd. 1787. Т. 7. Р. 245–275. В конце текста подпись: *Par M. Mallet du Pan*. Др. пер.: Гробница на острове Эннингсе / Пер. с нем. Алексея Фомина // *Иппокрена, или Утехы любословия*. 1801. Ч. 11. С. 177–202, 209–222.

Часть 15

№ 54. С. 3–14. Восхождение солнца. Вид берегов Женевского озера. Прогулка по озеру / [Пер.] И. — Masson de Pezay, Alexandre-Frédéric-Jacque (1741–1777). *Lever du soleil, vu des bords du lac de Genève. Promenade sur le lac. Du pays de Vaux* // [Masson de Pezay A.-F.-J.]. *Les soirées helvétiques, alsasiennes et fran-comtoises*. Amsterdam; Paris, 1771. Р. 404–419; *Vingt-huitième soirée helvétique*. Перепечатано: *Lever du Soleil, Vu des bords du Lac de Genève. Promenade sur le Lac* // *Recueil amusant de voyages*. 1784. Т. 6. Р. 357–369; 1786. Т. 1. Р. 309–321. 2e éd. 1787. Т. 1. Р. 309–321. В конце текста подпись: *Par M. le Marquis de Pezai*. В переводе опущен пространный фрагмент: «*Que celui-là, grand Dieu, seroit fortuné ~ et quelle saturent au penchant des monts*» (р. 365–366); перевод снабжен оценочными примечаниями переводчика.

№ 64–65. С. 161–182. Перечень путешествий по горам швейцарским. — *Extrait des voyages faits dans les montagnes de la Suisse* / Par J. J. Rousseau // *Recueil amusant de voyages*. 1783. Т. 3. Р. 187–211; 1786. Т. 4. Р. 47–71; 2e éd. 1787. Т. 4. Р. 47–71. Компилятивный очерк.

Ch. 1—3: Des habitans des hautes montagnes; Influence du climat sur le caractère des peuples; Peinture des habitans de montagnes de la Suisse (рус. пер.: I. Жители высоких гор; II. Влияние климата на характер сих народов; III. Изображение жителей гор швейцарских) — выдержки из второй части кн.: *Le Théisme, essai philosophique. Tome I; Réflexions phisiologiques sur l'homme et sur les animaux, pour servir de supplement à l'Essai sur le Théisme. Tome II. Londres, 1773. P. 227—233* (фрагменты CLXXXIX и CXС).

Ch. 4—7: Description du pays du Valais; Réflexions philosophiques sur le séjour des montagnes; Mœurs des Valaisains; Leurs repas (рус. пер.: IV. Описание Валецкой страны; V. Философические мысли о пребывании на горах; VI. Нравы Валеццов; VII. Столы Валеццов) — выдержки из ч. I, письма 23 романа Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» («Julie, ou la Nouvelle Héloïse», 1761).

Ch. 8: Leurs talens et leurs occupations (рус. пер.: Их дарования и упражнения) — выдержка из полемиического сочинения Ж.-Ж. Руссо «Письмо к д'Аламберу о зрелищах» («Lettre à M. d'Alembert sur les spectacles» (полное название: «J. J. Rousseau, Citoyen de Genève, à M. D'Alembert, sur son article Genève, dans le VIIe volume de l'Encyclopédie et particulièrement sur le projet d'établir un theatre de comédie en cette ville»), 1758), фрагмент: «Je me souviens d'avoir vu, dans ma jeunesse, aux environs de Neufchatel, un spectacle assez agréable, et peut-être unique sur la terre. ~ Aujourd'hui que j'y porterois d'autres yeux, faut-il ne revoir plus cet heureux pays? Hélas! il est sur la route du mien!» Опушены подстрочные примечания Ж.-Ж. Руссо.

№ 74. С. 332—335. Путешественник и пастух / [Пер.] И. — Berquin, Arnaud (1747—1791). Les deux tombeaux. Le voyageur et le berger // Berquin A. Idylles. Paris, 1775. [Recueil I]. Перепечатано: *Le Voyageur et le Berger: Idylle // Recueil amusant de voyages. 1783. Т. 2. P. 202—205; 1786. Т. 2. P. 322—325. 2e éd. 1787. Т. 2. P. 322—325.* В конце текста подпись: Par M. Berquin. Др. пер.: Две гробницы: Идиллия / И. Д... [И. И. Дмитриев] // *Утренние часы. 1789. Ч. 4. Нед. 51. 5 апреля. С. 187—192.*

№ 78. С. 398—399. Жизнь человеческая: Нравственные стансы / [Пер.] И. — Piis, Pierre-Antoine-Augustin (1755—1832). La vie humaine: Stances morales // *Recueil amusant de voyages. 1784. Т. 5. P. 359—360; 1786. Т. 3. P. 267—268; 2e éd. 1787. Т. 3. P. 267—268.* В конце текста подпись: Par M. Piis.

Часть 17

№ 4. С. 49—63. Путешествие в Ямайку и на острова Бермудские. — Crèvecoeur, Michel Guillaume Jean de (известный также под именем, принятым в 1759 году при натурализации в Нью Йорке: St. John, John Hector) (1735—1813). Voyage à la Jamaïque et aux Isles Bermudes // Crèvecoeur M.-G.-J. de. Lettres d'un cultivateur américain écrites à W. S. [William Seton] écuyer, depuis l'année 1770 jusqu'à 1781: Traduites de l'anglois [par Crèvecoeur]. Paris, 1784. Т. 1. Р. 229—240; Paris, 1787. Перепечатано: Recueil amusant de voyages. 1787. Т. 9. Р. 299—314; 2e ed. 1787. Т. 7. Р. 299—314. В конце текста подпись: De Crèvecoeur. Подстрочное примечание на с. 62 русского перевода принадлежит переводчику.

Очерк написан на английском языке в 1773 году в составе оставшихся неопубликованными «Sketches of Jamaica and Bermudas and Other Subjects» (первая публикация в кн.: More Letters from the American Farmer: An Edition of the Essays in English Left Unpublished by Crèvecoeur / Ed. by Dennis D. Moore. Athens, Ga, 1995). При включении в «Lettres d'un cultivateur américain» подвергся основательной переработке. В исходное, на английском языке, издание «Писем американского фермера» (Letters from an American Farmer: Describing certain provincial situations, manners and customs, not generally known; and conveying some idea of the late and present interior circumstances of the British colonies of North America. Written for the information of a friends in England / By J. Hector St. John. London, 1782) очерк не включался.

Часть 19

№ 60. С. 113—122. Письмо из Константинополя к госпоже Де * * / Аббата Делиля. С франц. Андрей Максимович. — Delille, Jacques (1738—1813). Написанное в 1784 году в Константинополе, где Ж. Делиль находился в свите французского посланника Шуазеля-Гуфье, письмо к г-же де Вэн (de Vaisne) получило широкое распространение в списках, по которым было напечатано в ряде периодических изданий. В том числе: Extrait d'une lettre écrite de Constantinople, par M. l'abbé de Lisle, à Madame de ... // Journal de Paris. 1785 (?); перепечатано: L'Esprit des journaux, françois et étrangers. 1785. Т. 5. Mai. Р. 196—202 (конечное предложение первого абзаца: «Je me rappelle aussi certains lundis très-scrupuleusement observés, et la semaine me paroît bien longue depuis qu'elle a deux jours

de moins»); Lettre écrite de Constantinople, à Madame de * * *; Par M. l'Abbé de Lille // Almanach littéraire ou Etrennes d'Apollon / Par M. D'Aquin de Chateau-Lyon. Paris, 1786. P. 136–141; Lettre écrite de Constantinople à Madame de * * * // Recueil amusant de voyages. 1787. Т. 8. P. 322–332; 2e éd. 1787. Т. 6. P. 322–332. В конце текста подпись: L'abbé de Lille.

В публикациях «Almanach littéraire» и «Recueil amusant de voyages» отсутствует предложение, которым в «L'Esprit des journaux» заканчивался первый абзац; в этих публикациях разделение текста на предложения и абзацы отличается от текста в «L'Esprit des journaux»; этими деталями русский перевод совпадает с текстом «Recueil amusant de voyages», однако считать последний с полной определенностью его источником нет твердых оснований.

Во всех указанных публикациях французского текста и соответственно в русском переводе отсутствует находившийся в ряде списков фрагмент, посвященный Мальтийскому ордену, воспринятый его членами как оскорбительный и побудивший бальи Мальты Александра-Шарля-Эммануэля де Крюссоло (Crussol-Florensac, 1743–1815) напечатать в «Journal de Paris» (1785, 21 juillet) негодующее письмо, на которое Делиль ответил в октябре в той же газете отрицанием принадлежности ему этого отрывка. Текст данного фрагмента следовал после слов: «...ses belles rues pavées en pierre de taille, qui montent et qui descendent en grands escaliers» (Recueil amusant de voyages. P. 323; в рус. пер.: «...и прекрасные вымощенные плитами улицы, то возвышающиеся, то вниз идущие на подобие больших лестниц» — с. 113–114): «J'étais plus curieux encore de connaître ses mœurs et sa constitution bizarre, où, grâce aux commanderies que distribue le grand maître, l'esprit militaire se perd dans l'esprit d'intrigue; où la politesse de la chevalerie moderne conserve en partie la barbarie monacale; où, sans aucun des vieux préjugés, on est ennemi né de tout ce qui est baptisé; où l'on persécute par état et par tradition; où la pauvreté a pour patrimoine des biens immenses, et le célibat toute une ville pour serail.

Je croirais vous en avoir dit trop de mal si les chevaliers eux-mêmes ne m'en avaient dit davantage. Du reste, plusieurs d'entre eux sont très-polis, quelques-uns fort aimables, tous sont très-hospitaliers et dignes en ce sens de leur institution. Je me plains de leur état et non de leurs personnes, et je suis fâché que la seule école d'héroïsme qui existe aujourd'hui soit une fondation contre l'humanité» (см.: Correspondance littéraire, philosophiques et critique par Grimm,

Diderot, Raynal, Meiter, etc. revue sur les textes originaux / Notices, notes, table générale par M. Tourneux. Paris, 1880. Kraus reprint 1968. Т. 4. P. 108 (1785, février); ответное письмо Делиля: Ibid. P. 227–228).

№ 64–65. С. 177–188, 193–202. Письмо о городе Бостоне. Жизнь американцев, их нравы, обычаи, торговля и пр. / С французского аббата Робеня. В сельде Мосееве. — Robin, Charles-César. Lettre première. A Boston, ce 14 Juin 1781 // Robin C.-C. Nouveau voyage dans l'Amérique septentrionale, en l'année 1781; et campagne de l'armée de M. le Comte de Rochambeau. Philadelphie, et se trouve à Paris, 1782. P. 1–24 (перевод неполный; в подлиннике письмо занимает с. 1–32). Переиздания: Philadelphie; Paris, 1783; также под заглавием: Voyage dans l'Amérique septentrionale..., с указанием на шмуцтитуле исходного заглавия. Philadelphie, 1783. Перепечатано: Lettre sur Boston. Vie des américaines, leurs mœurs, leurs usages, leurs commerce, etc. // Recueil amusant de voyages. 1784. Т. 6. P. 313–342; 1786. Т. 4. P. 316–345; 2e éd. 1787. Т. 4. P. 316–345. В конце текста подпись: Par M. l'abbé Robin. Письмо приведено полностью (Robin C.-C. Nouveau voyage... P. 1–32), кроме небольшого заключительного абзаца, в котором автор сообщает о своем отъезде в действующую армию.

Фраза, читающаяся в подлиннике: «...jusqu'aux environs du 30e degré de latitude...» (Robin C.-C. Nouveau voyage... P. 3), воспроизведена в «Recueil amusant de voyages» с ошибкой: «...jusqu'aux environs du troisième degré de latitude...» (р. 315), и эта же ошибка присутствует в русском переводе: «...до третьего градуса широты...» (с. 179). Фраза: «On découvre de là les ruines de Charles-Town incendiée par les Anglois le 17 Juin 1775...» (Robin C.-C. Nouveau voyage... P. 16) воспроизведена с изменением даты: «le 18 Juin 1775» (Recueil amusant de voyages. P. 327), отраженным и в русском переводе (с. 195). Эти ошибки повторяются и в переизданиях «Recueil amusant de voyages». Во всех изданиях «Recueil amusant des voyages» и также в русском переводе отсутствуют имеющиеся в подлиннике авторские подстрочные примечания. Разделение текста русского перевода на предложения и фразы во многих местах отличается от текста подлинника, совпадая при этом с равным образом от подлинника отличающимся текстом в «Recueil amusant de voyages».

В русском переводе опущена заключительная часть письма (Robin C.-C. Nouveau voyage... P. 25–32; Recueil amusant des voyages. P. 335 (от предложения: «Il est difficile de s'imaginer l'idée des Américaines avant la guerre,

sur le compte des François...») — 345), в которой автор выставляет в выгодном свете поведение своих соотечественников в занятой французской армией местности и отношение к ним жителей. Характерной переделке, говорящей о намеренном исключении положительных отзывов о французах, подверглась в русском переводе фраза, описывающая шляпы, изготавливаемые в Бостоне: «...ils sont infiniment élognés de la beauté et de la solidité des nôtres», т. е. французских (*Robin C.-C. Nouveau voyage... P. 23; Recueil amusant de voyages. P. 334*); пер.: «...они весьма далеки от красоты и прочности Аглинских» (с. 200). Опущены сравнения бостонских женщин с француженками (автор, естественно, склоняется на сторону соотечественниц, усматривая у американок черты провинциализма) (*Robin C.-C. Nouveau voyage... P. 14; Recueil amusant de voyages. P. 325–326*; пер.: С. 193).

Возможно, цензурным вмешательством объясняется купюра в заключительной части следующего предложения, где говорилось о вольнолюбивых настроениях бостонцев, вызванных военными действиями англичан: «On découvre de là les ruines de Charles-Town incendiée par les Anglois le 17 Juin 1775, à la bataille de Bunkerkill; spectacle attristant, fait pour nourrir, dans l'ame des Bostoniens, le sentiment de la liberté» (*Robin C.-C. Nouveau voyage... P. 16; Recueil amusant de voyages. P. 327–328*); пер.: «Оттуда видны развалины Чарлестовна, сожженного англичанами 18 июня 1775 года в баталию Брунkerкильскую; печальное зрелище!» (с. 195).

Остальные две купюры идеологической подоплеки не имеют. Заключительный абзац о квакерах, объясняющий причину их успехов в Америке («Les Quakers ont pu faire fleurir ces vertus avec plus de succès et plus longtemps en Amérique, parce que le climat et la vie qu'ils y menaient les favorisoit» — *Robin C.-C. Nouveau voyage... P. 13; Recueil amusant de voyages. P. 325*; пер. с. 188), был опущен, возможно, по условиям набора номера журнала, где рассказом о них заканчивалась первая часть письма, а в следующем номере, вероятно, повествование было сочтено удобным возобновить с новой темы. Фраза, в которой упоминается профессор, преподающий восточные языки в Кембриджском университете, содержала фамилию ученого и название книги, где он удостоился похвалы («M. de Sewall, y professant les Langues Orientales, est un de ceux don't l'auteur du Monde primitif fait le plus grand cas» — *Robin C.-C. Nouveau voyage... P. 24; Recueil amusant de voyages. P. 335*; пер. с. 201), ничего не говорившей переводчику и редактору журнала.

Кроме «Приятного и полезного препровождения времени», установлен еще лишь один случай очень вероятного обращения к «Recueil amusant de voyage» — в журнале «Иппокрена, или Утехи любословия» (1799. Ч. 1):

№ 13. С. 203–205. Путешествие Ирены / С французского Гр. Петр Салтыков. — La Bruyère, Jean de (1645–1696). Les Caractères de Theophraste traduits du Grec avec Les Caractères ou le Mœurs de ce siècle. 8e éd. 1694. Ch. De l'homme. № 35: «*Irène se transporte à grands frais en Épidauré...*» Перепечатано: Voyage d'Irène // Recueil amusant de voyages. 1784. Т. 5. Р. 357–358; 2e éd. 1787. Т. 2. Р. 280–281. Автор указан в оглавлении первого издания (1784. Т. 6. Р. iii;): par la Bruyère; во втором издании (2e éd. 1787. Т. 4. Р. iv) указание опущено, хотя предполагалось. В конце текста подстрочное примечание, отсутствующее у Лабрюйера: «*N. B. On tint ce discours à Madame de Motespan, aux Eaux de Bourbon, où elle alloit souvent pour maladies imaginaires*» (воспроизведено в русском переводе).

Анна Варда

О ДВУХ ОДАХ, ПОСВЯЩЕННЫХ ЕКАТЕРИНЕ ВТОРОЙ

Хотя в честь императрицы Екатерины II было создано множество панегирических од,¹ и каждая из них, независимо от своего художественного уровня, представляет собой интерес для исследователей, в данной статье мы сосредоточим наше внимание лишь на двух из них: «Видение Мурзы» Г. Р. Державина и «Благодарность Екатерине Великой за всемилостивейшее увольнение меня в чужие края с жалованьем» А. И. Клушина. Вторая из названных од создана в подражание первой. С целью доказательства данного утверждения мы сопоставим названные произведения в плане их содержания и художественности.

Перед тем как приступить к собственно исследованию, следует обратить внимание на саму проблему подражания (имитации), которая возникла уже в античности, а в эпоху классицизма стала одним из основных принципов творчества.² О ней высказались А. П. Сумароков, Г. Н. Теплов и др., подчеркивая, что в подражаниях стоит обращаться не только к античным образцам, но также к произведениям выдающихся русских

¹ Отдельные их издания см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати. 1725–1800. М., 1962–1967. Т. 1–3.

² Николаев С. И. Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII века (очерк проблематики) // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 3–19.

авторов, таких как, например, М. В. Ломоносов.³ С проблемой подражания была тесно связана так называемая теория «склонения на наши нравы»,⁴ популяризатором которой в России был драматург В. И. Лукин. Стоит также упомянуть, что это была форма переводческой деятельности, цель которой состояла в быстром обогащении русской художественной (прозаической и драматургической) литературы путем насыщения исходного текста национальным бытовыми реалиями. Возникшие в результате таких приемов произведения писатели часто подписывали своей фамилией, не признаваясь в том, что это перевод. Присвоение себе переведенного таким образом чужого произведения нередко вызывало возмущение некоторых писателей конца XVIII столетия.⁵ Сам Лукин часто высказывался по поводу подражания в апологетических предисловиях, открывавших издания его драматических произведений (см., например, предисловие к комедии «Пустомеля»). Он объяснял, что суть подражания заключается в том, что можно использовать сюжет или характер образцового произведения с целью создания другого произведения, лучшего, чем прототип. Он считал при этом, что образец должен вдохновлять автора и побуждать его к соперничеству. Как замечает С. Н. Николаев, подражания без указания источника продолжались на протяжении второй половины XVIII столетия. В литературной среде того времени выработалось мнение, согласно которому подражание вполне допустимо и даже необходимо как определенный этап становления национальной литературы.⁶

Именно с подражанием мы имеем дело в случае «Благодарности Екатерине Великой за всемилостивейшее увольнение меня в чужие края с жалованьем» Клушина. Попытаемся описать характер и возможные причины

³ Warda A. 1) *Od imitacji do plagiatu. Z badań nad etyką literacką w osiemnastowiecznej Rosji* // *Slavia Orientalis*. Kraków, 2005. S. 516; 2) К проблеме литературной кражи в XVIII веке (на примере книжных предисловий) // *Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании*. М., 2009. С. 19–23.

⁴ Warda A. «Склонение на русские нравы». O jednym ze sposobów przekładu w Rosji w drugiej połowie XVIII wieku // *Slavica litteraria. Festschrift für Gerhard Giesemann zum 65. Geburtstag*. Herausg. U. Jekutsch, Wiesbaden, 2002. S. 155–163.

⁵ Warda A. К проблеме литературной кражи в XVIII веке... С. 19–23.

⁶ Николаев С. И. Оригинальность, подражание и плагиат... С. 11–12.

этого подражания, а также цель, которую мог преследовать Клушин при создании своего произведения.

«Видение мурзы» Державин написал, как он отмечает в своих «Записках», уже в 1784 году. Однако, это сомнительно, в записках И. И. Дмитриева читаем, что ода не была окончена еще тогда, когда началось знакомство обоих поэтов, т. е. в 1790 году.⁷ В письме от 12 ноября 1790 года Н. М. Карамзин писал Державину, что получил от него «Видение мурзы», и в январском номере «Московского журнала» за 1791 год оно появилось в печати. Это стихотворение Державин написал в защиту от разнородных обвинений, появившихся после его оды «Фелица», которая задела самолюбие многих, а вместе с тем возбудила к нему зависть окружающих.

В «Видении Мурзы» дается точное поэтическое описание портрета Екатерины II-законодательницы, написанного известным живописцем Д. Г. Левицким, который — стоит упомянуть — создал более 20 картин, изображающих императрицу. В стихотворении Державина похвала Екатерине II перемежается сатирическими выпадами против вельмож, возмущившимися нападениями на них в «Фелице» и обвинившими Державина в лести, а также в недопустимой фамильярности по отношению к царице. Защищая себя от этих упреков, поэт пишет стихотворение «Видение Мурзы», в котором обыгрывается, как и в ранее созданной «Фелице», «Сказка о царевиче Хлоре» Екатерины II. Лирическим субъектом предстает Мурза, который ночью, перед сном, размышляет о своей счастливой, беззаботной жизни. Мыслями он возвращается также к тому, как царица (Екатерина II) втайне от придворных лиц послала ему подарок за написанные в ее честь стихи:

Блажен и тот, кому царевны
Какой бы не было орды <...>
Украдкой от придворных лиц,
За рассказы, за растабары,
За вирши, иль за что-нибудь
Исподтишка драгие дары
И в досканцах червонцы шлют...⁸

⁷ Сочинения И. И. Дмитриева / Ред. и прим. А. А. Флоридова. СПб., 1893. Т. 2. С. 36.

⁸ Державин Г. Р. Видение Мурзы // Державин Г. Р. Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста и прим. Г. А. Гуковского. Л., 1947. С. 33 (Б-ка поэта; Малая сер.).

Явившаяся Мурзе богиня — Фелица, дает ему советы, наставления, которые он просил у нее в первой оде «екатерининского» цикла — «Фелице». В стихотворении «Видение Мурзы» обсуждается также вопрос об отношении литераторов к царской власти, о роли и задачах искусства в освещении важнейших политических проблем века. Советы, которые дает Мурзе Фелица, касаются не только нравственного совершенствования лирического героя как человека, но также как поэта, который даже в панегирических стихах в честь монарха должен писать правду, а не льстить.

Ода Клушина «Благодарность Екатерине Великой за всемиловейшее увольнение меня в чужие края с жалованьем» было опубликовано два года спустя после издания «Видения Мурзы», в ноябре 1793 года в организованном Клушным и И. А. Крыловым журнале «Санкт-Петербургский Меркурий».⁹ Непосредственной причиной ее написания было полученное Клушиным в октябре 1793 года разрешение императрицы продолжить учение в Геттингенском университете еще в течение пяти лет с сохранением жалованья (1500 рублей на пять лет вперед). Получив деньги, он уехал из Петербурга, предварительно напечатав отдельным изданием «Благодарность Екатерине...» В действительности Клушин доехал только до Ревеля, растратив полученные им деньги, и пробыл здесь до 1797 года, потом некоторое время жил у брата в Орле, но за границу уже не поехал. В Петербург он вернулся в 1799 году и 13 июля определился в театральную цензуру русских пьес.

Имея в виду то, что отношения Клушина с Екатериной II еще до получения денег на заграничное обучение не складывались совершенно гладко (незадолго до упоминавшегося разрешения императрица закрыла издаваемый им журнал «Зритель»), ответ на вопрос: Является ли ода Клушина выражением искренней благодарности императрице за оказанную ею милость? — не может быть определенным. Можно даже подумать, что ода — насмешка над нею, оформленная с помощью литературных приемов. Сравнение стихотворения Державина, написанного в честь Екатерины II, с одой

⁹ В 1792 году Клушин вместе с Крыловым издавали сатирический журнал «Зритель», который был закрыт из-за публикуемых в нем произведений, критически изображавших тогдашнее воспитание, мотовство дворян, осуждавших их дурное обращение с крепостными (Степанов В. П. Клушин А. И. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. (К–П). С. 66.

Клушина, созданной якобы в знак благодарности ей, позволяет предположить, что императрица, предоставив писателю средства на выезд за границу, лишилась опасного для себя и своей власти пера. Именно поэтому трудно поверить в искренность оды Клушина, который ранее не сочинял стихов в честь императрицы, но напротив, раздражал многих вельмож независимостью своего поведения и своими критическими статьями, высмеивающими пристрастия современников ко всему иностранному, низкие страсти общества, а также уродливые проявления крепостного права.¹⁰

Следует подчеркнуть, что в похвальном стихотворении Клушина заметно не только влияние стихотворения Державина «Видение мурзы», но и оды Ломоносова «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» (1743). Можно предполагать, что Клушин воспользовался этими текстами с целью их комической имитации (травести). Заимствуя темы, сюжетные мотивы, а также отдельные образы известного сочинения Державина и знаменитой оды Ломоносова, он переделал их, придавая им шутливую, комическую, а порой даже издевательскую форму.

Мотивы державинского стихотворения находим уже в самом начале оды Клушина. Описание ночного пейзажа, выполняющее функцию вступления к оде, вместо высокой патетики Державина у Клушина дано в шутливой комической форме. Вот фрагменты обоих текстов:

На темноголубом эфире
Златая плавала луна;
В серебряной своей порфире
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.¹¹

Сквозь темно-сизы облака
Серебряна луна мелькала;
Бросая свет издалека,
Эфир рогами посребряла.

¹⁰ Там же.

¹¹ Державин Г. Р. Видение Мурзы. С. 32.

По светло-голубым зыбям
Кораллы, пурпур струилась;
Как солнца луч в водах, резвились,
Рисуя звезды по валам.¹²

Следующая строфа стихотворения Клушина предстает травестией «Вечернего размышления о Божием величестве...» Ломоносова. Использование им для пересмешки этого возвышенно религиозного текста вполне соответствует оценке, данной Клушину А. Т. Болотовым, как «величайшего безбожника, атеиста и ругателя христианского закона».¹³ В контексте этого комическое обыгрывание серьезной по своему содержанию религиозной оды Ломоносова оказывается не только манифестом мирского мировоззрения поэта, но также иронического отношения к сложному стилю од Ломоносова с характерной для него инверсией:

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей тайне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!¹⁴

Как прах, Бореем восхищенный,
Теряясь, гибнет в облаках;
Как в пепле слабый свет возженный
В густых скрывается парях;
Как в море тонкая песчинка;
Как в Этне слабая былинка, —
Так я, в унынье погружен,
Терялся, мыслями развлечен.¹⁵

¹² Клушин А. И. Благодарность Екатерине Великой за всемиростивейшее увольнение меня в чужие края с жалованьем // Поэты XVIII века / Сост. Г. П. Макогоненко и И. Э. Серман. Подг. текста и прим. Н. Д. Кочетковой. Л., 1972. Т. 2. Поэты 1780—1790-х годов. С. 356 (Б-ка поэта; Большая сер.).

¹³ Степанов В. П. Клушин А. И. С. 66.

¹⁴ Ломоносов М. В. Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния // Ломоносов М. В. Избр. произведения / Вступ. статья, сост. и прим. А. А. Морозова, подг. текста М. П. Лепехина и А. А. Морозова. Л., 1986. С. 205 (Б-ка поэта; Большая сер.).

¹⁵ Клушин А. И. Благодарность Екатерине Великой... С. 356.

Особенно замечательны в стихотворении Клушина две последние строки, в которых — вместо метафизического углубления в свои мысли — лирический герой погружен в уныние, считающеееся в христианстве одним из семи смертных грехов. Эта страсть заключается в расслаблении сил человеческой души и нежелании действовать ради своего спасения. Страсть уныния выражается в сердечной тоске, изнеможении ума, лени и прочих состояниях, препятствующих подвигу ради Бога. Такая позиция лирического героя здесь не случайна, так как она является выражением авторской позиции Клушина и его однозначно отрицательного отношения к религии.

Размышления державинского лирического «я», предшествующие его сну, а также его воспоминания о счастливых минутах, когда он получил подарок от царицы, перебиваются внезапным видением богини в белом платье с короной на голове и золотой лентой на груди. Ее описание точно соответствует, как мы упоминали выше, портрету императрицы, написанному Д. Г. Левицким. Женщина, явившаяся в видении лирическому герою в стихотворении Клушина, не похожа на державинскую богиню, хотя она тоже сошла с небес на облаке. Нет в ней женственной невинности, нежности, только мужество, сила, мощь, типичные для Паллады. Ее божественность выражается ее величественными взглядами и следующими определениями, ассоциирующимися лишь с Богом: вседержитель, зиждитель. Однако в непосредственном столкновении с этим божественным видением оказывается, что оно, как и у Державина, наделено человеческими чертами. Так, она, как и Екатерина II, просит именовать себя матерью, заботящейся о своих детях, а не грозным царем, каким она бывает только во время войны и строительства городов. Она говорит дальше, что велик не тот, кто сидит на престоле, а тот, кто делает другим благодеяния. После того она просит лирического героя, чтобы тот принял от нее милость:

И, шествуя наук стезею,
Не будь невежества рабом;
Сражайся сердцем с ним, умом,
Как луч сражается со тьмою,
И буди добрый гражданин.¹⁶

¹⁶ Там же. С. 357.

Вышеприведенные слова служат намеком на «жалованье», которое Екатерина II дала поэту, требуя этим от него, чтобы он был добрым гражданином и не критиковал ее правления.

Затем герой сакрализирует Екатерину II, в оде говорится о ее кротком, священном гласе, а также о том, что благодаря ее божественности герой возродится как человек и как поэт. Исполненный благодарности за полученный дар, он обещает прославлять императрицу в стихах, которыми даже спустя тысячи веков будут восхищаться потомки:

Я вновь во прахе возрождусь,
На все в природе излиюсь,
Восстану, вознесусь, прославлю;
И после тысячи веков
Тебе, вмещенной в сонм богов,
Дивиться смертных я заставлю.¹⁷

Следующая строфа стихотворения Клушина снова обыгрывает Ломоносова, на этот раз его оду, посвященную императрице Елизавете Петровне, где перечисляются территории, которыми славилась Россия и которые ожидают своих исследователей («Ода на день восшествия на престол Елизаветы Петровны», 1747). Для прославления императрицы он готов призвать даже самого Навина, предводителя еврейского народа в период завоевания Ханаана, преемника Моисея.

Затем Клушин возвращается к державинскому стихотворению «Видение Мурзы», а точнее, к затронутой в нем теме места поэта в обществе и способу изображения государыни в панегирических стихах. Клушин видит назначение поэта в полной, искренней преданности царю, а не в создании льстивых стихов в его честь.

Сакрализация образа Екатерины-Фелицы происходит в обоих стихотворениях, но следует отметить, что в стихотворении Клушина она много сильнее (говорится даже о священном гласе Фелицы).

В заключение оды пародируются державинские ламентации о преходящести всего земного и иронически, в наигранно патетическом тоне утверждается, что всё пройдет, но останется лишь благодарность поэта императрице:

¹⁷ Там же. С. 358.

Я был, я есмь, я счастлив буду,
Паллада Севера, тобой;
Щедрот твоих не позабуду,
В душе вмещающая образ твой.
Все в мире может прмениться,
Мелькнуть, исчезнуть, истребиться —
Лишь благодарность продолжится
К тебе бессмертная моя!¹⁸

В этой строфе, завершающей стихотворение, Клушин пародийно обыгрывает державинскую метафизику (ода «Бог»: «Я есмь — конечно, есть и ты!»).¹⁹

Подытоживая вышесказанное, мы приходим к выводу, что Клушин, используя популярные для его времени литературные жанры и приемы (панегирическую оду, подражание, травестию, двусмысленность), сумел выразить свои настоящие чувства, в том числе негодование, не вызывая подозрений со стороны адресата своего произведения — Екатерины II. И только учитывая интертекстуальный характер его произведения и некоторые факты из его биографии, мы в состоянии узнать действительное намерение ее автора, которое сопутствовало созданию им якобы благодарственной оды.

¹⁸ Там же. С. 358—359.

¹⁹ Проскурина В. Крылов и Екатерина II. (Стихотворение «Умиряющая кокетка» в контексте русского либертинажа) // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 104—121.

А. А. Костин

ОБ ИСТОЧНИКЕ ЭПИГРАФА К ПОЭМЕ А. Н. РАДИЩЕВА «БОВА»

Эпиграф к радищевскому «Бове», по сути, не привлекал до сих пор внимания исследователей. Единственно сохранившаяся первая песнь поэмы открывала первый том «Собрания оставшихся сочинений» А. Н. Радищева, выпущенный его сыновьями в 1807 году. На обороте шмуцтитула «Бовы» (так оформлены эпиграфы и в «богатырских песнопениях» сына Радищева Николая¹) помещена итальянская фраза: «O che caso che sventura». Авторитетные издания сочинений Радищева никак не объясняют этот эпиграф, приводя только русский перевод фразы: Г. А. Гуковским она переводилась как «О, какой случай, какое приключение»;² В. А. Западковым перевод был исправлен в соответствии со значением слова «sventura»: «О, какой случай, какое несчастье».³ Насколько мне известно, никаких попыток сопоставить эпиграф с содержанием поэмы сделано не было. Показательно, что эпиграф не упоминается в обстоятельной статье М. П. Алексеева, посвященной «Бове», несмотря на то, что она посвящена непосредственно

¹ Радищев Н. А. Богатырские повести в стихах. М., 1801. К «Альоше Поповичу» Радищевым-отцом был предложен эпиграф из «Энеиды» (I: 1) — «Arma virumque сапо»; к «Чуриле Пленковичу» — из «Что нравится женщинам» Вольтера — «Après souper pour vous désennuyer...».

² Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 451.

³ Радищев А. Н. Стихотворения. Л., 1974. С. 137.

проблеме замысла и идейного содержания поэмы, для чего обращение к эпиграфу было бы крайне желательно.⁴ В последние годы сделано предположение, что эпиграф к «Бове» был сочинен самим Радищевым.⁵

Столь незавидную судьбу этого эпиграфа, особенно в сравнении со знаменитым «чудищем облым»,⁶ можно объяснить, по-видимому, тем, что не удавалось найти каких-либо указаний на его источник. Следует сказать, что при заметном влиянии французской и немецкой словесности на творчество Радищева; при значительном внимании его к английской литературе (удовлетворявшемся, по-видимому, через французское и немецкое посредство) литература итальянская оказывалась по сути на периферии интересов писателя. Так, он единственный раз упоминает Данте — в письмах А. Р. Воронцову, говоря, что на лицах окружающих видит надпись с врат Ада, и приводя на смеси итальянского и французского языков известную сентенцию: «*Laschiate ogni speranza voi que intrante qui*».⁷ В трактате «О человеке...» в ряду других крупных драматургов упомянут Метастазιο: «Исследовал ли ты все, что в тебе происходит, когда на позорие видишь бессмертные произведения Вольтера, Расина, Шекспира, Метастазия, Мольера и многих других, не исключая и нашего Сумарокова?»⁸ Однако, приводя сразу после этого замечания образцы кульминационных мест европейской драмы, Радищев упоминает две пьесы Вольтера («Меропу» и «Магомета») и одну — Шекспира («Ричард III»); Метастазιο остается для него, таким образом, лишь в номинативном ряду. Наибольшее число упоминаний итальянской литературы связано, наконец, у Радищева с Тассо. С одной стороны, он появляется в таком же номинативном ряду среди великих поэтов в «Путешествии из Петербурга в Москву»: «Омир, Вергилий, Мильтон, Расин, Волтер, Шекеспир, Тассо и многие

⁴ Алексеев М. П. К истолкованию поэмы А. Н. Радищева «Бова» // Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950. С. 158–213; то же: Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. С. 33.

⁵ Коцценко И. В. Полифункциональность эпиграфа в творчестве А. С. Пушкина. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. С. 25.

⁶ Об известности выражения см.: Николаев С. И. «Чудище обло...» // Русская судьба крылатых слов. СПб., 2010. С. 423–433.

⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. № 1220. Л. 91 об.

⁸ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 55.

другие читаны будут, доколе не истребится род человеческий».⁹ Помимо этого, в трактате «О человеке...» дважды появляется упоминание сюжета «Освобожденного Иерусалима». Говоря о влиянии страстей на рассудок человека, Радищев замечает: «Когда страсти возжгут огонь в крови твоей <...> и ты <...> течешь во след предмету, страсти вожделенному, где тогда душа твоя? <...> сей царь, где он? Иногда, иногда возвысит он глас <...> Но сии непокорливые его подданные, восстав с новою на него свирепостию, влекут его и, как новая Армида, заключают в цветящиеся и неоощуемые оковы»;¹⁰ в другом месте поэма Тассо упоминается как образец поэтического воображения: «Та же сила, которая напоминает при воззрении на новые предметы, будто они уже суть виденные, сочетая воедино виденного по частям, та же сила могла произвести Армиду, солнышкина рыцаря, и в Потерянной Рай вместить все изящности и все нелепости»¹¹ (судя по конструкции, Армида как персонаж высокого произведения должна противопоставляться «солнышкиному рыцарю» как проявлению низовой литературы; в последнем случае имеется в виду, вероятно, какая-либо переделка одноименного испанского рыцарского романа XVI века, главный герой которого неоднократно упоминается Доном Кихотом¹²).

Указанные места, по сути, исчерпывают собой тему «Радищев и итальянская литература», что ставит под сомнение позднейшее свидетельство Павла Радищева об отце: «Все классические авторы — латинские, французские, немецкие, английские и итальянские — были ему совершенно знакомы».¹³ Скорее всего, итальянским языком Радищев не владел: во всяком случае, из приведенных мест знание это совершенно не следует; «Освобожденный Иерусалим» он читал, скорее всего, во французском переводе — более того, вероятно, что с сюжетом поэмы он мог быть знаком и по ее театральным, в первую очередь — оперным — переложениям.

⁹ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1992. С. 95.

¹⁰ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 93.

¹¹ Там же. С. 129.

¹² Вряд ли можно согласиться с авторами комментария к философским сочинениям, посчитавшими, что в данном случае имеется в виду миф об Икаре (Радищев А. Н. Избр. философские сочинения. М., 1949. С. 545).

¹³ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. М.; Л., 1958. С. 52.

Все эти обстоятельства заставляют с осторожностью относиться к поиску источника эпиграфа к «Бове» в классической итальянской литературе. И если в эпоху книжного поиска говорить об этом можно было лишь предположительно, то в нынешнюю цифровую эру, когда тексты большинства классических для XVIII века сочинений доступны для полнотекстового поиска в Интернете, можно сказать уверенно: стих, употребленный Радищевым, не был заимствован им из собственно литературных сочинений первого порядка.¹⁴

Как бы то ни было, те же новые цифровые средства поиска позволяют сделать предположение о возможном источнике. Прежде, однако, следует сделать одну оговорку. Уже первые комментаторы поэмы ощущали явное несоответствие эпиграфа и содержания «Бовы»: восклицание о несчастье вряд ли может каким-либо образом характеризовать шуточную поэму, по характеристике сыновей писателя, читавших по меньшей мере одиннадцать ее песен, «занимательную», отмеченную «легкостью, приятностью, веселостью, чувствительностью»¹⁵. Если предположить, что слово «sventura» в тексте «Собрания оставшихся сочинений» не было результатом опечатки или неверного чтения сыновей писателя (а в предуведомлении к публикации они замечают, что печатают текст первой песни по копии, «изготовленной к тиснению») и что под «sventura» Радищев имел в виду именно «несчастья», то эпиграф приобретает смысл в контексте поэмы, как кажется, лишь в одном случае.

Первая песня поэмы начинается с песни Бовы: «Что возможет, ах, сравниться / С лютой горестью моею, / Кто быть может столько бедствен, / Столько бедствен, как Бова?» и т. д.¹⁶ Как следует из сохранившегося плана поэмы, песня эта занимала важное место в ее сюжете и должна была появиться в тексте по меньшей мере еще один раз. В конце поэмы, победив всех врагов и полагая, что его невеста была убита, Бова решает жениться на другой. Но «все уже готово было, как он, объезжая свое цар-

¹⁴ Стоит заметить, что уже сама форма стиха — восьмисложного — исключает, по сути, вероятность заимствования его из наиболее логичного, казалось бы, источника — итальянской эпической поэмы, использовавшей более долгий стих.

¹⁵ Радищев А. Н. Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева. М., 1804. Ч. 1. С. VII.

¹⁶ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 33.

ство, близь маленького отделенного городка увидел двух мальчиков, из конх один шед играл на арфе, а другой пел его любимую песню, что он певал в несчастьи; спросил у них, кто они и, пошед с ними, нашел царевну». ¹⁷ Этим сюжет «Бовы» завершается. Учитывая «печальный» характер сохранившегося эпитафия, можно предположить, что он указывал не только на определяющие развитие сюжета поэмы неоднократно случающиеся с главным героем несчастья, но и на эту важную для развития событий песню, в начале которой, как и в эпитафии, упоминание о несчастье появляется в параллельной конструкции: «Кто быть может *столько бедствен, / Столько бедствен*, как Бова?».

Однако, более разумным, кажется, видеть в эпитафии указание на авантюрный характер сюжета поэмы, свойственные ей, как и всему жанру, многочисленные неожиданные повороты. Действительно, если предположить, что последнее слово в эпитафии — не печальное «sventura», а неверно записанное или прочитанное «avventura», авантюра, приключение, то это позволяет не только прояснить отношение эпитафия к поэме, но и сделать предположение об источнике эпитафия. ¹⁸

Стих с выражениями «che caso» и «che avventura» обнаруживается в начале заключительного tutti второго акта оперы Бальтазара Галуппи на либретто Карло Гольдони «Il filosofo di compagnia» («Сельский (или деревенский) философ»). ¹⁹ Звучит этот стих так: «Oh, che caso, oh che avventura». ²⁰ Проект Миланского, Падуанского и Сиенского университетов «Варианты опер», сопоставляющий тексты либретто итальянских опер XVIII века, показывает, что этот стих в либретто «Сельского философа» остается, по сути, неизменным: так он предстает в 56 изданиях, и только

¹⁷ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 16.

¹⁸ Начальные сведения для дальнейших предположений получены благодаря поиску на сервисе Google Books (<http://books.google.com>).

¹⁹ Первое издание: Il filosofo di compagna. Dramma giocoso per musica di Polisseno Fegeio, pastor arcade... Venezia, 1754.

²⁰ Как показывает указатель инципитов арий и хоров в операх на либретто Дзено, Метастазии и Гольдони, других арий с подобным началом у этих важнейших либреттистов XVIII века не было (Worquenne A. Table alphabétique des morceaux mesurés, contenus dans les oeuvres dramatiques de Zeno, Metastasio et Goldoni. Leipzig; Bruxelles; Londres; New York, 1905).

в одном — Valetta, 1763 — напечатан в наиболее приближенном к радищевскому варианту: «Oh che caso che avventural!». ²¹

Судя по числу либретто, эта опера Галуппи и Гольдони, впервые поставленная в Венеции в 1754 году, была в Европе в XVIII веке чрезвычайно популярна. Сюжет ее незатейлив; из его изложения станет понятно, что, помимо общей авантюристичности, вряд ли можно найти какие-либо параллели между ней и «Бовой». Живущий в деревне мещанин, дон Тритемиио, хочет выдать свою дочь, Евгению, за богатого крестьянина Нардо; Евгения влюблена в дворянина Ринальдо, и тот отвечает ей взаимностью. Служанка Евгении, Лесбина (любви которой помогает хозяин), решает помочь госпоже и, представившись ею, знакомится с Нардо, причем они влюбляются друг в друга. Нардо, несколько раз произносящий в опере по своей крестьянской простоте мудрые сентенции, за что и назван философом, когда обман Лесбины открывается, заявляет, что он любит ее независимо от сословия, и вместе они обманывают дону Тритемиио — составляют один контракт о заключении двух браков: Евгении с Ринальдо и Лесбины с Нардо, причем дон Тритемиио полагает, что в брак вступают он с Лесбиной, а Евгения — с Нардо. Когда контракт подписан Нардо, Лесбиной и Тритемиио (три свидетеля другого брака), оказывается, что Евгения пропала (по-видимому, увезена Ринальдо), по поводу чего и исполняется упомянутое *tutti*; приведу его анонимный русский перевод, выполненный в 1774 году в Москве: «Какое несчастье! Какое приключение! Отсрочивается контракт, а подписан будет после. Если она похищена, то она теперь уже вышла замуж, да и со служанкою то же скоро впоследствии». ²² Евгению находят в доме Нардо; контракт подписан ею и Ринальдо; в конце Тритемиио, чтобы насолить дочери, берет в жены дочь Нардо, крестьянку Елену.

Нельзя не заметить, что знакомство Радищева с «Сельским философом» до определенной степени сомнительно. Имеющиеся репертуарные сводки показывают, что, несмотря на европейскую популярность, комические оперы Галуппи в России в последней четверти XVIII века не стави-

²¹ Varianti all'opera. Goldoni, Jommelli, Metastasio e Pergolesi sulla scena musicale europea [<http://www.variantiallopera.it>].

²² Гольдони К. Сельской философ, опера комическая на музыке... М., 1774. С. 85.

лись.²³ «Сельский философ» входил в репертуар труппы Локателли в конце 1750 — начале 1760-х годов; премьера состоялась 5 сентября 1758 года; впоследствии в 1774—1775 годах опера ставилась приезжей французской труппой в Москве, от этой постановки и сохранился единственный до сих пор русский перевод либретто. Сведений о других постановках оперы в России нет. Автор статьи о Галуппи в словаре «Музыкальный Петербург» А. Л. Порфирьева замечает, что, несмотря на значительный вклад Галуппи (который возглавлял в 1765—1768 годах музыкальную часть русского двора, ввел в России традицию церковных концертов и был учителем Д. С. Бортнянского) в развитие русской церковной музыки, «он был здесь скоро и бесповоротно забыт. Произв<едения> Г<алуппи> исчезли из оперного репертуара, имя его не встречается в рукоп<исны>х сборниках арий».²⁴

Как бы то ни было, знакомство Радищева с арией все же можно предположить. Прежде всего, он мог быть ее слушателем в Москве и в начале 1760-х, до отъезда на учебу в Пажеский корпус, когда там играла труппа Локателли; и в 1775 году, когда женился в Москве на А. В. Рубановской. Можно предположить, наконец, что опера могла исполняться в Лейпциге в конце 1760 — начале 1770-х годов, когда там обучался Радищев, хотя сведений об этом установить не удастся.²⁵ Между тем, более вероятным кажется предположить, что все же ария могла исполняться как отдельная пьеса на музыкальных концертах в Петербурге, которые Радищев посещал в 1780-е годы.

Здесь можно напомнить, что Радищев был не только автором либретто оратории «Творение мира», но и несколько раз упоминает в своих сочине-

²³ Mooser R.-A. Opéras, intermezzos, ballets, cantates, oratorios joués en Russie durant le XVIIIe siècle. Genève, 1955; История русской музыки: В 10 т. М., 1985. Т. 3. С. 377—400.

²⁴ Порфирьева А. Л. Галуппи Бальтазар // Музыкальный Петербург. Энциклопедический словарь. СПб., 1999. Т. 1. XVIII век. Кн. 1. С. 232.

²⁵ Сердюченко благодарю за помощь Э. Хексельшнайдера, просмотревшего сохранившиеся в лейпцигских архивах цеттели лейпцигских театров 1767—1771 годов и не обнаружившего объявлений о представлении «Сельского философа». Известно, что в 1765 или 1766 году опера ставилась в Дрездене в основанном при саксонском дворе оперном театре труппой Дж. Бустелли (Wöchentliche Nachrichten und Anmerkungen, die Musik betreffend. Leipzig, 1766. 5es St. (29 Jul.). S. 33).

ниях знаменитых европейских оперных исполнителей 1770—1780-х годов, выступавших в том числе и в Петербурге: «взрожденные во благогласии уши жителей Москвы и Петербурга внемлют кудрявому напеву Габриелли, Маркези, или Тоди»;²⁶ «О вы, душу в иступление приводящие, Глюк, Паизелло, Моцарт, Гайдн, о вы, орудие сих изящных слагателей звуков, Маркези, Мара».²⁷ Не говоря о том, что в собственном доме Радищева музицировали (о чем косвенно свидетельствует его сын Павел: «Он знал музыку, играл на скрипке»²⁸), он присутствовал, скорее всего, на музыкальных концертах, устраивавшихся в доме А. Р. Воронцова.²⁹ О том, что в число произведений, исполнявшихся на этих концертах, могли входить и произведения Галуппи, свидетельствует сохранившийся в РНБ музыкальный альбом Е. Р. Дашковой из небольших пьес разных жанров, в том числе и одна духовная ария Галуппи — «A quel caro amato oggetto».³⁰ Отдельные пьесы «Сельского философа» имели свою концертную судьбу, например, одна из арий первого акта оперы вошла в 1875 году в число пьес, обязательных для исполнения учащимися оперных классов Петербургской консерватории.³¹

Даже если источником эпиграфа к «Бове» послужила и не опера Галуппи и Гольдони, искать его следует именно в концертном репертуаре конца XVIII века. Подобный вокальный источник объясняет, по-видимому, и то, что употребленная Радищевым фраза сейчас прочно забыта, и то, что во время написания она выполняла обязательную для эпиграфа функ-

²⁶ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1992. С. 110.

²⁷ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 51—52.

²⁸ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. С. 53.

²⁹ История русской музыки: В 10 т. М., 1985. Т. 3. С. 403.

³⁰ Пряшников М. П. Е. Р. Дашкова и музыка. М., 2001. С. 36; ср.: Emerson J. A. Catalog of pre-1900 vocal manuscripts in the Music Library, University of California at Berkeley. Berkeley, 1988. Vol. 4. P. 146.

³¹ Ария пастушки из оперы «Деревенский философ». СПб., 1885 (Обязательный репертуар пьес для классов пения Санкт-Петербургской консерватории). Можно отметить, что, судя по сводному каталогу музыкальных рукописей до 1900 года в итальянских библиотеках (Biblioteca Nazionale Braidense; http://www.urfm.braidense.it/cataloghi/catalogomss_en.php), заключительный квартет 2-го акта «Деревенского философа» («In questo giorno, et cetera...») был во второй половине XVIII века наиболее востребованным квартетом из опер Галуппи; зафиксировано четыре его списка в различных сборниках.

цию — была узнаваемой для читателя; и, наконец, то обстоятельство, что, в отличие от всех других своих эпитафий (в том числе и к сочинениям сына Николая) только здесь Радищев не указал источник цитаты. Можно надеяться, что работа по фронтальному описанию музыкального репертуара России XVIII века в дальнейшем позволит установить источник эпитафии с точностью.

Мария Ди Сальво

О НЕКОТОРЫХ ИТАЛЬЯНСКИХ ЗНАКОМСТВАХ В. Н. ЗИНОВЬЕВА

«Журнал путешествия»,¹ в котором В. Н. Зиновьев (1755–1827) записывал наблюдения и размышления, связанные с поездками в разные европейские страны, содержит не только документальные свидетельства внутреннего развития автора и его перемещений по местам, важным для его масонского маршрута.² Он включает также ценные известия о пребывании автора в Италии в 1784–1785 годы и показывает глубокую приверженность к особенностям поведения и культурным ритуалам во время так называемого «Grand Tour». При этом Зиновьев не ограничился любованием красотами природы и искусства этой страны, но установил плодотворные связи с местной культурой, сумев таким образом уловить отличительные черты различных итальянских городов, от Неаполя до Рима, Флоренции, Болоньи и Милана.³

Утрата рукописи дневника (составленного в большей своей части в форме писем, согласно распространенному в XVIII веке обыкновению) после

¹ Журнал путешествия В. Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784–1788 годы // Русская старина. 1878. XXIII. № 10. С. 207–240; № 11. С. 399–440. № 12. С. 593–630. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

² Эти и другие важные особенности «Журнала» исследованы в работе: *Faggionato R. La maschera e lo specchio. Cronaca del viaggio in Occidente di un illuminista russo* // Europa Orientalis. 1998. Vol. XVII. № 2. P. 8–53.

³ О последнем из этих городов см. первое письмо, публикуемое в Приложении.

частичной публикации в XIX веке сделала невозможными некоторые пропуски в повествовании, особенно о конце пребывания Зиновьева в Италии (последнее письмо датировано 19 сентября 1785 года из Пармы) перед возобновлением корреспонденции уже из Парижа 9 января следующего года. И даже те письма, что мы сейчас можем прочесть, к сожалению, подверглись сокращениям редактора Н. П. Барышникова, «так как автор весьма подробно отдает в них отчет своему другу о всем, что он осматривал в Италии, и с тем вместе возвращается в сферах изящного, т. е. музыки, живописи, ваяния и проч.» (230), а эти темы, по мнению Барышникова, не имели особого исторического интереса. Несмотря на такую досадную утрату, из описаний Зиновьева можно составить представление, насколько многочисленным и укорененным было русское население в Италии, особенно в Риме и Неаполе, и насколько глубоки были интересы автора. Два письма, сохранившиеся в одном итальянском архиве (см. Приложение), позволяют ныне добавить к путешествию Зиновьева короткие известия о двух других остановках: в Генуе и Милане, о которых он лишь кратко упомянул в своих «Воспоминаниях» 1806 года (615).

Получателем писем был аббат Джованни Кристофоро Амадуцци (1740—1792), уроженец Савиньяно на Рубиконе неподалеку от Римини, где Академия друзей отечества (Accademia dei Filopatri) до сих пор хранит его обширную библиотеку и богатейший эпистолярный фонд. Получив начальное образование в семинарии, он в 1762 году перебрался в Рим, продолжил обучение там и сделался специалистом в области права и восточных языков. В столице он сблизился с И. Винкельманом и с кругами римских литераторов и эрудитов, но особенно тесны его отношения были с его земляком кардиналом Лоренцо Ганганелли, сделавшимся папой под именем Климента XIV, тем самым, который в 1773 году издал буллу о роспуске ордена иезуитов. Эти отношения были настолько тесны, что некоторые приписывали Амадуцци значительную роль в составлении документа, изгонявшего иезуитов. Благодаря покровительству папы аббат, бывший преподавателем греческого языка в Римском университете, был назначен в 1770 году управляющим типографией Конгрегации пропаганды веры. В 1770—1780-е годы он решал множество культурных задач: был членом многих академий, развернул важную деятельность по изданию многочисленных азбук для печатания священных книг, предназначенных для иноземных миссий, сотрудничал во многих журналах и вел обширную переписку с литераторами всей Италии. И все же после смерти Климента XIV

(1774) Амадуцци часто сталкивался с враждебным отношением за свои религиозные и политические идеи (в какой-то момент на него даже был донос в инквизицию) и во время понтификата Пия VI, продолжая пользоваться уважением за свои знания, страдал от возрастающего болезненного отчуждения в Риме.

В переписке Амадуцци 1770-х годов часто с приятелью упоминается некий «граф Воронцов», которого итальянский эрудит привел на заседания Аркадской академии (комментаторы отождествляют его с Александром Романовичем Воронцовым, хотя речь может идти и о Семене Романовиче), о котором он пишет: «юноша, исполненный знания, образованности и любезности невероятной».⁴ Тем, кто страдал от убожества местных интриг и жестких ограничений на пути свободной мысли, Россия Екатерины II более чем когда-либо казалась местом, где цвели и получали щедрую награду искусство и просвещение, так что некоторые знакомцы аббата думали посетить ее (а кое-кто и остаться там навсегда). Сам Амадуцци размышлял о том, чтобы сопровождать туда свою добрую знакомую поэтессу Кориолу Олимпийскую (о ней см. ниже), и позднее интересовался событиями в этой стране. В своем любопытном и несколько случайном списке знаменитых литераторов и иных прославленных персон всей Европы, составлявшемся для личных нужд с 1750 года, наряду с ожидаемым именем Эйлера появляются также Пугачев и Потемкин (с изложением обстоятельств его смерти).⁵ Впрочем, сближение с аббатом не было случайным для Зиновьева, поскольку он нередко возобновлял в Италии знакомства, завязанные до него друзьями и более или менее близкими родственниками: М. Л. Воронцовым, братьями А. Р. и С. Р. Воронцовыми,⁶ Орловыми.

⁴ *Amaduzzi G. C. — De' Giorgi Bertola A. Carteggio. 1774–1791 / A cura di F. M. Turchetti. Roma, 2005. P. 381.*

⁵ Первая публикация: *Amaduzzi G. C. Necrologio di letterati e d'altri celebri uomini... // Gasperoni G. Settecento italiano (contributo alla storia della cultura). Padova, 1941. P. 309–310* (Потемкин ошибочно назван, может быть, и издателем: «Porenkin Paolo»).

⁶ «Я тебе очень благодарен за доставление мне сего знакомства», — пишет Зиновьев С. Р. Воронцову 12 февраля после первой встречи с аббатом в Риме и впоследствии часто намекает на «нашего общего приятеля» и на его глубокое знание римских политических махинаций (399).

Амадуцци оказался превосходным гидом по итальянской культурной жизни для Зиновьева, который демонстрирует не только восхищение его эрудицией, но и сердечную приязнь. «Общество Амадуцциево мне отменно приятно», — пишет он из Флоренции 24 августа 1784 года (416). В Риме русский путешественник осматривает монументы, читает Винкельмана, ходит в мастерские Помпео Батони и Ангелики Кауфман, присутствует на церковных торжествах, со знанием дела рассуждает об исполнении духовной музыки. Он также изучает итальянский язык с Джоаккино Пессути, бывшим преподавателем математики петербургского Кадетского корпуса.⁷ Из России, где его весьма ценил Эйлер, Пессути должен был вскоре уехать из-за пошатнувшегося здоровья, некоторое время жил в Париже, где среди прочих сблизился с Д'Аламбером и Кондорсе, затем обосновался в Риме, там сначала давал частные уроки математики, потом стал профессором университета. В эти годы он был главным составителем римского журнала «Дневники литературные» («Effemeridi letterarie»), в котором деятельно сотрудничал Амадуцци, поставляя туда ученые статьи, новости со всего света, объявления о недавно вышедших книгах.

Амадуцци представил Зиновьеву не только Пессути, но и других людей, полезных для его культурного совершенствования. В одном письме (4 июля 1785 г., с. 414) упоминается посещение монастыря св. Алексия, где Феличе Нерини, член ордена отшельников св. Иеронима, создал библиотеку, в которой собирались кардиналы и литераторы. И в письме от 13 января 1785 года (на самом деле: 1786) из Парижа, публикуемом нами в Приложении, русский путешественник вспоминает обещание, данное ему аббатом П. А. Серасси, знаменитым эрудитом из Бергамо, биографом и исследователем Т. Тассо. По всей вероятности, 2 июля Зиновьев упоминает именно его труд «Жизнь Тасса», который купил для С. Воронцова и обещает прислать вместе с неким «Винкельмановым сочинением» (414). В этом году в Риме как раз вышло одно из изданий «Жизни Т. Тассо» Серасси.

⁷ В «Журнале» (400) вместо имени оставлен пробел, согласно привычке, от которой в одном письме к С. Р. Воронцову от 8 февраля 1785 года автор обещал избавиться: «писав примечания свои, забываю имя тех, о которых пишу, оставляю для сего белое место, чтобы об них спросить, и, получа повторение, — вторично забываю» (236).

Амадуцци сопровождал Зиновьева и после отъезда из Рима на первом этапе его путешествия в сторону северной Италии, во Флоренцию, в конце августа. Там он познакомил своего русского друга еще с одной близкой ему знаменитостью, с поэтессой-импровизаторшей М. М. Морелли (1727–1800), более известной под своим аркадским псевдонимом: Корилла Олимпийская. В 1776 году много шума наделало увенчание поэтессы на Капитолии.⁸ Наверное, толки об этом событии, помимо того факта, что Корилла гостила при венском дворе, привлекли к ней также внимание Екатерины II; в переписке с Ф. М. Гриммом она говорит о ее тесной дружбе с Алексеем Орловым.⁹ Гримм получил поручение убедить Кориllu посетить Россию и предложить ей в высшей степени щедрое вознаграждение. В определенный момент Амадуцци и сам увлекался мыслью сопровождать ее, но состояние здоровья поэтессы и трудности предстоявшего путешествия в конце концов заставили ее отказаться. И все же, как следует из переписки, интерес к Корилле в России не угас. В 1787 году императрица назначила ей пенсioen в сто цехинов, и в следующем году, несмотря на возраставшую слабость, поэтесса должна была отправиться к флорентийскому двору, «потому что граф и графиня Северные не могли уехать, не повидав меня», и даже грозили нанести ей визит в собственном доме.¹⁰

Во Флоренции Зиновьев посещает также знаменитый физический кабинет Ф. Фонтана (масона) и с восторгом погружается в чтение книги, которая пользовалась большим успехом по всей Европе, «Революции итальянские» (*Le rivoluzioni d'Italia, 1769–1770*) К. Денина. Суждения историков об этом труде ныне скорее критичны, но обсуждаемые в нем причины нравственного и политического упадка Италии, конечно, не ускользнули от Зиновьева во время его долгого пребывания в Италии. Среди прочего Денина обличал прескверные системы образования, излишнюю многочисленность и праздность духовенства, роскошь, имущественное неравенство,

⁸ Этот эпизод сближает поэтессу с главной героиней романа «Коринна, или Об Италии» госпожи де Сталь, образ которой, по мнению некоторых, был навеян Кориллоу.

⁹ Письма императрицы Екатерины II к Гримму (1774–1796) // Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 23. С. 56.

¹⁰ Il carteggio tra Amaduzzi e Corilla Olimpica. 1775–1792 / A cura di L. Morelli. Firenze, 2000. P. 205 (Письмо от 8 апреля 1782 года).

существование слишком обширных землевладений, создающее затрудненность экономического и нравственного роста Италии. Эти темы были близки сердцу масона Зиновьева, прочитанные страницы навевали ему «многие мысли и прожекты, которые могли бы быть употреблены с удобством в нашем отечестве» (417).

Помимо принадлежности интеллектуальной элите и потому частых встреч с иноземными гостями, этих личностей из круга Амадуцци, кажется, объединяют также общие идеалы: прежде всего сильные чувства против иезуитов, которые, несомненно, должен был разделять член масонской ложи. Уже после первой встречи с аббатом Зиновьев выражает свое удовлетворение его подробным рассказом «<о> разрушени<и> ордена. Я не упустил расспросить его обо всем, — добавляет он, — и при нашем свидании тебе много расскажу» (399). Подобный разговор он, очевидно, предпочитал не доверять письму. К этому можно еще добавить, что все более явный разрыв Амадуцци с ретроградными позициями римской курии сближал его с представителями других оппозиционных течений, например, со сторонниками янсенистской реформы церкви (особенно тосканской) или членами масонских лож, которых (знал он об этом или не знал) было много в круге его общения. Он с возраставшей приязнью смотрел на законотворческие начинания Иосифа II, и не случайно его знаменитая речь в Аркадской академии на тему «истины» (1786) была посвящена Й. Й. Вильчеку, полномочному представителю Австрии в правительстве Ломбардии и Великому мастеру поместной ложи Милана. Убеждение Амадуцци, что поиск истины помогает улучшить общественную жизнь, что вера и философия могли бы сотрудничать в воспитании гражданских добродетелей и утверждении ясных обязанностей человечности, сострадания, веротерпимости, благотворения, не могло быть слишком далеко от того, что сам Зиновьев разрабатывал во время своего масонского образования. Действительно, он писал из Рима о своем проекте обратить свое имущество в капитал и большую часть его потратить «на вспомоществование несчастным, которых благом единственно заниматься буду» (404).

Сейчас трудно сказать, каких людей по выезде из Рима Зиновьев мог встретить в полных жизни просветительских кругах австрийского Милана, общительность которых он хвалит в своем письме. Однако не исключено, что другие архивы могут предоставить новые сведения о культурном и духовном пути этой значительной личности времен Екатерины.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ниже публикуются письма В. Н. Зиновьева к аббату Амадуцци, хранящиеся среди рукописей Амадуцци в Академии друзей отечества Савиньяно на Рубиконе (раздел 15, № 88 и 87). В итальянском и французском тексте сохранена орфография оригинала.

Cassano Campania vicino Milano il 13 di 9-bre 1785

No tardato a rispondergli per non incomodarlo troppo speso con le mie lettere: la ringrazio per la sua chè ho avuto il piacere di ricevere di Verona. Mi son tratenuto in questi luogi piu che non ho pensato di fare; per le monumenti antichi non è citta piu povera come Milano, e malgrado che possiede molte riche case, vi si trovano pochissimi amanti delle belle arti, nonostante che siano secondo il mio giudizio i piu culte di tutta l'Italia, e che spendano volentieri; ma la perdita che fanno le arti guadania la societa ch'e qui molto piacevole, e l'ospitalita esiste come in nisuno dei luogi de l'Italia dove io sono stato. Pochi dgiorni sono che sono tornato di Genua dove ho pasato cinque dgiorni con molto piacere, per le fabriche e l'architettura la piu bella citta d'Italia, vi sono tre strade che non hanno parii al mondo la strada Balbi, la Nuova Vecchia e la Nuova nuovamente cosi chiamata; la situazione d'essa e bellissima e basta a dire che rasumilia molto a quella di Napoli s'intende nel piccolo, per le ricchezze credo che sia una delle piu riche del l'Italia, e puol vantarsi di possedere una grand quantita delle fabriche publiche fatte a spesa degli particolari. Qui mi fermerò un paio di giorni e poi ritorno a Milano dove non mi fermerò che due giorni per metermi nel viaggio per la Francia la qual passerò anche senza fermarmi molto per andar a vedere il mio amico in Inghiltera il Conte Voron-zoff. Gli saro molto obligato se mi vorra dar delle sue nuove adrizando la lettera a Parigi, in posta ferma, o nel pallazo del Ministro di Russia; e frantanto io sono con il piu distinto rispetto

Suo umillissimo servo

Basilio di Zinoviev

Перевод

Кассано, деревня близъ Милана, октября 1785, 13 дня

Я замедлил с ответом, чтобы не слишком докучать Вам своими письмами: благодарю Вас за Ваше, которое имел удовольствие получить из Ве-

роны. Я задержался в сем месте долее, чем предполагал; что до памятник-ков древности, нет города более бедного, чем Милан, и пусть обладает он многими богатыми домами, в них мало любителей изящных искусств, хотя они, по моему мнению, во всей Италии самые образованные и готовые охотно тратить деньги; урон же, искусствами претерпеваемый, выкупается здесь гостеприимством, как нигде в тех местах Италии, где побывал я, что весьма приятно. Немного дней прошло, как я возвратился из Генуи, где провел пять дней с превеликим удовольствием. По своим зданиям и архитектуре этот город прекраснейший во всей Италии, там есть улицы, коим равных нет во всем мире: улица Бальбиева, Старая Новая, и Новая, недавно так названная. Расположение города прекрасно, и достаточно сказать, что весьма схоже с расположением Неаполя, хотя и в миниатюре; думаю, что по своей роскоши он один из богатейших в Италии, и может похвалиться тем, что обладает большим числом общественных зданий, возведенных на средства частных лиц. Здесь я остановлюсь на несколько дней, затем возвращусь в Милан, где пробуду всего два дня с тем, чтобы двинуться далее в путь во Францию, которую пересеку также без частых остановок, чтобы ехать в Англию повидать моего друга, графа Воронцова. Буду Вам весьма обязан, если соизволите прислать письмо, адресуя его в Париж до востребования, или в дом посланника русского; а до той поры пребываю с отличнейшим почтением Вашим покорнейшим слугою

Василием Зиновьевым.

88.

Paris le 13 de Janvier 1785

Monsieur!

Vos lettres me feront toujours un tres grand <plaisir> et votre dernier m'a fait d'autant plus puiceque arivent ici et ne trouvent pas de vos nouvelles, elle m'a été une surprise agreable; je vous fuis infiniment obligé pour toutes les nouvelles que vous avez eu la bonte de me donne. J'ai resté plus longtems a Milan que je n'ai pencé a le faire; et d'ici je pars demain ne m'etans arreté qu'une semaine, la saison est si mauvaise que je ne peut voir les environs de cette fameuse ville, et pour ne pas perdre initulemens le tems je vais a Londre (ou vous m'obligerez en me donant de vos nouvelles) pour partager mon tems entre mon amis le comte Voronzoff et l'etude de la langue Anglaise. Si vous voyez Mr. l'Abé Serassi je vous suplie de le souvenir a la promesse qu'il m'a fait de

m'envoyer l'edition de Tasse: et de lui dire qu'il le remete a Mr.: le conseiller Reifenstein qui aura soin de me le faire parvenire a Londre. En me donant de vos nouelles vous m'obligerez infiniment de m'informer, s'il n'y a rien de nouveaux dans la literature. M'etant plus difficile a ecrire en Italien, et comme je sais que vous entendez parfetement le francois, j'ai preferai cette langue. Vous priant de me conserver toujours votre amitie je suis a jamais avec un profond respect et estime

Monsieur

Votre tres humble serviteur

Basile de Zinovief

Gentilhomme de la

Chambre de S. M. I.

De toutes les Russes.

P.S. En adresans votre lettre pour Londre vous avrez la bonte d'ajouter a l'adresse qu'elle soit rendue dans la maison de notre Ministre.

Перевод

Париж, января 1786, 13 дня

Сударь,

Ваши письма всегда мне будут доставлять великое <удовольствие>, в особенности Ваше последнее, явившемуся сюда и не получающему от Вас вестей оно стало для меня приятной неожиданностью. Я бесконечно обязан вам за все известия, которые Вы по своей доброте мне сообщили. Я пробыв в Милане дольше, чем предполагал. И отсюда уезжаю завтра, задержавшись здесь только на неделю, погода столь плоха, что я не могу осмотреть окрестности знаменитого города и, чтобы не тратить времени без пользы, еду в Лондон (куда присылкою новостей Вы меня весьма обяжете) делить свое время между другом моим графом Воронцовым и изучением английского языка. Если увидите господина аббата Серасси, прошу Вас ему напомнить о данном мне обещании прислать мне издание Тасса и сказать ему, чтобы он передал его господину советнику Рейфенштейну, который возьмет на себя труд доставить мне его в Лондон. По-сылая мне Ваши известия, Вы бесконечно меня обяжете, если будете уведомлять, нет ли чего нового в литературе. Будучи менее способным писать по-итальянски, и зная, что Вы в совершенстве понимаете французский,

я предпочел бы его итальянскому. Прося Вас хранить всегда Вашу ко мне дружбу, остаюсь навсегда с величайшим уважением и почитанием,

Сударь,

Вашим покорнейшим слугою

Василием Зиновьевым

Камер-юнкером ее величества императрицы всероссийской.

P.S. Отправляя письмо Ваше в Лондон, будьте любезны, прибавьте к адресу, что его следует передать в дом нашего министра.

Перевод с итальянского и французского языков А. О. Дёмина.

А. О. Дёмин

ОДЫ ГОРАЦИЯ В ПЕРЕВОДАХ В. В. КАПНИСТА: НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ И УТРАЧЕННЫЕ

В творческой лаборатории В. В. Капниста значительное место занимают различного рода подсчеты, результаты которых оформлены в виде таблиц или пронумерованных перечней. Нередко такие материалы, сохранившиеся среди бумаг писателя, становятся единственным источником сведений об определенных этапах развития того или иного художественного замысла писателя или вообще единственным свидетельством работы, по тем или иным причинам не оставившей сколько-нибудь законченного результата. Ярким примером могут служить таблицы, относящиеся к несохранившейся трагедии Капниста «Гиневра».¹ Целый ряд рукописных таблиц и подсчетов сопровождает занятия Капниста по составлению книги «Опыт перевода и подражания Горациевых од».²

¹ Обзор и публикацию см.: Дёмин А. О. «Гиневра», утраченная трагедия В. В. Капниста (малоизвестные материалы) // Основание национального театра и судьбы русской драматургии: (К 250-летию создания театра в России). Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 28–30 сентября 2006 г. СПб., 2006. С. 132–142.

² Более подробно об этих документах см.: Капнист В. В. Опыт перевода и подражания Горациевых од / Изд. подг. А. О. Дёмин, отв. ред. С. И. Николаев (в печати).

На листе бумаги 1810 года, хранящемся в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины, дошел список из девятнадцати од, очевидно, выбранных им для переложения (см.: Приложение I).

Список этот примечателен тем, что отражает намерение автора, впоследствии почти полностью исполненное. Из девятнадцати выбранных од Горация Капнистом были переведены и включены в «Опыт...» четырнадцать. Никаких следов перевода од «Астери» (ода VII, кн. III), «Лидии» (ода IX, кн. III), «Бутылке» (ода XXI, кн. III) не сохранилось; наверное, они не были выполнены. Стихотворения «Фавну» (ода XVIII, кн. III) и «Лоллию» (ода XI, кн. IV) были напечатаны в «Журнале древней и новой словесности» В. Н. Олина за подписью С. В. Капниста.³ Достоинно внимания и то обстоятельство, что в список включены оды, переводы которых публиковались в журналах вплоть до начала 1820-х годов, что ретроспективно свидетельствует о целостности уже первоначального замысла. Определенные трудности представляет интерпретация помет в четвертой колонке таблицы. Что могут подразумевать значки NB, X, NB X, • напротив тех или иных названий? Удовлетворительного ответа на этот вопрос пока дать невозможно. Пятая колонка дает номера соответствующих од в одном из многочисленных изданий 1750 — начала 1800-х годов перевода сочинений Горация, выполненного профессором риторики и гуманитарных наук при королевской коллегии в Париже, членом академии надписей и Французской академии, основателем французской философии искусства Ш. Баттё (Batteux, 1713–1780).⁴

Во второй половине 1810-х годов работа над составлением «Опыта...» заметно замедлилась. Нездоровье, возраст, служебные, хозяйственные и семейные хлопоты, увлечение другими темами и сюжетами, — все отвлекало поэта от его замысла. В окончательном составе поэтической книги, сложившемся к 1821 году, произошли существенные перемены. Состав ее пополнился двенадцатью новыми стихотворениями, датируемыми второй

³ См.: Перевод Горациевой оды. К Фавну: («Охотник с нимфами резвиться...») / Семен Капнист // Журнал древней и новой словесности. 1818. Ч. 1. № 2 (июль). С. 77–78; Лоллию («Не мысли, чтоб стихи пиита...») / Семен Капнист. Там же. № 3 (август). С. 133–136. Перед текстом стихотворения посвящение автора: «В<асилию> С<тепановичу> Т<омаре>» («Тобой, Т<омара>! ободренный...»).

⁴ Первое изд.: Les Poésies d'Horace, traduites en françois... Paris, 1750. Vol. 1–2.

половиной 1810 — началом 1820-х годов, от 1816 до 1821. Шесть из них были заявлены в списке 1810 года.⁵ Еще шесть — выбраны сверх него.⁶ Из этой группы при жизни поэта, во второй половине 1810 — начале 1820-х годов были опубликованы пять стихотворений, текст одного («Прощание») остается неизвестен.

Замечательным документом этого периода работы над составом книги является таблица, составленная на бумаге 1818 года и хранящаяся в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины. Она озаглавлена «Мною переведенные» и содержит список из 48 названий. Стихотворения разделены на пять групп, соответствующих четырем книгам од Горация и книге эподов. Первый столбец таблицы дает номер книги Горация. Второй — номер оды в ней. Третий — ее русское название. Четвертый содержит различные условные значки. Здесь мы видим варианты: три черных кружка горкой, два кружка, два кружка подчеркнутые, один кружок, отсутствие какого бы то ни было знака, помету «без рифм», название одной из од по первой строке «*Odi prophanum*», русское условное название «Юным воинам», «Монумент», «Сельская жизнь». Некоторое, впрочем, отнюдь не категорическое толкование значений кружков и их отсутствия можно все же предложить, сгруппировав соответствующие оды: (под одним кружком, под двумя, под одним или вовсе без кружка). Окажется, что оды, отмеченные одним кружком, попадают в первый раздел предполагаемой книги гораццианских переложений, отмеченные двумя кружками — во второй, отмеченные тремя — в третий, а оставленные без кружка соберутся в четвертом разделе. Впрочем, не все. Например, «Похвала сельской жизни» без кружка и под заголовком «Сельская жизнь» окажется в окончательном варианте в первом разделе, «К скупому богачу», — также и примет название «Против корыстолюбия». В пятом последнем столбце находятя вполне ясные примечания: «Ив<аном> Мат<веевичем> прекрасно переведенная», «Переведена хорошо Сенюшкою» (3 раза), «Сенюшкою хорошо и с рифмами», «Переведена очень хорошо Иваном Матвеевичем Муравьевым», «Переведена очень хорошо

⁵ «К Меценату», «Мореплавание», «На смерть друга», «Расчетливое угощение», «Похвала сельской жизни», «Мщение любовника».

⁶ «К Пирре», «Любовная клятва», «Проклятие дереву», «Болящему другу», «Переманка», «Прощание».

Дмитриевым», «Новая, не исправлена». Любопытен состав этого списка. В первой группе (переложения из первой книги Горация) мы видим шестнадцать названий, при этом в конце первого столбца стоит помета: «14 моих». Во второй группе (переложения второй книги Горация) — двенадцать названий и помета «11 моих». В третьем разделе (переложения третьей книги Горация) — десять названий и помета «8 моих». В четвертом разделе — семь названий и помета «6 моих». В пятом разделе (переложения эподов) — три названия и помета «3 моих». Таким образом, из 48 названий списка, обозначенного как «мною переведенные», только 42 Капнист назвал «мои».

Кому же принадлежит авторство перевода оставшихся шести од? В первом разделе соотношение общего числа од и так называемых «моих» — шестнадцать к четырнадцати. Из шестнадцати текстов этого раздела в настоящее время известны пятнадцать. Недостаёт переложения XXIII оды «К Хлое»: «*Vitas inuleo me similis, Cloe...*». К этому названию сделано примечание «Переведена хорошо Сенюшкою», то есть сыном Капниста Семеном Васильевичем. Однако среди публикаций русских переводов и подражаний этой оды Горация, ученных покойным Е. В. Свиясовым, ни текст Василия Васильевича, ни текст Семена Васильевича не встречается.⁷ Нет его и среди опубликованных недавно С. Р. Долговой горадианских переложений Семена Васильевича Капниста.⁸ Напротив оды XVII в этом же разделе «К Тиндариде» («Переманка»): «*Velox amoenum saepe Lucretilem...*» стоит примечание «Ив<аном> Мат<веевичем> прекрасно переведенная». Подразумевается, несомненно, Иван Матвеевич Муравьев-Апостол (1765–1851). Знаток древних языков, страстный любитель и переводчик поэзии Горация, эрудит, патриот, друг и сосед Капниста по имени, почитатель его дарования, он, конечно, не мог остаться в стороне от его занятий переводами римского лирика. Т. Н. Громовой было высказано обоснованное предположение, что именно И. М. Муравьев-Апостол составлял для Капниста подстрочные прозаические переводы Гора-

⁷ См.: Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв.: Библиогр. указ. / Сост. Е. В. Свиясов. СПб., 1998. С. 275–303.

⁸ Долгова С. Р. Державин и его окружение в документах Российского государственного архива древних актов (ф. 1478, Капнист — Львовы) // Г. Р. Державин и его время. Сб. науч. статей. СПб., 2008. Вып. 4. С. 187–217.

ция.⁹ Однако как раз перевод Муравьева-Апостола остается неизвестным, а перевод Капниста сохранился. И, наконец, помета напротив оды XXXVIII: «Persicos odi, puer, adparatus...» дает еще один вариант картины. Помета гласит: «Сенюшкою хорошо и с рифмами», то есть, переведена С. В. Капнистом. Действительно, в 1818 году в «Журнале древней и новой словесности» В. Н. Олина был помещен перевод этой оды за подписью Семена Капниста,¹⁰ а в 1941 году Б. И. Коплан опубликовал вариант Василия Васильевича, — без рифм: «Не люблю персидской пышности, // Мальчик! и в венках мне нужды нет...».¹¹ Строка с названием этой оды была вычеркнута из таблицы позднее, после того как поэт подсчитал в первом разделе четырнадцать «своих» переводов из шестидцати названий.

Во втором разделе из двенадцати названий «своими» названы одиннадцать. При этом напротив оды XVI: «Otium divos rogat in patenti...» сделана помета «Переведена [прекрасно] очень хорошо Ив<аном> Мат<веевичем> Муравьевым». Действительно, известен прекрасный перевод этой оды Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола, напечатанный в 1809 году в «Вестнике Европы».¹² Однако сохранилось и переложение Капниста под названием «Подражание Горациевой оде».¹³ Рукопись не опубликованной при жизни и не предназначавшейся для включения в «Опыт...» оды находится на бумаге 1803 года. В 1797 году Капнист получил от Державина подражание этой оде в форме послания к нему: «Спокойства просит от небес...». В ответном письме он тщательно и подробно разобрал стихотворческие просчеты и промахи своего великого современника и прислал

⁹ Громова Т. Н. Литературные взаимоотношения И. М. Муравьева-Апостола и В. В. Капниста // Русская литература. 1974. № 1. С. 110–115.

¹⁰ См.: [Капнист Семен]. Перевод Горациевой оды. Слуге: («Персидску пышность презираю...») // Журнал древней и новой словесности. 1818. Ч. 2. № 7 (октябрь). С. 121.

¹¹ См.: Капнист В. В. Избр. соч. / Вступ. статья, ред. и прим. Б. И. Коплана. Л., 1941. С. 185–186 (Б-ка поэта; Большая сер.).

¹² [Муравьев-Апостол И. М.] Перевод Горациевой оды: (К Гросфу на спокойствие): Satm. Lib. II. Ode XVI («Спокойствия от неба просит...») // Вестник Европы. 1809. Ч. 47. № 20. С. 272–274.

¹³ Автограф: ИРЛИ. Ф. 122. № 2. Л. 1–2; Известен также прозаический перевод: ИРЛИ. Ф. 122. № 65. Л. 1–2. Впервые опубликовано: Капнист В. В. Избр. соч. С. 206–208.

ему свое подражание оде XXVI книги I под названием «Певцу Фе-лицы».¹⁴

Обращаясь к третьему разделу, мы встречаем, как уже говорилось, десять названий, из них восемь, признанных «своими». Против оды IV: «Discende coelo et dic, age, tibia...» стоит: «Переведена очень хорошо Дмитриевым». Перевод этой оды Капниста неизвестен. При этом несомненный интерес представляет его атрибуция перевода этой оды некоему Дмитриеву. Среди опубликовавших свои переложения этой оды до 1818 года были А. Х. Востоков, Н. Ф. Грамматин, Державин и А. Ф. Мерзляков.¹⁵ Известен еще один, анонимный перевод, напечатанный в 1792 году в «Московском журнале».¹⁶ Деятельное участие в начале 1790-х годов в «Московском журнале» Н. М. Карамзина И. И. Дмитриева¹⁷ наводит на мысль о том, что этот анонимно опубликованный перевод мог принадлежать ему или, по крайней мере, приписывался ему некоторыми современниками. Насколько известно, ранее этот перевод Дмитриеву не атрибутировался. Упоминания о нем не встречается ни в собраниях сочинений Дмитриева, ни в летописи его жизни и творчества, составленной В. А. Сукайло. Не стоит торопиться с атрибуцией и сейчас, основываясь на этом единичном свидетельстве, однако пока оно убедительно не опровергнуто, не стоит сбрасывать его со счетов.

Напротив оды XVIII: «Faune, Nympharum fugientum amator...» стоит помета: «Переведена хорошо Сеньюшкою». Действительно, эта ода за подписью Семена Капниста была напечатана в 1818 году в «Журнале древней и новой словесности»,¹⁸ однако автограф В. В. Капниста в петербургской части его архива навел Б. И. Коплана на мысль о принадлежности перевода отцу.¹⁹ Позднее он вошел в академический двухтомник 1960 года,²⁰

¹⁴ См.: Капнист В. В. Собр. соч.: В 2 т. / Ред., вступ. статья и прим. Д. С. Бабкина. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 439–440, 593–595.

¹⁵ См.: Античная поэзия в русских переводах... С. 292.

¹⁶ К Каллиопе. В день 31 октября 1792 года: («Сойди, бессмертная, с небес...») // Московский журнал. 1792. Ч. 8. С. 131–137.

¹⁷ См.: Сукайло В. А. Труды и дни Ивана Дмитриева. Изд. 2-е доп., испр. В 2 кн. Ульяновск, 2010. Кн. 1. Хроника. С. 53–70.

¹⁸ [Капнист Семен] Перевод Горациевой оды. К Фавну: («Охотник с нимфами резвиться...») // Журнал древней и новой словесности. 1818. Ч. 1. С. 77–78.

¹⁹ Капнист В. В. Избр. соч. С. 215–216.

²⁰ Капнист В. В. Собр. соч. Т. 2. С. 87–88.

однако правомерность такой атрибуции была опровергнута со ссылкой на журнальную публикацию 1818 года в собрании сочинений Капниста 1959 года,²¹ и в «Избранные сочинения» 1973 года она не вошла.²²

Наконец, четвертый раздел содержит семь названий, из которых «своими» признаны шесть. Против оды IX: «Ne forte credas interitura quae...» стоит примечание: «Переведена хорошо Сенюшкою». Действительно, эта ода под заголовком «К Лоллию» и за подписью С. В. Капниста опубликована в «Журнале древней и новой словесности» в 1818 году, а текст, который принадлежал бы В. В. Капнисту, не известен.

Итак, рассмотрение таблицы 1818 года показывает, что из включенных в нее 48 названий од Горация, 42 автор пометил как «свои». Против шести оставшихся и оды «К слуге» он поставил помету о том, что соответствующая ода переведена хорошо кем-то другим. Среди названных имен И. М. Муравьев-Апостол, пока не установленный Дмитриев (вероятно, что И. И. Дмитриев) и С. В. Капнист. Шесть из отмеченных названий не вошли в окончательный состав «Опыта...». Исключение составляет ода XVII первой книги «К Тиндариде» («Переманка»). Обратим внимание, что два кружка в четвертом столбце против этого названия подчеркнуты, то есть автор, видимо, сначала решил ее не включать во вторую часть своей книги, а потом все же принял обратное решение и ввел ее туда. Две оды из шести окончательно исключенных известны в двух вариантах: принадлежащем Капнисту и принадлежащем другому лицу. Это оды «К слуге» и «К Гросфу» (соответственно, переведенные Муравьевым-Апостолом и Семеном Капнистом). Сопоставив перечисленные факты, можно сделать вывод: к 1818 году Капнистом были сделаны переложения 48 од Горация. Семь из них он решил не включать в состав своей книги «Опыт перевода и подражания Горациевых од». Впоследствии он переменил свое решение относительно XVII оды первой книги «К Тин-

²¹ Капнист В. В. Соч. / Вступ. статья Д. Д. Благого, подг. текста и прим. Ю. Д. Иванова. М., 1959. С. 413. См. также: Веселовский А. А. Капнист и Гораций: (Эпизод из знакомства с классической литературой в конце XVIII — начале XIX в.) // Известия Отделения русского языка и словесности. 1910. Т. 15. С. 199–232 (отд. изд.: СПб., 1910).

²² Капнист В. В. Избр. произведения / Вступ. статья Г. В. Ермаковой-Битнер, подг. текста и прим. Г. В. Ермаковой-Битнер и Д. С. Бабкина. Л., 1973 (Б-ка поэта; Большая сер.).

дариде» («Переманка»). Тексты двух исключенных од «К Гросфу. На покойствие» и «К слуге» сохранились, но не вошли в состав «Опыта». Тексты четырех — «К Хлое», «К Фавну», «К Каллиопе» и «К Лоллию» можно считать существовавшими, но до нас не дошедшими.

Рассмотренный список отражает состояние ведшейся Капнистом работы над переложениями од Горация на 1818 год. До окончательного состава «Опыта», куда должны были войти 45 названий, в нем не хватает еще трех. Это будут «Болящему другу» (ода XVII, кн. II), датируемая 1820 годом, «Проклятие дереву» (ода XIII, кн. II), датируемая тоже 1820 годом, и «Прощание» (ода XXVII, кн. III), чья датировка затруднена, поскольку стихотворный текст ее не дошел.

Из определенно существовавших, но, вероятно, утраченных горацанских переложений Капниста следует указать еще два. Это оды «Юным воинам» (ода II, кн. III) и уже упомянутое «Прощание». Ода «Юным воинам» была включена в список 1810 года, фигурирует она и в списке 1818 года. Кроме того, ее название присутствует во всех документах, определяющих окончательный состав «Опыта перевода и подражания Горациевых од». Сохранился ее прозаический перевод и примечания к нему. Однако стихотворный перевод этой оды не известен. Ода «Прощание» являет сходную картину: наличие названия в списках, определяющих окончательный состав «Опыта», прозаический перевод и примечания, однако отсутствие стихотворного варианта.

В заключение нужно перечислить неосуществленные замыслы и утраченные законченные произведения Капниста из числа переводов и подражаний Горацию.

К неосуществленным замыслам следует отнести переводы од:

«Астерии» (ода VII, кн. III)

«Лидии» (ода IX, кн. III)

«Бутылке» (ода XXI, кн. III)

Они включены в список планов 1810 года, других следов их нет.

Утраченные законченные произведения, о которых имеются сведения:

«К Хлое» (ода XXIII, кн. I);

«К Фавну» (ода XVIII, кн. III);

«К Каллиопе» (ода VI, кн. III);

«К Лоллию» (ода IX, кн. IV);

«Юным воинам» (ода II кн. III);

«Прощание» (ода XXVII, кн. III).

Конечно, эти две таблицы фиксируют лишь некоторые промежуточные, и может быть не самые главные, моменты развития замысла. Однако они дают конкретное представление о том, как менялся, и довольно существенно, первоначальный состав книги с годами, хотя и отражают стремление автора следовать заранее намеченному плану. Эти документы показывают, насколько критично он относился к своей работе и насколько готов был расстаться с ее существенной частью, если видел, что кто-то другой преуспел на этом поприще лучше его. И, наконец, рассмотренные бумаги с очевидностью свидетельствуют о беспощадной силе времени, обстоятельств и небрежения, уничтожающей плоды человеческого труда и гения, оставляя пытливому уму наших современников лишь бледные следы творческих усилий предшествовавших поколений, вызывающие, — по счастью не всегда тщетно, — к вдумчивому вниманию и бережливой заботе.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Рукопись ИР НБУ Ф. I. № 1581. Л. 4. Синяя бумага с белой датой водяного знака: 1810.

Текст:

Для перевода:

Книга I	Ода I	M<a>ecenas atavis Меценату	NB	Selon Batteux
	III	Sic te diva potens Кораблю Вергилия	NB	
	XXIV	Quis desiderio Виргилию	X	XX
	XXXII	Poscimus, si quid Лире	NB	XXVII
	XXXVIII	Persi<c>os odi Слуге	•	XXXII
Книга II	Ода XV	Iam pauca aratro Против роскоши	NB	XII
	XX	Non usiata nec tenui Меценату	NB	XVII

Книга III	Ода II	Angustam amic<e> Юношам	NB	
	VII	Quid hes, Asterie Астерии	X NB	
	IX	Donec Лидии	X NB	
	XVIII	Faune, Nympharum fugientum amator Фауну	NB	XIII
	XXI	O nata mecum consule Manlio Бутылке	NB	XV
	XXIV	Intactis opulentior Против скупости	NB	XVIII
Книга IV	Ода VIII	Donarem pateras Цензорину	NB	VII
	IX	Ne forte credas interitura quae Лоллию	NB	VIII
	XII	Iam veris comites Вергилию	NB	XI
Эподы	II	Beatus ille Сельская жизнь	NB	
	XIII	Horrida tempestas Друзьям	NB	X
	XV	Nox erat Неепе	NB	

II. Рукопись ИР НБУ. Ф. I. № 1651. Согнутые вдвое пол-листа сероватой бумаги с белой датой водяного знака: 1818, в которые вложены все остальные листы этой единицы хранения. Нумерация: 1–6 об. В правом верхнем углу листа располагается еще одна таблица с расчетом количества од по разделам в книге Капниста и листажем.

Текст:

Мною переведенные:

Кн. 1	Ода 1	К Меценату		
	III	Мореплавание	•••	
	IV	К Секстию	••	
	V	К Пирре	••	
	IX	К Талиарху	••	
	XI	К Левкое	••	
	XVII	К Тиндариде	••	Ив<аном> Мат<веевичем> прекрасно переведенная
	XXII	К Фуску	••	

Кн. I	XXIII	К Хлое		Переведена хорошо Сеньюш-кою
	XXIV	К Виргилию	•••	
	XXVI	К Ламии		
	XXX	К Венере	••	
	XXXI	К Аполлону		
	XXXII	К лире		
	XXXIV	К самому себе	•	
	[XXXVIII]	К мальчику	Без рифм] ••	Сеньюшкою хорошо и с риф-мами
14 моих				
Кн. II	Ода II	К Криспу Салустию	•	
	III	К Делию	•••	
	VI	К Септиму	•••	
	VIII	К Барине	••	
	IX	К Валгию	•••	
	X	К Лицинию	•••	
	XI	К Кв. Гирпину	••	
	XIV	К Постуму	•••	
	XV	Против роскоши современной	•	
	XVI	К Гросфу		Переведена [прекрасно] очень хорошо Ив<аном> Мат<вее-вичем> Муравьевым.
	XVIII	К скупому	•	
	XX	К Меценату		
11 моих				
Книга III	Ода I		Odi prophanum •	
	II		Юным воинам •	
	IV	К Калиопе		Переведена очень хорошо Дмитриевым
	VI	К римлянам	•	
	XVI	К Меценату	•	
	XVIII	К Фавну		Переведена хорошо Сеньюш-кою
	XXIII	К Фидиле	•••	
Кн. III	Ода XXIV	К скупому богачу		
	XXIX	К Меценату		
	XXX		Монумент	
8 моих				
Кн. IV	Ода II	К Юлию Антонию		
	III	К Мельпомене		

Кн. IV	VII	К Торквату	•••	
	VIII	К Цензорину		
	IX	К Лоллию		Переведена хорошо Сенюшкою
	X	К Лигурину	••	
	XII	К Вергилию	•••	Новая, не исправлена
6 моих				
Эподы	II		Сельская жизнь	
	XIII	К друзьям	••	
	XV	К Неере	••	
3 моих				

А. Ю. Соловьев

В ПОИСКАХ НЕОСУЩЕСТВЛЕННОГО ПЕРЕВОДА

В «Сводном каталоге русской книги. 1800—1825» в описании «Путешествия в полуденную Россию» (1800—1805) В. В. Измайлова дано глухое указание на «немецкий перевод книги», якобы вышедший в Лейпциге в 1804 году.¹ «Путешествие» — одно из заметных произведений русского сентиментализма, и безусловная ценность находки, если бы она состоялась (европейский отклик на появившуюся в России книжную новинку), заставляет предпринимать усилия в поиске перевода. Попытка выяснить, кому принадлежал перевод, установить, когда он в действительности был выполнен и выпущен, и наконец, найти само издание — увенчалась успехом лишь отчасти, однако сам процесс поисков представляется небезынтересным как с точки зрения обнаруженных побочно обстоятельств, так и в методологическом отношении: опираясь на принципы библиографического разыскания, сформулированные П. Н. Берковым,² в исследовании удалось добиться обоснованного результата.

¹ Сводный каталог русской книги гражданской печати. 1800—1825. 2-е изд. М., 2007. Т. 2: Е—Л. С. 107.

² Берков П. Н. Библиографическая эвристика: К теории и методике библиографических разысканий. М., 1960. Считаю своей приятной обязанностью поблагодарить С. И. Николаева за совет взять в руки эту книгу, чтение которой не только стало для меня первоначальным знакомством с данной дисциплиной, но и принесло немало удовольствия.

Итак, в исходных данных — фамилия автора, название книги, место и год публикации. Казалось бы, почти полное описание, остается только найти само издание. Однако именно здесь появляются неожиданные препятствия. Ни в каталоге «Rossica» РНБ, ни в каталогах немецких библиотек³ перевод «Путешествия» Измайлова отыскать не удалось. Существовала ли вообще такая книга, и если нет, то откуда сведения о переводе попали в «Сводный каталог»?

Для дальнейших уточнений следовало обратиться к дополнительным справочным материалам: словарям и энциклопедиям. В случае с Измайловым это словарная статья в биобиблиографическом словаре «Русские писатели 1800—1917».⁴ В ней сведений о переводе не оказалось, зато обнаружилась ссылка на библиографию произведений Измайлова и литературы о нем, составленную С. А. Венгеровым.⁵ Здесь дается новая для нас информация — фамилия переводчика (Рихтер) и формат книги (в 8 долю листа). Раз указан формат, значит, издание все-таки существует, и поиски необходимо было продолжить. А переводчик, очевидно, И. Г. Рихтер (1763—1829), издавший в 1799—1802 годах «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина по-немецки.⁶ В этом издании обращают на себя внимание два обстоятельства, характеризующие переводческую деятельность Рихтера: во-первых, скорость работы (последние части «Писем» были опубликованы в издании Рихтера весьма скоро после их выхода в России), во-вторых, авторизованность перевода.

О Рихтере каталоги, однако, не сообщают новых данных. Пришлось обратиться к его изданиям, в надежде на то, что в них могут быть указаны какие-либо сведения (в примечаниях, предисловии, рекламных объявлениях) о выходе (теперь, узнав формат, мы в нем почти уверены) перевода «Путешествия в полуденную Россию». Наиболее богатым в этом отноше-

³ Bayerische Staatsbibliothek (<https://opacplus.bsb-muenchen.de>), Deutsche national Bibliothek (<https://portal.dnb.de>).

⁴ Лобанова Л. П. Измайлов Владимир Васильевич // Русские писатели 1800—1917: Биобиблиографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 408.

⁵ Венгеров С. А. Примечания // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 12 т. / Под ред. и с прим. С. А. Венгерова. СПб., 1900. Т. 2. С. 556.

⁶ [Karamzin N.] Briefe eines reisenden Russen / Aus dem Russischen von Joh. Richter. In 6 vol. Leipzig, 1799—1802; 2-te Aufl. 1802—1809.

нии предстает журнал «Russische Miszellen», подготовлявшийся Рихтером в Москве (в основном по материалам «Вестника Европы») и выходивший в течение 1803 года в Лейпциге при посредничестве издателя Харткноха (Hartknoch).⁷

В первой же тетради журнала в обзоре новинок русской литературы Рихтер сообщил о «Путешествии» Измайлова и проанонсировал как полный его перевод, который должен был выйти в следующем (то есть 1804) году в Лейпциге у Харткноха, так и отрывки, которые он собирался поместить в журнале.⁸ Действительно, во второй и третьей тетрадях им были опубликованы главы «Путешествия», посвященные достопримечательностям Киева и посещению путешественником ученого-натуралиста П. С. Палласа в Симферополе.⁹ Знакомство с обоими блоками позволяет установить, что Рихтер не стремился к дословной передаче текста, существенно сокращая отдельные места, но ряд художественных особенностей оригинала он сохранил. Перевод в целом носит ознакомительный характер.

В цифровую эпоху, помимо традиционного, появился новый способ разыскания изданий. Запрос в интернет-сервисе «Books Google» по названию «Reise durch das Südliche Russland» вывел на библиографию Палласа, где указана публикация в «Russische Miszellen». На первый взгляд, электронный поиск более простой, однако у него есть существенный недостаток. Если бы в электронном доступе не существовала указанная библиография (или отсутствовал какой-либо иной источник), то нахождение сведений о Палласе было бы одной из периферийных областей поиска, и далеко не самой очевидной: в «Путешествии» Измайлова упоминается много лиц, в персональную библиографию которых могло бы быть вклю-

⁷ О журнале Рихтера см.: Кулешов В. И. 1) Из истории русско-немецких литературных связей («Вестник Европы» Н. М. Карамзина и «Russische Miszellen» И.-Г. Рихтера) // Славянская филология. М., 1963. Вып. 5. С. 436–451; 2) Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). М., 1965. С. 252–263; Hexelschneider E. Kulturelle Begegnungen zwischen Sachsen und Russland 1790–1849. Köln; Weimar; Wien, 2000. С. 40–51.

⁸ Richter J. Neueste und merkwürdigste Erscheinungen der russischer Litteratur // Russische Miszellen. 1803. Heft 1. S. 139.

⁹ Briefe über Kiew. Aus Ismajlows Reise durch das südliche Rußland // Russische Miszellen. 1803. Heft 2. S. 41–74; Ueber Pallas. Die krimmische Werther // Russische Miszellen. 1803. Heft 3. S. 140–174.

чено «Путешествие» как в оригинале, так и в переводе. В сумме эти разыскания, если идти по ним традиционным путем, при отсутствии нужных источников в интернете, отнимают намного больше усилий, чем способ, описанный в начале статьи. Данное обстоятельство прекрасно иллюстрирует дедуктивный принцип библиографической эвристики.

По-видимому, Рихтеру же принадлежала помещенная в феврале 1803 года в «Allgemeine Literaturzeitung», корреспондентом которой он был,¹⁰ обширная рецензия на «Путешествие».¹¹ На ее основании можно составить представление о том, что именно привлекало в нем немецких читателей и издателей.

Судя по рецензии, решающую роль в выборе отрывков из «Путешествия» для публикации в журнале сыграл интерес к описываемым Измайловым землям и историям, что вписывалось в программу Рихтера по возможно более широкому знакомству немецкой публики с историей, культурой и бытом России.¹² Для этой цели он особенное внимание в журнале уделял именно путешествиям, написанным русскими авторами: кроме карамзинского и измайловского, сюда относятся «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии» П. И. Сумарокова¹³ и «Путешествие в Малороссию» П. И. Шаликова.¹⁴

«Путешествие» Шаликова в переводе Рихтера осталось только в журнальной публикации. По-видимому, ту же участь разделило и «Путешествие» Измайлова. Об этом можно судить по тому, что в рецензии «Allgemeine Literaturzeitung» на «Пантеон русской литературы» (издание, в котором был помещен другой немецкий перевод отрывков из «Путешествия» Измайлова¹⁵) указано, что полный перевод Рихтера неизвестен.¹⁶ Изда-

¹⁰ См.: Neuer Nekrolog der Deutschen. Siebenter Jahrgang, 1829. Ilmenau, 1831. Th. 2. S. 478.

¹¹ Allgemeine Literaturzeitung. 1803. № 57. 24. Feb. S. 449–450. Благодаря за сообщение этой публикации А. А. Костина.

¹² Отражение ее см. в предисловии к журналу: Richter J. Vorbericht // Russische Miszellen. 1803. Heft 1. S. III–VI.

¹³ Paul Sumarokoff's Reise durch die Krimm und Bessarabien im Jahre 1799 / Übers. v. J. Richter. Leipzig, 1802.

¹⁴ Der russische Edelmann auf seinem Landgute. Aus Schalikows Reise durch Kleinrußland // Russische Miszellen. 1803. Heft 4. S. 178–190.

¹⁵ Briefe aus Izmailow's Reise durch das südliche Russland // Pantheon der russischen Literatur / herausgegeben von J. de la Croix. Riga, 1805. T. 1. S. 56–172.

тель же упомянутого «Пантеона» де ла Круа, обосновывая публикацию «Путешествия» Измайлова в своей хрестоматии, ссылается на прецедент перевода этого произведения Рихтером только в «Russische Miszellen». Наконец, в биографии Рихтера в «Neuer Nekrolog der Deutschen», содержащей библиографические данные, сведений об издании перевода нет. Это позволяет предполагать, что полный перевод, по всей видимости, так и не появился.

Откуда же С. А. Венгеров мог знать формат предполагавшегося издания? Вероятно, из «Систематического обозрения литературы в России» И. Шторха и Ф. Аделунга.¹⁷ В его первом томе, подготовленном Шторхом, впервые появились сведения об изданном в Лейпциге в 1804 году переводе «Путешествия», с указанием формата.¹⁸ Во второй части «Систематического обозрения», посвященной русской литературе, изданной на иностранных языках, прежде всего на немецком, перевод «Путешествия» не назван, хотя в ней нашлось место для других переводов Рихтера.

Источниками составителей «Систематического обозрения» среди прочего были «содержащиеся как в ведомостях, так и на обертках журналов книжные известия», а также типографские списки и другие сведения, полученные от издателей.¹⁹ Из этого можно сделать вывод, что перевод «Путешествия» был уже согласован с Харткнохом, это отразилось в каком-либо, пока неизвестном нам, источнике (например, в рекламном объявлении), откуда могло попасть в первый том «Обозрения».

Отсутствие перевода может быть связано как с отъездом Рихтера в Германию, так и с пресыщенностью немецких читателей описаниями южной России. Любопытство публики могли удовлетворить, помимо перевода путешествия П. И. Сумарокова и в особенности трудов Палласа, специальные иллюстрированные издания, посвященные России, в которые попадали экстракты из лучших описаний.

¹⁶ «[Сочинение Измайлова] идет вслед за «Письмами русского путешественника» Карамзина и также заслуживает перевода, как это стало отчасти с последними, и господин советник Рихтер уже давно обещал, но, как известно рецензенту, еще не подготовил». (Allgemeine Literaturzeitung. 1809. Bd. 4: Ergänzungsblätter. 10. Jan. S. 25.)

¹⁷ [Шторх И., Аделунг Ф.] Систематическое обозрение литературы в России в течение пятилетия, с 1801 по 1806 год. СПб., 1810, 1811. Ч. 1–2.

¹⁸ Там же. Ч. 1. С. 141.

¹⁹ Там же. С. XIX.

В одном из таких изданий были помещены наиболее познавательные, с точки зрения издателей, отрывки из «Путешествия» Измайлова. Речь идет о книге-альбоме «Живописное изображение обычаев, быта и развлечений русского, татарского, монгольского и других народов Российской империи» (Лейпциг, 1804),²⁰ иллюстратором которой был Г. Гайсслер (1770—1844), сопровождавший Палласа в его путешествиях по России. Эти отрывки касались прежде всего жизни крымских татар. Приводится, в частности, мнение Измайлова о них, согласно которому даже их пороки неразлучны с их добродетелями, и поэтому неизвестно, приобретут ли татары что-нибудь от просвещения или потеряют.²¹ Отмечен и патетический стиль описания Измайловым садов Судака: «Но какими красками обрисовано это молодым и восторженным путешественником Измайловым! Вот место, в котором преувеличенная сентиментальность вызывает отвращение». В следующей за этим цитате выделена разрядкой фраза «Плоды так украшали деревья, что мне лучше хотелось, чтоб они цвели в глазах моих, нежели услаждали вкус мой», а в конце ее добавлен восклицательный знак.²²

Итак, интерес немецких издателей к «Путешествию» был обусловлен интересом к русской экзотике. Иронически отмечавшаяся сентиментальность Измайлова уже устарела в Германии. Рихтер, участвовавший в серии, в которой были изданы «Живописные изображения» (в том числе, в сотрудничестве с Гайсслером),²³ вероятно, знал о помещенных отрывках,

²⁰ *Malerische Darstellungen der Sitten, Gebräuche und Lustbarkeiten bey den Russischen, Tatarischen, Mongolischen und andern Völkern im Russischen Reich. Auf einer Reise mit dem Staatsrath von Pallas an Ort und Stelle gezeichnet und auf vierzig kolorirten Kupfern dargestellt von J. G. G. Geissler Zeichner und Kupferstecher nebst einer kurzen Erläuterung derselben von Friedrich Hempel Rechtskonsulent. Deutsch und Französisch. Leipzig, 1804.*

²¹ *Ibid.* S. 72—74.

²² *Ibid.* S. 104—106. Цит. по изд.: Путешествие в полуденную Россию, в письмах, изданных Владимиром Измайловым. М., 1802. Ч. 3. С. 145.

²³ *Spiele und Belustigungen der Russen aus den niedern Volks-Klassen. Dargestellt in Gemälden von J. G. H. Geisler, Zeichner und Reisegefährte von Pallas und beschrieben von J. Richter. Mit 12 Kupfern. Leipzig, 1805; Sitten, Gebräuche und Kleidung der Russen aus den niedern Ständen dargestellt in Gemälden mit Beschreibungen von J. Richter und C. G. H. Geissler. Leipzig, 1805. Bd. 2.*

несколько писем он опубликовал в журнале. В новом, отдельном, издании на немецком языке, видимо, уже не было смысла. Не исключено, что Рихтеру было известно о планах Измайлова выпустить новое издание «Путешествия» (вышло в 1805 году), и перевод был отложен также и по этой причине, а впоследствии забыт.

А. Ю. Веселова

**ОБ АВТОРЕ ПОЭМЫ
«СЕМИК, НАРОДНОЕ ГУЛЯНЬЕ
В МАРЬИНОЙ РОЩЕ»**

В 1830-м году в типографии Лазаревского института восточных языков отдельной книжечкой была напечатана анонимная поэма «Семик, народное гулянье в Марьиной роще».¹ Вопрос об авторе этого произведения никогда не ставился в научной литературе. Поэма описывает гулянье на семик, в Москве издавна проходившее в Марьиной роще. О том, что на протяжении первой половины XIX века эта традиция сохранялась, свидетельствуют многочисленные очерки о семике в краеведческой, научной и научно-популярной литературе и публицистике того времени.² В частности, И. Е. Забелин в статье 1852 года упоминает семик среди все еще

¹ Семик, народное гулянье в Марьиной роще. В стихах, с приложением песни в честь Семика. М., 1830. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием в скобках номера страницы.

² См., например: *Глинка С. Н.* Путеводитель в Москве <...> сообразно французскому подлиннику г. Лекоента де Лаво, с некоторыми пересочиненными и дополненными статьями. М., 1824. С. 352–353; Семик, Троицын и Духов день // *Дамский журнал*. 1828. Ч. 22. № 11. С. 216–217; Москва, или исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российского. М., 1831. Ч. 4. С. 126–127; *Макаров М. Н.* Русские предания. Другая книжка. М., 1838. С. 70; *Снегирев И. М.* Русские и простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1838. Вып. 3. С. 100–125.

актуальных народных праздников.³ «Семик...» рисует довольно подробную и, вместе с тем, типичную картину семицкого гулянья, в целом соответствующую другим известным характеристикам праздника.

Семик, или зеленые святки, празднуется на седьмой четверг после Пасхи, за три дня до Троицы. По мнению исследователей, он имеет языческое происхождение, связан с проводами весны, встречей лета, а также обрядами инициации, и считается преимущественно девичьим праздником. Со временем этот праздник был адаптирован христианской традицией и вошел в троицкий цикл.⁴ Культовым растением семика была березка, ветками которой украшали дома, дворы, церкви и улицы.

Празднование семика в Марьиной роще началось еще в XVII веке.⁵ В 1743 году Марьиная роща перешла во владение графа Б. П. Шереметева, и он поддержал этот обычай, ежегодно высылая гулявшим угощение. Многолюдные гулянья сократились лишь в середине XIX века, когда сквозь рощу была проложена железная дорога. По мнению одного из современников автора «Семика...», само местоположение располагало к празднику: «Говорят, что лучшим гуляньем есть Сокольничье, <...> но гулянье в Марьиной роще по мнению нашему привлекательнее: густота рощи, совершенно одетой зеленью, предлагает приятную прогулку. <...> Гуляющие не стесняются в назначенном круге: нет, здесь несколько верст в окружности, со всеми прелестями неподкрашенной природы составляют место прогулки».⁶

Поэма начинается с признания семика общероссийским национальным праздником:

³ Забелин И. Е. Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия // Современник. 1852. Т. 32. Разд. II. С. 26, 30–31.

⁴ Котлярчук А. С. Праздничная культура в городах России и Белоруссии XVII века: официальные церемонии и крестьянская обрядность. СПб., 2001; Русский праздник. Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. (О. Г. Баранова, Т. А. Зимина и др. Автор предисловия и научный редактор И. И. Шангина). СПб., 2002. Т. 3. С. 537–543; Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М., 1979. С. 188–212.

⁵ Марьиная роща была расположена на территории современного района Москвы с одноименным названием, по соседству с Останкиным.

⁶ Москва, или исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российского. Ч. 4. С. 126–127.

Как у нас, друзья любезные!
Есть заветный и веселый день.
Вся Россия его празднует,
Вся Россия его чествует.
Нет деревни, нету города,
Где б не стали его праздновать. (5)

Но несмотря на утверждение, что семик — это «любимый всей России день», автор текста считает необходимым сообщить о нем некоторые сведения. В первую очередь он указывает время празднования семика:

После Пасхи через сорок дней
Наступает Вознесение;
Через неделю же потом, глядишь,
И семик к нам прикатил на двор! (6)

Затем автор обращается к девушкам, подчеркивая, что семик — в первую очередь девичий праздник. Упоминается, что гулянье начинается во второй половине дня,⁷ что оно происходит в березовой роще, идет рассказ о девичьих нарядах и ритуалах: хороводах, плясках с венком, песнях, играх. Такое этнографическое описание праздника позволяет предположить, что семицкие гулянья к 1830-му году осознавались уже как уходящая традиция, требующая пояснений. Отчасти это подтверждается близким по времени высказыванием о семике историка и этнографа И. М. Снегирева: «Время, изменившее или отменившее затейливые обычаи народные, теперь преобразило этот многообрядный и многозначительный праздник в простое гулянье столичных и городских жителей...».⁸

Во второй половине поэмы автор переходит к характеристике происходящего «среди матушки каменной Москвы». Эта часть также насыщена деталями и начинается с точного указания места события:

За Крестовскую заставою,
От заставы в леву сторону,
Есть тут роща, роща *Марьяна*
Шереметева боярина. (9)

⁷ Утро отводилось для поминовения усопших и посещения кладбища.

⁸ Снегирев И. М. Русские и простонародные праздники и суеверные обряды. С. 101.

Далее в тексте следуют ряды перечислений, особенно подробно говорится о снеди, которую разносчики несут в Марьину рощу.⁹

Ближе к концу поэмы ее герой, подходя к месту празднования, слышит знакомые звуки:

Лишь подходим, — вот уж издали
Нам послышалось пение,
Словно ветер навевал его,
Что-то звуки все знакомые! (11)

В этих звуках он узнает «балет „Семик“», а произведение приобретает почти метатекстуальный характер — описание происходящего осуществляется через уже известное:

Ну теперь, друзья! Вы поняли
Это пенье, мне знакомое
Так, в театре я «Семик» видал!
Так в театре я «Семик» слыхал! (11–12)

Затем идет краткое описание самого гулянья и его окончания, после которого сообщается, что лирический герой поэмы со своими спутниками отправляется в трактир. Завершает текст приложенная «Песня в честь семика» с пометой «на голос: „Ай! Во поле липинка“» (17).

«Балетом „Семик“» здесь называется дивертисмент, в данном случае набор музыкальных и танцевальных номеров.¹⁰ Впервые дивертисмент «Семик, или Гулянье в Марьиной роще» был представлен 25 января 1815 года и стал одной из первых театральных постановок в Москве после Отечественной войны. Музыка была сочинена композитором С. И. Давыдовым, танцы поставлены хореографом И. М. Аблецом при участии А. П. Глуш-

⁹ Этот прием перечисления перекликается с аналогичным, использованным в первом литературном описании данного праздника, «Стихах на Семик» М. Д. Чулкова, опубликованных в журнале «И то, и сие» в 1769 г. См.: Чулков М. Д. Стихи на семик // Ироико-мическая поэма (Сборник) / Ред. и прим. Б. В. Томашевского. Л., 1933. С. 210–216.

¹⁰ Ср. уточнение П. А. Вяземского, касающееся его театральных впечатлений того же времени: «Когда говорю балет, то должно под ним скорее разн о х а р а к т е р - н ы й д и в е р т и с м е н т» (Вяземский П. А. Дела иль пустыки давно минувших дней (Письмо к М. Н. Лонгинову) // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1873. Т. VII. С. 335).

ковского. Спектакль не был приурочен к празднованию семика, и в целом его связь с ним была весьма условна: ни одна из песен, включенных в эту и последующие постановки дивертисмента, не была собственно семицкой.¹¹ Едва ли не единственной прямой отсылкой к семику были декорации, изображавшие березовую рощу. В то же время общий колорит праздника в какой-то степени, вероятно, был воссоздан. В частности, в номерах дивертисмента были представлены две разновидности песен, функционально связанные с семицкими гуляньями.¹² Это хороводные песни типа «А мы просо сеяли, сеяли...» или «Ах вы сени мои, сени...» и лирические песни о несчастной девичьей доле, такие, как «Чем тебя я огорчила...». Значительную часть действия занимали военные песни, исполнявшиеся солдатским хором.

Благодаря удачному сочетанию знакомых и любимых номеров с исполнительским мастерством и выражению общего послепобедного воодушевления, дивертисмент имел большой успех.¹³ Вскоре он был перенесен французским балетмейстером А. Л. Огюстом, при участии Глушковского, на сцену Эрмитажного театра в Петербурге. В целом этот дивертисмент продержался на разных сценах до 1862 года.¹⁴ На протяжении своей долгой сценической жизни «Семика...» почти неизменно вызывал положительные отклики и заслужил право называться «прекраснейшим из национальных наших дивертисманов».¹⁵

Одним из коронных номеров этого спектакля была пляска в исполнении танцовщика И. К. Лобанова, о чем вспоминал Вяземский: «Особенно памятен мне один дивертисмент под названием, кажется, „Семика“. Тут

¹¹ Подробнее о составе песен: *Глушковский А. П.* Воспоминания балетмейстера. Л.; М., 1940. С. 176–177; *Московские ведомости*. 1815. № 7. Суббота, 23 января. С. 154; *Федоровская Л. А.* Композитор Степан Давыдов. Л., 1977. С. 118–123.

¹² О песнях, исполняемых на семика см.: *Земцовский И. И.* Мелодика календарных песен. Л., 1975. С. 128.

¹³ *Красовская В. М.* Русский балетный театр от возникновения до середины XIX века. Л.; М., 1958. С. 128; *История русской драматургии. XVII — первая половина XIX века* / Отв. ред. Л. М. Лотман. Л., 1982. С. 69–77; *Гозенпуд А. А.* Русский оперный театр XIX века. Л., 1971. Т. 1. С. 660.

¹⁴ На волне популярности дивертисмента в 1818 году появилась пьеса Н. И. Ильина «Семика», имевшая мало общего с балетом, но очевидно использовавшая преимущества знакомого публике названия.

¹⁵ *И-н В-в.* Русский театр // *Дамский журнал*. 1830. Ч. 29. № 5. С. 79.

на выбор подобрано было все, что ни есть лучшего по ведомству пляски и пения. Молодой Лобанов в роли цыгана, с черною бородою и в ярко-красном архалуке, приводил в восторг всю публику от кресел до райка своими эксцентрическими и неистовыми коленцами...».¹⁶ Пляску Лобанова выделяет и автор стихотворного «Семика...»:

Что быть может живописнее,
Что быть может интереснее
Плясок пламенных Лобанова? (11)

Но в данном случае речь идет не просто о дивертисменте «Семик...», а о его конкретном сценическом воплощении: в 1828 году балет был перенесен Лобановым на сцену Большого театра в несколько обновленном виде. Поэтому, отмечая соответствие балета общему настроению семицких гуляний, автор поэмы обращается к Лобанову как к постановщику:

Ты, постигший тайну прелести
Русских игр и веселостей!
С какой передал ты точностью
Нам на сцену свой балет «Семик»! (11)

Учитывая неослабевающую популярность самого праздника и сценических вариаций на его тему, Лобанов имел основания рассчитывать на успех новой версии дивертисмента. Так, в тринадцатом номере «Дамского журнала» за 1828 год был напечатан восторженный отклик на этот спектакль, в котором балет назван «удовольствием взоров и слуха».¹⁷ Рецензия была посвящена бенефису Лобанова и подписана инициалом М., который составители «Сводного каталога сериальных изданий России» расшифровывают как М. Н. Макаров.¹⁸

¹⁶ Вяземский П. А. Дела иль пустяки давно минувших дней. С. 335. Некоторые исследователи относят воспоминания Вяземского к самому первому варианту «Семика...», но в его афише Лобанов указан только как исполнитель русской пляски (Красовская В. М. Русский балетный театр от возникновения до середины XIX века. С. 126). Впрочем, возможно, афиша была не совсем точна или Вяземского подвела память.

¹⁷ М. Бенефис танцовщика и танцовщицы Лобановых // Дамский журнал. 1828. Ч. 23. № 13. С. 43–44.

¹⁸ Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). СПб., 2000. Т. 2. Журналы (Г–Ж). С. 575.

На основании косвенных данных можно высказать предположение, что автором поэмы также мог быть Михаил Николаевич Макаров (1785–1847), писатель и журналист, заядлый театрал, который нередко выступал в роли театрального критика и оставил свои воспоминания о московских театрах.¹⁹

В летнем номере того же «Дамского журнала» за 1828 год дано беллетризованное описание празднования семика: «Кажется, что благое небо иногда с отеческою любовью тешит вечно юных чад земли ниспосланием средств к удовлетворению их ребяческих желаний: таким образом дождь, лившийся во все утро семика, перестал идти после обеда, лучезарное солнце воссияло на голубой тверди, и бесчисленные экипажи, многолюдные толпы со всех сторон города пустились в Марьину рощу, где обыкновенно бывает в этот день гулянье. Первые разъезжали по проспектам и кругом рощи в пять рядов; последние рассеялись по оной и составляли живописные группы между раскинутыми палатками и под звуки музыки».²⁰ При некоторых стилистических переключках этого описания и рецензии нет достаточных оснований для утверждения, что их автором был один человек, так как сходство этих двух текстов определено литературными штампами. Но следует отметить, что Макаров в своей многообразной деятельности неизменно проявлял интерес к народным обрядам и традициям, а также к различным историческим преданиям. В конце 1830-х годов он издал три небольшие книжки под общим заглавием «Русские предания».²¹ Во второй из них он описал семицкие обряды и гулянья, отметив, что «Наша Москва, так же как и другие русские города, еще и до сей поры не перестала в семик и в Троицын день украшаться цветами и зеленью».²² Первая часть «Русских преданий» (1838 года) была издана в типографии Лазаревского института восточных языков, как и поэма «Семик...». Типография Лазаревского института печатала много сторонней литературы, не имевшей отношения к основному профилю учреждения.²³ Но судя

¹⁹ Подробнее см.: Степанов В. П. Макаров М. Н. // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3 (К–М). С. 468–470. Там же см. библиографию.

²⁰ Семик, Троицын и Духов день. 1828. С. 216–217.

²¹ Макаров М. Н. Русские предания. Т. 1–3. М., 1838–1840.

²² Макаров М. Н. Русские предания. Другая книжка. С. 70.

²³ Клейменова Р. Н. Книжная Москва первой половины XIX в. М., 1991. С. 91–93.

по публикации в «Дамском журнале» об «Армянском училище», то есть о Лазаревском институте,²⁴ основатели этого учреждения были покровителями журнала и писателей его круга.

Отчасти подтверждением авторства Макарова может служить и приложенная к поэме песня. Макаров интересовался народными песнями и в 1809 году издал книгу «Русское национальное песнопение».²⁵ Он также имел собственный опыт написания песен и ставил себе в заслугу, что его дуэт «Маска милая, голубушка моя...» «сделался почти народным, его поют и пляшут под него почти на всех наших театрах, во всех дивертисментах».²⁶

Совпадение театральных и фольклорных интересов, особенно касающихся праздника семика и дивертисмента «Семик...», а также участие в издании поэмы Типографии Лазаревского института восточных языков, позволяют допустить, что автором рассматриваемого произведения мог быть М. Н. Макаров. Его «незавидная репутация» писателя,²⁷ чьи труды, по точному выражению А. А. Котляревского, «поражают смешением самого наивного вздора с вещами действительно важными»,²⁸ вполне соответствует интенциям автора поэмы «Семик...», одновременно пытавшегося и возродить уходящую традицию и дать ее этнографическое и поэтическое описание, причем в сопоставлении с популярной театральной постановкой. Несмотря на то, что семик у него остается первым и главным народным праздником («Вот любимый всей России день, — / Сельской праздник Царства Русского!»), театральный спектакль оказывается для лирического героя едва ли не более реальным, чем само гулянье. Таким образом, характеризуя праздник с помощью его сценического воплощения, Макаров завершил ряд произведений на сюжет семика и показал процесс взаимовлияния живой традиции и ее культурной рецепции.

²⁴ *Лекуэнт де Лаво Ж.* Армянское училище // *Дамский журнал*. 1824. Ч. 8. № 20. С. 59–64.

²⁵ *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1. С. 125–127.

²⁶ *Макаров М. Н.* Автобиография // ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2. № 1512. Л. 9 об.

²⁷ *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1. С. 125.

²⁸ *Котляревский А. А.* Старина и народность за 1861 год // *Котляревский А. А.* Сочинения. СПб., 1889. Т. 1. С. 567.

В. Е. Багно

**ЕЩЕ РАЗ
ОБ «ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ
ДАВНЕГО ЖЕЛАНИЯ ПОЛЬСКОГО НАРОДА
ПРИСОЕДИНИТЬСЯ К РОССИИ»**

В статье «Поэзия и дипломатия (Из литературной деятельности Польского приказа в 1670-х годах)» С. И. Николаев аргументировал принципиальное отличие заверений дипломатов о желании Польши и России, людей «одной веры христианской, одного языка и одного народа славянского», жить «в согласии и вечной и нераздельной любви» от утопичности этой прекрасной идеи, осуществлению которой то и дело препятствовали реальные проблемы внешней политики.¹

В Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН хранится богатейший архив журнала «Русская старина», поступивший в Рукописный Отдел Института в 1919 году в составе собрания М. И. Семевского.²

За годы существования журнала «Русская старина» (1870—1918) его редакторам-издателям удалось собрать бесценные материалы по истории России, русской литературы, русского общественного движения, подлинные документы и копии, значительная часть которых передана их авто-

¹ См.: Николаев С. И. От Кохановского до Мицкевича. Разыскания по истории польско-русских литературных связей XVII — первой трети XIX в. СПб., 2004. С. 86.

² См.: Бронникова Е. В. Передача в Пушкинский дом архива журнала «Русская старина» // 40 лет научному студенческому кружку источниковедения. М., 1990. С. 75—83.

рами или владельцами в расчете на возможность их публикации через десять, двадцать и более лет.³ Многие уникальные документы, заслуживающие публикации и углубленного изучения, так и не были опубликованы.

В частности, немалый интерес представляют три сочинения: «Исторические доказательства о давнем желании польского народа присоединиться к России» (1815), «Повествование о древних сношениях России с Франциею» (1817; 1825) и, наконец, «Сношения России с Римом» (не позднее 1825 года), написанных А. Ф. Малиновским (1762–1840), архивистом, автором исторических сочинений, драматургом и переводчиком, старшим братом Василия Федоровича, первого директора Царскосельского лицея.

Еще в 1783 году за хорошее знание латинского, французского и итальянского языков Малиновский получил звание переводчика. Перу Малиновского принадлежат как стихотворения, печатавшиеся в альманахе Н. М. Карамзина «Аониды», пьесы и художественные переводы, публиковавшиеся в изданиях Новикова: газете «Московские ведомости», журнале «Городская и деревенская библиотека», масонских журналах «Утренний свет», «Вечерняя заря», — так и труды по истории, имеющие несомненное литературное значение, такие, как «Историческое описание древнего русского музея, под названием Мастерской или Оружейной палаты в Москве обретающегося» (1807), «Биографические сведения о князе Д. М. Пожарском» (1817), «Известие об отправлениях в Индию Российских посланников, гонцов и купчин с товарами и о приездах в Россию индийцев с 1469 по 1751 год» (1837), «Обозрение Москвы» (изд. 1992).

Из оригинальных пьес Малиновского наиболее значительной является комедия «Раздраженный муж, или Приезжие из Украины. Аглинское сочинение, к российским обычаям приновренное» (1799). Как свидетельствуют заметки современников, большой популярностью пользовалась опера Ф. К. Блимь «Старинные святки», написанная на либретто Малиновского (1800).

Остались неизданными сочинения Малиновского о Крыме (1794), о Посольском приказе и служивших в нем людях (1800), о сношениях России с Голштинией (1801), юридический словарь (1802), «Известие

³ См. подробнее: Бронникова Е. В. Журнал «Русская старина» как историографический источник (1870–1918). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1998.

о мореходных судах, заведенных на Каспийском море англичанином Эльтоном», «Записка о Достопамятнейших актах», хранившиеся в Московском архиве.

Исторические сочинения Малиновского имели самое непосредственное отношение к его службе в московском Архиве Коллегии иностранных дел, в котором он работал с 1780 года. В 1814 году он был назначен его управляющим, одновременно возглавив Комиссию печатания государственных грамот и договоров. Сохранилась его переписка с М. П. Погодиным, С. П. Жихаревым, А. И. Тургеневым об издании исторических документов.

Малиновский содействовал архивным разысканиям А. С. Пушкина, нуждавшегося во время работы над «Историей Пугачева» в документах, хранящихся, по его сведениям, в московском главном Архиве министерства иностранных дел. Несмотря на то, что таких документов в архиве не оказалось, Малиновский помог Пушкину, предоставив в его распоряжение бумаги, «приватно собранные Миллером и Бантыш-Каменским».⁴

Будучи членом-учредителем Общества истории и древностей российских (1836), Малиновский много печатался в изданиях общества⁵ и принимал участие в описании дипломатических документов, был также автором сочинений по истории многих европейских дворов и их дипломатических отношений. Вместе с Н. Н. Бантышем-Каменским Малиновский опубликовал «Слово о полку Игореве».

По всей вероятности, Малиновский на протяжении многих лет считал своим долгом готовить для Александра I «Записки» о международных связях России с различными странами. Еще в 1801 году он поднес императору свое основанное на архивных документах исследование дипломатических отношений России с герцогством Голстинским.⁶

⁴ Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л., 1969. С. 169.

⁵ Подробнее о жизни и творчестве А. Ф. Малиновского см.: Погодин М. Известие о жизни и кончине Алексея Федоровича Малиновского // Москвитянин. 1841. Ч. 1. С. 300–306; Долгова С. Р. Малиновский Алексей Федорович // Русские писатели. 1800–1917. Т. 3. М., 1994. С. 493–494.

⁶ См.: Погодин М. Известие о жизни и кончине Алексея Федоровича Малиновского. С. 302.

Граф Н. П. Румянцев постоянно прибегал к советам Малиновского при приобретении рукописей и старопечатных книг, при отборе документов для публикации. Активно приобретая для России документы, связанные с ее международным положением, Румянцев постоянно советовался с Малиновским, обоснованно считая его одним из самых авторитетных экспертов в этой области. Особенно его интересовали акты, имеющие отношение к русско-польским дипломатическим связям. Так, в письме от 16 июня 1822 года он писал: «Благодарю Вас премного за доставленную мне запись польского короля Владислава, по которой свидетельствует он, что настоящий акт об избрании его в Российские государи затерян; ежели он точно отыскан, как ко мне писали и купить его можно, с радостью об этом постараюсь».⁷

По распоряжению Малиновского из архива беспрепятственно доставлялись Карамзину и копировались для него летописи, грамоты, дипломатические акты. В письме от 10 марта 1821 года он благодарил своего друга за присланные ему документы о русско-польских отношениях и просил прислать новые: «Польские дела у меня только до 1588 года; сделайте милость, пришлите следующие, весьма для меня нужные, до кончины Феодора».⁸

Составленное Малиновским в 1815 году сочинение «Исторические доказательства о давнем желании польского народа присоединиться к России» представляет сейчас не столько научный, сколько общекультурный интерес. Большая часть материалов, мало кому из современников Малиновского известная, за двести лет изучена и опубликована, некоторые из них сам Малиновский успел сделать достоянием общественности. Так, различные акты и грамоты, имеющие отношение к русско-польским дипломатическим отношениям, были Малиновским позднее опубликованы.⁹

⁷ Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными. М., 1882. С. 222.

⁸ Письма Карамзина к Алексею Федоровичу Малиновскому и письма Грибоедова к Степану Никитичу Бегичеву. М., 1860. С. 53.

⁹ Малиновский А. Ф. Исторические доказательства о давнем желании польского народа присоединиться к России // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. М., 1833. Ч. VI. С. V–X, 11–106; Дипломатическое приложение к статье А. Малиновского под № 232 (XII актов о польских делах 1570–1674 гг.) // Там же. Ч. VI. С. 193–275.

Современники с большим интересом относились к публикациям Малиновского, посвященным к русско-польским связям. В некрологе, подписанном М. П. Погодиным, читаем: «В Трудах Общества Истории и Древностей Российских, которого он был старшим членом и несколько лет президентом, Малиновский поместил несколько любопытных статей об отношениях Польши к России».¹⁰

Несомненный интерес представляет сам факт составления «Записки», предназначенной для Александра I (книге предпослано посвящение: «Всесветлейшему державнейшему великому государю императору, царю польскому, Александру Павловичу, самодержцу Всероссийскому, государю всемилостивейшему»), который, судя по всему, ознакомился с ее содержанием, а также своеобразная интерпретация документов, данная Малиновским в текстах «Посвящения» и «Вступления»:

«В минувшие три года совершилось для России то, чего в три столетия совершиться не могло. Тобою, государь, она возведена на степень славы, самую завистию недосязаемой, тобою имя россиянина возвеличено, и в летописях мира увековечилось. Если победы, оканчивающиеся одним укрощением неприятеля, почитаются знаменитыми, то сугубое геройство устроивать благоденствие побежденных. Се победа над самою победою. Так отмстил ты враждебному галлу, так стяжал сесть на царство Польское.

Единоплеменность польского народа с Российским, сходство языка и обычаев, прикосновенность границ, никакими естественными преградами не отделяемая, одинаковое соседство; одни и те же отношения к чужеземным державам, издавна требовали совокупности и братства сих племен для пользы их взаимной; и единоверие, и доныне соблюдаемое в тех странах, которые и доныне населены и много лет обладаемы были потомками Рюрика, начало уже со времен великого князя Иоанна Васильевича привлекать сих однородцев и одноверцев к России.

Общенародное к ней влечение, в продолжение двух веков при каждом междоцарствии и при всяком избрании польских королей более и более обнаруживалось. Сами короли Сигизмунд II, Стефан Баторий, Владислав IV и Иоанн Казимир, предусматривая необходимость зыблющейся Польши

¹⁰ Погодин М. Известие о жизни и кончине Алексея Федоровича Малиновского. С. 303.

с могущественной Россией, многократно предлагали царям всероссийским привести сие в исполнение.

Из забытой древности изъятые доказательства тому, еще более убедят новоподданных вашего императорского величества поляков, что все минувшие бедствия их произошли единственно оттого, что они давно не присоединились к России, и что воскресить Отечество их, сочетать судьбу их с судьбою России и основать незыблемое для них благоденствие Само провидение предоставило Александру I.

С благоговением посвящая сие препрославленному имени твоему, имею счастье быть,

Всемилоостивейший Государь. Ноября 1815. Москва».¹¹

Посвятив «Вступление» краткому изложению польской истории, Маляновский завершает его следующим умозаключением: «Несмотря на пожертвования, вынуждаемые поляками от королей своих, Великий князь Василий Иоаннович, по кончине зятя своего короля Александра, за триста лет пред сим, первый из Российских государей пожелал быть обладателем королевства Польского и присоединенного к оному великого княжества Литовского. Он поручал сестре своей, вдовствующей королеве Елене Иоанновне, склонять духовных и светских вельмож, чтоб они избрали его и удостоверить их в нерушимости и охранении господствующего в Польше вероисповедания. Королева отвечала, что исполниться сие не может, потому что покойный супруг ее поступился государством родному брату своему королевичу Сигизмунду.

Сродно было российским государям простираť свои виды на обладание королевством Польским, потому что великое княжество Литовское, вмещавшее в себя тогда Киев, Полоцк, со многими другими городами; Галиция и Волыния были издревле достоянием России. Сродно было и обитателям тех земель желать присоединения к России; ибо потомки Рюриковы населяли те области и строили там города. Славные имена князей российских, управлявших ими, еще не забыты были. Одно вероисповедание, один язык и одни нравы имели над тамошними жителями неисповедимую силу притяжения к России. Князья Воротынские, Вельские, Одоевские, Мезецкие, Вяземские, при установлении великим князем Иоанном

¹¹ ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 4109. Л. 3—3 об.

Васильевичем самодержавия, вступив добровольно в подданство России с городами и волостями своими, открыли к тому путь и другим соплеменным своим единоверцам».¹²

Остается добавить, что Малиновский приводит факты, неизвестные его современникам, но известные русским царям и польским королям XVI и XVII столетий, которые в свою очередь не имели ни малейшего представления ни о грядущем разделе Польши, ни о польских восстаниях XIX века, ни о трагических событиях века XX.

¹² ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 4109. Л. 7–8.

А. Ф. Белоусов

«НА ПОЛЬСКОМ КЛАДБИЩЕ...»

На польском кладбище, венчая прах,
В шиповниках и липе мягколистой
Стоит на горке ангел золотистый
С потрескавшейся краской на крылах.

Печет, и небосвод как будто чистый.
Но сквозь находчивый и зоркий страх
В раздвоенных неверящих умах
Он не взлетит, смиренный и лучистый.

Колючий куст посланцу неба в рост,
И памятник, как наши деды, прост:
Он занял место без боязни, точно.

И вот уже в душе заговорил
Спокойный голос, — тихо, непорочно, —
Одной из зарастающих могил.

1984

Автор этого стихотворения — поэт Евгений Шешолин (1955–1990).

Его отец Петр Иванович Шешолин происходил из татарских мест Поволжья. Он был кадровым военным, воевал, а после войны получил назначение в Краславу — маленький городок, расположенный на юго-востоке Латвии. Здесь П. И. Шешолин встретился со своей будущей женой. Ирина Мацулевич тоже была приезжей. Мать поэта родилась в Белоруссии. Она — дочь польского крестьянина Доминика Мацулевича, которого

репрессировали в 1937 году и который, как потом выяснилось, умер в заключении уже во время войны. Ей самой пришлось пережить много лишений и бедствий, прежде чем они с матерью добрались до Краславы, где их приютила и помогла жившая в этом городе сестра Доминика Мацулевича Мария.¹ Итак, в семействе Шешолиных скрестились две разные этнические и культурные линии. Это было существенно для поэта и отразилось в его стихах:

В моей душе, укатанной дорогой,
Бежит неспешно старый тарантас,
И сладко знать, что выглянет сейчас
Родной костел за рощицей убогой.

Но есть второй, степной, пахучий корень
У северного деревца души:
По бездорожью в солнечной глуши
Несется всадник, дик и непокорен.

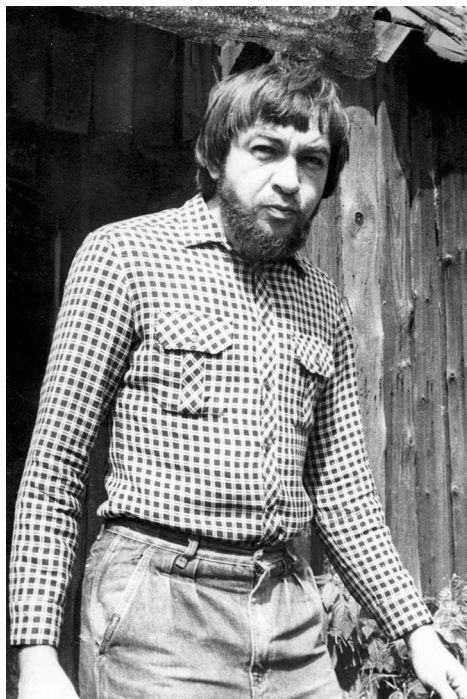
(«Неправильный сонет»)

Вскоре после рождения сына отец был демобилизован и семья переехала в другой латвийский город — Резекне. Однако связь с Краславой не оборвалась: здесь еще долго жила Мария Мацулевич (1905—1984), которую Шешолины очень любили и которую в семье называли «бабушкой Марией». Они часто ездили к ней в гости; бабушка Мария водила их в знаменитый костел св. Людовика и много рассказывала о старой Краславе. Именно эти поездки и способствовали тому, что в стихах Евгения Шешолина Краслава изображается как город польско-католической культуры:

В городке игрушечном — Краславе, —
вдалеке от мировых дорог,
вам напомнит Краков и Варшаву
европейский строгий уголок.

(«Католическая месса. Костел в Краславе»)

¹ Подробнее о биографии и творчестве Евгения Шешолина см.: Белоусов А. Ф. Поэт Евгений Шешолин // Звезда. 2005. № 10. С. 194—201; Евгений Шешолин: Судьба и творчество / Под ред. А. Ф. Белоусова и Ф. П. Федорова. Daugavpils, 2005.

Евгений Шешолин (1955–1990)

Он откликнулся на смерть Марии Мацулевич несколькими стихотворениями самого разного плана: от сонета «*Fides implicita*»,² непосредственно посвященного «памяти бабушки Марии», — до поэтического размышления о польском прошлом всего своего края. Ведь после распада Ливонского ордена и до первого раздела Польши (1772) Латгалия (Восточная Латвия) входила в состав Речи Посполитой:

Речь Посполитая,
нежная родина,
розой увитая,
в красных смородинах.

² *Fides implicita* — термин католического богословия, обозначающий веру простых прихожан, отличную от веры знающего и образованного клира.

Замки пустые —
всему-то виновники,
кресты простые,
розы, крыжовники.

Солнце не вечное,
сонь огуречная,
Речь Посполитая,
солнцем залитая.

1985

Очевидно, что и стихотворение «На польском кладбище...» также навеяно смертью «бабушки Марии».

Между тем здесь изображается не краславское, а резекненское кладбище. Это — как его называют в Резекне — «кладбище по улице Миера». Среднюю часть этого кладбища, по словам сестры поэта Г. П. Шешолиной-Маслобоевой, когда-то называли «польским кладбищем»: «там действительно погребено много поляков и католические священники (ксендзы) польского происхождения».³ Многие горожане хорошо помнят изваяние ангела. Оно возвышалось над могилой одного из ксендзов, похороненного на горке, по склону которой расположено кладбище.⁴

Изображая свой «город детства», Евгений Шешолин уже обращался к кладбищенской теме. Он начал с еврейского кладбища. Интерес к евреям и еврейской культуре появляется у поэта, по-видимому, еще во время его первой, «школьной» любви к девочке-еврейке, вскоре после окончания школы эмигрировавшей с родителями в Израиль. Еврейское кладбище становится одним из самых любимых мест Евгения Шешолина в Резекне, что отразилось и в его поэзии. Возникает цикл стихотворений «Еврейское кладбище» (1978—1979),⁵ который представляет собой замечательный пример «истинно-человеческой поэзии» (как определил суть «Сельского кладбища» Жуковского философ Владимир Соловьев⁶). Более того. Отсюда,

³ Из письма Г. П. Шешолиной-Маслобоевой от 21 ноября 2010 года.

⁴ Впоследствии поваленное ураганом дерево упало на памятник и повредило его. Он был отправлен на реставрацию и пропал. Во всяком случае, на свое место ангел не вернулся.

⁵ См.: Шешолин Евгений. Солнце не вечное. Резекне, 2005. С. 44—47.

⁶ См.: Соловьев В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 118.

«с холма кладбищенского», поэту привидится его собственная жизнь и именно здесь он будет молиться за своих родителей.⁷

Следует отметить, что и после стихотворения «На польском кладбище...» поэт продолжит изображать городские кладбища. В 1987–1988 годах среди «Эскизов города Резекне» появится пятистишие «Купа староверского погоста...», которое завершит тему резекненских кладбищ в поэзии Евгения Шешолина.

От ближайшего контекста стихотворения «На польском кладбище...» обратимся к самому тексту.

Это стихотворение — сонет. Евгений Шешолин написал около сотни сонетов.⁸ Он любил экспериментировать с этой стихотворной формой, но предпочитал традиционно-канонический тип итальянского (или петраркианского, как его еще называют) сонета,⁹ о чем свидетельствует и стихотворение «На польском кладбище...». Его рифмовка — это рифмовка «строгого» сонета (АббА бААб ВВг ДгД), а стихотворный размер — пятистопный ямб, обычный размер русского сонета. Единственное отступление от стиховых норм традиционно-канонического сонета — приближенность одной из рифм (мягколистой / золотистый), но это, конечно, мелочь.

Глубже оценить данную сонетную форму поможет анализ ее семантической структуры.

Стихотворение начинается описанием кладбища. Это описание состоит из нескольких кадров, в которых последовательно укрупняется план изображения. Вначале — общий вид кладбища; затем — растительность, окружающая стоящего на горке ангела; далее — само изваяние; и последнее, на чем фокусируется взгляд, — потрескавшаяся краска на крыльях ангела. Центральный образ первой строфы — безусловно, изваяние ангела. Внимание привлекает внешний вид памятника со всей его неухоженностью и непрезентабельностью. Вещественность памятника соответствует заяв-

⁷ См.: Шешолин Евгений. Солнце не вечное. С. 48–49 (стихотворение «Акротерцины» (1981)).

⁸ См.: Шешолин Евгений. Сонеты // Евгений Шешолин: Судьба и творчество. Daugavpils, 2005. С. 234–278.

⁹ См.: Зырянов О. В. Сонетная форма в поэзии Евгения Шешолина // Евгений Шешолин: Судьба и творчество. Daugavpils, 2005. С. 132–147.

ленному в первой строке его положению на кладбище — «венчая прах», т. е. возвышаясь над погребенными здесь трупами, человеческими останками. Возникающий здесь образ кладбища исходит из зрительного восприятия всего, что на нем находится, и потому акцентирует материальность его внешнего облика.

Вторая строфа поначалу как бы продолжает описательную линию первой. Отрываясь от расположенного на земле кладбища, взгляд устремляется вверх: в поле зрения попадает небо. Вслед за этим мы переносимся с кладбища в пространство ментальное: описание сменяется рассуждением об ангеле и его свойствах. Эксплицировано мнение людей неверующих и потому страшящихся смерти, которые отрицают само существование ангелов как сверхъестественных существ: «он не взлетит...». Они отвергают христианские представления об ангелах, то спускающихся с небес, чтобы исполнить Божьи повеления, то возносящихся на небо, сопровождая души умерших в загробный мир — и таким образом поддерживающих постоянную связь между людьми и Богом. Однако присмотримся к тому, как подается здесь мнение «неверящих, раздвоенных умов», как не соответствуют ему эпитеты, характеризующие ангела в последней строке («смиранный и лучистый»). Они взяты из сферы христианской образности.

Эта строка — едва ли не самая семантически сложная во всем стихотворении. В ней сталкиваются два противоположных представления об ангеле, рационалистическое и религиозное.

Окончательно же религиозное представление об ангеле и его предназначении утверждается в следующей строфе. Весьма показательна в этом отношении ее первая строка, где уже фигурировавшие прежде объекты описываются через их значения: «шиповник» как «колючий куст» и «ангел» как «посланец неба». Определение ангела как «посланца неба» характерно именно для религиозного представления — простой и твердой веры «наших дедов» (*fides implicita!*). Выясняется контекст, необходимый для правильного понимания того, что представляет собой ангел, который по Божьему повелению «занял место» на польском кладбище. Это — ангел-хранитель, поставленный для того, чтобы охранять могилу умершего, и одновременно с этим охраняющий всё кладбище.

А уже в самой последней строфе стихотворения уточняется и представление о кладбище. Оно не сводится к месту пребывания умерших. Следует иметь в виду, что кладбище — еще и место контактов живых и мертвых.

Общение с мертвыми, их готовность к диалогу — один из самых распространенных мотивов народных верований. Этот мотив хорошо известен и по сентименталистской поэзии XVIII — начала XIX вв. Так, в «Сельском кладбище» Жуковского строка из «Элегии, написанной на сельском кладбище» Томаса Грея «Ev'n from the Voice of Nature cries» передается как монолог усопшего, обращенный к живым друзьям:

Их сердце милый глас в могиле нашей слышит;
Наш камень гробовой для них одушевлен;
Для них наш мертвый прах в холодной урне дышит,
Его огнем любви для них воспламенен¹⁰.

Именно «голос одной из зарастающих могил» свидетельствует об особом статусе кладбища, которое существует не только во времени, но и в вечности. Внешний вид «зарастающей могилы» никак не отражается на качестве звучащего оттуда голоса. Он звучит так, как должен «тихо, непорочно» звучать «спокойный» голос человека, освободившегося от земных забот и познавшего вечную истину.

Анализ семантической структуры стихотворения «На польском кладбище...» показывает, что оно строится по трехчастной схеме сонета: сначала — описание кладбища, затем — столкновение рационалистического и религиозного подходов к кладбищу, и, наконец, утверждение религиозного представления о кладбище. Логика развития поэтической мысли в стихотворении Евгения Шешолина вполне соответствует архитектонике

¹⁰ Жуковский В. А. Стихотворения / Вступ. статья, ред. и прим. Н. В. Измайлова. Л., 1956. С. 69 (Б-ка поэта; Большая сер.). Об этой замене см.: Топоров В. Н. «Сельское кладбище» Жуковского: К истокам русской поэзии // Russian Literature. 1981. Vol. 10. № 3. Р. 272. Ср. эпизод в стихотворении Карамзина «Стихи на скоропостижную смерть Петра Афанасьевича Пельского»:

Там тихий из-под камня глас
Ему вещал ли в утешенье,
Что сам он скоро отдохнет
От жизни, в коей счастья нет?..

См.: Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья, подг. текста и прим. Ю. М. Лотмана. М.; Л., 1966. С. 297 (Б-ка поэта; Большая сер.).

и внутренней форме традиционно-канонического сонета,¹¹ что позволяет считать этот текст образцом сонетного жанра.

Именно такой текст и требовался в данном случае.

Он должен был представлять европейскую культуру, поэтому всё в нем, начиная с сонетной формы и кончая его проблематикой, где главное — упадок веры, связано с европейской культурной традицией.¹² Этот принцип лежит в основе всех стихотворений Евгения Шешолина, посвященных резекненским кладбищам. Их следует рассматривать как опыты особой, поэтической культурологии.*

¹¹ О жанровой семантике сонета см.: *Бехер И.* Философия сонета, или Маленькое наставление по сонету // Вопросы литературы. 1965. № 10. С. 190—208.; *Герасимов К. С.* Диалектика канонов сонета // Гармония противоположностей. Аспекты теории и истории сонета. Тбилиси, 1985. С. 17—51; *Титаренко С. Д.* Сонет в поэзии Серебряного века: художественный канон и проблема стилового развития: Учеб. пособие по спецкурсу. Кемерово, 1998.

¹² Обратим внимание на переключку определения «раздвоенных, неверящих умов» со славнофильской трактовкой основных особенностей европейской цивилизации (ср.: «раздвоение и цельность, рассудочность и разумность будут последним выражением западноевропейской и древнерусской образованности» (*Киреевский И. В.* Эстетика и критика. М., 1979. С. 290)).

* Выражаю искреннюю благодарность Г. С. Васильковой, Е. В. Душечкиной, Л. Г. Жилвинской, П. А. Клубкову, Д. А. Олехновичу, Г. И. Новичихиной и особенно Г. П. Шешолиной-Маслобоевой за помощь в работе над статьей.

ПУБЛИКАЦИИ

П. Р. Заборов

НЕСКОЛЬКО НЕИЗДАННЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ М. В. ХРАПОВИЦКОГО

О Михаиле Васильевиче Храповицком (1758—1819) в наши дни вспоминают нечасто. Это не удивительно: след, оставленный им в русской литературе, более чем скромнен. К тому же он никогда не мечтал ни о славе, ни даже об известности, довольствуясь тихой жизнью в его любимом Бережке, сельце на озере Песьво, в Вышневолоцком уезде Тверской губернии, с которым расставался редко, неохотно и ненадолго. Такая жизнь вдали от мирской суеты вполне соответствовала его своеобразному характеру — склонности творить добро, размышлять и сочинять, хотя печататься он не стремился и за почти пятьдесят лет литературной деятельности опубликовал очень мало.¹

Между тем, в архиве Храповицкого оставалось довольно много любопытного, и в начале 1850-х годов его племянник и наследник Н. В. Сушков решил познакомить современников с некоторыми находившимися у него материалами, включив их в очерк «М. В. Храповицкий и М. И. Сердюков».² Однако заинтересовать кого-либо творчеством своего дяди Сушкову не удалось, и понадобилось более ста лет, прежде чем в научный обиход

¹ См.: Заборов П. Р. Храповицкий М. В. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3. (Р—Я). С. 373—375.

² [Сушков Н. В.] М. В. Храповицкий и М. И. Сушков (Из записок моих) // Паут на 1852 год... / Изд. Н. В. Сушкова. М., 1852. С. 204—259.

ход был введен упомянутый им *opus magnum* Храповицкого — обширная описательно-дидактическая поэма «Четыре времени года», полностью опубликованная еще несколько десятилетий спустя.³

Однако заслуживают внимания и не столь масштабные произведения Храповицкого разных лет, так и не увидевшие света. В них, как и в названной поэме, этот «бережковский мудрец» отдал щедрую дань культу природы и дружбы, которые заменяли ему прочие радости бытия — любовь, собственную семью, высокие чины и почести, путешествия и т. д. Слегка наивные, однообразные и архаичные по языку, стихи эти являются примечательными образцами философской лирики конца XVIII — начала XIX столетия, и с этой точки зрения представляют, на наш взгляд, несомненный историко-культурный интерес.

Публикуемые ниже тексты печатаются по автографам: НИОР РГБ. Ф. 323. № 1354; далее указываются только номера листов.

Сонет

В жилище тишины спокоен быв, доволен,
Блаженнейшую жизнь из смертных я веду;
Ничем не возмущен, душой и сердцем волен.
С весельем по стезям я жизни сей иду.

5 Желаньями, страстями жестокими не болен,
Во всем повинен я судьбы своей суду,
И прямо чувствую, что духом кто спокоен,
Тому по счастью препон я не найду.

10 Блаженство наше в нас самих вложил Содетель!
Невинность кто хранит, кто любит добродетель,
Блаженнейший тот есть в сем свете человек.

Великий твари всей Создатель и владетель,
Ты буди истины стихов моих свидетель.
Что сердцем чувствовал, язык мой то изрек.

1774

Л. 6.

³ Заборов П. Р. Неизданная поэма М. В. Храповицкого «Четыре времени года» // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 429–434; Заборов П. Р. Поэма М. В. Храповицкого «Четыре времени года» // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 468–478.

* * *

Всю тварь весельем наполняет
В пределах тесных бытие,
Тебя ль, о смертный, не пленяет
Существование твое?

- 5 Способности уме́й исчислить,
Тебе которые даны,
О счастья уме́й помыслить,
Утех все дни твои полны.
Незлобный человек имеет
10 В себе начало всех утех;
Коль в добродетелях успеет,
В блаженстве нет ему помех.
О совесть! дар Творца первейший,
Невинность в смертном ты хранишь,
15 Твой глас да будет ввек сильнейший,
В сем сердце, кое ты крепишь.

1774

Л. 7.

К другу

Удар чувствительный тебя, мой друг, сражает,
Колеблет мужества исполненную грудь;
Болезнь телесная с ним купно угрожает,
Любезный друг! Скрепишь, великодушен будь.

- 5 Сретаем зло во всем покрытом нами свете,
Злу видим и себя подверженными здесь;
Во всяком существе, во всяком мы предмете
Находим чудную вреда и пользы смесь.
- 10 Почто ж десница нас единая, дарами
Столь щедро богатыя, беды дает нам знать?
Почто едиными и теми же сердцами
Велит нам чувствовать и сладость и страдать?
- 15 Нам здесь не суждено, чтоб были совершенны,
С цветами тернии земля сия родит,
И если запахом одних мы услаждены,
Взаимно нас игла другова уязвит.

- 20 Припишем праху зло и час себе представим,
В который, из стихий вещественный состав
Отвергнув, к вечности мы духом путь направим,
Другое бытие, другую жизнь познав.
- Оттоле мы, мой друг, в сей мир ниспустим взгляды,
Где мы в преддверии лишь дышим существа;
Оттоль здесь страждущим прольем лучи отрады
И слабость подкрепим толь бренна естества.
- 25 Взаимным образом мы ныне дух свой будем
Отсель к той вечности блаженной возводить,
Несовершенствы все сей жизни позабудем
И меньше воздыхать, слез меньше станем лить.

1779

Л. 19.

Гроза

- Густые тучи засинели,
Простерлись над землей вдали,
Луч солнца скрыли от земли;
Вослед им вихри заревели,
5 Сразились с яростной волной.
Покрыли пеной ту седой.
- В пространстве воздуха безмерном
Несется страшный громов треск,
И молний там палящих блеск
10 Рождает в сердце страх неверном,
В неверном сердце, кое мнит,
Что Бог его лукавств не зрит.
- Звук громов сих мятет боязнью
Безбожных горделивый дух
15 И, поражая оных слух,
Грозит небесною им казнью
За то ль, что в слепоте своей
Не чтут Творца вселенной всей.

- 20 За то, что на земле дерзают
 Себя одних боготворить
 И, слабых устремясь теснить,
 Раскаянье во злых не знают;
 В душе глас совести губя,
 Живут себя одних любя.
- 25 Но сердце правых непорочно
 Без страха молний блески зрит;
 Им свет небесный сей твердит,
 Что смертному всегда есть прочно
 На благодать Бога уповать,
30 К Его могуществу взывать.
- Все поле воздушных широко
 Велел Он солнцу нагревать;
 Но, в зной земли дав возжаждать,
 Низводит к ней всещедро око:
35 Речет, и облачный покров
 Пролить отраду ей готов.
- Земли поверхность прозябает,
 В природе множатся красы
 От влажных бисеров росы.
40 Цветет и купно возрастает
 Веселье в сердце тех людей,
 Кто непорочен в жизни сей.
- Они приятную отраду
 В себе, окрест себя, во всем
45 Находят в дивном мире сем.
 Господь толь сладкую награду
 Сердцам незлобным положил,
 Чтоб человек незлобно жил.
- Господь намеренья благие
50 Свои на смертных всех открыл.
 Хотел, чтоб счастлив смертный был
 И вел спокойно дни драгие;
 Чтоб утвердить в блаженстве том,
 Он совесть даровал с умом.

- 55 Но тех, кто в злобе закоснеют,
Лишил любезной тишины.
Пусть все желаньи свершены,
Еще блаженства не имеют.
Творец так злобу наказал,
60 Так суд свой правый показал.
- Царю превечный и создатель,
Прекрасная вселенной сей!
Толь многих милостей податель
Тобой рожденной твари всей!
65 Когда я, мыслям дав свободу,
К пресветлому небесу своду
Несусь в восторге от земли,
Ты! сердца моего смиренью,
Души моей благодаренью
70 Творец! со благостью внемли.
- Внемли желанью духа сильну,
Чтоб кротко, непорочно жить,
И благодать Твою обильну
Во зло другим не преложить.
75 Подаждь мне ясность дней любезну,
Добро творить любовь полезну,
Отец добра, благослови!
Что ради счастья от века
Извлек Ты брэнна человека,
80 То сердцу моему яви.
- Когда себе воображаю
Бегущих дней моих конец
И в вечность мысли погружаю,
О Боже! вечности творец,
85 Меня, здесь долу истребленна,
Благих земли сей отчужденна,
От тлена к бытию восставь
И тамо жизнь мне дав иную,
Щедроту обнови святую
90 И время паки мне прибавь!
- 1783 Л. 65—67.

К Бережку

- Здесь жизни десять лет моей прошли спокойно
И в вечность скрылись навсегда!
Что ж памяти достойно
Осталось мне от них? — что пользы? — что вреда?
5 Течение сих лет навеки мне полезно.
То чувство, коего душою всей желал,
Источник счастья, о дружество любезно!
Тебя я приобрел, тебя я испытал,
Тобою десять лет в восторге наслаждаюсь!
10 Прекрасные места любить я побуждаюсь,
Где купно царствует с тобой
Невинность, радость и покой.
Здесь чувствовать тебя всем сердцем научился;
Затем любезны стали мне
15 Поля и рощи в сей стране.
Затем к брегам сим прилепился.
О дружба! Может быть, тому подпорой ты,
Что жертва лютой нищеты
В отраду здесь себе участие находит;
20 И, может быть, иной возводит
Надежны взоры к сим местам,
Где помочь зрят обык бедам.
Теките, дни мои, во счастья подобном;
Песьва на берегу, к веселию способном,
25 Душевный мир, любовь и дружба обитай,
А горесть страждуща отраду обретай.
- 1785 Л. 71.

Иней

- Всходяще солнце освещало
Густую рощу на берегу:
На ветвях иней разноцветный
Сиял, блистал, горел, сверкал;
5 Алмазы, яхонты играли,
Зеленый изумруд светил,
Серебро и золото там сияло

10 Во множестве по всем местам,
Уму богатство представляло
Великолепие глазам,
И сердце слабых начинало
Уже и завистью болеть,
Уже оно себе мечтало,
«Сколь лестно в высоте блеснуть»!
15 Пахнул внезапно ветерочек,
Шатнулся ветвями кусточек,
Свалился иней, облетел...
Где искры камней самоцветных?
Сиянье золота и серебра?
20 На самой там вершине леса
Холодный иней быть случился;
Он солнечным лучом светился,
Скорей от ветру прочь слетел,
Слетел и в поле очутился,
25 Во множестве простых снегов,
Которы землю покрывают;
Там вихри им в метель играют,
Доколь смягчась, растаяв, вместе,
Весной ручьями потекут,
30 Лугам красу и жизнь дадут.
Не блеском, случаем, ни местом,
А пользой человек велик.

1798

Л. 84 об.—85.

Е. Д. Кукушкина

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ ОДА Н. П. НИКОЛЕВА ПАВЛУ I

В статьях, посвященных формированию в русской культуре XVIII века представлений о природе творческого процесса, С. И. Николаев показал, как слагались они из понимания литературного труда то как тяжелого «ремесла», то как следствия вдохновения и подчиненности поэтическому восторгу.¹ Эти наблюдения находят подтверждение и в творческом наследии Николая Петровича Николева, дополняя приведенные С. И. Николаевым примеры. В обращении «К читателю», открывающем четвертую часть «Творений» Николева, автор выражает надежду на доброжелательность и понимание читающей публики:

...Читатель разберет без осужденья злова,
Что рисовала кисть и что топор тесал,
Что плод ребячества и мужа пожилова...

и далее он говорит о природе своего таланта:

...Диковинка и то, как я нашел Парнас,
Как мог я с Музами без зренья содружиться

¹ Николаев С. И.: 1) Образ писателя и эстетика творчества в представлениях русских писателей XVIII века // XVIII век. Сб. 24. СПб., 2006. С. 82–95; 2) Вдохновение и творческий процесс в представлениях русских писателей XVIII века // XVIII век. Сб. 25. СПб., 2008. С. 26–38.

И вдохновеньем их на страсти вооружиться.
Но светит благодать и зрячим и слепым,
Кто Божьей волею благословенно дышет,
Тот и тупым пером о истине напишет.
К тому ж, хотя в груди будь золото мое,
Я смело говорю: имею дорогое <...>.
Судья! На худо зря, не жмурься на добро!
Для зависти твоей плода даров не кину...²

Свои успехи в поэзии Николев объясняет «благодатью», «Божьей волею», «плодом даров», то есть дарованием.

Слово «дарование» в современном языке синонимично понятию *талант* и означает «врожденные способности», «склонности». В таком значении оно отмечено уже в 1703 году в «Арифметике» Л. Ф. Магницкого (1703).³ Однако в XVIII веке «дарование» употреблялось и в высоком смысле: «одарение», «ниспослание».⁴ Способность к творчеству воспринималась как Божий дар человеку, которого Творец создал по своему образу и подобию. Заметим, что Гете считал творческое начало в человеке одним из доказательств существования Бога.⁵ О том, что понятия «склонность» и «дарование» не всегда воспринимались как синонимы, свидетельствует также обращение Николева к адресату его оды «Милосердие или краснейшая доблесть Павла Первого», подносной рукописный экземпляр которой с собственноручной подписью Николева обнаружен в Центральном государственном историческом архиве.⁶ Ода была написана 8 марта 1798 года, передана Павлу 15 марта и сохранилась, по-видимому, в единственном экземпляре.

Можно предположить несколько причин, по которым ода не попала в печать. Собрание сочинений «Творении Николая Петровича Николева»,

² Творении Николая Петровича Николева: В 5 ч. М., 1795–1798. Ч. 4. С. III нenum.

³ Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. М., 1973. Т. 1. Вып. 5. Д. Е. Ж. С. 15.

⁴ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1880. Т. 1. А–З. С. 427; Словарь русского языка XVIII века. Л., 1991. Вып. 6 (Грызться–Древний). С. 34–35.

⁵ Данилевский Р. Ю. Пушкин и Гете. Сравнительное исследование. СПб., 1999. С. 181.

⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 43 (1798). № 525. Л. 1–7.

составившее пять частей из задуманных первоначально десяти,⁷ к этому времени уже было опубликовано.⁸ В предисловии к первой части издатель отмечал, что автор не утруждает себя бережным сохранением всего им написанного: «Издавая сии творения, надеюсь я сим услужить любителям Российской литературы, тем паче, что без сего моего предприятия, по безопасности их творца, они бы при жизни его не были собраны и напечатаны, а может быть, многие из них были бы и утрачены, так как с некоторыми уже оное и исполнилось...»⁹. Николев ответил издателю в предисловии к третьей части «Творений»: «...Почти слепому собирать все то, что в течение двадцати лет было им написано? Собирать по разным рукам многое потерянное и переписками испорченное? Рассматривать многое преданное на пожирание пыли, позабытое тем, кто никогда не имел намерения выпускать в свет склонности и пера своего порождений? ...и по том каждой день по два листа корректуры? ...по два листа! Которую, наблюдая хоть сам Аргус, не токмо святой, издание без ошибок не будет: или от наборщика, или от списчика... все сие мала ли есть жертва? Прибавим к этому решимость сносить шумные отголоски зависти, симфонию Зоилов, крючкотворство педантов, невежественное толкование Аристархов-самозванцов...».¹⁰

Однако истинная причина, заставившая Николева уклониться от обнародования новой оды, кроется, по-видимому, в том, что автор придал своему сочинению характер сугубо личного послания и не предназначал его для печати. В Посвящении, предворяющем оду, Николев писал:

«Всемиловейший государь, благословенный монарх. Давно горящий к тебе непрерывным усердием верноподданный, и который некогда имел счастье быть тобою, государем, проименован слепым-зрячим, находя себя ныне токмо слепым-унывающим, коему, без особой творческой и чадолюбивой твоей прозорливости не остается средств к принесению тебе, милому государю, достойных жертв службою, благодержает, не погасив и

⁷ Серман И. З. Биографическая справка // Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 2. С. 19. (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.).

⁸ Творении Николая Петровича Николева: В 5 ч. М., 1795–1798.

⁹ Николев Н. П. Творении. М., 1795. Ч. 1. С. 3 нenum.

¹⁰ Николев Н. П. Творении. М., 1796. Ч. 3. С. III нenum.

в такой крайности пламенного к тебе ревнования, посвятить великому твоему имени слабый плод склонности и посильного своего дарования.

Удостой, отец Отечества, благоприять песнь милосердию, лучшей доблести твоего величия и оценить жертву не по малости качества, но по великости рвения тебе жертвующего. Бессмертна она, буде нелюбимые в ней чувствования удовлетворяют великому твоему духу. Счастлив я, буде в награду приношения даруешь мне радость облобызать ту благодатную десницу, коя двадцать шесть лет назад удостоивала меня своим прикосновением, а ныне хранит гармонию полувселенной, где дышит и повергающийся ко всеавгустейшим твоим стопам сердцем и духом, всемилостивейший государь, самодержец и отец, нижайший твой верноподданный Николай Николев».¹¹

Основной смысл этого послания — просьба о личной встрече («буде <...> даруешь мне радость облобызать <...> десницу»), аргументируемая давним знакомством («двадцать шесть лет назад») и особой приязнью («имел счастье быть тобою, государем, проименован слепым-зрячим»). Цель же предполагаемой встречи — надежда на поддержку в трудных жизненных обстоятельствах («находя себя ныне токмо слепым-унывающим»). Свое стихотворение Николев рассматривает как плод личной «склонности и посильного своего дарования», подразумевая под склонностью свою любовь к поэзии, а под посильным дарованием — возможность в какой-то степени, то есть «посильно» воспринять «дарованный» талант. Авторское «я» возникает на пересечении индивидуальности (таланта) и Божьего дара. Категория «дарование», по-видимому, может дополнить описание эстетики литературного творчества в русской литературе XVIII века.¹²

Посвящение Николева к оде интересно и в другом отношении. Оно проясняет некоторые моменты его биографии. Оказывается, Николев был представлен великому князю Павлу Петровичу в 1772 году, то есть в год его восемнадцатилетия. О том, что Павел I называл Николева *l'aveugle clairvoyant*, то есть слепым ясновидящим или слепым-зрячим было известно из составленной С. А. Масловым краткой биографии поэта.¹³ Теперь мы узнаем об этом от него самого. Принято считать, что это именование

¹¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 43 (1798). № 525. Л. 2–2 об.

¹² См., например: Карамзин Н. М. Дарования // Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. 1797. Кн. 2. С. 337–370.

¹³ Маслов С. Краткая биография Николая Петровича Николева // Сын Отечества. 1816. Т. 28. № 12. С. 206.

заимствовано из названия одноактной комедии М.-А. Леграна. Комедия «L'aveugle clairvoyant» впервые была представлена в Петербурге 14 декабря 1763 года. Д. И. Фонвизин, побывавший в этот день в театре, писал своим родным: «Я лишь сей минуты приехал из трагедии. Представлена была прекрасно, а малая комедия была «Слепой зрячий»». ¹⁴ Пьеса имела успех у зрителей. Она ставилась в Петербурге и в 1764, 1765, 1780, 1789, 1795, 1798—1800 годах, а в Москве — в 1778—1780, 1782 и 1788 годы. Комедия была напечатана в русском переводе. ¹⁵ Герой комедии Дамон, возвратившийся домой после морского путешествия, притворяется слепым, чтобы разоблачить свою невесту, о неверности которой он извещен. Мысль о розыгрыше продиктована не ревностью, «он уже вылечился от этого бешенства», а желанием «потешиться». Комедия завершается репликой: «Вот то-то прямо слепой вудуций».

Великий князь Павел впервые увидел комедию Леграна 26 сентября 1764 года на сцене Придворного театра. Спектакль состоял из комической оперы Ф.-А.-Д. Филидора «Le maréchal ferrant» («Кузнец»), балета «La coquette punie» («Наказанная кокетка») на сюжет комедии М.-А. Дени и комедии Леграна в качестве «маленькой пьесы». ¹⁶ Пьеса Леграна, по-видимому, не произвела на мальчика большого впечатления, зато опера Филидора так ему понравилась, что 6 октября он ее «изволил долго читать сам», ¹⁷ а 18 октября «изволил петь из оперы» арию. ¹⁸ Десятилетнему Павлу нравились комические оперы. Он считал, что «надобно их поболее напечатать и продавать, чтоб зрителям вдвое больше от того удовольствия было, потому что вся красота их состоит в шутках, в замысловатых песенках, в кои, вовсе не читаящи прежде, во время представления вслушиваться трудно». ¹⁹ Комедию Леграна «Слепой-вудуций» великий князь смотрел и 12 января 1765 года.

¹⁴ Фонвизин Д. И. Собрание сочинений в двух томах. М., 1959. Т. 2. С. 327.

¹⁵ Слепой вудуций. Комедия в 1 д. М.-А. Леграна (L'aveugle clairvoyant). Пер. с фр. П. С. Свиштунова. М., 1788.

¹⁶ Порошин С. Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. Изд. 2-е. СПб., 1881. Стб. 11.

¹⁷ Там же. Стб. 39.

¹⁸ Там же. Стб. 77.

¹⁹ Там же. Стб. 121.

Другой, возможный, хотя и не очевидный, источник прозвания, данного Павлом Петровичем Николеву, можно найти у Д. Дидро. В 1749 году в Париже был издан его философский трактат «Письмо о слепых, предназначенное зрячим», центральное место в котором занимал вопрос об отражении действительности в процессе чувственного восприятия. Это произведение наделало много шума в обществе. Сначала из-за того, что оно повлекло за собой арест сочинителя и четырехмесячное его заключение в Венсеннском замке по причине непочтительного намека в нем на мадам Дюпре де Сен-Мор, любовницу военного министра графа Д'Аржансона, а затем из-за вольнодумства в материалистическом объяснении природы. В трактате рассматривается, насколько объективно воспринимает окружающий мир человек, родившийся слепым, но потом обретший зрение. Дидро делает вывод, что только опыт научает нас сравнивать ощущения с тем, что их вызывает: «пытаются вернуть зрение слепорожденным. Но при ближайшем рассмотрении, я думаю, оказалось бы, что для философии большую ценность имеют расспросы здравомыслящего слепого».²⁰

Дидро пользовался особым расположением русской императрицы, в 1765 году она купила его библиотеку, в 1773—1774 годах он посетил Петербург и познакомился с наследником русского престола. В 1769—1774 годы многие статьи из «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера были переведены на русский язык Собранием, старающимся о переводе иностранных книг. Великий князь Павел весьма рано начал знакомиться с философскими трудами. Еще в 1764—1765 годы он говорил со своим воспитателем С. А. Порошиным «о Вольтере и его сочинениях»,²¹ «о Лейбнице, Д'Аламбере и Фонтенеле» и «весьма опробовал» его сочинение «О множестве миров».²² Дидро и его творчество к 1770-м годам едва ли были обойдены вниманием Павла, а размышления философа о превосходстве здравых размышлений над первыми зрительными впечатлениями могли стать для наследника русского престола особенно актуальными.

Итак, именно в 1770-е годы великий князь Павел Петрович впервые назвал Николева «слепой видущий», к этому времени он, уже заметно

²⁰ Дидро Д. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1986. С. 305—306 / Перевод с фр. П. С. Попова.

²¹ Порошин С. Записки... Стб. 182.

²² Там же. Стб. 294

теряя зрение, пользовался лорнетом и очками.²³ Было ли прозвание связано с детскими театральными впечатлениями Павла или возникло ситуативно в связи с его размышлениями об адекватном понимании действительности? Имело ли оно тогда тот метафорический смысл, о котором говорил С. Маслов, считавший, что Павел знал «непоколебимую твердость сего зоркого слепца <...> как беспристрастного зрителя человеческих слабостей и поступков, могущего не обинюясь говорить правду», или приобрело его позже, в дружеском кругу Николева, остается неясным.

С уверенностью можно предположить, что поднесение оды Павлу I в 1798 году помогло скорому переезду Николева в Петербург, поближе к императору, который «желал иметь его при себе». Здесь Николев «пользовался особенным монаршим благоволением» и получил в награду трость, украшенную бриллиантами.²⁴ В 1801 году, после смерти Павла I, он вернулся в Москву.

Тема милосердия, милости, которую затрагивает Николев, — одна из важнейших для русской литературы XVIII века.²⁵ На нее проецировались взаимоотношения отдельной личности и государства, гражданина и монарха, она выводила поэтов на важные этические и философские размышления. Николев уже касался этой темы в 1793 году, в оде Екатерине II по случаю заключения мирного договора с Османскою Портою. Поэт писал, что милосердие императрицы сродни Божественной любви.

...К виновным жалость ощущает,
Как Бог!... преступника прощает.²⁶

²³Альшуллер М. Г. Спорные вопросы биографии Н. П. Николева (Когда родился? Когда женился? Когда ослеп?) // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. 2009. № 37. Р. 49.

²⁴Маслов С. Краткая биография Николая Петровича Николева.

²⁵Кочеткова Н. Д. Библейский мотив «милость и суд» в русской литературе XVIII в. // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50 (К 90-летию Д. С. Лихачева). С. 155–159; Kochetkova N., Levin Yu. «Царь сердец»: ода Н. М. Карамзина Павлу I // Yudaeo — Slavica et Russica. Festschrift Professor Ilia Serman. Yews and Slavs. Vol. 14. Иерусалим, М., 2004. С. 125–132; [Алексеева Н. Ю.] К вопросу о теме милости в русской литературе XVIII века // Von Wenigen. От немногих / Сб. научных статей к юбилею Н. Д. Кочетковой. СПб., 2008. С. 8–17.

²⁶Ода <...> императрице Екатерине Алексеевне <...> в свидетельство душевного благодарения как вообще за пролитыя божественныя щедроты на всех чад российских

О любви к подданным как необходимом условии монаршего правления Николев писал и в 1797 году, в приветственной оде Павлу.

...Се Павлова наследна часть
Родясь, владеть полувселенной,
Он доблестью своей бесценной,
Любовью нам представит власть...²⁷

В своей новой оде Николев развивает эти мысли. По его мнению, милосердие — «лучшая доблесть человечества», служащая общей гармонии. Он противопоставляет милосердие «самохотению» и бесстрастному правосудию: сердце, сотворенное для милосердия, должно стыдиться нерешимости и сомнений. Правосудие убивает надежды и действует разрушительно. Милосердие и любовь спасает, насыщает души, согревает их и смывает грех. Понимание любви, как силы, гармонизирующей вселенную, воплощающей идеальные отношения между властью и народом, было характерно для масонской философии и нашло отражение во многих произведениях Николева.²⁸

В последних восьми строфах оды Николев переходит от общих рассуждений к традиционным похвалам правления Павла I, упоминая его указы, в том числе (кажется, единственный из панегиристов) указ, относящийся к «весам, и мере, и числу». Имеется в виду указ от 29 апреля 1797 года «Об учреждении повсеместно в Российской империи верных весов, питейных и хлебных мер», введший единые орудия взвешивания, меры веса, меры жидких и сыпучих тел, что было необходимо для экономического единства России. Новые весы и эталонные меры отливались из чугуна по чертежам директора Александровского пушечного завода, шотландца Карла Ивановича Гаскония. Их должны были выкупать губернские правления, но не спешили делать этого из-за довольно высоких цен. Работа по выполнению указа затянулась на несколько десятилетий.

обнародованным манифестом сентября второго дня <...> за великие благотворения принесшего ея верноподданного Николая Николева. М., 1793.

²⁷ Николев Н. Ода <...> всепресветлейшему государю Павлу Первому на день возделенного его прибытия в Москву для священного миропознания 1797 года, марта ...дня. М., [1797]. С. 5.

²⁸ Альтишлер М. Г. История и аллюзии: неопубликованная трагедия Н. П. Николева «Светослав» // XVIII век. СПб., 2011. Сб. 26. С. 435–438.

Обнаруженная рукопись очередной раз подтверждает правоту С. А. Маслова, надеявшегося, что со временем много ненапечатанных сочинений Николева выйдут в свет,²⁹ а сама ода наконец объясняет неожиданное сближение Николева с Павлом I в 1798 году.

**Милосердие, или Краснейшая доблесть
Павла Первого**

Л. 3	Богов и человеков слава,
Правлений мира всех душа,
Рай сердца, умиление нрава,
Покой престола, шалаша:
5	О, Милосердие небесно!
Сколь ты любезно и прелестно
Во всех, во всех лицах твоих!
Всему, что сердцем одаренно,
Рассудку здраву покоренно,
10	Ты цель, ты цель для благ одних.

Ты лучша доблесть смертна рода
И Божье лучшее добро;
Где сила ты — там рай природа,
Там скипетр, жезл, весы, перо |
| 15 | Для общей гармонии служат;
Под властью подданны не тужат,
Ни власти не творят препон;
Самохотенье безобразно;
Там всё свободно и не праздно, |
| 20 | На тронах и судах — закон.

Сколь правосудие бесстрастно,
Вторая доблесть по тебе,
Ни торжествует самовластно,
Но с ним одним — всё в злой судьбе: |
| 25 | Одно стенание на свете,
Едина казнь и смерть в примете,
Едина кровь прельщает взгляд |

²⁹Маслов С. Указ. соч. С. 211.

- И славят ужасы едины;
С ним терн, с ним терн все райски крины,
30 Без милосердия с ним ад!
- Л. 3 об. Я тигра зрел бы в человеке,
Тираном бога б почитал,
Когда бы ни в каком я веке
Тебя в сердцах не обретал.
35 Мне строй и красоты вселенной,
Чем ныне дух мой изумленной
Любует мысли, душу, взор,
Казались бы твореньем злобы,
В сердцах бы зрел любви я гробы,
40 А в разумах — Творца позор.
- Но чтобы смысл иметь нам зрелой
О судной власти и тебе
Дерзнем крылами мысли смелой
Взнестися к Божеской судьбе,
45 Да будет образцом едина!
Что первая из двух причина:
Суду ль любовь? Любви ль суд?
О Милосердие отраднo!
Будь, будь к неблагодарным холодно,
50 Что первым не тебя зовут.
- Как пролил жизнь в лицо природы
Творец из духа Своего,
Достойны ль были смертны роды
Закона строгости Его?
55 Без крайнего вины предлога
Могла ли месть касаться Бога?
Ах, нет! — Тогда любовь в Отце
О правосудии не мнила;
Она тогда себя явила,
60 Как тварь забыла о Творце.
- Л. 4 Стыдися сердце, сотворенно
Для милосердия одного,
Быть нерешимо и сомненно,
Что в Нем великое всего!
65 Стыдись и ты, сам разум строгий,

- Без оного слепой, убогой,
В нем первенства не признавать
Над правосудною добротой,
По нужде принятой щедротой
70 На то, чтоб и судя — спасать.
- Где без любви милосердной
Где пастыри, цари, сам Бог?
Будь человек, как мрамор твердой,
Возьми вселенную в залог,
75 Держи все царства под пятою,
В коронах, с славой, красотою,
Будь Бог в суде премудр и тверд,
Но без любви — и Бог сей беден;
Велик лишь тем, что миру вреден;
80 А мал, что есть немилосерд.
- Дерзнем сравнить сии доброты,
Чтоб мрачну разуму дать свет,
Из коих без одной, щедроты,
И Божьей благодати нет.
85 А без другой — порядка мира,
Равенства богача и сира,
Ни злодеянням должной мзды.
Речем: Что плод суда? — отмщенье!
И ужас, ужас в ощущенье.
90 Всё ждет погибельной чреды.
- Л. 4 об. Бог на суде — и мир весь грешен,
Не оправдится от суда;
Ум сир, безгласен, безутешен,
На сердце грех, в очах беда,
95 Душе болезненно и стыдно;
Определение правосудно
К ответу совесть призвала;
Настал конец делам и срокам!..
И ввек служащая порокам
100 Перед Судьею — обмерла!
- Отчаянна, не ждет прощенья;
Где правосудие одно,
Там слабости без извиненья,

- Ничто душе не прощено.
105 Бог судит и трепещут люди,
Вздыханья движут грешны груди,
Как сильный маятник часов.
Биенье сердца раздается,
Надежды в нем не остается,
110 В нем веденье одних грехов.
- Бог в гневе — небеса зардели,
Воздушный океан сгущен,
На тучи тучи полетели,
Весь мир в темницу обращен;
115 Пред громом молнии сверканья,
За громом треск падуша зданья
И вопль, и стон живущих в нем,
Гроза и буря служат гневу,
Средь свиста вихрей, ветров реву
120 Вся тварь глуха, всяк смертный нем.
- Л. 5 Бог мстит — и вся природа стонет,
Селенья адские дрожат,
С громадами земля вся тонет,
Под бездной Атласы лежат,
125 На дне престолы, грады, царства;
Взглянула Правда на коварства,
Казнить гордыне предан свет,
И все убито, разграбленно,
Здесь сожженно, там потопленно,
130 Под небом лишь ковчег плывет.
- Но се! От высоты эфирной,
С престола благодатей всех,
Чистейших дум, надежды мирной,
Сердечных сладостей, утех
135 Нисходит дар на все дыханья,
Бальзам души и чувствованья,
Любви небесной приговор!
И зрю сияние на тронах,
Единый смысл во всех законах,
140 Для твари всей — блаженств собор!

- То нежность власти умиленной,
 Спасенья общего залог;
 То оправдание вселенной,
 Любви бездна — слово — Бог.
 145 Рекло и раздались глаголы,
 На алтари, суды, престолы
 Закона вожделений всех;
 Свершилось таинство обета,
 150 Отверзся всем источник света,
 Источник, где омылся грех.
- Л. 5 об. Уже не строгость, ток щедроты
 Из истин льет любовь Отца.
 Да нектаром сея доброты
 Все услаждаются сердца.
 155 Се Милосердие воззрело,
 Спасло, насытило, согрело,
 Дохнуло пламенем любви
 Во все пред ним виновны души,
 И грех, как мытный пролив с суши,
 160 Исчез из духа и крови.
- Вселенна! Где твои печали?
 Где безобразие лица?
 И ветер, и громы замолчали
 По слову благодати Творца;
 165 От взгляда греющей любви
 Нахмуренны природа брови
 Златою провела дугой,
 Очей горящих мановеньем
 У стен нежнейшим дуновеньем
 170 Весь оживило шар земной.
- Пресекалась мщенья жертва кровна,
 Железный век стал век златой,
 Из Милосердия любовна
 В трех царствах разлился покой;
 175 Живот, металл, и все растенья
 Через тайное соединенье
 От нежных естества забот

- С несчетной красотой явились,
В несчетных родах обновились
180 Благословением щедрот.
- Л. 6 Так царь неколебим в законе,
И коего отцом зовут,
Любовью съедина на троне
Со милосердием свой суд,
185 Себя подобными владеет,
О них печется, им радуется
Душою, сердцем и умом;
К виновным смотрит грозным оком,
Но помня, что весь мир с пороком,
190 Бросает не на всех свой гром.
- Внутрясь в таинства сердечны
И веку уподобя век,
Находит страсти бесконечны
И, яко царь и человек,
195 Имеющ дух на все свободной,
Держа весы судьбы народной,
По милосердью движет их,
Любовно зрит на действия чужды,
Без гордости приемлет нужды,
200 Глас слыша в сердце нужд своих.
- Так царь, лицо законной власти,
Не забываясь николи,
Велик, блажен в бессмертной части,
Богородобен на земли,
205 Когда душе его прелестно
Ты, Милосердие небесно!
Когда в нем судит всех любовь!
Так в Павле благодать открылась,
Когда на троне появилось
210 Россию осчастливить вновь!
- Л. 6 об. Когда щедрота удивила,
Полмира упитая вдруг,
И в год единый претворила
Четырестепенный округ,
215 Во всем взяла свое участие,

- Здесь бедство пременила в счастье,
 Там леньность привлекла к трудам,
 Там разум, в царстве позабытый,
 Невежеством презренным убитый
 220 К советным призвала делам.

 Всему коснулось смело, твердо,
 Весам, и мере, и числу,
 И, слабость сретя милосердно,
 225 Поставило препону злу
 Царево бездремотно рденье
 Заботу собственну — раденье
 О истреблении злодейств,
 Корысти, роскоши, коварства
 И тайно грабить государства,
 230 И бедность умножать семейств.

 О подвиги, о слава тронов!
 Лавр милосердного суда!
 И кои на судах Драконов
 Не совершались никогда!
 235 Вы, Соломоновы успехи,
 Под коим ум не зрел утехи
 Без милосердия судить;
 Под коим власть незаблужденна
 За слабость сердца осужденна
 240 Умела, обвиня, любить.

 Л. 7 Запечатлейте, власти мира,
 Долг Милосердия в сердцах!
 И узрится на вас порфира
 Без злата в солнечных лучах;
 245 Премудрость будет ваша доля,
 Окрест вас станет Божья воля
 И снова благодатных сил
 Закон прольется из любви,
 Не пожелает в жертву крови,
 250 И царь, как Павел, будет мил.

 Но, о, монарх! Не чти виною,
 Что я хвалу к тебе воззвал,
 Забыв, восторженный тобою,

255 Что дух твой отчужден похвал,
 Что их поэтам запрещает!
 Но правде ль кротость помешает?
 Нет! Примешь жертву той души,
 Что Павлу по лицу известна,
260 А чувством преданна, безлестна,
 Полна им, и дыша в глуши!

К. Ю. Лаппо-Данилевский

К ИСТОРИИ ТЕКСТА ПОЭМЫ Н. А. ЛЬВОВА «ДОБРЫНЯ»

Первая глава поэмы Н. А. Львова «Добрыня» («богатырской песни», по определению самого поэта) была впервые опубликована в 1804 году в журнале «Друг Просвещения»,¹ через три года после смерти ее автора. Именно этот текст долгое время некритически перепечатывался;² лишь в 1972 году в двухтомнике «Поэты XVIII века» было обращено внимание на то, что в томе 37 архива Г. Р. Державина в Государственной Публичной библиотеке (ныне Российской государственной) имеется более авторитетный список поэмы; его текст был воспроизведен в данном издании и вполне оправданно считается наиболее полно выражающим авторскую волю.³ Никким образом не оспаривая это мнение, хотелось бы все же обратить внимание на материалы, позволяющие более полно представить работу Львова над его полиметрическим шедевром.⁴

¹ Друг Просвещения. 1804. № 9. С. 196–207. Из указаний в рукописях следует, что поэма была написана в Петербурге в 1796 году.

² Русская поэзия / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1894. Вып. IV. С. 769–772; Поэты XVIII века. Л., 1958. Т. 2. С. 332–345 (Б-ка поэта; Малая сер.).

³ Поэты XVIII века / Подг. текста и прим. Г. С. Татищевой. Л., 1972. Т. 2. С. 226–236 (Б-ка поэта; Большая сер.). В примечаниях был впервые напечатан план второй главы «Добрыни» и 12 ее начальных стихов, имеющих в томе 37 (Там же. С. 519); они отсутствуют в других рукописях. В томе сочинений Львова 1994 года поэма «Добрыня» была мною воспроизведена по тексту, подготовленному Татищевой.

⁴ Краткую характеристику шести размеров, использованных Львовым в поэме, см.: Западов В. А. Русские размеры в поэзии конца XVIII века // XVIII век. Л., 1999. Сб. 21.

Принимая в целом публикаторские решения Г. С. Татищевой, хотелось бы более полно представить историю текста с привлечением ранее не учтенных рукописей; из них в эдиционном отношении заслуживают внимания следующие редакции поэмы:

А — писарская копия ранней версии «Добрыни» в томе 39 в архиве Г. Р. Державина, которая затем была выправлена и дополнена Львовым;⁵

В — версия текста, возникшая в результате правки Львова в томе 39;

С — список в томе 37 в архиве Г. Р. Державина (аббревиатурой *БП* обозначаются отсылки к его печатному воспроизведению в «Библиотеке поэта» в 1972 году);⁶

Д — текст в журнале «Друг Просвещения» (1804. № 9).⁷

Попробуем вкратце охарактеризовать все четыре редакции текста в их отношении друг к другу; все они отражают финальную стадию работы над ним. *А* — текст наиболее ранний, подвергшийся существенной доработке. Во-первых, была произведена определенная стилистическая правка, которую сложно проанализировать в полной мере, ибо почти все отвергнутые варианты зачернены. Когда же они читаются, можно говорить о тенден-

С. 395. Здесь же ряд справедливых уточнений относительно сказанного в статье: Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII в. // Вопросы литературы XVIII в. Пенза, 1972. С. 195–196, 218.

⁵ Львов Н. А. Добрыня. Богатырская песня [Список с правкой автора] // ОР РНБ. Ф. 247 (Г. Р. Державин). Т. 39. Л. 21–26 об.

⁶ РНБ. Ф. 247 (Г. Р. Державин). Т. 37. Л. 105 об.—100 (поэма вписана от конца тома к его началу, с поворотом на 180 градусов).

⁷ Следует отметить, что напечатание поэмы дало новый импульс к ее распространению. Именно к тексту в «Друге Просвещения» восходят следующие ее списки и выписки из ее текста: Львов Н. А. Добрыня. Богатырская песнь. Гл. 1-я. [Список нач. XIX в.] // РГБ. Ф. 233 (Полторацкие). Оп. 10. Ед. хр. 24. 12 л.; Выписка из «Добрыни», богатырской песни Н. А. Львова, В. В. Капниста // ИРЛИ. Ф. 122 (В. В. Капнист). № 44. Л. 20–21 (в рукописи указан источник выписки: «Друг просвещения на 1804 год, месяц сентябрь, № 9, стран. 200»); Львов Н. А. Добрыня. Богатырская песнь [3 списка нач. XIX в.] // РНБ. Ф. 542 (А. Н. Оленина). Ед. хр. 756. Л. 1–22. См. также список «Добрыни», сделанный А. Т. Болотовым, по-видимому, с какого-то списка в 1790-е годы; с публикацией 1804 года в «Друге Просвещения» текст здесь не идентичен (так, имеется, к примеру, прозаическое вступление, отсутствующее в журнале): Львов Н. А. Добрыня. Богатырская песнь. Соч. Ник. Алек. Львова. Глава 1 // ИРЛИ. Ф. 537. Ед. хр. 30. Л. 144–150 об.

ции к усилению фольклорно-диалектального звучания поэмы (так, слово «кудрявый» заменены Львовым на «шаршавый»,⁸ «заставили» — на «принудили» и проч.). Видимо, переписчик не владел французским языком, поэтому иноязычные примечания вписаны рукою Львова; некоторые примечания расширены или дополнены. Ну и наконец автор собственноручно внес заключительную строку «Простите!», метрическая интерпретация которой крайне затруднительна. Редакция *В*, возникшая в результате доработки *А* (насчитывает 327 стихов), публикуется ниже с указаниями имеющихся расхождений с другими источниками текста, что позволит, на мой взгляд, в ряде случаев скорректировать текст, опубликованный в «Библиотеке поэта» в 1972 году.

Имеющиеся разночтения убеждают в том, что и *С*, и *Д* возникли в результате доработки *В*, которая, однако, не была скоординирована (по всей видимости, между ними были еще какие-то промежуточные списки). Часть исправлений в *С* и *Д* идентична; но в то же время в ряде случаев то, что изменено в *С*, не поправлено в *Д*, и наоборот.

В том 37 в архиве Г. Р. Державина текст «Добрыни» был внесен писцом с какого-то промежуточного списка, в нем сделана всего одна помета рукою Львова — стих «Я прижал к сердцу землю русскую» был расширен до следующих двух:

Землю русскую, мне родимую
Я прижал к сердцу молодецкому.⁹

В результате этого изменения общая численность стихов в «Добрыне» возросла до 328. Как я уже отмечал, версия *С* справедливо считается наиболее авторитетной, но именно сравнение ее особенностей с *В* и *Д* позволяет понять, что следует считать характерными написаниями Львова, а также освободить *С* от вкравшихся писарских искажений.

⁸ Ср. употребление этого излюбленного Львовым слова в его «Песне на взятие Варшавы»: «Буйну голову шаршаву / Кто клокотил, кто трепал?» (в рукописном собрании сочинений поэта: РНБ. Ф. 247 (Г. Р. Державин). Т. 37. Л. 11 об.; в списке с правкой Г. Р. Державина: РНБ. Ф. 347 (Г. Р. Державин). Т. 22. Л. 336).

⁹ По неясным причинам эти два стиха в *БП* опубликованы в обратной последовательности. При переиздании поэмы их, конечно, необходимо поменять местами.

Д, судя по всему, восходит к списку, который принадлежал автору «Памятника Николаю Александровичу Львову» — предисловия к «Добрыне» в «Друге Просвещения». ¹⁰ Как показал еще Я. К. Грот, опубликовавший переписку издателя журнала графа Д. И. Хвостова с епископом Евгением (Болховитиновым), именно Евгений был его автором. ¹¹ В то же время Грот недоумевал, кто мог предоставить ему материалы, ибо Евгений Н. А. Львова лично не знал, а с Державиным познакомился позднее. ¹² Думаю, этим лицом, скорее всего, был двоюродный брат поэта Федор Петрович Львов, также писавший стихи, принадлежавший к ближайшему родственному и дружескому кругу Н. А. Львова. Общая концепция личности Н. А. Львова как «гения» в «Памятнике» заставляет вспомнить очерк Ф. П. Львова «Николай Александрович Львов», ¹³ в котором им позднее развивались сходные идеи.

При напечатании «Добрыни» редакторы «Друга Просвещения», судя по всему, не были особенно аккуратны — видимо, именно они исключили краткое прозаическое вступление («Автор, ходя по лесу ночью...» и проч.), а стих «Не Алцей — новотор поет» снабдили примечанием «Автор родом из Торжка». Не иначе как порчей текста можно объяснить отсутствие следующих двух стихов в *Д*: «Украшать делом речь мою? / Дайте, дайте мне пестуна» (стихи 104–105), ¹⁴ в результате чего нарушена

¹⁰ [Евгений (Болховитинов)] Памятник Н. А. Львову // Друг Просвещения. 1804. № 9. С. 194—196.

¹¹ Грот Я. К. Переписка Евгения с гр. Д. И. Хвостовым // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности императорской Академии наук. 1868. Т. 5. Вып. 1. С. 65—216 (в комментарии на с. 105 к письму Хвостова от 27 сентября 1804 года, в котором сообщалось о посылке первой главы «Добрыни», читаем: «Евгением написана без сомнения и заметка об авторе, предпосланная стихам»). Эти материалы, к сожалению, не были учтены М. В. Строгановым, выдвинувшим не так давно гипотезу о том, что автором «Памятника», скорее всего, был Державин (Строганов М. В. Об авторстве первого некролога Н. А. Львова // Гений вкуса: Н. А. Львов: Материалы и исследования. Тверь, 2001. Сб. 2. С. 114—116).

¹² Ср.: «Неясно, от кого Евгению достался список, но не от Державина, с Евгением тогда еще не знакомым, об их знакомстве сообщал Хвостову в письме от 22 августа (Там же. С. 69—70).

¹³ [Львов Ф. П.] Львов: (Биографии российских писателей) // Сын Отечества. 1822. Ч. LXXVII. № 17. С. 108—121.

¹⁴ Здесь и далее при отсылках номера стихов указываются по публикации в *БП*.

синтаксическая структура соответствующего пассажа. Все же, несмотря на эти дефекты ряд вариантов, имеющих в *D*, заслуживает внимания, если они имеют аналогии в других рукописях.

Обратимся наконец к воспроизведению поэмы в *БП* и попытаемся наконец сформулировать те эмендационные пожелания, которые следовало бы, на мой взгляд, учесть при дальнейшей перепечатке поэмы.

Так, в стихе 8 (здесь и далее нумерация дается по *БП*) почему-то в *БП* избран вариант *D* «Страшен в темну ночь и дремучий лес», а не *A*, *B* и *C*: «Страшен в темную ночь дремучий лес». В обоих случаях размер (пентон 3) оказывается выдержан, однако ритмика второго варианта оказывается не столь «гладкой» из-за сдвижения существительного «ночь» во вторую стопу, что и стало причиной искажений: оригинальный по звучанию стих попытались подстричь под общую гребенку.

Не иначе как типографской оплошностью можно объяснить неточности в стихах 50 и 84: «Я дела решал» вместо «Я дела решил» и «И виденье работать пошло» вместо «И видение работать пошло». Во втором случае за счет выпадения гласной даже нарушается метр.

Стих 80, видимо, не был ясен переписчику, поэтому в *C* находим следующую труднопонимаемую фразу: «Некрест плеткой их плясать учил». В *D* здесь употреблено «нехресть», и лишь благодаря вариантам в *A* и *B* все окончательно становится на свои места:

«Нехрись плеткой их плясать учил».

То есть Львов имел в виду цыган, заставлявших плясать обезьян на ярмарках.

Явную порчу находим в хореическом 147 стихе. *C* дает: «Анапест, спондеи и дактили»; в *D* дело обстоит не лучше: «Анапесты, спондеи, дактили». В этом случае вполне логична эмендация в *БП*, спасающая размер: «Анапест, спондей и дактили». Все же зачин знаменитого львовского пассажа против импортированных с Запада размеров должен читаться несколько иначе, а именно так, как в *A* и *B*:

Анапест, спондеи, дактили
Не аршином нашим меряны,
Не по свойству слова русского
Были за морем заказаны...

Важный элемент литературной игры оказался утрачен в 15 примечании, графемика которого должна передаваться в неизменности. Только в том случае, если оно записано как стихотворение, удастся распознать, что Львов здесь создает свое макароническое стихотворение на основе знаменитых строк Горация:

Non omnis moriar, multaque pars mei
vitabit libitinam... *за то, что я*
Aeolium carmen ad italos
Deduxisse modos, *видишь, какой!*

Q. Horatii, lib. III, oda XXX.

В 16 примечании в *С* выпало словосочетание «люди русские»; в *В* оно вписано автором собственноручно, почему и должно печататься в полном виде. Данный вариант важен как еще один случай иронии Львова над утратившими корни соотечественниками: «„Василий Богуслаевич“, драма на музыке, дана была на театре, и русских витязей люди русские в первый раз еще там увидели».

Нужно сказать, что одно из редакторских решений в томике «Библиотеки поэта» 1972 года следует все же пересмотреть. А именно: Львов, создавая «Добрыню» в фольклорном духе, последовательно употреблял окончание «ой» в именительном падеже прилагательных мужского рода. Несомненно, что подобное изменение в таких словосочетаниях, как «русской твердой дух», «крепкой сон», «трудной путь» и проч., ведет к семантическим потерям. Весьма важным представляется и более полное сохранение некоторых просторечных, архаичных и диалектных форм (например: «шалохнется», «прокладаться», «ложисся», «временя», «шаршавый»).

Ниже воспроизводится текст «Добрыни» по списку в томе 39 в архиве Г. Р. Державина (версия *В*). Для удобства сводного представления лексических вариантов авторские постраничные примечания к тексту поэмы вводятся буквенными обозначениями. Пунктуационные решения, принятые при издании поэмы в большой серии «Библиотеки поэта», не пересматривались.

Н. А. ЛЬВОВ

ДОБРЫНЯ

Богатырская песнь¹

Глава I

Оглавление

Автор, ходя по лесу ночью, струсил. От страха запел² песню; призывает русской дух к себе на подкрепление, сей не узнает его, исчезает и оставляет гудок ему. Певец просит помочи³ у своих товарищей, которые жеманятся, слыша стихи его. Наконец встречается он с Богуслаевичем, за ним вослед⁴ идет⁵, и о прочем, без чего бы и обойтись можно было.

О, темна, темна ночь осенняя!
Не видать в небе ни одной звезды,
На сырой земле⁶ ни тропиночки;
Как гора, стоит тих дремучий лес,⁷
5 И ничто в лесу не шалохнется;
Гул⁸ шагов моих мне наводит страх.⁹
О, темна, темна ночь осенняя!
Страшен в темную ночь дремучий лес.¹⁰

¹D: песня. ²C: Затянул. ³C: помощи. ⁴C: вслед. ⁵Одно зачеркнутое слово в A.
⁶D: Земли. ⁷C, D: Как хребет горы, тихо лес стоит. ⁸A: Шум. ⁹«Мне наводит страх» — написано вместо одного зачеркнутого слова в A. ¹⁰D: Страшен в темну ночь и дремучий лес.

- 10 Выйду, выйду я в поле чистое
И, поклон отдав¹¹ на все стороны,
Слово вымолвлю богатырское.
- 15 «Ох ты гой еси, русской твердой дух!
Сын природных сил, брат веселости,
Неразлучной друг наших прадедов!
Ты без сказочки не ложишься¹² спать,
Ты без песенки не пробудишься.
За работою и на поседке,
В тучу грозную и в лихой мороз
Звонкой голос твой гонит горе прочь.
- 20 Покажися мне, помоги ты спеть
Песню длинную, да нескучную,
Да нескучную, богатырскую!
А чтоб со смеху люди плакали,
Ты явись ко мне с побрякушками,
- 25 С приговорками, с прибасенками:
С прибасенками старики наши
Жили долгие веки весело».
- 30 Посреди поля, среди чистого¹³
Не туман густой развивается
Не с небес сошло черно облако —
От земли восстал, как столетний дуб,
Станом сильной¹⁴ муж, взором Светов^а сын,
Богатырской дух русских витязей,
И дуброва вся поклонилася.
- 35 «О! почто ты мой прервал¹⁵ крепкой сон?»
Громогласно мне витязь вымолвил.
Раздался в лесу грозной глас его

^аСвет, Светой, Световид, Славянский Фив, или Аполлон. Русских нерусские историки всегда белокурыми описывали, то пусть они будут дети светлого, но скупого к ним отеческою любовью батюшки, который, по доказательству друга моего N, и сам в Тентелевой деревне в Гипербореях родился. [Текст, выделенный курсивом в этом примечании, имеется в С и D; в А и В отсутствует].

¹¹А: Обернуса я. ¹²С: Ложисся. ¹³Д: Что среди поля, среди чистого. ¹⁴С: Силен.
¹⁵С, D: прервал ты мой.

- Громовыми вдаль отголосками.
 Тучей вспорхнули мелки пташечки,
 40 И холодной пот окропил меня.
 «О! почто ты мой прервал¹⁶ крепкой сон?
 Ты призвал меня первой к радости
 Старорусским петь мерным голосом;
 Да не время, нет — не пора теперь,
 45 Недосуг с тобой проклаждатися.¹⁷
 Было время мне... но теперь не то:
 Как носился я каленый стрелой
 С поля чистого во высок терем,
 Я был первой гость на пирах везде;
 50 Я дела решил, дружбу связывал;
 От меня нигде тесно не было,
 Хотя правду я говорил в глаза.
 А теперь кому, где я надобен?
 Из бесед меня карты выжили;
 55 Табаком кого клоб¹⁸ не выкурит¹⁹?
 Уж семейных нет вечерин теперь,
 Хлебосольства дух роскошь вывела,
 Из честных домов по шинкам стоят;
 Без билета иль без рубля нигде
 60 Не услышишь ты: „Просим милости“.
 Нет хозяина для незваного.
 Поклонился я приворотникам,
 Поселился жить в чистом воздухе,
 Посреди поля с православными...
 65 Я прижал к сердцу землю русскую²⁰
 И пашу ее припеваючи;
 Позовут меня — я откликнуся,
 Оглянуся, но — не знаком никто
 Ни одеждою, ни поступками.
 70 Да ты сам скажи мне, что за зверь?
 Разнополой прынтик с мельницы⁶

⁶Je révenois de Paris, j'étais en frac et poudré au blanc, le rustre n'avait aucune idée de tout cela et prenait mes atours et mes politesses pour des contorsions d'un singe de boulevard.

¹⁶С, D: прервал ты мой. ¹⁷D: прохлаждатися. ¹⁸С: клуб. ¹⁹D: не выгонит.

²⁰С: Землю русскую, мне родимую / Я прижал к сердцу молодецкому.

- На мороз колени выставил
 Так, как лыс бес перед завтреньей,
 Что ты этак жмешься, шаркаешь,
 75 В три погибели ломаешься?
 Я таких только на ярмонках
 Обезьян видал на сворочке,
 Как для смеху за три денежки
 Нехристь²¹ плеткой их плясать учил».
 80 «Право, русской!» — я сказать хотел,
 Но уж солнце показалось,
 И видение²² работать пошло,²³
 Покачавши головой своей.
 Тут²⁴ на месте, где герой стоял,
 85 Я нашел с смычком²⁵ некрашеной,
 На разлад гудок настроенной.
- Я гудок взял, не знаю как,
 Задержал на чудной лад,
 Как телега немазана;
 90 На колене играючи,
 Поплелся ковыляючи...
 Как ворона на застрехе,
 Затынул было песенку...
 Затынул, а неведь кому.
 95 Не бессудьте, пожалуйста,
 Люди добрые, русской строй.
 Ведь не лира — гудок гудит,
 Не Алцей — новотор поет.²⁶
 Не покиньте товарища,
 100 Скоморохи различных мер!
 Научите, кому мне петь
 И кому поклониться.
 Кто мне будет подтягивать,
 Украшать делом речь мою?
 105 Дайте, дайте мне пестуна,

²¹С: Некрест; D: Нехресть. ²²D: виденье. ²³Стихи 81—82 возникли в В из стиха, зачерненного в А. ²⁴А: и. ²⁵А: гудок. ²⁶D содержит издательское примечание: Автор родом из Торжка.

- Дайте русского витязя!²⁷
 Я Бову-королевича^а
 Не хочу петь, не русской он.
- 110 Он из города Антона^г
 Сын какого-то Гвидона,
 Макаронного царя.
 О пустом не говоря,
 Хлеб ему наш полюбился,
 Так он к нам переселился
- 115 И давно в Москве учился
 Щи варить и хлебы печь.
 Тут он взял и русску речь...
- 120 Кривой политики прямые невыгоды,
 Протухлой горизонт, гнилые мертвы воды
 Покрыты тучею бродящею гробов.
 Нахальствы²⁸ явные и тайная управа,
 Язык и мысль в тисках, за всё про всё отравя
 Принудили²⁹ давно как Францову любовь,
 Так и царевны Ренцывены^а
- 125 Оставить плесенью цветуши мокры стены
 И уголок пригреть у нас,
 Но, витязи мои, я петь не буду вас
 И никого, кто там родился,
 Где лицемерием и гаер заразился.
- 130 Нет, такого мне дайте³⁰ витязя,
 Как в чудесной век Володимира
 Был принизистой сын Ременников^с,

^а Кто таков Бова-королевич, во всякой передней можно осведомиться. ^г Анкона, город в Италии, сделался у переписчиков Антоном. [*словосочетание «город в Италии» вписано в В Львовым*]. ^а «Франц и королевна Ренцывена» — венецианской роман, при царе Алексее Михайловиче переведенной; после складов и я его переписывал и помню, что в нем есть Жени-дух и Старец Пилигрим. ^с Иван Усмович, сын киевского кожевника, решивший поединком победу над печенегами; назывался, по мнению Нестора, Переяслав, и по имени его построен будто город Переяславль на том самом месте, где он убил пече-

²⁷ Вместо стихов 104–106 в D следующий: Дайте русского мне витязя! ²⁸ С: Нахальства. ²⁹ А: Заставили. ³⁰ А: дайте мне.

- Как Полкан бывал, иль как Лазарич^ж,
 Иль Потаня.^{31,а} — Но что, товарищи!
 135 Что уста ваши ужимаете?³²
 Чем вы сахарны запечатали?³³
 Вниз потупили очи ясные;
 Иль,³⁴ низка для вас богатырска речь?
 Знать³⁵ невместно вам слово русское?
 140 На хореях вы подмостилися,
 Без экзаметра, как босой ногой,
 Вам своей стопой больно выступить.
 Но приятели!³⁶ в языке нашем
 Много нужных слов поместить нельзя
 145 В иноземские рамки тесные.
- Анапест, спондеи, дактили³⁷
 Не аршином нашим меряны,
 Не по свойству слова русского
 Были за морем заказаны;
 150 И глагол славян обильнейший,
 Звучной, сильной, плавной, значущий,
 Чтоб в заморску рамку втискаться,
 Принужден ежом жаться, корчиться
 И, лишась красот, жару, вольности,
 155 Соразмерного силе поприща,
 Где природою суждено ему
 Исполинской путь течь со славою,
 Там калекою он щетинится.

нега Шалапая, роста безмерного. В русском Летописце, или, лучше, в Летописце Ефимиевского монастыря, скажется, будто бы он сам, Усмович, назван был после победы Переславлем, в знаменование, что переял славу у печенегов. [*Примечание отсутствует в А и В*]. ^жЕруслан Лазарич, русской богатырь, не знаю, удостоился ли тиснения, но за цензурой не могли предать ни политические, ни нравственные затруднения. [*Примечание отсутствует в А и В*]. ^зОдин из богатырей, при Владимире служивших. Смотри: Владимир в «Записках касательно российской истории». [*Примечание отсутствует в А и В*].

³¹А: Иль Добрыня. ³²Вместо стиха, зачерненного в А. ³³Стих отсутствовал в А. ³⁴С, D: Знать. ³⁵С, D: Иль. ³⁶D: Нет, приятели! ³⁷С: Анапест, спондеи и дактили; D: Анапесты, спондеи, дактили.

- 160 От увечного ж еще требуют
Слова мягкого, внешность бархатну.³⁸
- Правда, был у нас сын усилия,
Он и трудности пересиживал
Дарованием сверхъестественным,
165 Легким дельвал невозможное
Властью русского славословия.
Он ногами бил землю бурными;^и
Под его пятой богатырскою
И Ливан кремнист, как тростник, трещал;^и
Упомял росой гром и молнию,^к
- 170 Кораблем дерзал^а без глагола в путь;
Развивал он мрак и пески крутил;^{39,м}
Но не так-то, чтоб (правду вымолвить)⁴⁰
Дело кончилось без увечия⁴¹
И кроителю и кроеному.^и
- 175 То⁴² зачем же нам надседаться так,
Биться палицей с ахинеєю?
Дело русское — грудью город взять,
Силой разума царствы целые;
А стихи писать — дело праздности.
- 180 Надрываясь из добра ума,
Никому в труде не понравиться!
И на что при том горы камены

^и «И топчет бурными ногами». Ломонос<ова> ода 10. ^и «Затрещал Ливан кремнист». Ломонос<ова> ода 2. ^к «Упейся, молния, росую». [Примечание отсутствует в А].
^а «Сокровищ полны корабли / Дерзают в море за тобою». Лом<оносова> ода 8. [Примечание отсутствует в А]. ^и «Не мрак ли в облаках развился». Лом<оносова> ода 8.
^и Кроеному. Для произведения созвучности сильная Россия заставила Азию называться Азия, греческий ветерок *зэфир* нарекся *земфир*, вместо *рая* явилось слово *прекраснее рай*. Все сии увечности талантами и любовью к отечественному языку, исполненному богатырю русской словесности, были, конечно, болезненны, но нечего было делать. Надобно было ему ломать и ломаться, а без того вышла бы вместо од одна, по милости которой о других бы еще мы и не жалели. [Примечание отсутствует в А и В].

³⁸С, D: Бархата. ³⁹Стих вписан вместо зачерненного в А. ⁴⁰«Правду вымолвить» вписано вместо трех зачеркнутых слов. ⁴¹Стих вписан вместо зачерненного в А.
⁴²D: Так.

- 185 Для забав плечом опрокидывать,
Когда можно нам по лицу тех гор,
По муравому дерну мягкому,
Нараспашку дух, на босѹ ногу,⁴³
И гуляючи и валяся,⁴⁴
Делом в праздности потешаяся,⁴⁵
190 Рвать свои цветы, нам природные,
Разноцветные и душистые,
Сердцу русскому толь приятные.
- 195 Так и впрям нельзя ль придержаться нам
Поля отческа, толь пространного,
Где трудом веков насажденные
Еще новые красоты цветут?
Оглашенных перст не коснулся им.
Сват Квинтинович, метры гречески^о
Перестроивши на латинской лад,
Как Кистрин будто, взял бессмертие.
- 200 Духу русскому еще лучшие
Предлежат венцы, но не мне только.
Мне, женатому, толь шаршавое⁴⁶
Украшение на челе носить!
Нет, помилуйте! лучше попросту
- 205 Изношу я так свой комолой лоб
Под защитою гривы русыя,
Чем Господь его осенил сполна.
- 210 Но не чудо ли, люди добрые,
Что давно уже и по сию пору
Русской дух в Руси не мерещился,
А теперь уже русской дух у нас
Наяву в очах совершается.

^оNon omnis moriar, multaque pars mei / vitabit libitinam... *за то, что я / Aeolium carmen ad italos / Deduxisse modos, видишь, какой!* (Q. Horatii F. Odar. L. III. Ode XXX). [в А ссылка оформлена следующим образом: Q. Horatii F. Odar. li. 3. Ode XXX; в D отсутствует «видишь, какой»].

⁴³Вместо зачеркнутого в А стиха. ⁴⁴А: И гуляючи и валяся. ⁴⁵Вместо двух стихов, зачеркнутых в А. ⁴⁶А: кудрявое.

- 215 Среди Питера, в Новгороде,
Видел я вчерась Богуславича,^п
Как, дубиною управляясь,
Смирно жить учил новгородцев он.
Дай пойду я вслед добру молодцу!
И не тесно мне вслед его идти:
Он где раз махнет — то там улица,
220 Где повернется — площадь целая.
Очищай мне путь, Богуславьевич,⁴⁷ —
Я с гудком моим белой свет пройду.
Кто нам трудной путь перелечь⁴⁸ может?
Нет ни спорника, ни поборника,
225 Где гудок идет вслед за силою;
Для упрямых ты, я для вежливых.
Устоит ли что в поднебесности⁴⁹
Перед силою, пред согласием?
Из конца в конец пройдем славну Русь,
230 От Новаграда впрям до Киева, —
Бью челом тебе, славной Киев-град!
Да куда ж это вас непутное⁵⁰
Вдруг от Сидора в стену бросило?⁵¹
От Ильменских вод на Бористенес?
235 Широки шаги богатырские,
Но не так-то уж, чтоб из веры вон;
Без чудесного наваждения,
Без шептания чернокнижника
За тобой, рассказ, не угонишься.
240 Успокойся, мой... — Но ты кто таков
Мне вчиняющий⁵² и допрос и суд?
Если старой муж, ты мне дедушка,

^п «Василий Богуслаевич», драма на музыке, дана была на театре, и русских витязей люди русские в первый раз еще там увидели. [*Примечание, отсутствующее в А, внесено в В автором; в С опущено «люди русские; в D примечание отсутствует*].

⁴⁷С, D: Богуслаевич. ⁴⁸Вместо зачерненного в А слова. ⁴⁹Стих вписан Львовым вместо зачерненного стиха. ⁵⁰С: непутная. ⁵¹С: бросила. ⁵²Вместо двух в А зачернутых слов.

- Или дядюшка, если средних лет;
 Если ж ровня мне, то будь брат родной!
- 245 Любопытной мой пестун грамотной!
 Кто просил тебя не свое дитя,
 Не родимое нянчить, пестовать?
 Без тебя бы я в мягкой праздности,
 Растяся лежал под лавкою;
- 250 А со мной тебя и на лавочке
 Проняла никак непоседная!
 Кто с аршином здесь посадил тебя
 Измерять прыжки моего смычка?
 Иль боится спесь грамотейная
- 255 Не по правилам распотешиться?
 Смейся попросту... и спокоен будь.
 Не встревожу я важность книжника,⁵³
 Не тронú тебя с места теплого.
 Слава ратных дел, доблесть русская,
- 260 Володимир — князь солнце Киевской!
 Чрез Торжок меня принесли на Днепр
 Познакомиться с славным⁵⁴ витязем,
 С храбрым рыцарем со Добрынею,
 Со Никитичем добродетельным,
- 265 О котором здесь наша речь идет;
 А нигде еще не помянуто,
 Да не вдруг еще и помянется.
- Бью челом тебе, Киев! Что еще?
 Бить челом теперь обычья нет,
 270 Можно просто бы поклон отдать,
 Побережь столицу разума
 Для другого дела, лучшего.
- Люди грамотны, люди умные!
 Я пою вам ведь песню старую
- 275 И пою на строй тех времен простых,
 Когда были лбы сильно крепкие;
 Пред тогдашним лбом не могли стоять

⁵³Вместо зачеркнутого в А слова. ⁵⁴С: знатым.

- Стены каменны, сила вражия,
 Ни двуличневый щит коварных душ.
- 280 Если б песнь моя обращалася
 К вам, дражайшие современники,
 Лбы хлопчатые холостых людей,
 Иль женатые, увенчанные,
 Подостлал бы я вашей нежности
- 285 Из весенних роз хитротканую,
 Привезенную из далеких стран⁵⁵
 Гладку, мякинью подушечку,
 Чтоб нельзя было вам, почтенны лбы,
 Зацепиться иль оцарапиться.
- 290 Но давно уж мы Бровари прошли
 И пред Киевом, как под Троею,
 Подпершись стоим и ни с места... А!
 Уж пора бы нам и во град взойти.
- 295 Месяц светел, млад по лицу Днепра
 Пролагает нам путь серебряной;
 Бьется лодочка возле берега,
 На корме сидит стар матерой муж.
 Седока⁵⁶ старик дожидается.
- 300 «Здравствуй, дедушка». — «Просим милости!»
 Встрепенулс я наш парус. Северной
 Ветр поставил нас вдруг к полденному
 Брегу Киева. Ну! порядочно ль
 Мы подъехали к городским стенам?
- 305 Бью челом тебе, славной Киев-град,
 Златокованны твои маковки,
 Звезды частые, поднебесныя,
 Со крутой горы со песчанья
 В глубины⁵⁷ Днепра помагаючи,
 Красоте своей удивляются,
- 310 Что в воде горят и на воздухе.
 Что в тебе такое деется!

⁵⁵А: мест. ⁵⁶Д: Ездока. ⁵⁷Д: В глубине.

315 Пыль столбом,
Коромыслом дым,
В улицах теснятся,
В полночь не спят,
На горах огни,
На полях шатры;
Разные народы
Кашу разную варят.
320 Словья не кормят басни,
А душок съестной
Сельских блюд не без приязни
Нос подвигнул мой,
325 Чтоб мне с песней⁵⁸ полуумной
Не пропеть семейной, шумной
Мне обед простой!
Простите.⁵⁹

Конец главы первой

⁵⁸С, D: Чтоб за песней. ⁵⁹А не содержит заключительного стиха.

Н. И. Николаев

Л. В. ПУМПЯНСКИЙ О СТИЛЕ Н. М. КАРАМЗИНА

Почти все труды 1930-х годов Льва Васильевича Пумпянского (1891—1940) представляют собою своего рода академический вариант работ, созданных в философско-филологический период его деятельности, преимущественно в первой половине 1920-х годов. Это в первую очередь статьи о Кантемире, Тредиаковском, Ломоносове, Пушкине, Лермонтове, Тургеневе. В этих академических работах Л. В. Пумпянский что-то неизбежно — в новых направлениях и аспектах — расширял, что-то вынужденно — и иногда самое важное — опускал. Однако как бы ни соотносились с духом времени эти работы, терминология и даже ряд концептуальных утверждений философско-филологического периода неизменно присутствуют в этих поздних статьях, как бы просвечивая сквозь общепринятый академический стиль.

В очерке «Сентиментализм», написанном для академической «Истории русской литературы», все основные затронутые в нем темы уже были прежде поставлены в 1920-е годы.¹ Так, новая пейзажная поэзия, «ночная» поэзия, оссианизм, юнгианство были рассмотрены в работе «К истории русского классицизма» (1923—1924), а затем в статье «Поэзия

¹ Пумпянский Л. В. Сентиментализм // История русской литературы. М.; Л., 1947. Т. IV. Ч. 2. С. 430—445.

Ф. И. Тютчева» (1928), написанной на переломе от философско-филологического к краткому социологическому периоду конца 1920-х годов. И только собственно сентиментализм и сочинения Н. М. Карамзина «Письма русского путешественника» и «Бедная Лиза», анализируемые в очерке «Сентиментализм», оказываются лишенными такого предварительного рассмотрения в 1920-е годы. Между тем, сентиментализму и творчеству Карамзина были посвящены ставшие последними лекции «Истории русской классической литературы» 23, 26, 30 июля и 2 августа 1923 года. Как уже отмечалось, курс «Истории новой русской литературы» (1921–1922), «История русской классической литературы» (1923) и работа «К истории русского классицизма» (1923–1924) тесно связаны между собой системой отсылок.² Так, при публикации работы «К истории русского классицизма» в нее по указаниям Пумпянского был введен ряд фрагментов из «Истории русской классической литературы», а также был добавлен извлеченный из нее завершающий публикацию раздел о А. Н. Радищеве и о значении классицизма XVIII века, где содержится оценка творчества Радищева, соотносимая с той, что дана в конце очерка «Сентиментализм».³ И только из-за недостатка места в том трудов Пумпянского не вошли лекции о Карамзине.

Лекциям о Карамзине предшествует особый и довольно пространный раздел «Эксерпты из книги В. В. Сиповского — Карамзин, автор „Писем русского путешественника“. СПб., 1899», где Пумпянский выделил квадратными скобками несколько своих суждений о «Письмах», по-видимому, придавая им особое значение или намереваясь их развить при последующем изложении: о «Письмах» как первой книге в истории русской литературы, о принадлежности их жанра к господствующей сентиментальной культуре, об их фиктивно-эпистолярной форме. Впрочем, к концу этого раздела конспект книги В. В. Сиповского переходит в рассуждение Пумпянского о роли «Писем» Карамзина в истории русского сентиментализма, с таким достаточно нетривиальным выводом: «главная роль русского

² Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 652.

³ Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма (1923–1924) // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. С. 153–157.

сентиментализма была сыграна не в области духовной жизни, а в области чисто-литературной — и в особенности в истории прозаического стиля».

В очерке «Сентиментализм» Пумпянским и подчеркнуто это новаторство Карамзина: «в русской литературе уже Карамзин начал гораздо более плодотворную работу по преобразованию прозы через усвоение не форм, а самого принципа речевой свободы Стерна».⁴ Затем Пумпянский отмечает, что наряду с «элементарными подражателями Стерна» вскоре появились «иные путешествия, авторы которых поняли, что усвоить Стерна не значит писать о чем угодно под предлогом фиктивного путешествия, а в свободной форме рассказать действительное путешествие <...> В „Письмах русского путешественника“ Карамзин примыкает именно к этому жанру путешествия реального».⁵ Эту речевую свободу Пумпянский, в частности, видит в сближении разных ярусов речи как предпосылки для совершенно нового литературного языка.⁶

О «Бедной Лизе» в очерке «Сентиментализм» сказано немного. Новым по сравнению с лекциями 1923 года было определение ее героя: «Эраст — первый в русской прозе проблемный герой. Генеалогию героя „Кавказского пленника“ (а, следовательно, и Онегина) следует возводить к „Бедной Лизе“ в гораздо большей степени, чем к поэмам Байрона».⁷ Это определение в свою очередь отсылает к Статьям о Тургеневе (1929–1930), где Пумпянский рассуждает о проблемном романе и его герое.⁸ Отзвуком же анализа «Бедной Лизы» в лекциях о Карамзине является определение ее жанра как новеллы: «Карамзин показал себя оригинальным новатором в этой повести уже тем, что проблему и сюжет, трактовавшиеся обычно в романе (чаще всего, длиннейшем романе), он умел сжать до размеров образцово краткой новеллы, предвещающей будущее совершенство „Повестей Белкина“ и „Тамани“».⁹ Напомним, что пра-

⁴ Пумпянский Л. В. Сентиментализм. С. 442.

⁵ Там же. С. 443.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 440.

⁸ Пумпянский Л. В. «Отцы и дети». Историко-литературный очерк // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. С. 425.

⁹ Пумпянский Л. В. Сентиментализм. С. 440.

вильное определение жанра того или иного произведения для Пумпянского было важнейшим моментом в процессе его анализа.¹⁰

Итоговое заключение в «Сентиментализме» о «Письмах» и «Бедной Лизе» касается их места в истории русской литературы: «трудно, однако, переоценить значение „Писем русского путешественника“ <...> Как „Бедная Лиза“ открыла русской литературе новый мир проблемной повести, так „Письма“ дали ей новый способ литературной мысли, а уже вследствие этого — новую форму литературной речи».¹¹ Но если ограничиться уровнем понятий, то в «Сентиментализме» в первую очередь именно определения «речевая свобода» («Письма») и «короткая новелла» («Бедная Лиза») непосредственно соотносятся с лекциями о Карамзине.

В этих лекциях «речевая свобода» («свободная форма») «Писем» («новый стиль», «плюральный стиль», «новая речь») предстает как совокупность («все типы стилей XVIII в. слиты в один общий язык») и сочетание всех видов доведенной до совершенства старой периодизированной речи и совершенно новой ритмизированной свободной речи. Более того, Пумпянский говорит о стремлении Карамзина «дать периодический закон новой свободной речи».

При рассмотрении всех разновидностей литературной речи «Писем» он исходит из анализа прозы М. Ю. Лермонтова в лекциях 1922 года, на которые и ссылается прямо в тексте («См. в лекциях о Лермонтове»). И касается это прежде всего «нервной быстроты» и «ритма быстроты» новой прозы «Писем».

В лекциях о Лермонтове Пумпянский характеризует «живую, непреднамеренно-свободную речь» лермонтовской прозы понятием «быстрота»: «крайняя быстрота повествования».¹² Что касается происхождения этого понятия, то Пумпянский, основываясь на суждении Н. В. Гоголя в заметке «Несколько слов о Пушкине» («Арабески») об отличительном достоинстве Пушкина, заключающемся преимущественно «в чрезвычайной быстроте описания», придает всему этому выражению и прежде всего слову

¹⁰ Пумпянский Л. В. Классическая традиция. С. 757–758.

¹¹ Пумпянский Л. В. Сентиментализм. С. 443.

¹² Пумпянский Л. В. Лермонтов (1922) // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. С. 634, 642.

«быстрота» терминологическое значение, развивая его потом в различных модификациях и сходных понятиях: «ритм ускорения», «ускоренный стиль и ритм ускорения», «проза так же ускорена», «ирония ускорения».¹³ Стоит напомнить, что еще один его термин тех лет — «исчерпывающее деление» — скорее всего, также восходит к суждениям критики о Пушкине, а именно — к словам В. Г. Белинского.¹⁴ В лекциях 1922 года о Лермонтове и 1923 года о Карамзине использованы производные этого термина — «исчерпать» и «исчерпанность».

Выявленные в лермонтовской прозе ритмизированные описания и повествования «отрывками» («толчками») ¹⁵ находят свои аналоги в стиле «Писем». В лекциях о Карамзине проза «Писем» представлена как примерами таких описаний, так и примерами построения таких «отрывков», в частности, отрывка о приближении к Рейнскому водопаду. Само обращение Пумпянского к особенностям, возникновению и развитию русской художественной прозы (Kunstprosa) и способ ее рассмотрения (периодизированная речь и т. п.) не в последнюю очередь были вызваны появлением в конце XIX — начале XX веков в западной науке целого ряда выдающихся трудов, посвященных античной прозе.

Именно в лекциях о Карамзине повесть «Бедная Лиза» определяется как новелла. Она написана стилем «Писем», повествование в ней ведется отрывками, фрагментами: «повесть написана как те письма пассажирами». В «Бедной Лизе» — «три всего действующих лица». Эту особенность Пумпянский называет «чертой новеллистического совершенства» и вновь говорит о ней в очерке «Сентиментализм»: «Карамзин отбрасывает весь этот сложный аппарат спутников, он оставляет героев одних. Эта разгрузка освободила новеллу и привела ее к большей отчетливости».¹⁶ И еще одну такую черту («память о развязке на всем протяжении повести») он приводит в том же очерке — «неизбежность трагической развязки».¹⁷

В «Сентиментализме» и лекциях о Карамзине дается тот же ряд последующих образцов новеллистического совершенства: в лекциях — «Вы-

¹³ Там же. С. 634, 636, 641, 642.

¹⁴ Пумпянский Л. В. Классическая традиция. С. 693.

¹⁵ Пумпянский Л. В. Лермонтов (1922). С. 636–637, 642–643.

¹⁶ Пумпянский Л. В. Сентиментализм. С. 440.

¹⁷ Там же.

стрел», «Тамань», «Часы», в «Сентиментализме» — «Повести Белкина» и «Тамань». Однако в лекциях 1922 года называя Лермонтова величайшим новеллистом XIX века (вместе со Стендалем и Мериме), Пумпянский отмечает, что его «техническое искусство — французского происхождения».¹⁸ Возникновение лермонтовской новеллы он связывает с конкретной исторической эпохой и с особым типом свойственных ей людей. Это — «торопящаяся новелла», созданная «военно-деловой, военно-умной торопливостью наполеонова времени».¹⁹ Такой новелле свойственна «ироничная, умная веселость рассказывающего»²⁰. Следы этого анализа «торопящейся новеллы» заметны и в разборе «Писем» — «дорожный стиль», «смешные слова», «чисто-деловая проза».

Между тем, анализ «Писем» и «Бедной Лизы» в лекциях 1923 года изменяет историческую перспективу, восстанавливая недостающее начальное звено в генеалогии лермонтовской новеллы и ее стиля. Новелла, по словам Пумпянского в тех же лекциях, — «центральное произведение эпохи» («новелла есть рассказ, способный быть центральным дух<овным> произведением эпохи»). И уже у Карамзина, утверждает он, обнаруживается «умение вместить целый мир в короткую повесть». И хотя, казалось бы, «„Бедная Лиза“ есть первая в ряду тех повестей, традиция которых, не прерываясь, тянется до нас», в действительности необходимо серьезное усилие, чтобы осознать то, что повести «Бедная Лиза», «Выстрел», «Тамань» — новеллы, поскольку все они и каждая из них — «новеллы уже чуждой нам цивилизации»: в одном случае — цивилизации сентиментализма, в другом — в понятиях Л. В. Пумпянского — классической, связанной с именами Пушкина и Лермонтова. Напомним, что об особой литературной цивилизации, в данном случае — символизма, он говорил в докладе «Памяти В. Я. Брюсова» (1924).²¹ Более того, Пумпянский, демонстрируя свойственный ему (еще до его перехода на социологические позиции на краткое время в конце 1920-х годов) анализ внутренней социальности литературных произведений, говорит и о тех соци-

¹⁸ Пумпянский Л. В. Лермонтов (1922). С. 636.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Пумпянский Л. В. Памяти В. Я. Брюсова (1924) // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. С. 535–536.

альных параметрах этих цивилизаций, которые подчеркивают и увеличивают их чуждость и отдаленность от нас. И поскольку идеи, стиль и язык таких цивилизаций, имеющие «неповторимый характер», «для следующего поколения — античность и недостижимый „мертвый язык“»,²² то лишь расшифровка этого «мертвого языка» позволит воссоздать смысловую и формальную полноту каждой такой новеллы. Что же касается собственно смысловой наполненности, то как в «Бедной Лизе» сошлись («предположены») «все великие идеи чувствительной культуры», так и все великие идеи века Пушкина и Лермонтова отзывались в их новеллах.

Таким образом, лекции о Карамзине и прежде всего наблюдения над стилем карамзинской прозы дают представление об одном из важнейших аспектов той концепции истории русской литературы, которой Пумпянский придерживался на всем протяжении своей творческой деятельности.

Ниже публикуются отдельные записи из раздела «Эксерпты из книги В. Сиповского» (с сохранением авторского выделения части текста в квадратных скобках) и лекции 23 и 30 июля 1923 года из «Истории русской классической литературы», посвященные стилю Карамзина. Все раскрытые сокращения слов не оговариваются. В угловых скобках раскрыты сокращения, предполагающие возможность иного прочтения. Ссылки на «Письма русского путешественника» даются в тексте по второму тому издания «Сочинений» Карамзина 1848 года с указанием тома и страницы.²³ Там же в угловых скобках даются ссылки на академическое издание «Писем русского путешественника» в серии «Литературные памятники» с указанием страницы.²⁴ Ссылки на другие произведения Карамзина даются по шестому, седьмому и восьмому томам издания его «Сочинений» 1834–1835 годов с указанием тома и страницы.²⁵ Подстрочные примечания принадлежат публикатору. Все исследования Пумпянского написаны особыми периодами с особой расстановкой знаков препинания, поэтому в публикации, по возможности, сохранена авторская пунктуация.

²² Пумпянский Л. В. Лермонтов (1922). С. 636.

²³ Карамзин Н. М. Сочинения. СПб., 1848. Т. II: Письма русского путешественника.

²⁴ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Издание подг. Ю. М. Лотман, Н. А. Марченко, Б. А. Успенский. Л.: Наука, 1987 (Лит. памятники).

²⁵ Карамзин Н. М. Сочинения: В 9 т. СПб., 1834–1835. 4-е изд.

Л. В. Пумпянский

<О СТИЛЕ КАРАМЗИНА>

Эксерпты из книги В. Сиповского — Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899.

<...>

[Эта книга, первая *книга* в истории русской литературы, должна быть изучена всесторонне; это то же в истории *книги*, что первая ода Ломоносова в истории русского стиха, «Евгений Онегин» — романа и пр. Но Сиповский сделал половину дела; анализ различных наслоений стиля Карамзина, классификация всех форм его речи... еще не начаты. Между тем, эта книга стоит на перепутье между блистательными первыми опытами новой прозы, в XVIII в., и прозой Пушкина.]

<...>

Итак, было три замечательных произведения («Reisen eines Deutschen in England», «Lettres sur l'Italie en 1785», «Briefe eines Sachsens aus Schweiz...»),¹ которые по литературному жанру суть то же, что «Письма». Что слагает этот жанр? 1) Не для ученых, а для образованной публики; 2) чередование собственных наблюдений, чувств, размышлений с изучен-

¹ Имеются в виду произведения К. Ф. Морица «Путешествия одного немца в Англии» (1783), Ш. Дюпати «Итальянские письма» (1788) и К. Г. Кюттнера «Письма одного саксонца из Швейцарии» (1785). В конце XIX века «Письма» Кюттнера еще считались сочинением анонимного автора.

ным (на месте, но в особенности из специальных книг) материалом серьезного осведомления; [3] по той же причине — жанр примыкает к господствующей сентиментальной культуре; 4) фиктивно-эпистолярная форма].

Ясно, что такого рода произведение может появиться лишь при полной зрелости сентим<ентальной> — и вообще данной — культуры; потому что оно предполагает ее целиком сложившейся, общезначимой: действительно, к 1790 г. сентим<ентализм> можно считать вполне законченным; достигло оно громадного: путешествие научно-образов<ательного> типа принимает неизбежно общую окраску литературного века! тем более замечательно, что это произошло и в России, где предшествующая сентим<ентальная> культура сводилась только <к> соотв<етствующей> начитанности в западных поэтах. Таким образом, Карамзин прямо примкнул к *самым поздним* явлениям сентиментализма и этим сократил весь путь русского литературного развития. Но это же показывает, что русский сентиментализм не был таким глубоким и важным движением, как то, что связано с именами Ричардсона, Руссо и др. — Поэтому главная роль русского сентиментализма была сыграна не в области духовной жизни, а в области чисто-литературной — и в особенности в истории прозаического стиля. — Отсюда понятно, почему главное дело Карамзина есть его дело в истории художественного языка.

23 июля 1923

Все значение «Писем» иное бледнеет перед стилистическим их значением. XVIII в. завещал два стиля; но ни тот, ни другой он не применил к большому произведению, к *книге*; здесь впервые создана была суммирующая всю его работу книга, в которой все типы стилей XVIII в. слиты в один общий язык; в направлении доказательства этой истины должен идти анализ; еще надо учесть с помощью каких иностранных стилистических влияний Карамзин осуществил эту работу.

Два основных типа речи в «Письмах»: периодизированная (через весь механизм союзов и пр.) и свободная (объединяемая более сложными способами и внутренним ритмом). — Старую периодизированную речь Карамзин довел до полного совершенства; период перестал быть синонимом тяжеловесности и скуки; но главное — он применил периодизированную речь к описанию душевной жизни, к изложению восторга, воспоминания — чем дал особую важность всему касающемуся души. См. период «Сколько

лет...» — II, 1 <С. 5>: abbbab; II, 5–6 <С. 7>: Aaa₁a₂bb₁; эта сухость и строгость грамматики (не скрывающей своих сочленений речи) дает почти научную строгость всей мысли — прием очень частый в «Письмах»; II, 96 <С. 51> — «Зеленые холмы...»: пример краткого, синтаксически простого периода, который тем не менее есть период вследствие подбора слов и ритма; этот тип периодизированной речи достигает полного совершенства в известном описании Рейнского водопада (II, 225–226 <С. 113>), равном описательной прозе «Героя нашего времени». Все проблемы Kunstprosa² можно поставить по поводу этого отрывка — и это не будет непропорционально. — В Kunstprosa нет случайных (фонетически и ритмически) слов; они располагаются группами (например, группа «брызги» и группа «облака»), тяготея к полной поляризации; прозаическая единица, благодаря динамической структуре соотношения главного и придаточных предложений, может следовать самым сложным отношениям мысли (преткновение — вольный доступ, начало — устье, восхождение — низвержение с достигнутой высоты, быстрый подъем — неподвижное парение и пр.); полярность есть типическая форма ритмического мышления прозы, что, вероятно, соответствует соотносительной структуре двух соседних стихов.

Свободная проза в «Письмах» настолько разнообразна, что найти типичное невозможно. Вот несколько случаев:

Мнимая периодическая речь, подражание ритму периода, соблюдение его механизма, между тем, как на самом деле объединение этому ряду фраз дает ирония: II, 673 <С. 333> — «Мудрено ли...»; II, 211 <С. 106> — тоже мнимый период; II, 668 <С. 331> — периодическая фраза служит увертюрой (первым аккордом) к обычному повествованию.

1. Совершенно свободная речь, наиболее полно проявляющаяся в так сказать дорожном стиле (II, 5 <С. 7>).

Его черты: краткость предложений; умелое чередование редких предложений средних размеров с совершенно краткими (по 3–5 слов); сообщение нервной быстроты всему целому путем выделения одного слова — центра смыслового и стилистического носителя общего смысла всей стра-

² художественная проза (нем.).

ниды; например, II, 5 <С. 7> — электричество перебегает по словам... через 3—8, иногда сгущаясь («Кибитку дали мне негодную, лошадей скверных»), в конце разжимаясь. — Секрет хорошо писать таким стилем заключается в крайней отчетливости мышления (твердо помнящего одну черту, одно чувство и недоступного рассеянию) и в громадной изолирующей его способности; затем в умении верно найти слова-носителей: слова эти должны быть отчетливы, резки, смешны. Получается совершенно неимпрессионистская, чисто-деловая проза, не уступающая однако импрессионизму по единству впечатления. Это же единство заменяет такой свободной речи синтаксическое единство периода: создается отрывок. — Почему люди классического века умели так писать? Откуда этот бесподобный ритм быстроты? См. в лекциях о Лермонтове³.

Для анализа единства впечатления: II, 55 <С. 32> — «Я сел в коляске назад...»; здесь оно усилено элементарным ритмом (нарастание длины слов).

2. Свободное описание. Смешанный тип: II, 96 <С. 50> — «Утро было прекрасное...» (три элемента по порядку; совершенно краткие фразы — гармонизированное упоминание — слегка периодизированное и ритмизированное заключение). — Средний тип: II, 107 <С. 56> — «Длинная аллея...»; быть может, такого рода описания стремятся изяществом речи выразить изящество пейзажа. Названы те признаки, которые общи всякому пейзажу этого рода; явно стремление сгладить все детали, создать наиболее общую картину; сила действия перенесена на стиль один; но так как в данном случае цель автора — не быть разительным, то слова выбраны наименее задерживающие внимание; приблизительно то же: II, 112 <С. 58> — «Дорога от Мейсена...» — заметить много абстрактных и неопределенных слов. — Чисто-карамзинский тип описания, где новым методом создается то, что в свободной речи соответствует периоду; II, 179 <С. 91> — «Сию верхнюю часть Германии...». Это без сомнения, период, хотя и без механизма его; но что дает ему единство? конечно, общность (= непротиворечивость) впечатления; это впечатление — восхищение. Оно дает возможность ввести самые разнородные элементы

³ Пумпянский Л. В. Лермонтов (1922) // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 634—637, 641—643.

(шутку об Аргусах, отрыв<очные> фразы — перечисления, общее размышление) и все заключить искусственно-ритмизированным периодом, даже архаизир<ующего> склада — так плюрален по определению новый стиль. См. еще: II, 664 <С. 329>.

3. Таким плюральным стилем (отдельные элементы которого восходят к самым разнообразным традициям) написана почти вся книга; она вся состоит из таких «единиц», например, II, 91 <С. 49> — «Прошел в звєринец...».

4. Применение нового стиля в повествовании, сценках и пр.: II, 185 <С. 94> — «А в Стразбурге...»; начинается как будто в частном письме, каждый из нас так рассказывает в дружеском письме... Но искусство видно в незаметном переходе к сценке (с Прелатом...), которая сразу дает ироническую отчетливость всему сказанному до сих пор.

Из частных любимых приемов: «оркестровка», проведение ритмической темы через разные тембры, по очереди: II, 139, 148, 190 <С. 71, 75–76, 96–97> — очевидно, это один из постоянных и любимых приемов Карамзина; конечно, и он объясняется стремлением дать периодический закон новой свободной речи. Je vous reconnais, classique!⁴ Иногда стремление к периодизации проявляется сквозь полное бессознание и как бы преднамеренную упрощенность речи — II, 95 <С. 51>: получается строго-прозаический ритм, быть может, единственный вполне соответствующий прозе и не окрашенный ни фонетически, ни гармонически; зато торжествует ритм мысли, действующей так отчетливо, что самый сложный процесс ею сокращен до пометок на углах, не больше (ряд указателей направления). Такие отрывки производят уже вполне пушкинское впечатление.

Чего недостает, чтобы мы сказали: это Пушкин? — Поэзии. В повествовательной прозе первый ее признак — разительность, неожиданность сравнений..., образов. Это у Карамзина очень редко: II, 667 <С. 330> (мачты — опаленный лес); вереница огней — II, 671 <С. 332>. — Но такие образы редки — а между тем только они дали бы полное оправдание новой речи и ее внутреннему периодизму.

⁴ Я признаю Вас, классик! (фр.).

По построению, надо различать письма, посвященные одной теме, от разнотемных (например, веймарское письмо от 21 июля — II, 143... <С. 74...> — рассказывает первый визит у Виланда, у Гердера, снова у Виланда, общее суждение о поэзии Виланда, мимо дома Гете, общие замечания о веймарских писателях и заключение — II, 153 <С. 78> — всего 10 страниц! Явно, что это нельзя брать для анализа типического). — Так как центр книги лежит в стиле (= во внутреннем объединении плюральной речи), то наиболее типичны письма наиболее объединенные (= сентиментальные); только в них можно говорить о художественном построении; вообще, надо выбирать письма, явно централизованные, например, августа 14 (II, 223 <С. 112>): как искусно нас ведут к решающему событию или чувству! 1) в предыдущем письме... «на два дни...»; 2) «как можно скорее... опять пустились в путь... еще раза три... наконец... удвоили шаги свои...»: ток направлен отчетливо и бежит, не уклоняясь; 3) разочарование; 4) обмеление интереса в подробностях о трактире — даже с хронологической справкой о Монтене!; сон; случайные и неинтересные визиты; неинтересный город; 5) новое стремление, но совершенно иначе гармонизированное, чем раньше: качка, волны, опасность...; 6) водопад; 7) разрешение через разрежение: мирный ландшафт Лауфена; 8) конец как будто случайный, как будто ничего не кончающий; на самом деле безразличность такого конца глубже, чем что-либо говорит о полной истощенности предмета.

Вообще, надо бы <сделать> особую работу о «концах» (II, 16, 18, 19, 32, 90, 107, 143... <С. 12, 13, 14, 21, 48, 56, 73...>): 1) эпистолярные («пора спать. Прощайте!»; «Завтра еду в Берлин!» и пр.), 2) патетические, 3) художественно-обдуманые. Интересны только эти.

<...>

30 июля 1923

1. Во всем писанном между «Письмами» и «Историей Государства Российского» можно проследить развитие одной общей тенденции. Но с временем ли она связана? Не с жанром ли? — Я не могу на это ответить. Ведь «Письма» писались, по крайней мере, <в> 1791–1797 гг., а может быть, и значительно больше (ибо кто знает, сколько было заново написано для 5 ч. 1801 г.?), так что значительная часть всего периода до «Истории Государства Российского» занята ими и новые явления

в стиле Карамзина начинаются, следовательно, современно им. Наконец в самих письмах можно найти примеры — II, 402–403 <С. 198–199>; здесь есть уже 1) построение на делимых единицах: 4 пары; 2) обдуманное разнообразие их: нечетные из равных, четные из резко-неравных; 3) первая пара состоит не просто из равных, из точно-соответственных половин, между <тем> как третья — из приблизительно равных; 4) все пары антитетичны, так что антитеза проводится то через равные, то через неравные: тембр антитезы; в неравных одобрение поляризовано на длинной половине, в равных — оно тем резче, что не имеет внешних преимуществ; 5) в первой неравной (= второй) одна половина намеренно проста, вторая же привлекает несколько метафор — и каких! Во второй неравной (= четвертой) вторая половина есть обдуманная градация. — Все это так обдуманно! так непохоже на общий язык «Писем»! это сознательная реставрация ломоносовского периода. — Именно такого рода тенденция все сильнее в журнальных статьях и всех рассуждениях (особенно!) до «Истории Государства Российского», так что переход к строгим ее периодам можно совершить почти незаметно. Чем объяснить? — Кажется, степенью официальности жанра (то место — ведь о Петре Великом!). Еще в «Письмах», даже в сентиментальных страницах, размышления о Боге, душе...; если под периодом разуместь синтаксически члененную речь, то — II, 671–672 <С. 332>: «Я люблю...» — есть явный период: три члена «люблю»; на третьем — перелом и переход к расчленению неопределенного наклонения («теряться» — «обращаться» — «думать»), на третьем из них новый перелом и членение дополнительного предложения («средоточие» — «предмет» — «пылинка»). — Между тем, этот так трудно построенный период все же принадлежит общему непериодическому (свободному) языку «Писем». — Почему? 1) Не-официальность слов, мыслей; 2) переломы, которые правильно разбивают — правильность! — Так что это совершенно не тот случай, который представлен периодом о Петре Великом; главное отличие — в отсутствии или наличии *балансирования*.

И вот в «рассуждениях» 90-х гг. все больше вводится это балансирование. Из «Что нужно автору?» («Аглая», кн. 1, 1794 = VII, 13):

1) Начало. В этом периоде нет главного признака чудесной прозы «Писем» — периодизации мыслей самих; периодизированы одни фразы. Неприятный оттенок искусственности, потому что все время кажется, что

особой нужды в периодизации здесь нет; получается *contrepoids*⁵ одних стилистических величин, неприятное ненужное усложнение того, что можно сказать гораздо проще, — т. е. впечатление фиктивного, особого мира.

2) VII, 14–15 — «Но если всему горестному...»: 2 подъема «если» (первый триделен: «всему» — «всему» — «всему»; второй двуделен и серьезнее), и 4 степени понижения, очень искусно построенных как совершенно различные предложения, различные по подлежащему и по сказуемому. Но нужно ли все это? *man sieht die Absicht*.⁶

3) VII, 15 — «Напротив того многие другие Авторы...»: вся энергия очень искусно перенесена на переставленное понижение, и действ<итель-но> — причины здесь важнее последствия, которое есть простое утверждение факта. — Вообще, на трех страницах 7 периодов.

В рассуждении «Нечто о науках, искусствах и просвещении» (1793) заметно паралл<ельное> этой синтаксизации речи оскудение мысли; очень торжественно говорятся пустяки (VII, 19 — «Обратимся во тьму прошедшего...»; здесь нарушен закон существования периода: он есть могущественный метод обогащения мысли, не усыпления, а повторение того же в разных членах подъема явно усыпляет ум). Таких примеров становится отныне у Карамзина очень много. — Параллельно этому у Карамзина развивается любовь к мало выразительным эпитетам, к красивым словам (VII, 67 — «Приносят золотую чашу...»: вина таких описаний не только в том, что они ничего не дают, но ничего и не требуют, а что не требовательно, то проходит без следа). — Карамзин достиг относительного совершенства в этом ложном виде прозы и легко стал «классиком» — но это все — *une partie morte de son oeuvre*⁷ и надо признать, что он изменил своему же делу. — В последнем счете, *потому что он не был поэтом*; требовательный стиль, им когда-то созданный, предполагает непрерывную жизнь ума и фантазии — у Карамзина же они жили недолгий срок и в явной связи с совершенно определенным литературным жанром; он создал бессмертное — но другим передал, более сильным, сам же быстро обмелел в покойной пристани лже-ритмической балансирующей

⁵ уравнивание (фр.).

⁶ видно намерение (нем.). Выражение восходит к драме «Торквато Тассо» Гете.

⁷ смертная часть его дела (фр.)

прозы. — В этом ложном роде однако им создано в своем роде замечательное, «Филалет и Мелодор»⁸ (где нравственная высота дает внутреннюю цену все же слишком изящной речи). «О любви к отечеству и народной гордости», 1802 (VII, 116 — «Мы не имеем нужды...» — прекрасный период, из запоминающихся надолго, потому что 1) опущен союз, 2) обдуманно противоположены построены повышение и понижение, повышение — ∪ ∪, а понижение — —; оба равны, но разным образом, 3) повышение фонетически безразлично, но понижение ярко окрашено фонетически и ритмически — как трубный звук победы из тумана. — Это один из лучших примеров силы периода, когда он применен для действительного углубления научного мышления). — Вообще, чем ближе рассуждение к историческому, тем периоды менее фальшивы. Уже подготавливается вторая *grande manière*⁹ Карамзина, в «Истории Государства Российского».

Итак, в 90-е гг. началось возрождение ломоносовской речи; были попытки фальшивого ее применения, пока все яснее не поляризуется она в повествованиях и рассуждениях исторического характера. Кстати, к концу этого периода, рассуждения философского характера пишутся очень умеренной речью, хотя *soutenue*.¹⁰ Совершенство в этом роде — «О счастливейшем времени жизни», 1803 (VIII, 133). — Вообще же в эти 10 лет разные манеры борются в стиле Карамзина, но ни в одной он не достиг былого совершенства. — Быть может, это зависит от неудачного выбора жанров; он был создан либо для совершенно свободной *causerie*¹¹, либо для монументального труда старого типа; в средних жанрах он нового стиля не создал и они суть территория, на которой видно его

⁸ Имеются в виду послания «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору» (1794), по поводу которых Пумпянский в предыдущей лекции 26 июля 1923 года писал: «Разрыв с политическим либерализмом совершился около 1794 г., конечно, под влиянием террора; и дата, и причина те же, что у всех почти великих немцев — это очень важно. Замечательный памятник этого разрыва известные „Мелодор к Филалету“ и „Филалет к Мелодору“ (Аглая, кн. 2, 1795) — одно из лучших произведений Карамзина. Недаром Герцен цитировал эти страницы! Они имеют вечное значение и делают Карамзину великую честь. Сам Гердер лучше бы не написал».

⁹ великая манера (фр.).

¹⁰ возвышенная (фр.).

¹¹ беседа (фр.).

развитие от истинной прозы к условному барокко «Истории Государства Российского».

2. Но одно произведение этого периода, принадлежащее стилю «Писем», истинно-бессмертно и, быть может, не менее важно, <чем> «Письма»; «Бедная Лиза» («Московский журнал», 1792). По языку — в тесном смысле слова — она явно принадлежит «Письмам»; периодизация только внутренняя, силою отчетливой мысли; весь рассказ разбивается на ряд таких отрывков, так что, быть может, можно в виде гипотезы сказать: повесть написана как те письма пассажирами. Вот они: окраина Москвы — у Симонова монастыря — осенью — пустая хижина — смерть отца — встреча с Эрастом — рассказ матери — визит Эраста — характеристика Эраста — утренний пейзаж и т. д. Это очень близко к построению тех (длинных) писем. Метод объединения каждого отрывка — тоже крайняя отчетливость одной мысли (впечатления, центрального происшествия), так что чтение всей повести есть все время переход от фрагмента к фрагменту; см., например, переход от фрагмента «осень» к «смерти отца». Можно даже выделить формулы стыков; но замечательнее всего разная окраска каждого фрагмента и богатство этих окрасок, например, ландыши (VI, 7) и визит Эраста (VI, 7–8); централизация (т. е. экономность) чрезвычайная.

На «Бедной Лизе» можно видеть, как из «Писем» начинает развиваться будущая великая повествовательная русская литература, как фрагментарное построение «Писем» научает русских бережливо и быстро вести рассказ. План повести недалек уже от совершенства «Выстрела», «Тамани» и «Часов»; новеллистический гений французов и русских, умение вместить целый мир в короткую повесть, у Карамзина уже обнаруживается. Черты новеллистического совершенства: 1) три всего действующих лица; новелла высокого стиля всегда такова, число второстепенных действующих лиц она склонна довести до минимума; в идиллии можно довести эту склонность до предела; 2) память о развязке на всем протяжении повести — русская черта, высокий классицизм будущей русской повести! Начиная от заглавия — через вступление — мрачную осень... беспрерывно гибель пророчески предуказана в каждой строчке всей повести. Так, из не русских писал только Mérimée и немногие другие...; 3) благодаря этому, вся повесть централизована не менее каждого отрывка и, быть может, новое единство одного было найдено параллельно внутреннему объединению другого; именно поэтому «Бедная Лиза» есть первая в ряду тех повестей,

традиция которых, не прерываясь, тянется до нас. Но такого рода повесть, стремящаяся к централизации, есть новелла; 4) новелла есть рассказ, способный быть центральным дух<овным> произведением эпохи — предполагающий ее сложившуюся вполне — предполагающий ее всю; рассказ станет новеллой, если κοινῇ¹² эпохи достаточно сильна и определена, чтобы объединить поэта, героев, читателей. Поэтому новелла достигнет совершенства в век великих наших классиков, когда этою κοινῇ будет ум, но в известном смысле и эпоха чувствительности создала свою κοινῇ; 5) именно с этой точки зрения надо понимать «сентим<ентализм>» этой повести; новелла должна быть написана на условном языке великого стиля — и весь вопрос в ценности самой чувствительной эпохи. Она более далека от нас, чем пушкинская κοινῇ, вот и все, и только поэтому мы не так ясно видим, что повести Пушкина, Лермонтова и Тургенева суть тоже новеллы уже чуждой нам цивилизации. (Впрочем, на «Барышне-крестьянке», «Выстреле»... это ясно; а в «Герое нашего времени» все черты социальной привилегированности, военная мораль, люди касты, а главное, служба, дорога...?). — Поэтому, так называемый сентим<ентализм> «Бедной Лизы» не есть упрек ей; 6) все великие идеи чувствительной культуры, действительно, предположены: любовь поверх социального расстояния; превосходство непорочности над всем в мире и поэтому потеря непорочности — как падение вечного мрака; борьба нравственно-природной правды с неправдой, was die Mode streng geteilt¹³ — главное серьезное событие жизни; временное, непрочное осуществление правды, как мнимая идиллия, прообраз однако внутренне-идиллической жизни, которую требует сентиментальная культура; слабый человек, в душе которого совершилось разрушение вне-временного блага правды; гибель правого и прекрасного. — Вот приблизительный перечень тех основных сентимент<альных> идей, которые предположены этой повестью, которая потому-то и есть новелла и могла достигнуть такой централизации.

Один всего раз Карамзин достигнул поэзии. «Бедная Лиза» — единственное поэтическое произведение чувствительной эпохи. Она есть пред-

¹² общий язык (греч.).

¹³ «Что обычай разделил» (нем.) Из «Оды к радости» Ф. Шиллера. Пер. К. С. Аксаклова.

вестию 1) особой одаренности русских к прозе; 2) особой склонности русской культуры к новелле; 3) особого понимания драматургического значения гибели. — Недаром в 1792 г. вся читающая Россия была охвачена одним чувством. Un frisson d'enthousiasme¹⁴ прошел по всем сердцам; действительно, родилась будущая русская литература.

¹⁴ трепет восторга (франц.).

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК ТРУДОВ СЕРГЕЯ ИВАНОВИЧА НИКОЛАЕВА

1977

Поэма С. Твардовского «Dafnis w drzewo bobkowe przemieniła się» в русском переводе начала XVIII в. (Из истории польско-русских литературных связей) // Вестник Ленинградского университета. 1977. № 8. С. 90–94.

«Круг рыцарский» Б. Папроцкого в русском переводе середины XVII в. // Материалы республиканской конференции СНО. Русская филология. Тарту, 1977. С. 14–29.

Страничка из истории польско-русских литературных связей. (Судьба перевода «Дафны» С. Твардовского) // Русская литература. 1977. № 4. С. 117–122.

1980

«Посмеятельные слова» В. Коховского в русском стихотворном переводе 1677 года // Русская литература. 1980. № 1. С. 121–126.

«Небездельное безделье» В. Коховского в Посольском приказе // Источниковедение литературы Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1980. С. 251–258.

Польско-русские литературные связи старшей поры [*Рец. на кн.*: Małek E. Historia o Meluzynie: Z dziejów romansu rycerskiego na Rusi. Bydgoszcz, 1978] // Русская литература. 1980. № 4. С. 200–203.

Odkrycie starej kolekcji // Literatura radziecka. 1980. № 12. S. 150–153.

1981

Элогиум и проповедь. (Проблемы изучения перевода «Adverbia moralia» С. Х. Любомирского 1730 г.) // Проблемы историзма в русской литературе конца XVIII — начала XIX в. Л., 1981. С. 205–218. (XVIII век. Сб. 13).

Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 163–192.

1982

Польская поэзия в русских переводах второй половины XVII — первой трети XVIII в.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1982. 18 с. (ИРЛИ АН СССР).

К интерпретации притчи А. П. Сумарокова «Коловратность» // Русская литература. 1982. № 1. С. 212–214.

1983

Трактат С. Х. Любомирского о стиле (1683) и проблема стиля в русской литературе первой трети XVIII в. // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 118–129.

Польская поэзия в русских библиотеках XVII — первой трети XVIII в. и ее читатели // Русская литература XVIII — начала XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 165–179. (XVIII век. Сб. 14).

О коллекции Игнатия Онацевича // Духовная культура славянских народов: Литература. Фольклор. История. Сб. статей к IX Международному съезду славистов. Л., 1983. С. 197–209.

Польская художественная литература в русской и советской печати (1711–1975) [Рец. на кн.: Курант И. Л. Польская художественная литература XVI — начала XX вв. в русской и советской печати: Указатель переводов и литературно-критических работ на русском языке, изданных в 1711–1975 гг. Wrocław, 1982. Т. 1] // Русская литература. 1983. № 3. С. 218–223.

Поэтика славянского театра XVII — первой половины XVIII века [Рец. на кн.: Софронова Л. А. Поэтика славянского театра XVII — первой половины XVIII в. Польша, Украина, Россия. М., 1981] // Русская литература. 1983. № 4. С. 207–209.

1984

Неизвестное издание поэмы С. Твардовского «Прекрасная Пасквалина» // Советское славяноведение. 1984. № 6. С. 77–78.

Библиография [произведений А. Введенского и литературы о нем] // Введенский А. Полн. собр. сочинений. Анн Арбор, 1984. Т. 2. С. 363–366. (Совм. с М. Мейлахом и В. Эрлем).

Старопольская проза в России в XVII–XVIII веках [Рец. на кн.: Małek E. Staropolska proza narracyjna w procesie literackim Rosji wieku XVII i XVIII. Łódź, 1983] // Русская литература. 1984. № 3. С. 241–245.

Рец. на кн.: Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982 // Литературная Армения. 1984. № 4. С. 93–94.

1985

Овидий в русской литературе XVII века // Русская литература. 1985. № 1. С. 205–211.

Латинское стихотворение 1698 г. в честь Петра I // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома: Сб. научных трудов / Отв. ред. А. М. Панченко. Л., 1985. С. 254–261. (Совм. с Н. И. Николаевым).

О ранних русских переводах Яна Кохановского // Русская литература. 1985. № 4. С. 230–232.

Польская книга в России в XVII в. // Книга в России до середины XIX века: 3-я всесоюзная научная конференция «Книга в России до середины XIX века». Ленинград. 2–4 октября 1985 г.: Тезисы докладов. Л., 1985. С. 23–24.

Новый список перевода «Разговора магистра Поликарпа со Смертью» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 305–307.

Два стихотворца XVII в. // Там же. С. 371–378.

Хроника Александра Гваньини [Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси»] // Там же. С. 160–161.

Хроника Мадея Стрыйковского // Там же. С. 171–173. (Совм. с М. А. Салминой).

Хроника Павла Пясецкого // Там же. С. 173–174. (Совм. с М. А. Салминой).

Литературные занятия Ивана Максимовича // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 385–399.

Гуданский И. [Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси»] // Там же. С. 69–70.

Феофан // Там же. С. 176–177. (Совм. с О. А. Белобровой).

Челищев П. И. // Там же. С. 180–181.

Чижинский С. Ф. // Там же. С. 181–182.

1986

О стилистической позиции русских переводчиков Петровской эпохи (к постановке вопроса) // Русская литература XVIII в. в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 109–122. (XVIII век. Сб. 15).

Произведения М. К. Сарбевского в России // Советское славяноведение. 1986. № 2. С. 102–107.

«Русский Барклай» — первый перевод Тредиаковского // М. В. Ломоносов и русская культура: Тезисы докладов конференции, посвященной 275-летию со дня рождения М. В. Ломоносова (28–29 ноября 1986 г.). Тарту, 1986. С. 21–22.

1987

Ранний Тредиаковский. (Первый перевод «Аргениды» Д. Барклая) // Русская литература. 1987. № 2. С. 93–99.

Новелла в «Дневнике путешествия в Московию» И. Г. Корба // Исследования по древней и новой литературе. [Сб. к 80-летию Д. С. Лихачева.] Л., 1987. С. 162–167.

Послание дворянина к дворянину / Подг. текста и прим. // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII в. М., 1987. С. 533–535, 614–615.

Рец. на кн.: Библиотека А. А. Матвеева (1666–1728): Каталог / ГБЛ, ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; Науч. б-ка Тартус. гос. ун-та, Б-ка Хельсинк. ун-та; Сост. И. М. Полонская, Т. П. Воронова, Г. П. Енин и др.; Редколл.: Н. С. Карташов (пред.) и др. М., 1985 // Советская библиография. 1987. № 1. С. 71–72.

1988

Польская книга в России в XVII — начале XVIII в. (К методике разысканий) // Рукописная и печатная книга в России: Проблемы создания и распространения: Сб. научных трудов. Л., 1988. С. 103–108.

Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи // Русская литература. 1988. № 1. С. 162–172.

К изучению «Великого Зеркала» // Советское славяноведение. 1988. № 1. С. 74–76.

Задачи библиографического изучения польско-русских литературных связей XVI—XVIII веков // Литературные связи славянских народов: Исследования. Публикации. Библиография. Л., 1988. С. 215–229.

«История о Мелюзине» [Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси»] // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 16–17.

Три фразки Яна Кохановского в переводе XVII в. // Там же. С. 289–301.

А. Нарушевич и Ф. Карпинский в «Чужой музе» В. Г. Анастасевича // Русская литература. 1988. № 4. С. 142–146.

Алексеев И. // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1 (А–И). С. 26–27.

Алексеев М. А. // Там же. С. 27.

Андреевский И. С. // Там же. С. 30–31.

Беклемишев П. И. // Там же. С. 77–78.

Богданов И. // Там же. С. 102.

Васильев А. // Там же. С. 142.

Владыкин И. А. // Там же. С. 160–163. (Совм. с В. П. Степановым).

- Воейков И. Г. // Там же. С. 164–165.
 Гиновский А. // Там же. С. 196.
 Голеневский И. К. // Там же. С. 199–200.
 Горлицкий И. С. // Там же. С. 220–221. (Совм. с В. И. Осиповым).
 Данков Г. С. // Там же. С. 241–242.
 Екимов П. Е. // Там же. С. 303–304. (Совм. с В. П. Степановым).
 Заруцкий А. А. // Там же. С. 327.
 Зельницкий Г. К. // Там же. С. 335–336. (Совм. с Л. И. Ровняковой).
 Ред.: Словарь русских писателей XVIII в. Л., 1988. Вып. 1: А–И. 357 с.
 (В составе редколлегии).

1989

Польская поэзия в русских переводах: Вторая половина XVII — первая треть XVIII в. Л., 1989. 210 с.

Ред.: 1) Tazbir J. // Polityka. 1990. R. 34, № 32 (1736). 11 sierpnia. S. 6; 2) Sielicki F. // Pamiętnik literacki. 1990. № 3. S. 303–307; 3) Lichański J. Z. // Przegląd Humanistyczny. 1991. № 2. S. 170–171; 4) Cierniak U. // Slavia Orientalis. 1991. № 3. S. 374–376; 5) Лабынцев Ю. // Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Информационный бюллетень. М., 1991. Вып. 23–24. С. 52–53; 6) Okoń J. // Ruch Literacki. 1993. № 3. S. 275–281; 7) Malek E. // Przegląd Humanistyczny. 1993. № 4. S. 149–153.

Проблемы изучения малых стихотворных жанров. (Эпитафия) // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII в. Л., 1989. С. 44–55. (XVIII век. Сб. 16).

Театральный эпизод «Записок» Я. Х. Пасека по статейному списку В. М. Тяпкина // Советское славяноведение. 1989. № 2. С. 95–99.

Поэзия и дипломатия. (Из литературной деятельности Посольского приказа в 1670-х гг.) // ТОДРА. Л., 1989. Т. 42. С. 143–173.

Анекдот в проповеди Феофана Прокоповича // Жанры словесного текста: Анекдот / Учебный материал по теории литературы. Таллинн, 1989. С. 165–168.

Кто утешал Феофана Прокоповича в 1730 году? (Об авторстве «Эпода утешительного») // Русская литература. 1989. № 2. С. 191–193.

Из «Великого Зерцала» / Подг. текста и прим. // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. вторая. М., 1989. С. 56–85, 595–597.

«Фациции» / Подг. текста и прим. // Там же. С. 86–132, 597–600.

Анастасевич В. Г. // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 62–63.

Ред. на кн.: Malek E. Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII wieku. Łódź, 1988 // Советское славяноведение. 1989. № 6. С. 106–107.

1990

Библиографические заметки к истории ранней русской драматургии // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 359–364.

Инскрипты русских писателей Петровской эпохи // 4-я всесоюзная научная конференция «Книга в России: Век Просвещения»: Ленинград. 11–13 декабря 1990 г. Тезисы докладов. Л., 1990. С. 110–111.

Феофан Прокопович; Феофил Кролик; Стефан Яворский; И. П. Максимович; А. Д. Кантемир; В. К. Тредиаковский / Подг. текста и прим. // Русская литература — Век XVIII: Лирика. М., 1990. С. 25–57, 650–655.

1991

«Зоил в российских градах». (От Симеона Полоцкого до А. Кантемира) // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С. 17–27.

«Повесть о Лукиановом осле» в кругу переводных античных памятников Петровской эпохи // Там же. С. 135–159.

Рыцарь на похоронах Федора Головина. (Из церемониальной эстетики Петровской эпохи) // Семиотика культуры: III всесоюзная летняя школа-семинар: Тезисы докладов. Сыктывкар, 1991. С. 21–23.

Первое издание «Псалтири» В. К. Тредиаковского [*Рец. на кн.*: Trediakovskij Vasilij Kirillovič. Psalter 1753 / Besorgt und kommentiert von Alexander Levitsky. Hrsg. von Reinhold Olesch und Hans Rothe. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1989] // Русская литература. 1991. № 1. С. 210–212.

1992

Из истории польской сатирической литературы в России (XVII — первая половина XVIII в.) // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 305–314.

Лаврецкий С. Ф. [Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси». Писатели и поэты XVII в.] // Там же. С. 47–48.

Онуфриев А. З. // Там же. С. 84–85.

Спарвенфельд И. Г. // Там же. С. 122.

Польско-русские литературные связи в эпоху Петра I. (К пересмотру концепции) // Kultura literacka dawnej Rusi. Łódź, 1992. S. 115–122.

Симон Кохановский. Похвала истории / Подг. текста, прим. и послесловие // Литература и история. (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII—XX вв.) / Отв. ред. Ю. В. Стенник. СПб., 1992. С. 281–287.

О нескольких польских стихотворениях в русских журналах 1819 года // Русская литература. 1992. № 2. С. 75–79.

Калайдович П. Ф. // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 442–443.

Гуданский И. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII век). Ч. 1. С. 244–245.

Rec. na kn.: Słownik literatury staropolskiej. (Średniowiecze. Renesans. Barok). Włocław; Warszawa; Kraków, 1990 // Славяноведение. 1992. № 6. С. 110–111. (Совм. с Е. К. Николаевой).

1993

Из литературной эстетики Петровской эпохи // XVIII век. СПб., 1993. Сб. 18. С. 218–229.

Из истории русских изданий «Апофегм» Беняша Будного // ТОДРА. СПб., 1993. Т. 48. С. 388–390.

Литературная политика Петра и переводная литература // Петербургские чтения: Научная конференция: Тезисы докладов. СПб., 1993. Вып. 2. С. 73–74.

А. Кантемир в польском журнале XVIII века // Русская литература. 1993. № 3. С. 64–65.

Эпитафии петербургского некрополя // Исторические кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель. СПб., 1993. С. 111–129. (Совм. с Т. С. Царьковой).

История о Мелюзине // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII век). Ч. 2. С. 127–129.

Лаврецкий С. Ф. // Там же. С. 213–214.

Онуфриев А. З. // Там же. С. 420.

Библиография [произведений А. Введенского и литературы о нем] // Введенский А. Полное собрание произведений: В 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 236–247, 261–264. (Совм. с М. Мейлахом и В. Эрлем).

Rec. na kn.: Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München, 1991 // Slavia Orientalis. 1993. № 3. S. 451–453.

1994

Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 3 / Сост., подг. текста и прим. М., 1994. С. 7–520, 521–578. (Совм. с А. М. Панченко).

Рыцарь на похоронах Федора Головина. (Из церемониальной эстетики Петровской эпохи) // История культуры и поэтика. М., 1994. С. 83–88.

Притча о немцах, французах и русских у Н. Лескова // Slavia Orientalis. 1994. № 1. S. 15–23.

«Пасха мертвецов» Даниила Хармса // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994. С. 509–510.

Пометы В. К. Тредиаковского на «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова // Маргиналии русских писателей XVIII в. СПб., 1994. С. 7–15.

Тверской грекофил XVIII века — переводчик с польского // *Opuscula polonica et russica*. Toruń, 1994. Т. 2. S. 44—50.

Poeta rosyjski w «Zabawach przyjemnych i pożytecznych» // *Ruch Literacki*. 1994. № 3—4. S. 345—347.

Лукницкий А. В. // Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 406—407.

Карион Истомин [«Словарь писателей Древней Руси»] // Литература в школе. 1994. № 3. С. 21—22.

Стефан Яворский [«Словарь писателей Древней Руси»] // Там же. № 6. С. 51.

1995

Литературная культура Петровской эпохи. Дис. в форме науч. доклада ... д-ра филол. наук. СПб., 1995. 38 с. (ИРЛИ РАН).

Первая четверть XVIII века: Эпоха Петра I // История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995. Т. 1: Проза. С. 74—93.

Трудный Кантемир. (Стилистическая структура и критика текста) // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 3—14.

«Лексикографическая» эпиграмма Феофана Прокоповича // Русская речь. 1995. № 5. С. 3—5.

Польская параллель к «Рифме» А. С. Пушкина // Русская литература. 1995. № 3. С. 248—249.

Литературное предание XVIII века о писателях из династии Романовых // *Proza rosyjska epoki Oświecenia (nowe odkrycia i interpretacje): Tezy referatów Międzynarodowej konferencji naukowej*. Łódź, 1995. S. 43—44.

Stefan Iavorsky // *Early Modern Russian Writers; Late Seventeenth and Eighteenth Centuries* / Ed. by M. C. Levitt. Detroit; Washington; London, 1995. P. 116—119. (Dictionary of Literary Biography. Vol. 150).

Dimitrii Rostovsky // *Ibid.* P. 334—338.

1996

Литературная культура Петровской эпохи. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 151 с.

Рец.: 1) Cotta Ramusino P. // *Russica Romana*. 1997. Vol. 4. P. 340—342; 2) Vatcheva A. // *Dix-huitieme siècle. Revue annuelle*. 1998. № 30. P. 680—681; 3) Буланин Д. М. // *Славяноведение*. 1999. № 1. С. 105—107; 4) Nicolosi R. // *Die Welt der Slaven*. 1999. Bd. 44. S. 384—386.

Драматургия. Гл. 1 // История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1996. Т. 2: Драматургия. Поэзия. С. 13–21.

Поэзия. Гл. 1 // Там же. С. 97–102.

Звезда Инеиста в «Рождественской драме» Дмитрия Ростовского // Русская речь. 1996. № 3. С. 3–4.

Стихотворение Якопоне да Тоди «О суете мира» в русских переводах XVII в. // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 224–236.

«В тарантасе» [Комментарий] // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений. М., 1996. Т. 1. С. 702–704. (Совм. с Л. Г. Чудновой).

Литературное предание XVIII века о писателях из династии Романовых // Русская проза эпохи Просвещения. Новые открытия и интерпретации. Łódź, 1996. С. 5–11.

Рыцарская идея в похоронном обряде Петровской эпохи // Из истории русской культуры. Т. 3. (XVII — начало XVIII века). М., 1996. С. 584–594.

«Андроны едут». (Историко-этимологический этюд) // Slavia Orientalis. 1996. № 4. S. 503–508. (Совм. с Е. К. Николаевой).

Словарь Г. Кнапского в России. (Библиографические разыскания) // XVIII век. СПб., 1996. Сб. 20. С. 157–168.

О переводе похвальной оды М. Меттера 1737 г. // Там же. С. 249–251.

Хронологический список трудов Владимира Петровича Степанова // Там же. С. 313–322.

Евфимий Чудовский // Литература Древней Руси: Биобиблиографический словарь. М., 1996. С. 46–47.

Карион Истомин // Там же. С. 85–87.

Романчуков А. С. // Там же. С. 175–176.

Стихотворство книжное XVII в. // Там же. С. 214.

Яворский Стефан // Там же. С. 231–232.

Кометы в переводной литературе XVII в. // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 684–688.

Русская ментальность, изложенная в азбучном порядке [*Рец. на кн.: Mentalność rosyjska. Słownik. Opracował i zredagował A. Lazari. Katowice, 1995*] // Russian Studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. 1996. Т. 2. № 1. С. 428–430.

1997

Шедевры литературы XVIII века. Избранное. Книга первая / Вступ. статья и комм. М., 1997. 352 с. (Новая школьная библиотека). (Совм. с Ю. В. Стенником).

Pompa funebris в Санкт-Петербурге в первой половине XVIII в. // Europa Orientalis. 1997. Vol. 16/1. P. 179–188.

Граф Хвостов — переводчик Мицкевича // Пушкин и другие. Сб. статей к 60-летию профессора С. А. Фомичева. Новгород, 1997. С. 269–272.

«Эмблемы и символы к воротам триумфальным» Феофана Прокоповича (1727) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции 11–13 ноября 1997 г. Новгород, 1997. С. 109–112.

Академик Александр Михайлович Панченко. (К 60-летию со дня рождения) // Изв. АН. Сер. лит-ры и яз. 1997. Т. 56. № 2. С. 75–77.

Академик Александр Михайлович Панченко. (К 60-летию со дня рождения) // Русская литература. 1997. № 1. С. 268–270. (Совм. с Д. С. Лихачевым и Н. Н. Скатовым).

Пер. с польск.: Квятковский Г. Прибавление к воспоминаниям о Некрасове // Карабиха: Историко-литературный сборник. Ярославль, 1997. Вып. 3. С. 226–231.

1998

Русская стихотворная эпитафия / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. СПб.: Академический проект, 1998. 720 с. (Новая библиотека поэта). (Совм. с Т. С. Царьковой).

Рец.: 1) Бек Т. «Прохожий, остановись!» // Литературная газета. 1998. 3 июня. № 22 (5702). С. 11; 2) Кушлина О. // Новая газета. 1998. 29 июня — 5 июля. № 25 (497). С. 17; 3) Игнатова Е. // Русская мысль. (Париж). 1998. 10–16 сент. № 4236. С. 12; 4) А. Ш[умилов]. // Санкт-Петербургский университет. 1998. № 28–29, декабрь 25. С. 61; 5) Warda A. // Slavia Orientalis. 1999. № 3. S. 464–468; 6) О. К[ушлина]. // Новое литературное обозрение. 2000. № 41. С. 369–370; 7) Warda A. // Kritikon Litterarum. 2002. 29 Jg., H. 1–2. S. 42–45.

К истории издания сборника «Из Мицкевича» 1883 года (Письмо Н. П. Семенова к А. А. Фету) // Русская литература. 1998. № 2. С. 46–50.

Спарвенфельд И. Г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. С. 489–490. (Совм. с Г. М. Коваленко).

Латинская притча о дочерях дьявола в русских рукописях XVII–XIX вв. // Tradycja i inwencja: Wątki i motywy obiegowe w dawnych literaturach słowiańskich. Tezy międzynarodowej konferencji naukowej. Łódź, 1998. S. 20–21.

Первое издание «Вертограда многоцветного» Симеона Полоцкого [*Рец. на кн.*: Simeon Polockij. Vertograd mnogocvetnyj. Vol. 1: «Aaron» — «Dětem blagoslove-nie». Ed. by Anthony Hippisley and Lydia I. Sazonova. With a Foreword by Dmitrij S. Lichačev. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1996. LX. 356 S.] // Русская литература. 1998. № 2. С. 197–199.

1999

Предыстория литературной критики. (Первая треть XVIII века) // Очерки истории русской литературной критики: В 4 т. СПб., 1999. Т. 1: (XVIII — первая треть XIX в.). С. 21—36.

Из истории русской паремиологической терминологии. (Конец XVII — первая половина XVIII в.) // Русский язык конца XVII — начала XIX в. (Вопросы изучения и описания). СПб., 1999. С. 77—85. (Совм. с Е. К. Николаевой).

Об эпиграмме К. Ф. Рылеева на австрийского императора // Пушкин и его современники. СПб., 1999. Вып. 1 (40). С. 219—221.

Латинская притча XIII в. о дочерях дьявола в русских рукописях XVII—XIX вв. // ТОДРА. СПб., 1999. Т. 51. С. 396—403.

Из истории рязанского школьного театра 1720-х гг. // Традиция и литературный процесс. Сб. к 60-летию Е. К. Ромодановской. Новосибирск, 1999. С. 74—83.

Адаптация польской поэзии в России (конец XVII — первая половина XVIII в.) // Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia Ucraina e Russia XVI—XVIII secolo. Alessandria, 1999. P. 215—225.

Эпоха Петра I: Новые возможности и выбор культурных ориентиров // Plurilinguismo letterario in Ucraina, Polonia e Russia tra XVI e XVIII secolo. Varsavia; Roma, 1999. P. 152—161.

«Долгий ящик» А. А. Бестужева-Марлинского // Русская речь. 1999. № 6. С. 103—106. (Совм. с Е. К. Николаевой).

Кириак Кондратович — переводчик польской поэзии // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 73—80.

Калиновский Г. И. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2 (К—П). С. 11—12.

Кантемир А. Д. // Там же. С. 15—21.

Карпинский Иакинф // Там же. С. 56.

Кветницкий Ф. (Феофилакт) // Там же. С. 57—58.

Киприанов В. А. // Там же. С. 58.

Климовский (Климов) С. // Там же. С. 62.

Кондратович К. А. // Там же. С. 115—118.

Константинов А. А. // Там же. С. 120—121. (Совм. с В. П. Степановым).

Костин М. Н. // Там же. С. 131. (Совм. с В. П. Степановым).

Кохановский П. (Симон) // Там же. С. 137—138.

Крайский П. (Порфирий) // Там же. С. 139—140.

Криновский Г. А. (Геден) // Там же. С. 151—152.

Кулябка С. П. (Сильвестр) // Там же. С. 167—168.

Лашкевич И. С. // Там же. С. 187—188. (Совм. с В. П. Степановым).

Лебедев С. // Там же. С. 193—194.

Лопатинский Ф. Л. (Феофилакт) // Там же. С. 226—228.

- Лукашевич Г. М. // Там же. С. 235. (Совм. с В. П. Степановым).
 Львов С. // Там же. С. 249–250. (Совм. с В. П. Степановым).
 Лятошевич А. Л. // Там же. С. 251. (Совм. с В. П. Степановым).
 Максимович И. П. // Там же. С. 265–266.
 Максимович Иоанн // Там же. С. 266–267.
 Маслов А. Н. // Там же. С. 276. (Совм. с В. П. Степановым).
 Мельгунов А. А. // Там же. С. 282. (Совм. с В. П. Степановым).
 Метальников И. Я. // Там же. С. 285–286. (Совм. с В. П. Степановым).
 Морозов И. Г. // Там же. С. 299–301. (Совм. с В. П. Степановым).
 Наумов В. // Там же. С. 332.
 Никольский А. С. // Там же. С. 356–357. (Совм. с В. П. Степановым).
 Остолопов И. М. // Там же. С. 393–394. (Совм. с В. П. Степановым).
 Петрович М. (Макарий) // Там же. С. 433–434.
 Печерин Ф. П. // Там же. С. 435–436. (Совм. с В. П. Степановым).
 Писарев С. И. // Там же. С. 437–438.
 Политковский Г. Г. // Там же. С. 460–461. (Совм. с В. П. Степановым).
 Пекарский П. П. // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 553–554.
 Foreword // Czartoryski A. J. Letters to Vilna, 1805 / Listy do Wilna, 1805 / Ed. R. Sokoloski. Ottawa, 1999. P. IX–X.
 Ред.: Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 1999. Вып. 2 (К–П). 508 с. (В составе редколлегии).
 Пер. с англ.: Ди Сальво М. Юный россиянин за границей: Дневник И. Нарышкина // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 22–32.

2000

- Ранний Тредиаковский. (К истории «Элегии о смерти Петра Великого») // Русская литература. 2000. № 1. С. 126–131.
 Первое издание «Возвращения депутата» Юлиана Урсына Немцевича в оценке русского современника // Res traductonica. Перевод и сравнительное изучение литературы. Сб. к 80-летию Ю. Д. Левина. СПб., 2000. С. 108–114.
 Рыцарская идея в похоронном обряде Петровской эпохи // Из истории русской культуры. 2-е изд. М., 2000. Т. 3. (XVII — начало XVIII в.). С. 584–594.
 Польские пословицы в русской записи середины XVIII века // Слово во времени и пространстве. Сб. к 60-летию В. М. Мокиенко. СПб., 2000. С. 489–498. (Совм. с Е. К. Николаевой).
 Что такое «острота телесного ума» протопопа Аввакума? // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Сб. к 70-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2000. С. 71–76.

Михайло Кохановский в обработке Симеона Полоцкого // *Russica Romana*. 2000. Vol. 7. P. 11–22.

2001

К предыстории Горация в России // *Reflections on Russia in the Eighteenth Century*. Köln; Weimar; Wien, 2001. P. 303–314.

Буслаев П. // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. СПб., 2001. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. Кн. 1: А–М. С. 158.

Гавриил (Бужинский) // Там же. С. 218–219.

Голеневский И. К. // Там же. С. 249–250.

Кантемир А. К. // Там же. С. 426–429.

Польско-русские литературные связи // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. СПб., 2001. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. Кн. 2: Н–Я. С. 153–154.

Феофан (Прокопович) // Там же. С. 451–452.

Фрязиновский А. // Там же. С. 477–478.

Эпитафия // Там же. С. 559.

«Юности честное зерцало» // Там же. С. 572.

Ред.: Лахманн Р. Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического / Пер. с нем. СПб., 2001. 368 с.

2002

Неизвестное стихотворение Ломоносова и отклик на него Сумарокова // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 3–7.

Имя на дереве. (Из истории идиллического мотива) // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 46–65.

Польско-русские литературные связи XVI–XVIII веков и их значение для истории польской литературы // *Славяноведение*. 2002. № 2. С. 121–127.

Псалом 65-й «Псалтыри Давида» Яна Кохановского в поэзии Симеона Полоцкого // *Русская литература*. 2002. № 4. С. 118–124.

А. П. Сумароков — переводчик с русского языка на русский // *Russian Literature*. 2002. Vol. 52. № 1–3. P. 141–149.

Русский писатель XVIII в. — кузнец, портной, столяр, педант, «гуляка праздный» // *Praca i rozrywka w życiu, literaturze i sztukach przedstawiających Słowian / Tezy międzynarodowej konferencji naukowej*. Łódź, 2002. S. 25–27.

Польско-русские литературные связи XVI–XVIII веков и их значение для истории польской литературы // III славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова: Материалы международной научной конференции. СПб., 2002. С. 171–172.

Александр Михайлович Панченко (1937–2002) // Русская литература. 2002. № 3. С. 247–248.

Польско-русские литературные связи XVI — начала XIX в. // Спецкурсы. Учебные программы. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. С. 59–61.

Ред.: III славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова: Материалы международной научной конференции. СПб., 2002. 180 с. (В составе редколлегии).

2003

Poezja a dyplomacja. Kartka z dziejów działalności translatorskiej Urzędu Poselskiego w Moskwie w XVII wieku. Warszawa: Wyd. Takt, 2003. 51 s.

Русский писатель XVIII в. — кузнец, портной, столяр, педант, «гуляка праздный» // Praca i odpoczynek w literaturach słowiańskich. Łódź, 2003. S. 121–130.

Курочка протопопа Аввакума и выдра Яна Пасека // Russica Romana. 2003. Vol. 10. P. 35–43.

Polsko-rosyjskie związki literackie w epoce Stanisława Augusta Poniatowskiego // Ruch Literacki. 2003. № 1. S. 1–8.

Polsko-rosyjskie związki literackie XVI–XVIII wieku i ich znaczenie dla badań nad literaturą polską // Barok polski wobec Europy. Kierunki dialogu. Warszawa, 2003. S. 99–110.

Буслаев П. // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. СПб.; М., 2003. 2-е изд., испр. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. Кн. 1: А–М. С. 158.

Гавриил (Бужинский) // Там же. С. 218–219.

Голеневский И. К. // Там же. С. 249–250.

Кантемир А. К. // Там же. С. 426–429.

Польско-русские литературные связи // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. СПб.; М., 2003. Т. 1: 2-е изд., испр. Осьмнадцатое столетие. Кн. 2: Н–Я. С. 153–154.

Феофан (Прокопович) // Там же. С. 451–452.

Фрязиновский А. // Там же. С. 477–478.

Эпитафия // Там же. С. 559.

«Юности честное зерцало» // Там же. С. 572.

Анастасевич В. Г. // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. СПб., 2003. Т. 2: Деятнадцатый век. Кн. 1: А–В. С. 135–136.

Хронологический список научных трудов Александра Михайловича Панченко (1937–2002) // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 54. С. 729–746.

Рец. на кн.: Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 1–2 // Slavia Orientalis. 2003. № 2. S. 249–252.

2004

От Кохановского до Мицкевича: Разыскания по истории польско-русских литературных связей XVII — первой трети XIX в. СПб.: Изд. С.-Петербургского гос. ун-та, 2004. 266 с.

Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII века. (Очерк проблематики) // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 3—19.

Русские интермедии XVII в.: новые материалы // ТОДРА. СПб., 2004. Т. 55. С. 423—426.

К истории текста «Феофтии» Тредиаковского // В. К. Тредиаковский: К 300-летию со дня рождения. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург, 12—13 марта 2003 г. СПб., 2004. С. 76—79.

Тредиаковский в исследованиях последних десятилетий // Там же. С. 172—179.

Jan Kochanowski w podręcznikach języka polskiego dla Rosjan (XVIII-1. połowa XIX wieku) // Corona scientiarum. Studia z historii literatury i kultury nowożytnej ofiarowane Profesorowi Januszowi Pelcowi. Warszawa, 2004. S. 275—285.

Ян і Микола Кохановські у творчих зацікавленнях Симеона Полоцького // Українсько-польські літературні контексти доби бароко. Київ, 2004. С. 263—281. (Київські полоністичні студії; Т. 6).

Материалы для библиографии сочинений В. К. Тредиаковского и литературы о нем (1966—2003). (К 300-летию со дня рождения) // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 338—370.

Зелинский Г. // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 18—19: Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии». СПб., 2004. С. 147.

Мицкевич А. // Там же. С. 205—209.

Олизар Г. // Там же. С. 230—231.

Польская литература // Там же. С. 243—244.

Потоцкий А. // Там же. С. 244.

Потоцкий Я. // Там же. С. 244—245.

Прижизненная известность Пушкина за рубежом. Польша // Там же. С. 264—266.

Словацкий Ю. // Там же. С. 317.

Феофан // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Дополнения. С. 152—154. (Совм. с Д. М. Буланиным).

Хроника Александра Гваньини // Там же. С. 205—207.

Хроника Мацея Стрыйковского // Там же. С. 215—218. (Совм. с М. А. Салминой).

Хроника Павла Пясецкого // Там же. С. 218—219. (Совм. с Д. М. Буланиным, М. А. Салминой).

Челищев П. И. // Там же. С. 225–226.

Чижинский С. Ф. // Там же. С. 229–232. (Совм. с Д. М. Буланиным).

«Против человека, всесчастнаго Божия творения, завистное суждение и злое поведение проклятаго демона» // Там же. С. 546–548. (Совм. с А. В. Пигиным).

2005

Эпиграмма Феофана Прокоповича на Ж.-А. Турретина // О древней и новой русской литературе. Сб. статей в честь профессора Натальи Сергеевны Демковой. СПб., 2005. С. 257–260.

Анастасевич В. Г. // Большая российская энциклопедия. М., 2005. Т. 1. С. 672.

Хронологический список опубликованных трудов А. М. Панченко // Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. СПб., 2005. С. 513–539.

Литература о жизни и деятельности А. М. Панченко // Там же. С. 540–542.

Ред.: Федотова М. А. Эпистолярное наследие Дмитрия Ростовского. Исследование и тексты. М., 2005. 384 с.

Ред.: Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. СПб., 2005. 544 с.

Пер. с польск.: Лужный Р. П. Н. Берков и польские русисты // Воспоминания о Павле Наумовиче Беркове, 1896–1969: Из истории российской науки / Отв. ред. Н. Д. Кочеткова, Е. Д. Кукушкина. М., 2005. С. 127–132.

2006

Петр I в русской литературе XVIII века. Тексты и комментарии / Подг. текста и комм. СПб., 2006. С. 51–122, 306–319, 333–345, 435–438.

Образ писателя и эстетика творчества в представлениях русских писателей XVIII века // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 82–95.

О литературной репутации В. Г. Рубана // Фольклор, постфольклор, быт, литература: Сб. статей к 60-летию А. Ф. Белоусова. СПб., 2006. С. 230–233.

Ред.: Петр I в русской литературе XVIII века. Тексты и комментарии. СПб., 2006. 450 с.

2007

Od Kochanowskiego do Mickiewicza. Szkice z historii polsko-rosyjskich związków literackich XVII–XIX wieku / Przełożył J. Głazewski. Warszawa: Neriton, 2007. 319 s. (Nauka o Literaturze Polskiej za Granicą; T. X).

Рец.: 1) Lipińska A. // Ruch Literacki. 2008. Z. 3 (288). S. 375–376; 2) Jakóbczyk-Gola A. // Barok. Historia — Literatura — Sztuka. 2008. T. XV/1 (29). S. 241–245.

Александр Михайлович Панченко, 1937–2002 / Сост. и автор вступ. статьи. М.: Наука, 2007. 92 с. (Материалы к биобиблиографии ученых. Литература и язык; вып. 32).

Забытые русские переводы XIX века из А. Мицкевича и И. Красицкого // Славянская филология. СПб., 2007. Вып. 9. С. 45–50.

Rosyjskie rękopiśmienne przekłady «Książ pielgrzymstwa polskiego» z lat trzydziestych XIX wieku // Italia — Polonia — Europa. Scritti in memoria di Andrzej Litwornia. Roma, 2007. P. 256–261.

Рындовский Ф. М. // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 410–412.

Семенов Н. П. // Там же. С. 557–558.

Склябовский А. В. // Там же. С. 635–637.

2008

Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб.: Нестор-История, 2008. 248 с.

Рец.: Małek E. // Slavia Orientalis. 2009. № 3. S. 353–356.

Прощание с книгой [Горацианский мотив прощания с книгой в русской литературе XVIII — начала XIX вв.] // Von Wenigen. От немногих. Сб. статей к 70-летию Н. Д. Кочетковой. СПб., 2008. С. 166–174. (Подпись: 200.50).

Памятники польской письменности в «Переводной литературе Московской Руси» А. И. Соболевского // ТОДРЛ. СПб., 2008. Т. 59. С. 3–10.

«Сродный порядок слов» в поэтическом синтаксисе А. Кантемира // Natales grate numeras? Сб. статей к 60-летию Г. А. Левинтона. СПб., 2008. С. 409–413.

Польская фонетика и графика в русском стихе // Nel mondo degli Slavi. Incontri e dialoghi tra culture. Studi in onore di Giovanna Brogi Bercoff. Firenze, 2008. Vol. 2. P. 405–412.

«Я жег мой труд»: суд писателя XVIII в. над своим произведением // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск, 2008. С. 149–155.

Вдохновение и творческий процесс в представлениях русских писателей XVIII века // XVIII век. СПб., 2008. Сб. 25. С. 26–38.

Польско-русские литературные связи // Русско-европейские литературные связи. XVIII век: Энциклопедический словарь. Статьи. СПб., 2008. С. 167–173.

Заруцкий А. А. // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 19. С. 660–661. (Совм. с И. А. Маяковой).

Гавриил Бужинский, «Слово в день годишного поминования...»; «Слава печальная» / Подг. текста и прим. // Бухаркин П. Е. История русской литературы XVIII века: Петровская эпоха: Учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб., 2008. С. 327–365, 442–446.

2009

Polono-Rossica. Polsko-rosyjskie związki literackie w XVI–XVIII wieku. Materiały bibliograficzne. Kraków: Collegium Columbinum, 2009. 262 s.

Русский литературный палимпсест XVIII века: перспективы исследования // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2007. М., 2009. С. 462–467.

Эпитафии петербургского некрополя // Кобак А. В., Пилюто Ю. М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М., 2009. С. 138–159. (Совм. с Т. С. Царьковой).

Польский гуманизм XVI–XVII вв.: взгляд из Московской Руси // *Slavia Orientalis*. 2009. № 3. S. 269–278.

Словари и словарное дело в русской поэзии XVIII века // Российская Академия (1783–1841): язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков. СПб., 2009. С. 85–94.

Ред.: Тредиаковский В. Сочинения и переводы как стихами, так и прозой / Изд. подготовила Н. Ю. Алексеева. СПб., 2009. 667 с. (Лит. памятники).

2010

Смерть поэта в эпитафии и элегии XVIII века // Окациональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. СПб., 2010. С. 291–297.

«Чудище обло...» // Русская судьба крылатых слов. СПб., 2010. С. 423–433.

Предисловие // Там же. С. 3–6. (Совм. с В. Е. Багно).

Оригинальность и плагиат в русской литературной эстетике XVIII века // *Ročenka textů zahraničních profesorů. The Annual of Texts by Foreign Professors. Ročník 4*, 2010. Univerzita Karlova v Praze, Filozofická fakulta. Praha, 2010. S. 115–125.

Рагузинский С. Л. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3 (Р–Я). С. 14–16.

Рубан В. Г. // Там же. С. 68–72.

Самуилов М. // Там же. С. 88.

Селлий Б. А. // Там же. С. 107–108.

Собакин М. Г. // Там же. С. 141–142.

Соколов М. // Там же. С. 147.

Сохацкий П. А. // Там же. С. 159–161. (Совм. с С. А. Фомичевым).

- Суворов М. Т. // Там же. С. 179–180.
 Тодорский И. С. // Там же. С. 248.
 Толстой П. А. // Там же. С. 253–254.
 Тредиаковский В. К. // Там же. С. 255–268.
 Тростин Д. П. // Там же. С. 272.
 Урусов А. Н. // Там же. С. 295–296.
 Фармаковский И. // Там же. С. 302.
 Филиппов А. // Там же. С. 302–303.
 Фрязиновский А. Н. // Там же. С. 324–325.
 Хрущев А. Ф. // Там же. С. 375–377.
 Шафиров М. П. // Там же. С. 412–413.
 Шишкин И. В. // Там же. С. 420–422.
 Юрьев П. А. (Палладий) // Там же. С. 452–453.
 Яворский С. И. (Стефан) // Там же. С. 456–458.
 Из «Великого Зерцала» / Подг. текста и прим. // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2010. Т. 16: XVII век. С. 167–195, 608–609.
 Фацеции / Подг. текста и прим. // Там же. С. 196–242, 609–611.
 Послание дворянина к дворянину / Подг. текста и прим. // Там же. С. 393–395, 635.
 Ред.: Русская судьба крылатых слов. СПб., 2010. 634 с. (В составе редколлегии).
 Ред.: Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 2010. Вып. 3 (Р–Я). 471 с. (В составе редколлегии).

2011

- «Только у Харьки и собинки». (Поговорки в прозе В. К. Тредиаковского) // Западный сборник: В честь 80-летия Петра Романовича Заборова. СПб., 2011. С. 310–319.
 Испанские мистики в русских переводах XVII–XVIII вв. // Культурный палимпсест: Сб. статей к 60-летию В. Е. Багно. СПб., 2011. С. 381–389.
 Ранняя иконография Ломоносова в свете иконологии // Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. СПб., 2011. (XVIII век. Сб. 26). С. 73–84.
 Материалы для библиографии сочинений А. Д. Кантемира и литературы о нем (1966–2010). (К 300-летию со дня рождения) // Там же. С. 540–564.
 Ред.: Культурный палимпсест: Сборник статей к 60-летию В. Е. Багно. СПб., 2011. 599 с. (В составе редколлегии).

Подготовил А. Ю. Соловьев

П. Е. Бухаркин

ФИЛОЛОГ КАК ХРАНИТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ЯЗЫКА

I

Начну с двух необходимых комментариев. Во-первых, речь ниже пойдет о филологе в несколько особом, а вернее — сугубо строгом и исторически точном осмыслении данного понятия; о филологе как о *понимателе*. Не интерпретаторе, но именно и в первую голову понимателе: тут нельзя не вспомнить и, вспоминая, не солидаризироваться с ними, слова С. Г. Бочарова: «Понимание и интерпретация — не то же самое. Интерпретация есть самоутверждающееся понимание, имеющее тенденцию в своем самоутверждении более или менее пренебрегать (оставляя его как бы позади себя) предметом понимания».¹ Так вот, хранителем исторического языкового сознания оказывается как раз филолог, осознающий себя и собственное свое дело так, что целью его трудов является полное (насколько это вообще возможно) *понимание* открывающегося ему текста; понимание текста как *чужого*, созданного другим человеком, стремящегося быть воспринятым в соответствии со своими интенциями, желающего оставаться субъектом, а не «поддающейся „исчислению“ вещью» или «отражением собственных эмоций» интерпретатора.² Причем дело не ограничивается

¹ Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 11.

² Аверинцев С. С. Филология // Аверинцев С. С. София — Логос: Словарь. Киев, 2006. С. 456.

лишь буквальным пониманием — имеется в виду многоуровневое постижение текста в его семантической сложности, увеличивающейся по мере возрастания эстетического начала, в конце концов преобразующего словесный текст в художественное произведение. И задачи филолога, приступающего к выражению своего понимания не просто словесного текста, а художественного произведения оказываются особенно сложными и ответственными. Такому филологу-литературоведу, прежде всего его месту в исторический жизни языка и посвящены нижеследующие размышления.

Второй предварительный комментарий касается второго компонента вынесенного в заглавие словосочетания — исторической памяти языка, т. е. того памятования о собственном прошлом, которое свойственно языку и делает его прошлое не полностью оторванным от настоящего, не ушедшим навсегда. Речь будет идти, в конечном счете, об историческом характере сознания субъекта речевой деятельности, сознания, обнимающего не только факты современного ему языкового состояния, но включающего в себя и элементы языковой архаики, причем архаики, так сказать, не очень древней — в дальнейшем мы будем иметь в виду прошлое относительно недавнее — преимущественно XIX столетие.

Любой синхронный срез национального (в самом общем и нестрогом понимании данного слова) языкового сознания, т. е. самоосознания рефлектирующей части народа, главного фактора его особого исторического бытия — языка, обнаружит многообразие и сложность этого сознания: оно проникнуто совсем разными тенденциями, обнимая не просто несхожие друг с другом, но нередко прямо взаимоотрицающие языковые факты и реалии речевого быта. Очевидно, что в такой ситуации особую остроту приобретает вопрос о степени структурированности языкового сознания; ослабление структурированности незамедлительно ведет за собою утрату равновесия, что является знаком культурного и — шире — национального кризиса, о чем свидетельствуют, например, Петровское время или же первые пореволюционные годы.³ В известных пределах соотносимы с такими

³ О языковой ситуации в Петровскую эпоху см., например, столь разные (и по времени, и по характеру) работы, как: *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1938. С. 48–90 — и: *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 69–154. Из многочисленных работ, посвященных языку первого послереволюционного десятилетия, особый интерес по-прежнему сохраняют

кризисными периодами и последние полтора-два десятилетия, хотя, конечно, степень деструкции как языкового сознания, так и реальной речевой деятельности все же не зашла так далеко, как в только что указанные эпохи.

В исторические моменты подобного рода (а значит, и в наше время) особую весомость приобретают охранительные начала — как в языковом сознании, так и в отражающей его (пускай далеко не прямо) речевой культуре. Языковая реакционность, т. е. противостояние нарушающим структурное равновесие тенденциям языкового развития, наполняется положительным смыслом, приобретая несомненную культурную ценность: с точки зрения культуры, в частности культуры языковой, становится ясно, что «достойнее быть якорем или тормозом» на пути языковой эволюции, упрощающей сложную организацию речевой практики, нежели «парусом или паровым котлом».⁴ Тот, кто консервирует стилистические традиции и конкретные языковые факты, скоропостижно становящиеся архаизмами или же уходящие без всякой замены формулы речевого этикета и т. п., тем самым сохраняет сложную разнородность речевой культуры — т. е., по сути, то, что и делает просто речевую практику словесной культурой.

II

Обострение чувства языковой реакционности, осязаемое в наше время (как в любые кризисные эпохи), заставляет с осознанным вниманием обращаться к охранительным началам в жизни языка — и не только в жизни современной, но в его жизни вообще, во всяком случае, в жизни на протяжении последних трех столетий, в течение которых, собственно говоря, и существует тот восточнославянский языковой феномен, который можно назвать современным русским литературным языком. Подобная хронологическая масштабность представляется вполне закономерной —

написанные сразу же, так сказать, по горячим следам, книги: *Винокур Г. О. Культура языка: Очерки лингвистической технологии.* М., 1925; *Селищев А. М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет.* М., 1928; *Mazon A. Lexique de la révolution et de la guerre en Russie.* Paris, 1920; *Jakobson R. Vliv revoluce na ruský jazyk.* Praha, 1921.

⁴ Простите за вольное обращение с выразительной формулой К. Н. Леонтьева. См.: *Леонтьев К. Н. Избранное.* М., 1993. С. 83.

лишь те культурно-языковые течения, что действуют на протяжении долгого времени, представляются действительно значимыми.

При обращении к русской языковой ситуации — начиная с перехода непосредственно к Новому времени (т. е. со второй четверти XVIII столетия) — одной из главных сил интересующей нас языковой реакции оказывается художественная литература (в самом общем значении этого предельно расплывчатого и исторически подвижного понятия), причем особой значимостью наделена здесь поэзия, что объясняется фундаментальными свойствами стихотворного языка, такими, как, например, «единство и теснота стихового ряда» (Ю. Н. Тынянов) и во многом обусловленная этим актуализация полисемии слова, о чем уже в 1927 году тонко писал Б. А. Ларин.⁵ Да и вообще «в поэзии <...> ошутима самая плоть слова, она-то и служит материалом искусства»,⁶ и подобная «плотскость» слова делает его открытым не к одним новациям; семантическое и стилистическое прошлое для поэтического слова ничуть не менее важно. К этому надо добавить и такую, в стихотворной речи более, чем в прозе, ошутимую категорию, которую можно обозначить как «память поэтической формы», проявляющуюся и в «памяти жанра», и в смысловой предопределенности фабульных лирических сюжетов, и, конечно же, в семантическом ореоле ритма. Если же иметь в виду современную русскую поэзию (современную в достаточно больших хронологических пределах — немногим менее полувека), то важным фактором, определяющим ее языковую охранительность, является также сознательное обращение многих и разных поэтов к старинной, т. е. допушкинской, традиции, по своей природе насыщенной атмосферой архаичности, в том числе — языковой; тут можно назвать имена И. Бродского, О. Седаковой, М. Амелина или же указать на такую совсем иную по своему облику поэтическую фигуру, как А. Кушнер.

Вряд ли есть основания сомневаться в присутствии в поэтическом творчестве начал языкового консерватизма; в поэзии нескольких последних десятилетий эти начала приобретают дополнительное значение.⁷ Однако

⁵ Ларин Б. А. О лирике как разновидности художественной речи // Русская речь. Новая серия. Вып. 1 / Под ред. Л. В. Щербы. Л., 1927. С. 42–74.

⁶ Томашевский Б. В. Стих и язык. М.; Л., 1959. С. 28.

⁷ См. о языковых процессах современной поэзии: Зубова Л. В. Языки современной поэзии. М., 2010.

архаические (точнее — антикизирующие) течения поэзии, направленные на оживление уходящих или уже ушедших из речевой культуры языковых черт, факторов и стратегий, носят своеобразно ограниченный характер: они затрагивают отдельные элементы языкового сознания (и их речевые воплощения), в целом не стремясь — за исключением стилизации, представляющей, все же, частный случай, — полностью воспроизвести словесную атмосферу эпохи, с которой они вступают в диалог. Поэтическая деятельность актуализирует историческую память отдельного слова или речевого оборота, в некоторых же случаях — художественной интонации и ритмических оттенков, передвигая их из зоны прошлого в зону настоящего, но задачи восстановить — пусть и в трансформированном виде — архаический тип языкового сознания она, как правило, перед собой не ставит.

Эта задача гораздо более отчетливо возникает перед тем литературоведением-филологией, которой и посвящены наши рассуждения. В этой весьма своеобразной науке, являющейся (при том, что она остается наукой) и своего рода словесным искусством, воспроизведение ушедших типов языкового сознания и свойственных им речевых культур оказывается не просто заметной, но и органической ее особенностью.

Далеко не всегда (я бы даже рискнул сказать — почти никогда) историческая память языка активизируется в филологическом литературоведении осознанно или, во всяком случае, с ясной постановкой перед собой целей языковой реакции, которую она в себе заключает. Но, с другой стороны, актуализация языковой памяти в филологическом литературоведении связана с центральной его задачей, — с задачей *понимания*, осознанного именно и только как понимание и посему последовательно ограничивающего собственный произвол, с задачей, о которой уже говорилось выше. В соответствии с этим литературоведение неизбежно сталкивается с проблемой, острота которой была с предельной отчетливостью явлена И.-В. Гёте в одном из его разговоров с И.-П. Эккерманом:

«— Может быть, стихотворение следовало бы пояснить, как поясняют картину, рассказывая о предшествующих моментах и тем самым как бы вдыхая жизнь в момент, на ней изображенный?»

— Я этого не считаю, — ответил он. — Картины — дело другое, стихи же состоят из слов, и одно слово может запросто уничтожить другое!

Гете, подумалось мне, очень точно указал на риф, наткнувшись на который терпят крушение толкователи стихов. Но невольно напрашивается вопрос: неужто нельзя обойти этот риф и, с помощью слов, все же облегчить понимание того или иного стихотворения, без малейшего ущерба для его хрупкой внутренней жизни?»⁸

Для того, чтобы хотя бы отчасти «обойти этот риф», указанный Гете, следует преодолеть грандиозную герменевтическую трудность, состоящую в необходимости передать сложнейшие полисемантические художественные идеи литературного произведения, которые к тому же пропущены сквозь движущиеся (и не всегда навстречу друг другу) аксиологические системы автора и реципиента и при этом окрашены (вдобавок ко всему) личностным началом, средствами другого — научного — языка. Одним из способов разрешения данной проблемы и становится особая стилистическая фактура филологического текста, формируемая последовательным воспроизведением литературоведческими словами особенностей слова литературного. Причем возникает никак не стилизация, но явление несоизмеримо более сложного порядка; стилистическая атмосфера литературоведческого исследования как бы заражается стилистической атмосферой анализируемого текста, т. е. филологическое слово, «слово теории оказывается в глубоком родстве со словом самой поэзии».⁹

III

Литературоведение XX столетия знает немало примеров того, о чем только что говорилось, примеров, к тому же, достаточно различающихся как временем создания, так и предметом анализа. В качестве первого — и весьма выразительного — свидетельства можно привести один из фрагментов статьи А. П. Скафтымова 1929 года «Идеи и формы в творчестве Л. Толстого» (в первой публикации имевшей название «Диалектика в рисунке Л. Толстого»): «Во всей манере обрисовки персонажей, в способах описания, в приемах раскрытия их отдельных эмоциональных состояний, в раскрытии их внутренней и внешней „биографии“, в конструкции диа-

⁸ Эккерман И.-П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1981. С. 89.

⁹ Михайлов А. В. Диалектика литературной эпохи // Михайлов А. В. Языки культуры. М., 1997. С. 17.

логов, в приемах построения медитаций; наконец, в их взаимном сопоставлении как целостных образов — всюду отражается постоянная забота Толстого протиснуться в человеке сквозь что-то и куда-то, снять какой-то заслоняющий пласт, и там, за какими-то оболочками, заслонами, за потоком текучих случайных и верхних наслоений увидеть то, что собственно ему и нужно, и здесь уже окончательно остановиться».¹⁰ Нетрудно заметить здесь совершенно очевидные переключки с повествовательным стилем Л. Толстого: анализирующий толстовскую прозу научный текст насыщается особенностями этой прозы, явно приближаясь к ней — насколько это возможно. Близость обнаруживается и в синтаксическом строе, и в лексике, и в стилистических особенностях. Так, бросается в глаза объем сложного предложения, его явная синтаксическая затрудненность и даже громоздкость. Не менее важно постоянное нанизывание однородных членов и конструкций («в ... манере обрисовки», «в способах описания», «в приемах раскрытия...»). Нечто похожее ощутимо и на лексическом уровне, проявляясь тут в скоплении неопределенных местоимений («что-то», «куда-то», «какой-то»), следующих буквально друг за другом. Более того, нанизывание близких друг другу слов приводит и к прямым повторам: «в приемах раскрытия» — «в раскрытии», «снять какой-то» и сразу же «там, за какими-то». «Толстовский» отпечаток несет на себе и соединение нескольких эпитетов («текучих, случайных и верхних наслоений»). Все это в совокупности и позволяет видеть в статье А. П. Скафтымова не только литературоведческую характеристику художественного стиля Толстого, но и, в не меньшей мере, почти что его отображение.¹¹

Нисколько не менее показателен своими особенностями и другой подходящий к нашему случаю пример — статья А. В. Чичерина «Движение мысли в лирике Фета», созданная в начале 1970-х годов (первая публикация — 1973 год), т. е. отделенная от скафтымовской работы почти что полувеком — и каким!

«В этих первых четырех строках — тройной напор поэтической мысли: движение за грань прошлых дней, грань, преодолимую только в вос-

¹⁰ Скафтымов А. П. Статьи о русской литературе. Саратов, 1958. С. 264.

¹¹ См. о стиле Л. Н. Толстого: Чичерин А. В. О языке и стиле романа-эпопеи «Война и мир». Львов, 1956.

поминании и мечте, хотя и близкую. Скрытое „за дымкою туманной“ уже недостижимо, но по-прежнему и все более прекрасно. В третьей и четвертой строках, в сравнении, совершенно иного рода мощный переход во времени на целые тысячелетия.¹² И здесь также видим погружение в стилистическую атмосферу разбираемого автора — в данном случае Афанасия Фета; в нее вводит уже первая из приведенных фраз, с ее эмоциональным движением, сочетающимся с известной неясностью, своего рода «темнотой» заключенного в ней утверждения: а в чем, собственно говоря, состоит тройственность поэтической мысли Фета? Проникнуто строем фетовской лирики и последнее предложение с его уточнением — «в сравнении». Выделенное запятыми, оно становится как бы задержкой плавного синтаксического движения, препоной, столь характерной для Фета и насыщающей как его поэтическое слово, так и отражающее фетовский стиль слово литературоведческое энергией большой эмоциональной силы.

Конец фрагмента, в частности, следующая характеристика — «совершенно иного рода переход» нуждается и в логическом пояснении. Хотя своеобразие перехода фетовской лирической мысли в третьем и четвертом стихах приводимого ученым стихотворения в целом понятно, так же как и то, по сравнению с чем этот переход — «совершенно иного рода», — все же известная логическая непроясненность остается; уже не художественная мысль поэта, но исследовательская мысль филолога движется, так сказать, рывками, минуя промежуточные звенья и разворачиваясь скорее ассоциативно, нежели последовательно. Этим она вторит поэтической стихии, которую стремится объяснить «другими словами», теми словесными стратегиями, которые организуют речь науки, а не искусства. Тем самым литературоведческое исследование становится само как бы и искусством, все же оставаясь при этом «косвенной речью», как определил литературоведение С. Г. Бочаров.¹³ Причем слово филолога отображает не слово поэта вообще, а поэта конкретного, А. А. Фета, характеристике художественного мира которого (или, во всяком случае, некоторых важнейших его аспектов) и посвящена чичеринская статья. Стоит обратить внимание на то, что стилистический строй статьи воспроизводит как раз те свойства

¹² Чичерин А. В. Сила поэтического слова. М., 1985. С. 9.

¹³ Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. С. 12.

стилистической организации лирики Фета, которые в статье и выделяются как основные; происходит своего рода удвоение научного итога работы: добытые в процессе литературоведческого анализа результаты, выраженные словами науки, повторяются на другом, уже совсем не строго научном уровне. И это нужно вовсе не только для того, чтобы повысить эстетическое начало филологического сочинения (хотя эстетическая составляющая играет в филологии очень значительную роль); подобная конвергенция служит, как уже отмечалось, прежде всего герменевтическим потребностям филологии.

IV

Заряд, полученный филологическим текстом от изучаемого, его посредством и в его границах, художественного произведения не может не сказаться на процессе вербализации филологом в этом самом тексте собственных литературоведческих концепций. Последние, обрстая смысловыми обертонами, начинают терять понятийную четкость — конечно, лишь отчасти и в определенных пределах. Взамен они приобретают возможность более адекватного выражения движущейся полисемантичности поэтического мира, проясняя, благодаря своей неутраченной научности, его вихреобразные содержательные потоки своими словами. Одно слово оказывается способным пояснить другое, не уничтожая, но, напротив, дополняя его.

Однако внутренний диалогизм филологического слова организован не одной горизонталью «наука — искусство», он очень часто ориентирован и на хронологическую вертикаль, т. е. слово литературоведа учитывает иную природу слова писателя не только как художественного, но и как представляющего другой исторический период жизни языка. Ведь литературоведческое исследование может воспроизводить — в собственном преломлении — не просто стиль анализируемого автора, но и весь строй словесной культуры той эпохи, какую изучаемый автор представляет, а, следовательно, и стоящий за этой культурой тип исторического языкового сознания. Характерным примером здесь служит статья Д. Е. Максимова «Об одном стихотворении („Двойник“)\», созданная в 1973 году. Ее завершают следующие слова, сильная текстовая позиция которых (конец статьи) не только делает их предельно важными для уяснения духовно-идеологической трактовки стихотворения Блока, представленной на ее

страницах, но и наделяет особой репрезентативностью для стиля работы в целом: «Силы жизни и совести присутствуют в печальном стихотворении Блока и не сдаются „страшному миру“. Добро и зло, готовые смешаться в сознании человека, на которого пала „тьнь Люциферова крыла“, уходят — насколько им позволяет диалектическое единство жизни — каждое в свою сферу. И это праведное разделение того, что должно быть разделено, — разделение, осуществляемое силою совести и моральной воли блоковской поэзии, — помогает герою Блока видеть и понимать жизнь такой, какая она есть, и укрепляет его на трудном, торном и трагическом пути, ведущем к будущему».¹⁴ Совершенно бесспорны тут отзвуки критической прозы Александра Блока; описывая нравственные смыслы и волевые интенции блоковского стихотворения, Д. Е. Максимов (как это делали с Л. Толстым А. П. Скафтымов, а с А. Фетом А. В. Чичерин, — впрочем, стилистические решения каждого далеко не совпадали, но, напротив, заключали в себе отпечаток резкого своеобразия) использует — очевидно, бессознательно или, во всяком случае, не вполне сознательно — стилистические возможности прозаических сочинений рассматриваемого им автора. И все же стилем своей статьи ученый воспроизводит не столько стиль Блока-прозаика, сколько стилистическую атмосферу всей его эпохи в целом. Этому способствуют два существенных обстоятельства: во-первых, стиль А. Блока органично вписывается в стилистическую доминанту Серебряного века, может быть и не являясь самым выразительным ее примером, однако не обнаруживая никаких принципиальных от нее отличий. Во-вторых, Серебряный век отличается известной стилистической целостностью, во всяком случае в своем символистском регистре, включая в него и последующее, уже, по сути, постсимволистское, движение литературно-критической и философской мысли. Творчество Д. Мережковского, И. Анненского, А. Блока, М. Волошина, Ф. Степуна, В. Ходасевича, Г. Федотова (и этот перечень можно продолжить) в сфере языкового воплощения идей и чувствований обнаруживает несомненные переключки, бóльшие, нежели было в предшествующие периоды. Именно этот общий стиль времени и начинает — в первую очередь — проступать в статье исследователя. Крайне важную роль тут играют опорные, ключевые слова

¹⁴ Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981. С. 182.

приведенного текста, заключающие в себе сгустки интеллектуально-духовной энергии начала XX столетия, как она выражалась в символистском (и наследующем ему) слове: «печальное стихотворение», «праведное разделение», «силоу совести и моральной воли», «на трудном, торном и трагическом пути». Сосредоточенная в них стилистическая память усиливается некоторой ритмической упорядоченностью или, по крайней мере, определенной интонацией — высокой, даже возвышающей и поэтизирующей прозаическую фактуру статьи. Всеми этими своими чертами работа Д. Е. Максимова набрасывает на свою стилистически-языковую материю языковую тень Серебряного века. В результате же, стремясь по возможности адекватно прояснить бесконечно сложный в его подвижности смысл литературного произведения, литературовед-филолог соединяет свое слово со словом, им изучаемым, и тем самым воссоздает — хотя бы отчасти — тот исторический тип языкового сознания и соответствующей ему литературной речи, который был присущ эпохе, являющейся предметом научного его анализа. И так происходит во многих филологических работах того типа, что имеется в виду, в том числе в названных выше статьях А. П. Скафтымова и А. В. Чичерина или же, например, в нерассмотренных, но несколько не менее характерных в интересующем нас ныне отношении работах Л. Я. Гинзбург, таких как статья «Вяземский и его „Записная книжка“» (1929) или же книга о «Былом и думах» А. И. Герцена (1957). Во всех тех случаях, когда эстетический объект отделен от обращенного к нему исследовательского сознания хоть сколько-нибудь исторически значимым временным отрезком, вхождение его стилистической атмосферы в анализирующий его научный текст приводит к продолжению не только языковой жизни этого конкретного объекта в отражающем его научном слове, но и к продлению языкового бытия всей данной эпохи. Ведь при всей индивидуализированности стиля и языковой манеры авторов XIX — начала XX века они несут в себе явственный отпечаток своего времени. Времени, продолжающегося в филологическом труде новой уже поры. Тем самым филолог и оказывается хранителем исторической памяти языка.

При этом слово филолога не теряет связи с современной ему языковой ситуацией; он никак не стилизатор, движимый желанием бережного воскрешения речевой культуры прошлого. Нет, слово филолога в историческом плане двунаправленно не в меньшей степени, чем в синхронном своем регистре; в той же мере, в какой оно, заряжаясь эстетической энергией, остается все-таки словом науки, филологическое слово, неся в себе сти-

листический отзыв удаленного во времени объекта, остается погруженным в современные ему языковые контексты, живет именно в современности. Оно в прямом смысле — двуголосное слово: в нем существуют, дополняя друг друга, два голоса — анализируемого этим словом художника и творящего в другую эпоху филолога. В таком слове, казалось бы, ушедшие и ставшие историческим прошлым языковые особенности обнаруживают жизненность и входят в современную речевую культуру.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН	— Библиотека Российской академии наук
ГПБ	— Государственная публичная библиотека (Российская национальная библиотека)
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности
ОПИ ГИМ	— Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва)
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГБ	— Российская государственная библиотека (Москва)
РГИА	— Российский государственный исторический архив (С.-Петербург)
РИБ	— Русская историческая библиотека
РНБ	— Российская национальная библиотека
Сб. ОРЯС	— Сборник Отделения Русского языка и словесности имп. Академии наук
Сб. РИО	— Сборник Русского исторического общества
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
ТОДРА	— Труды Отдела древнерусской литературы

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.	3
----------------------	---

СТАТЬИ

В. А. Ромодановская, Е. К. Ромодановская (Санкт-Петербург, Новосибирск) К вопросу об эволюции портрета в древнерусской литературе.	9
С. А. Фомичев (Санкт-Петербург) «Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи» (из наблюдений над текстом беседы Аввакума «Об иноческом чине»).	31
А. В. Вознесенский (Санкт-Петербург) Об одном издательском проекте патриарха Иосифа: Поучение святительское новопоставленному иерею 1649 года	39
А. А. Савельев, Н. В. Савельева (Санкт-Петербург) «Азбука учебная» Кариона Истомина	53
Мария Кристина Брагоне (Павиа) К истории русского Эзопа на рубеже XVII и XVIII веков	75
Элиза Малэк (Лодзь) Древнерусский перевод календаря Станислава Словаковица на 1689 год — новый источник для изучения творчества польского календарщика.	88
М. А. Федотова (Санкт-Петербург) Из комментариев к тексту письма А. П. Сумарокова графу Н. И. Панину.	99
Н. Ю. Алексеева (Санкт-Петербург) Инципиты псалмов в русских переложениях XVIII века.	112
Лаура Росси (Милан) «Иосиф». фонвизинский перевод поэмы П.-Ж. Битобе: проблемы жанра и рецепции	123
Маркус Левитт (Лос-Анджелес) «Метаморфозы» Овидия в русской литературе XVIII века — Pro et Contra	142

Н. Д. Кочеткова (Санкт-Петербург) «Благосклонный читатель» против Зоида.	154
В. Д. Рак (Санкт-Петербург) Об одном источнике переводов в журнале «Приятное и полезное препровождение времени».	164
Анна Варда (Лодзь) О двух одах, посвященных Екатерине Второй . . .	175
А. А. Костин (Санкт-Петербург) Об источнике эпиграфа к поэме А. Н. Радищева «Бова»	184
Мария Ди Сальво (Милан) О некоторых итальянских знакомствах В. Н. Зиновьева	193
А. О. Дёмин (Санкт-Петербург) Оды Горация в переводах В. В. Капниста: неосуществленные и утраченные	203
А. Ю. Соловьев (Санкт-Петербург) В поисках неосуществленного перевода	215
А. Ю. Веселова (Санкт-Петербург) Об авторе поэмы «Семика, народное гулянье в Марьиной роще»	222
В. Е. Багно (Санкт-Петербург) Еще раз об «исторических доказательствах давнего желания польского народа присоединиться к России»	230
А. Ф. Белоусов (Санкт-Петербург) «На польском кладбище...»	237

ПУБЛИКАЦИИ

П. Р. Заборов (Санкт-Петербург) Несколько неизданных стихотворений М. В. Храповицкого.	247
Е. Д. Кукушкина (Санкт-Петербург) Неопубликованная ода Н. П. Николева Павлу I.	255
К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург) К истории текста поэмы Н. А. Львова «Добрыня»	271
Н. А. Львов Добрыня. Богатырская песнь	277
Н. И. Николаев (Санкт-Петербург) Л. В. Пумпянский о стиле Н. М. Карамзина.	289
Л. В. Пумпянский <О стиле Карамзина> Эксцерпты из книги В. Сиповского — Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899	296
Хронологический список трудов Сергея Ивановича Николаева	308
П. Е. Бухаркин (Санкт-Петербург) Филолог как хранитель исторической памяти языка	327
Список сокращений.	339

Научное издание

LITTERARUM FRUCTUS

Сборник статей к 60-летию С. И. Николаева

Научное издательство «Альянс-Архео»

Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*

Редактор *А. Ю. Соловьев*

Корректор *А. С. Силина*

Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 03.09.2012. Формат 70×100 ¹/₁₆.

Гарнитура Академия. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Уч.-изд. л. 18. Печ. л. 21,5.

Тираж 300 экз. Заказ

ООО «Альянс-Архео»

105043, Москва, ул. Первомайская, д. 40/19, оф. 38

тел./факс:

— в Москве (499) 165-31-87

— в Санкт-Петербурге (911) 254-74-40

E-mail: aarheo@mail.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ООО «Контраст».

192007, Санкт-Петербург,

ул. Воронежская, д. 27

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «АЛЬЯНС-АРХЕО» ГОТОВЯТСЯ К ВЫХОДУ

И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. Вып. 3. (К 150-летию романа «Отцы и дети») / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012.

Сборник включает исследования отечественных и зарубежных ученых, посвященные малоизученным аспектам биографии и творчества И. С. Тургенева, в частности: его деятельности как критика и драматурга, истории родовой библиотеки Тургеневых-Лутвиновых и последующему отражению читательского опыта в творчестве писателя, отношениям Тургенева с русскими и зарубежными литераторами (Ап. Григорьев, А. Фет, Л. Толстой, Т. Шевченко, В. Аллингем, А. Болтц, Л. Пич, Р. Поль), а также многообразным связям с семьей Виардо, Трубецких-Орловых и др. Отдельный раздел составляют статьи, посвященные роману «Отцы и дети». Особое место в сборнике уделено публикациям неизвестных ранее документов: это сценарий новонайденной оперетты Тургенева «La Veillée de la St Sylvestre», перевод двух сказок Шарля Перро, впервые представленный по рукописи, и материалы, связанные с появлением этого издания в России; неизвестные ранее письма Тургенева, а также ценнейшие письма к нему Луи Виардо, Я. П. Полонского и М. Н. Толстой (сестры Л. Толстого); архивные документы, связанные с внесением Тургеневых в дворянскую родословную книгу, существенно дополняющие наши представления о предках писателя, и др. В сборник включены «Материалы к Тургеневской энциклопедии», знакомящие читателя с результатами готовящегося издания; в разделе «Из истории отечественного тургеноведения» представлены письма известного тургеноведа М. К. Клемана к патриарху отечественного литературоведения Н. К. Пиксанову, а также рецензии на последние зарубежные труды, посвященные творчеству Тургенева. В разделе «Из семейного архива» продолжается публикация писем к Тургеневу матери писателя, а также впервые в полном объеме помещаются сохранившиеся письма С. Н. Тургенева к сыновьям. Издание предназначено для специалистов по истории русской литературы XIX века, а также для широкого круга читателей, интересующихся неизвестными страницами отечественной культуры.

А. А. Фет. Материалы и исследования. Вып. 2 / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013.

Второй выпуск сборника «А. А. Фет: Материалы и исследования» включает несколько разделов, призванных представить творчество великого русского поэта и мыслителя в неизвестных или малоизвестных аспектах. Первый раздел составила подборка публицистических статей Фета, впервые воспроизводимых после первых прижизненных публикаций. Это, прежде всего, не потерявшая актуальности объемная статья «На распутье» (1884), подводящая итог размышлениям Фета о наиболее значимых экономических и политических проблемах пореформенной России, а также ряд статей, посвященных самым разным вопросам — от значения общинного владения землей до более частных вопросов коннозаводства. Во втором разделе продолжена публикация обширной переписки Фета: письма И. П. Борисова к Фету, переписка с поэтом и философом Вл. Соловьевым, с известным переводчиком античных авторов Ю. А. Кулаковским, с академиком Л. Н. Майковым, с одним из ведущих деятелей крестьянской реформы Н. П. Семеновым и др. корреспондентами. Разделы «Статьи» и «Сообщения» представлены исследованиями по текстологии и жанровым особенностям творческого наследия Фета, а также посвящены малоизученным фактам его биографии. Особое внимание ряда публикаций уделено изучению сохранившихся архивных материалов (рабочих тетрадей поэта), прижизненных изданий лирики Фета, первых посмертных сборников. Вводимый в научный оборот многообразный и значимый материал существенно расширит представление читателей о закономерностях литературно-общественного процесса второй половины XIX столетия. Сборник предназначен для широкого круга читателей и любителей русской истории и литературы.